

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 6

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор О. И. Коробкова

Компьютерная верстка: К. А. Ашихмина

Дизайн обложки: А. Ю. Чепурных

Ответственный за выпуск А. А. Харунжев (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Гречко П. К.</i> Социокультурная универсальность в историческом бытии человека и общества.....	6
<i>Митягина Е. В.</i> Причины утраты престижа рабочих специальностей среди молодежи, способы преодоления негативных тенденций.....	16
<i>Подлевских Л. Г.</i> Терминология и теоретизация исторического познания: к постановке проблемы.....	28
<i>Кравченко Ю. В.</i> Интегративный подход в исследовании проблем современной сельской молодой семьи.....	33
<i>Гашева Н. Н.</i> Имманентное и трансцендентное в экзистенциально-онтологическом реализме Ф. Достоевского	36
<i>Бурдельная А. В.</i> Музыка в советских исторических фильмах 30–50-х гг. XX столетия.....	42

ИСТОРИЯ

<i>Кустова Е. В.</i> «Малобратственный» монастырь между двух эпох: из истории Куринского Архангельского монастыря 1676–1764 гг.	48
<i>Шарин Е. А.</i> Динамика смены власти: крушение старого правопорядка в Вятской губернии с февраля по октябрь 1917 г.	65
<i>Бровцин А. В., Чернышева Н. В.</i> Государственные органы управления трудовой миграцией Кировской области в 1956–1967 гг.....	70

К 100-летию начала Первой мировой войны

<i>Стыкалин А. С.</i> Последствия поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и Трианонского мирного договора 1920 г. для отношений Венгрии с Румынией в условиях Версальской системы международных отношений.....	78
<i>Самохина Г. А.</i> Первая мировая война как борьба цивилизаций в концепциях русской дореволюционной либеральной историографии.....	83

ПРАВО

<i>Степанов А. В.</i> Доказательственная сила нотариального акта в России: сравнительный анализ законодательства второй половины XIX в. и конца XX – начала XXI в.	90
<i>Бармина О. Н.</i> Причины и условия возникновения злоупотреблений в праве.....	96
<i>Ушакова М. А.</i> Актуальные проблемы информационной открытости органов местного самоуправления.....	103

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Чернова С. В.</i> Художественный образ: к определению понятия	109
<i>Наумова Н. А.</i> Специфика проведения фонетических экспериментальных исследований в области английской акцентологии.....	116
<i>Ван Чжи.</i> Наименования лиц обобщенной семантики в молодежной прессе (на материале кировской городской газеты «СтудEnter»).....	122
<i>Шабардина С. В.</i> Особенности системной организации английских терминов права судебной системы Англии	129
<i>Шамардина Н. А.</i> Образы духовенства в «Сценах клерикальной жизни» Джордж Элиот.....	135

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Татарина М. Н.</i> К вопросу о компонентном составе содержания иноязычного образования.....	140
<i>Насырова Э. Ф., Усольцева И. В.</i> Использование деятельностного подхода в обучении как одно из условий совершенствования методической компетенции педагога в условиях реализации стандартов второго поколения.....	144
<i>Евстропова Н. С., Опарина К. С.</i> Использование интерактивных методов обучения на занятиях по иностранному языку в техническом вузе (на примере технологии «командообразования»).....	149
<i>Ковязина Е. М.</i> Роль курса дискретной математики в процессе обучения экономиста-аналитика.....	152
<i>Абдрахманова Л. В.</i> Обучение иноязычной письменной речи студентов технического вуза.....	156
<i>Кудряшова А. А.</i> Умения учебно-речевого взаимодействия как цель формирования на начальной ступени обучения иностранному языку.....	159

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	163
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	166

CONTENTS

- Grechko P. K.* Sociocultural universality in historical being of humanity and society
- Mitiagina E. V.* Causes loss of goodwill working professions among young people, a way of overcoming negative tendencies
- Podlevskich L. G.* Theorization of historical knowledge in the mirror of terminology: statement of the problem
- Kravchenko J. V.* Integrative approach to the study of the problems of modern agriculture young family
- Gasheva N. N.* Immanent and transcendent aspects of F. Dostoevsky's existential and ontological realism
- Burdelnaya A. V.* Music in the soviet historical films
- Kustova E. V.* «Few monks» monastery between two eras: the history of Kurinsky Archangel Monastery 1676–1764 years
- Sharin E. A.* Dynamics of change of power: the collapse of the old order in the Vyatka province from February to October 1917
- Brovtzyn A. V., Chernysheva N. V.* Public administrations of labor migration in the Kirov region 1956–1967 gg.
- Stykalin A. S.* The results of the defeat of Austro-Hungary in the World War I and of the Trianon Peace Treaty of 1920 for the relations between Hungary and Romania under the conditions of the Versailles system of international relation
- Samokhina G. A.* The First world war as the struggle of civilizations in the conceptions of the Russian pre-revolutionary liberal historiography
- Stepanov A. V.* Evidential force of the notarial deed in Russia: comparative analysis of legislation of the second half of the XIX century and the end of XX – beginning of XXI century
- Barmina O. N.* The causes and conditions for the occurrence of abusing of the law
- Ushakova M. A.* Actual problems of informational openness of local authorities
- Chernova S. V.* Artistic image: to concept definition
- Naumova N. A.* Specific character of phonetic experimental research in english accentology
- Wang Zhi.* The generalized names of persons in the youth press (on the material of kirov city newspaper “StudEnter”)
- Shabardina S. V.* Peculiarities of organization of English legal terms used in the judicial system of England
- Shamardina N. A.* The images of the clergy in Scenes of Clerical Life by George Eliot
- Tatarinova M. N.* On the Component Content of Foreign Language Education
- Nasyrova E. F., Usoltseva I. V.* Usage the activity method in school training as one of the conditions of improvement of methodical competence of a teacher in the context of implementing the standards of the second generation of abstract
- Evstropova N. S., Oparina K. S.* Implementation of interactive methods at the english language lessons in technical institute (examples of team-building technology)
- Kovyazina E. M.* A role of the course Discrete Mathematics in the learning process of economist-analyst
- Abdrakhmanova L. V.* Academic writing in a foreign language teaching in higher technical school
- Kudryashova A. A.* Learning Speech Interaction Skills as the Aim of Formation in Foreign Language Teaching on the Elementary Level

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.7

П. К. Гречко

Социокультурная универсальность в историческом бытии человека и общества

Автор обосновывает коммуникативную концепцию социокультурной универсальности. Критически проанализированы такие концепции, как глокализация, эволюционный универсализм и плюриверсальность. Показано, что универсальность растет из взаимопонимания как конечной цели коммуникации. (Взаимо)понимание же – это цель, результат, телеологический продукт коммуникации. Данное взаимопонимание формируется в действительности в коммуникативном пространстве «между», заполняемом событиями смысла. Это пространство есть нечто третье – по отношению к вступающим в коммуникативный диалог субъектам, к их фактической идентичности или тождественности.

Поликультурный характер современного общества делает понятным внутреннюю дифференциацию коммуникативно-универсализирующего взаимопонимания на отдельные, индивидуально-ситуативные взаимопонимания, «семейное сходство» которых и конституирует, по сути, социокультурную универсальность. Универсальность эта не субстанциальна, а реляционна и конвенциональна – для практически успешной жизни этого вполне достаточно. Различаются национально-культурные и общечеловеческий порядки или модусы универсальности.

The author substantiates the communicative concept of socio-cultural universality. Critically reviewed concepts such as glocalization, evolutionary universals, and pluri-versality. It is shown that universality grows out of understanding as the ultimate goal of human communication. This understanding is actually formed in the communicative space "between" filled with events of sense. Multicultural nature of contemporary society explains the internal differentiation of communicatively universalizing understanding into separate, individually situational understandings, of which the "family resemblance" constitutes, in fact, the socio-cultural universality. Such universality is not substantial but relational and conventional – for a practically successful life that is enough. National-cultural and general (all mankind) human orders or modes of universality have been differentiated.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, плюриверсальность, коммуникативность, взаимопонимание, значение, смысл, состояние «между», различия, универсальность.

Keywords: globalization, glocalization, pluriversality, human communication (communicativity), mutual understanding, meaning, sense, the "between" condition, differences, universality.

Глобальные – одновременно интеграционные и дезинтеграционные – процессы современности до предела обострили проблему универсальности, универсалий. Ее же акцентирует общее усложнение сегодняшней нашей жизни – ему тоже нужны какие-то ориентиры, сдержки и противовесы, иначе вместо творческого хаоса, насыщенного фрагментарностью и релятивностью, мы получим банальную неразбериху. Появилось немало предложений – как понимать и как влиять на универсальные параметры современной жизни. В ряду таких предложений, пожалуй, самое популярное представлено *глокализацией*.

Расшифровка ее проста и понятна – это глобализация локального и локализация глобального, объективная сцепленность локального, регионального и собственно глобального. Глокализация собирает под одной крышей явно противоположные процессы: с одной стороны, слияния и унификации, выдвигание на первый план гомогенного, транснационального и кросскультурного, с другой – сохранение и усиление локальных и региональных различий, поощрение гетерогенности, внимание к местным традициям и историям, к разнообразию

как таковому. Р. Робертсон, с именем которого и ассоциируют обычно сам этот термин, определяет глокализацию как взаимодополнительность и взаимопроникаемость глобальных и локальных тенденций. «Форма глобализации, – пишет он в частности, – рефлексивно перестраивается ныне таким образом, чтобы все больше и больше делать проекты глокализации конститутивными чертами современной глобализации» [1].

С помощью глокализации, что очевидно, социальная наука пытается преодолеть методологический разрыв между тремя уровнями – мега, макро и микро – в анализе современного мира [2]. Споры нет, как форма практического компромисса, как руководство к действию глокализация уже подтвердила свою серьезность и плодотворность. Интересный факт: конструируя и вводя в научный оборот «глокализацию», Робертсон непосредственно отталкивался от японского *dochakuka* – бизнес-термина, обозначающего адаптацию продвинутой технологической культуры фермерства к местным условиям и, шире, микромаркетинг как продвижение массово производимых товаров и услуг на региональные или локальные рынки. Так что идея глокализации давно работает, чего не видно на nive науки – там соответствующая работа, т. е. теоретическое обоснование глокализации, только начинается. Определены пока лишь основные направления или линии ее концептуализации – это децентрализация, сетевая структура, субсидиарность, самоорганизация, межкультурная коммуникация.

Нельзя не заметить в рассматриваемом ряду и эволюционные универсалии Т. Парсонса. Автор исходит из идеи-убеждения, что социальная эволюция содержит в себе универсальные паттерны и стадии. При этом под эволюционными универсалиями понимается любое организационное развитие, достаточно важное для дальнейшей эволюции – как на ближайшую, так и, это главное, далекую перспективу (с меняющимися условиями). В качестве универсальных предпосылок социокультурного развития американский социолог называет технологию, организацию родства на базе табу на инцест, коммуникацию на основе языка и религию. Применительно к современному (modern) обществу он считает такими универсалиями бюрократическую, в смысле М. Вебера, организацию, деньги и рынок, универсалистскую легальную (право) систему и демократию или демократическую ассоциацию [3]. В контексте модернистских с его объективно-универсалистскими ориентациями концепция Т. Парсонса смотрится очень привлекательно. В отечественной литературе, надо заметить, она явно недооценена. В условиях современности (contemporaneity), однако, она страдает очевидным европо- или америкоцентризмом.

В последние десятилетия активно заявил о себе и такой вариант решения проблемы универсальности, как плюриверсальность. Разрабатываемая в основном группой латиноамериканских мыслителей (Walter Dignolo, Enrique Dussel, Arturo Escobar, Eduardo Restrepo и другие [4]), плюриверсальность включает в себя такие близкие по духу мировоззренческо-методологические ориентации, как деколониальный дискурс, гео- и биополитика знания, транскulturация, пограничное мышление, эпистемическая демократия, альтернативные тотальности, императивность (вместо компаративности) и т. п. Ее идеологическое жало направлено против этноцентризма, колониализма (колониальности), рационализма, модерности, плюрализма (монотопического разнообразия), плюрицентризма, «белой эпистемологии», абстрактного универсализма и других столь же западных культурных феноменов. То есть «негативная контекстуальность» плюриверсальности строится на идее неразрывной или конститутивной связи модерности и колониальности, на том, что модерность в действительности не исторический период, а своеобразная – порабощающая риторика, обещающая счастье в форме прогресса, эмансипации и цивилизации.

Но что такое плюриверсальность в своей собственной определенности, в «тексте», а не в контексте, позитивном или негативном? Обратимся к творчеству Вальтера Миньоло, который по праву считается отцом-основателем концепции плюриверсальности. «Плюриверсальность, – читаем мы в одном из его интервью, – требует... связей-сцеплений (connectors) между проектами... двигающимися, продвигающимися, раскрывающимися в одном и том же направлении (уклоняющихся от колониальной матрицы власти), но следующими особенными путями, возникающими из локальных историй. Связи-сцепления нужны для того, чтобы избежать фрагментации» [5]. Проясняя далее «темную сторону» модерности, Миньоло настаивает на том, что плюриверсальность в форме «пограничного мышления» является «антидотом вируса эпистемологии нулевой точки... дорогой к трансмодерному, не постмодерному, миру», а в форме космополитического локализма – движением «по направлению к миру, в

котором сосуществует много миров» [6]. В качестве подтверждающего примера он ссылается на концепт плюринационального государства, органически вошедшего в конституции Боливии и Эквадора. Критикуя абстрактный универсализм, плюриверсальность направляет наше внимание на «пограничную эпистему, которая мыслит с позиции подавленных знаний (таких как фольклор, традиционная космология, религия, нерациональные знания)» [7].

Что ж, в плюриверсальности много привлекательных черт. Это и борьба против иссушающе-абстрактного универсализма (от кого бы и откуда бы он ни исходил), и отстаивание прав «другой мудрости», и неприятие этнических, расовых, классовых привилегий, и многое другое. Но есть в нем и то, что требует дальнейших разъяснений, что вызывает вопросы, с чем трудно или невозможно согласиться. Прежде всего это эгалитаризм выдвигаемых проектов, позиций, локальных историй. Показательно в этом плане замечание Миньоло, что в рамках плюриверсальности нет необходимости дебатировать, какой из выдвигаемых проектов лучше, кто корректен или прав, вообще нет стремления к выигрышу, победе [8]. Спрашивается, к чему мы с такой пасторальной нетребовательностью придем? К заболачиванию истории – это очевидно. Равенство, лишенное стремления к лидерству, соревновательности, агонистике – как говорили древние греки, с неизбежностью ведет к застою, расползанию серости, уныло-скучному хождению по циклическим кругам бытия.

Можно и нужно согласиться с равенством в начале (пожалуйста, выдвигайте и отстаивайте свое видение проблем, мира в целом), но не в конце – в конце, как и в спорте, побеждает сильнейший. Это тоже равенство, ибо нет выделенной позиции, насилия, искусственных барьеров, нет интереса кого-то унижить или оскорбить, – но равенство агонистическое.

Далее. Мир как сосуществование миров – это интересно и воодушевляюще гуманистично. Кто против такого благостного положения вещей! Но опять закрадывается сомнение – как это возможно? [9] Как, на какой основе могут коммуницировать столь разные миры? Можно ли в принципе избавиться от ангажированности, пристрастности, этно- и любого другого центризма? К сожалению, в рассматриваемой плюриверсальности ответов на эти вопросы мы не находим. А жаль, эвристики в данной концепции все-таки немало.

Эгалитаризм плюриверсальности легко развернуть в герметичную уникальность всех ныне существующих культур. Суть ее в следующем: культуры неповторимы, каждая представляет собой самобытное раскрытие человеческого потенциала – в соответствующем месте и времени; нельзя выносить суждения о сравниваемых ценностях, ибо это негодная попытка измерить несоизмеримое. Рациональное зерно в этой точке зрения, безусловно, есть. Но только при одном условии: если культурные ценности брать в чистом и потому изолированном виде, как только внутренне-ментальные состояния или формирования. Но если их брать в перспективе того, как они работают, к чему конкретно призывают, к каким последствиям ведут, чем зримо обогащают жизнь, – тогда, в такой ситуации, основания для сравнения появятся, и можно будет выносить обоснованные оценки. Северокорейские и южнокорейские ценности, может, и нельзя сравнивать, но их зримые исторические артикуляции – Корейская Народно-Демократическая Республика и Республика Корея – такой компаративистике вполне доступны.

Соглашаясь с опальным ныне классиком, что нельзя заниматься частными вопросами, не решив прежде вопросов общих, имеет смысл обратиться к метафизическим истокам рассматриваемой здесь проблемы. Как и в других подобных случаях, истоки эти восходят к античности, к двум ее вершинам – Платону и Аристотелю.

Платоновское понимание проблемы универсальное/партикулярное квалифицируется в целом как эйдетически-мимесическое. Универсальное и партикулярное разводятся по разным – горнему и дольному – мирам. Универсальное существует в виде идеальных форм или фигур, называемых Эйдосами (Формами). «Существуют, – утверждает устами Сократа Платон, – определенные идеи, названия которых получают приобщающиеся к ним другие вещи; например, приобщающиеся к подобию становятся подобными, к великости – большими, к красоте – красивыми, к справедливости – справедливыми...» [10] Эйдосы трансцендентны, но умопостигаемы, более того, только они и могут быть объектами достоверного знания (*epistēmē*). Платон отводит для них специальное «место под небесами» – Гиперуралию. Будучи неизменным, чистым и совершенно актуальным бытием, Эйдосы или Идеи [11] дают познанию некие опорные точки – стабильность, безотносительность, абсолютность. Античный мыслитель был уверен, что он может постичь, ухватить сущность исследуемого предмета

саму по себе, последовательно отбрасывая с помощью правильно выстроенного рассуждения и верно поставленных вопросов все односторонне-субъективные точки зрения и подходы. Так, Сократ полагал, что внимания мудреца должно удостоиваться лишь то, что является «прекрасным не по отношению к чему-либо, как это можно сказать о других вещах, но вечно прекрасным самим по себе, по своей природе и возбуждающим некие особые, свойственные только ему удовольствия, не имеющие ничего общего с удовольствием от щекотания» [12].

В отличие от универсального партикулярное у Платона представлено единичными вещами, по необходимости ограниченными и преходящими, погруженными в вечный поток вообще-то бессмысленного становления. О них нельзя иметь знание – только мнение (*doxa*). Мимесис, уподобление или подражательная причастность Идеям как универсальным смысловым моделям превращает их в мир «бледных копий». Самые «бледные» из них становятся симулякрами. В последних универсальное – как оригинальное – не просто затемнено (вспомним платоновский символ пещеры), а искажено, извращено, изменено до неузнаваемости. Для так понимаемого единичного или партикулярного универсальное – род идеала, до которого, как подсолнуху до солнца, надо всегда расти и тянуться. В действительности это идеалократия, стимулирующая и оправдывающая конструирование различных единственно-правильных прообразов, начиная с самых простых вещей (их классов) и кончая идеальным общественным устройством («Государством»). То есть универсальное, в платоновском его понимании, выступает в качестве основы существования, дифференциации, различения и познания всего единичного, сингулярного, партикулярного.

Не в пример Платону, предпочитавшему обращать свой взор кверху, Аристотель направлял свой взгляд вниз, в эмпирически-практическую гущу бытия. Связь универсалий неба (верха) с партикуляриями, партикулярностями земли (низа) шла у него гораздо дальше «бледных копий», вплоть до полноценного, имманентно-внутреннего присутствия первых во вторых. «Цвет, – настаивает автор в *Категориях*, – находится в теле; стало быть, и в отдельном теле. Если бы он не находился ни в одном из отдельных тел, он не находился бы и в теле вообще» [13]. Аналогичная мысль отстаивается и в *Метафизике*: «...общие положения в математике относятся не к тому, что существует отдельно помимо [пространственных] величин и чисел, а именно к ним...» [14]. В целом аристотелевская критика платоновской теории идей выглядит убедительно. И в самом деле, идеи, оторванные от вещей, наделенные абсолютной самостоятельностью, вынесенные в онтологическую трансцендентность (надмировое пространство), не могут служить ни причиной их существования, ни основанием их концептуализации.

Эвристичность платоновско-аристотелевского противостояния в проблеме универсальное/партикулярное несомненна. Но она нуждается в понятийной экспликации и аналитической развернутости. И поскольку эта работа во многом уже проделана, то мы вполне можем сослаться на ее результаты. Как показал, в частности, М. Лаукс, универсалии – это не объекты как таковые, а их атрибуты, специфицируемые далее как роды (атрибуты, которые объекты демонстрируют посредством *принадлежности к*), свойства (атрибуты, которые объекты демонстрируют посредством *обладания*), отношения (атрибуты, которые объекты демонстрируют посредством *вступления в*) [15]. Признавая известную условность данной классификации (свойства, скажем, являют себя через отношения), нельзя не видеть того, что категория рода успешно работает в биологии, свойства активно эксплуатируются в естественных науках, а отношения в наибольшей мере заявляют о себе в технических и социально-гуманитарных науках.

В социально-гуманитарной перспективе универсальности отношения сразу же уточняются как общественные, т. е. это общественные отношения. Их, впрочем, можно понимать по-разному – позитивистски, например, как некие объективно, за спиной реально действующих субъектов, образующиеся структуры. Или феноменологически, как непрменная составная часть смыслоозначенной социальной реальности. Последнее понимание нам кажется более правильным и современным – в его рамках поэтому мы и будем в дальнейшем работать. С одним существенным уточнением или добавлением: феноменологическое смыслоозначение будет непосредственно объединяться у нас с тем, что Ю. Хабермас назвал *kommunikativ vergesellschafteten Alltagsexistenz* – коммуникативно обобществляемым повседневным существованием [16].

Общественные отношения – это всегда, в конечном счете, отношения между людьми, наделенными сознанием и волей. Иными словами, это всегда коммуникация – не в инструментальном (обмен информацией по техническим каналам или линиям связи), а в собственно коммуникативном (human communication) смысле, в основе которого лежит взаимопонимание. «В основе» семантически настраивает нас на некое предшествование, на предварительную положенность или заданность чего-то. Здесь это тоже есть – как начало коммуникации-коммуникативности. Интересно в данной связи обратиться к английскому терминологическому эквиваленту понимания – *understanding*, означающему буквально «стояние под». Так эксплицируемое понимание логично локализовать в самом начале процесса коммуникации и считать его предпониманием. Без предпонимания, как убеждает нас герменевтика, не бывает и понимания. (Взаимо)понимание же – это цель, результат, телеологический продукт коммуникации. Ломая несколько английский язык, его бы можно было назвать *over-standing* («стояние над»). Понимание, таким образом, пронизывает, сущностно сопровождает весь процесс коммуникации, от начала до конца. До конца, разумеется, относительного, в рамках той или иной циклически замкнутой дискретности, диалектически исчезающей в континуальности процесса коммуникации. У нас речь, однако, не просто о понимании, а о взаимопонимании. Акцент здесь именно на «взаимо», проблемно заостряемое онтологическим вопросом: а где и как оно располагается? Разумеется, его можно представить как то референциально общее, что объединяет участников коммуникации, что оказывается общим знаменателем (в объективном, социальном и субъективном планах) их кооперативных или солидарных усилий. В такой ситуации коммуникация теряет свою собственно человеческую, или лично-личностную, определенность, становясь неузнаваемо отстраненной, если не отчужденной. Это тем более так, что объединяющее начало, по идее, может быть здесь как внутренним, т. е. частично представленным в каждой из вовлеченных сторон, так и внешним, по отношению к которому эти стороны являются всего лишь воплощением, дискретным и сходным одновременно.

Скажем, честность можно представить и как то, что существует как бы независимо от коммуникантов, которые ее лишь выражают, и как то, что существует лишь на правах их, честных коммуникантов, схождения. В первом варианте мы адресуемся к идеям Платона или социальным фактам Дюркгейма, во втором – к традиции, идущей от Аристотеля, его концепта индивидуальной субстанции как реальности (*entity*), в онтологической выделенности которой части органически и взаимно увязаны с целым, а сущность замкнута на специфичность.

Иная, и более точная, на наш взгляд, картина коммуникативного взаимопонимания получается тогда, когда мы направляем свое исследовательское внимание по проблеме универсальности на феномен смысла, онтологически привязанный к событию. Надо сказать, что предмет философского исследования событие стало сравнительно недавно, по сути только в XX в. До этого оно скрывалось в таких по-своему сходных образованиях, как становление, процесс, случай, изменение, действие (*action*), состояние и т. д. [17] Опираясь на уже проделанную в этом плане работу, мы определяем событие как субстанциальное изменение, носящее в целом эмерджентный (новый и непредсказуемый) характер [18]. Впрочем, таково же и обычное, житейское понимание слова «событие»: это значительное явление, возникшее при сочетании или совпадении определенных (неповторимых) условий и обстоятельств. Дефисно-внутренняя дифференциация события – как со-бытия – выявляет еще одно его измерение – совместность, кооперативность, солидарность. Переносится оно, по логике бытийной сопряженности, и на процесс выработки смысла. Учитывая надбиологический характер социального, мы разделяем также концептуализируемую Ж. Делезом перспективу мира поверхности, в котором «смысл и есть “событие”, при условии, что событие не смешивается со своим пространственно-временным осуществлением в положении вещей» [19].

Смыслы (как слова) шли в темную глубину материи и брались вперемежку с вещами (пробирками, жидкостями, жестами и т. п.) в сознании и практике средневековых алхимиков. Современность такого смешения уже не допускает; смыслы действительно располагаются на поверхности вещей, вовлеченных в человеческую коммуникацию. Коммуникативно-онтологическая «поверхностность» смыслов достаточно благодатна, она облегчает культурное общение коммуникантов, особо не обременяя их глубиной коллективного и индивидуального бессознательного. По отношению к современности такой «темной глубиной материи» является и прошлое. Для успеха коммуникации его иногда лучше забыть, чем помнить. Безуслов-

но, есть преемственность и последовательность времен, но у каждого времени все-таки своя «поверхность». На-гора истории желательно поднимать только то, что ей, этой вершинной и «поверхностной» современности, соответствует, отвечает. Более ценны сегодня не «несвоевременные» – в них вся русская культура, – а именно свое-временные мысли. Главный ресурс развития – воображение, идет, конечно, из будущего, но предметным достоянием жизни оно становится только через настоящее. Интересно сослаться здесь на дневниковое суждение В. О. Ключевского: «...дедовские безыдейные нужды, привычки и похоти судите не дедовским судом, прилагайте к ним свою собственную современную вам нравственную оценку, ибо только такой меркой измерите вы культурное расстояние, отделяющее вас от предков, увидите, ушли ли вы от них вперед или попятитесь назад» [20].

В свете «понимательного» измерения коммуникации смысл как событие по праву располагается, а вернее – устанавливается, складывается, формируется в пространстве «между». В пространстве ценностно-нормативном, а не просто информационном, как можно было бы думать, отождествляя коммуникативность с коммуникацией. Ясно, что соответствующее пространство, точнее – пространства, есть у всех вовлеченных в коммуникацию субъектов. С ними они и вступают в реальный коммуникативный процесс. Резонно поставить вопрос: а чем заполнены или наполнены эти пространства? В общем плане ответ очевиден – тем, что скрывается во внутреннем мире субъектов, т. е. индивидуально интернализированными реалиями культуры или культур, если коммуникация является межкультурным диалогом. Столь же очевидно, что коммуникация имеет место лишь там, где есть различия; вообще человеческая коммуникация – это диалог различий. В случае, когда в коммуникацию вступают представители разных культур, вопрос о различиях не возникает – они феноменально выражены и эмпирически даны. Коммуниканты здесь не просто Другие, но друг другу еще и Чужие. Сложнее разглядеть Других среди своих, т. е. в массе тех, кто принадлежит к одной культуре. Но они в ней тоже есть: и потому, что любая живая культура далеко не однородна, что наряду с доминирующей есть в ней различные суб- и контркультуры; и потому, что интернализация, как перевод во «внутренний план» субъекта общественно-культурных ценностей, норм и идеалов, всегда индивидуальна и неповторима. Свои Другие призваны разрабатывать, генерировать универсалии (одной) культуры, тогда как чужие Другие – межкультурные универсалии. Впрочем, в современном глобализирующемся мире все общества по сути поликультурны, а значит суверенно-разные культуры встречаются в рамках или границах одного общества. Поэтому культурное теперь изначально структурировано как межкультурное.

Коммуникацию как диалог именно различий можно трактовать и в терминах сингулярности существования. Различия здесь – это онтологическая неслиянность всех участников коммуникации, или коммуникантов. Даже в экстазе любви – в прямом смысле бытия в Другом и через Другого, полного растворения или исчезновения в тождестве не происходит. Экстазируют все же двое (теперь уже, пожалуй, и больше), а не один – субъект, партнер.

Пространство «между», заполняемое в конечном счете событием смысла, есть нечто третье – по отношению к пространствам, вступающим в коммуникативный диалог субъектов, прежде всего к той фактической идентичности или тождественности, которая в них, этих пространствах, есть и может быть выделена. Начинается оно, это пространство «между», с чистой перспективы-возможности, расширяемой и наполняемой (как мы уже выяснили, – смыслом) по мере продвижения вперед самого коммуникативного процесса. Иначе говоря, пространство «между» коммуникативно конструируется, притом имманентным, а не отстраненно производящим образом: входят в него одни субъекты, а выходят уже другие. Исходные позиции непременно претерпевают какие-то изменения, уточняются, дополняются, развиваются, и возникает, получается в итоге нечто определенно новое.

Коммуникация, в которой только знакомятся и вежливо улыбаются друг другу, в которой нет трансформации или трансцендирования исходно занимаемых позиций, – плохая коммуникация. Равенство «входа» и «выхода» говорит о ее линейном, нередко политкорректном, публично-ритуальном характере. Об этом же говорит и смысло-событийный разворот проблемы: коммуникация становится возможной в силу отказа от ее континуального, разнообразно-вежливого течения и выхода на новые и в чем-то единые горизонты. Смысл несет с собой «эпистемологический разрыв» (Г. Башляр), а событие – новое, новизну. Взаимопонимание нельзя вывести из понимания (пониманий), каким бы пластичным или диалектическим

оно ни было. Для этого нужны дополнительные усилия, в частности добрая воля, готовность рисковать и ставить на кон свои самые дорогие убеждения и взгляды. У доброй воли, заметим, самый широкий «горизонт ожидания» – что стороны все-таки поймут друг друга.

Классический (модерн) подход к различиям и их коммуницированию предполагает поиск некой точки опоры (принципов, правил), из которой эти различия и их реальное взаимодействие впервые только и открываются. В ее роли обычно выступал «естественный свет» разума или, что то же самое, трансцендентальный субъект (трансцендентальное единство сознания), победоносно возвышающийся над ограниченностью эмпирических субъектов коммуникации. Как позже, в результате постмодернистской критики, выяснилось, такая общепринятая точка опоры (зрения) была и остается не чем иным, как (этно)центризмом более сильной стороны. Знанием, пронизанным господством и подчинением, властным знанием. Для нашего же «между», заполняемого событием смысла, никакой общей, находящейся как бы на нейтральной полосе, опоры или платформы не требуется. Достаточно некоего вовлекающего или охватывающего рефлексивного сцепления, открывающего возможности для свободного отражения друг в друге, для челночного обмена сложившимися ценностными ориентациями, для уважительного и одновременно требовательного отношения ко всем участникам коммуникации. Правила для такой коммуникации не преднаходятся и не полагаются кем-то или чем-то заранее, вовне, они устанавливаются в самом процессе коммуникации, по мере ее продвижения и внутренней консолидации. Смысло-событие, а вместе с ним и универсальность, нарастают по мере расширения, а главное – углубления коммуникации, перехода от диалога к полилогу, превращения, в тенденции, общества в коммуницирующее сообщество.

Последнее вообще-то узнаваемо – это демократия, она действительно является, во всяком случае – в нормативном своем выражении, постоянно дискутирующим или договаривающимся обществом [21]. В ней «взаимо» предельно широкое, в него входит не только большинство, но и притязующее на значимость, требующее внимания и добывающееся его меньшинство. Иначе говоря, демократия работает по принципу большинства, но качество ее измеряется отношением к меньшинству, меньшинствам, вплоть до так называемой позитивной дискриминации.

Будучи взаимопониманием, универсально-демократичным по определению, событие смысла не имеет ничего общего со всеобщим благодушием, безоговорочным принятием всего и вся. Впрочем, никаких специальных ограничений или запретов на вхождение в коммуникацию нет. Пожалуйста, отбирайте, выставляйте и предлагайте – мы вас внимательно слушаем, смотрим, вникаем, но дальше начинается то, что мы уже обозначали в связи с плюриверсальностью, – агонистика. С парадигмально-агонистическими образцами или случаями остается только согласиться. Ничего обидного или унижительного здесь нет – в любом деле есть свое лидерство и свои лидеры, они, при адекватном к ним отношении, в перспективе «белой зависти», не давят, а приглашают к творчеству, большему напряжению сил, бросают вызов, на который можно и нужно отвечать. Да, это напрягает и искушает, усложняет, «разгоняет» жизнь, но другим продуктивное бытие и не бывает. Ничего не поделаешь – принимать коммуникативную агонистику, агонистический эгалитаризм заставляет сама жизнь, логика ее восходящего исторического развития.

События смысла, случающиеся в рамках одной (достаточно и просто доминирующей) культуры, уходят в основание общественной жизни, становясь базовыми национальными ценностями, разделяемыми по меньшей мере большинством. Смыслособытия коммуникативного взаимопонимания, вырабатываемые в межкультурном полилоге, обретают статус общечеловеческих ценностей. Конвенциональный характер всех этих ценностей не несет с собой субстанциальной и потому абсолютной принудительности, но его «повелительного» ресурса вполне достаточно для успешного социального взаимодействия между людьми – представителями одной или нескольких культур. Возьмем, к примеру, такую ценность, как «не убий». В христианстве она означает не убий человека (человека как такового), в буддизме – даже муравья, в исламе – прежде всего единоверца. Разные, как видим, акценты и практические контексты, тем не менее взаимопонимание здесь есть, коммуникативное отвращение к убийству как таковому сохраняется. Его, этого взаимопонимательного отвращения, вполне достаточно для осуждения пыток, этнических чисток, террористических актов, банальных убийств, наконец.

Дальнейшую конкретизацию коммуникативного взаимопонимания, из которого и растет в конечном счете социокультурная универсальность, можно получить, обратившись к методологическому потенциалу концепции «семейного сходства» Л. Витгенштейна. Универсалии языка в терминах этой концепции выглядят следующим образом: «Вместо того чтобы выявлять то общее, что свойственно всему, называемому языком, я говорю: во всех этих явлениях нет какой-то одной общей черты, из-за которой мы применяли к ним всем одинаковое слово. Но они родственны друг другу многообразными способами. Именно в силу этого родства или же этих родственных связей мы и называем все их “языками”» [22]. «Рассмотрим, например, – пишет автор, – процессы, которые мы называем “играми”. Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т. д. Что общего у них всех? – Не говори “В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы “играми””, но присмотрись, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт <...> результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом. Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их “семейными сходствами”, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п. И я скажу, что “игры” образуют семью» [23].

О сходстве или похожести, с расширением на мир в целом, писал также Н. Н. Моисеев: «Более “невероятная” и более “реалистическая” точка зрения состоит в том, что мир наполнен уникальными объектами, которые связаны в единое целое уникальной системой связей. А это значит, что можно говорить лишь о похожести объектов» [24].

Рассуждая по аналогии, можно сказать, что коммуникативное взаимопонимание тоже не унитарно, не монолитно или тотально одно, в действительности оно представлено сходством, родственностью тех сингулярных событий-смыслов и имплицитруемых ими взаимопониманий, которые разбросаны по всему полю коммуникации. То есть речь здесь идет о едином (в рамках нации или человечества в целом) коммуникативном взаимопонимании как «семейном сходстве» отдельных и разных (по тем или иным параметрам) взаимопониманий. Семейного сходства (а не единомыслия тождества) вполне достаточно для успешной, на взаимопонимание развернутой, коммуникации, для эффективного извлечения всех ее следствий и последствий.

Универсальность взаимопонимания принимает обычно форму традиции, т. е. того, что существует как бы испокон веку, к чему остается только присоединиться – ее коммуникативное происхождение скрыто за кадром жизненно-исторического привыкания, за формой нерелексируемой повседневной веры. Иными словами, «естественность» данного взаимопонимания нарастает по мере его исторического обживания (хабитуализации, рутинизации) все новыми и новыми поколениями людей. Данную тенденцию на примере воображаемого общества прекрасно обрисовали Джил Фридман и Джин Комбс. То, что для поколения основателей было «Вот так мы решили это делать», то для их детей, т. е. второго поколения, оно звучит «Вот так это делают наши старшие». Для третьего поколения основоположение предков будет уже выглядеть как «Вот так это делается», ну а к четвертому – превратится в «Вот так существует мир; это – реальность» [25]. Даже если мы соглашаемся с объективным (из природы вещей вытекающим) происхождением традиций, все равно сохраняется необходимость по их сохранению, поддержанию, адаптации к меняющимся условиям жизни. Потребность в коммуникации, таким образом, сохраняется, она по-прежнему нужна, по-своему перманентна.

Формирование коммуникативных смыслособытий включает в себя много самых разных факторов или ресурсов. Поскольку это живое человеческое предприятие, то в нем задействованы различные чувства и эмоции, предсознательные и бессознательные процессы. Но ядром всей этой коммуникативной ситуации является все же разум. У *homo sapiens*-а это главная сущностная (родовая) сила, и ее нужно всячески развивать и укреплять, а не гнобить или хулить, как это делают некоторые современные авторы. Понятно, что и у разума есть свои ограничения, но это уже другой вопрос. Он, заметим, неплохо разрабатывается в рамках постмодерной парадигмы. Смысл – это всегда работа с-мыслью.

В разум как способность человека встроен уникальный механизм обратной связи, называемый рефлексией, через него участники или субъекты коммуникации и обретают в основном свое взаимопонимание, в социально-онтологическом плане – взаимность. Рефлексия

разрывает непосредственную связь «что» и «как», умножая тем самым различия и, как следствие, делая более информативной, эффективной и перспективной коммуникацию между людьми. Разумная рефлексия к тому же незаменима в плане адекватной и потому продуктивной жизненной ориентации в мире вещей и людей. Мы согласны в данной связи с Н. Решером, который находит врожденное стремление к универсальности в самой по себе рациональности – как разумном сопряжении целей и средств. Правда, он добавляет, что рациональность эта «универсальна в своей принципиальной общности, но партикуляризирована в своих специфических предписаниях» [26].

Все актуальные силы-способности человека, вовлеченные в процесс формирования смысловых событий, можно назвать текстом коммуникации. Но есть здесь и контекст, действующий диспозиционно, подспудно, – это все те факторы, внешние и внутренние, которые благоприятствуют, содействуют выходу на продуктивное взаимопонимание [27].

Подведем итоги. Нет единой, а тем более единственной универсальности. Резонно вести речь о различных порядках универсальности, что не отрицает ее единства, даже единственности, но – относительно определенной «системы отсчета», соответствующей предметной области и, конечно же, в течение *longue durée*, в тенденции, перспективе. Предметная область социокультурной универсальности очерчена коммуникативным взаимопониманием между людьми. Взаимопонимание это тоже не монолитно – в разных культурах оно разное.

Разные внутрикультурные взаимопонимания, онтологически связанные определенными «семейными сходствами», способны вступать и вступают в коммуникативное взаимодействие уже между собой, расширяя границы взаимопонимания и имплицитной им социокультурной универсальности до планетарных или общечеловеческих масштабов. Иначе говоря, универсальность имплицитна самой коммуникативностью, жизненной необходимостью коммуникации (в коммуникации), ее продолжения, поддержания, развития. Нечто универсально, потому что оно коммуникативно необходимо. Свобода, например, универсальна, потому что, проварившись в котле пространства «между» и снизив конфронтационность до уровня различий, она позволяет сблизить, связать, преодолеть различные культуроцентризмы. Как видно из сказанного, социокультурная универсальность не носит какого-то отстраненного, объективно-субстанциального характера, она коммуникативна и конвенциональна, иными словами, разделяема всеми участниками коммуникации или, что вернее, их большинством. Поскольку взаимопонимание выстраивается всегда относительно чего-либо, то некое объективное положение вещей им тоже улавливается. В диспозиционно-контекстуальном плане универсальность, как общность, является лишь социокультурным выражением такой базовой человеческой потребности, как стремление к общности или принадлежности (по терминологии А. Маслоу). Действительность социокультурной универсальности растет из ее коммуникативной действенности.

Примечания

1. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / ed. by Mike Featherstone, Scott Lash and Roland Robertson. L.: SAGE, 1995. P. 41.

2. Информативно-концептуальную картину глокализации читатель найдет в: Romбн J. The Three Uses of Glocalization // URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2006/Roman.pdf> (дата обращения: 10.07.2014).

3. Parsons T. Evolutionary Universals in Society (1964) // From Modernization to Globalization: Perspectives and Development and Social Change / ed. by J. Timmons Roberts and Amy Hite. Blackwell Publishing Ltd, 2004. P. 63–99.

4. В отечественном философском дискурсе идею плюриверсальности активно отстаивает М. В. Тлостанова (см. Tlostanova M.V. Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands. New York: Palgrave Macmillan, 2010.)

5. Gržinić M. De-linking epistemology from capital and pluri-versality – A conversation with Walter Mignolo, part 2. URL: <http://www.reartikulacija.org/?p=157> (дата обращения: 15.06.2014).

6. Mignolo W. D. The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options. Duke University Press, 2011. P. 208–209.

7. Tlostanova M. V. Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010. P. 26.

8. Gržinić M. De-linking epistemology from capital and pluri-versality – A conversation with Walter Mignolo, part 1. // URL: <http://www.reartikulacija.org/?p=196> (дата обращения: 1. 06. 2014).

9. Даже практически успешные случаи такого сосуществования здесь ничего не меняют – теория требует своего, а именно разъяснения, обоснования, интерсубъективного заключения. Поучите-

лен в этом плане пример Г. Зиммеля. Ну кто, спрашивается, может сомневаться в реальности и самоочевидности общества? А Зиммель ставит вполне резонный вопрос: Как возможно общество? С подобной практико-теоретической асимметрией столкнулась уже античная мысль. Разве не очевидно, что Ахиллес догонит (и перегонит) черепаху? Попробуйте, однако, представить, выразить, изложить это на языке теории – получится целая апория, или парадоксально-неразрешимое рассуждение, как и у Зенона Элейского. Теоретизирование по поводу самоочевидных вещей вообще одно из самых трудных. «Простота, – заметил как-то Стив Джобс, – предельно сложна».

10. Платон. Парменид // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 351.

11. О разграничении идей и эйдосов у Платона см.: Неретина С.С., Огурцов А. П. Пути к универсалиям. СПб.: РХГА, 2006. С. 59.

12. Платон. Филеб // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994.

13. Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., Мысль, 1978. С. 56.

14. Там же. С. 325.

15. Loux M. J. Substance and Attribute. Dordrecht: Reidel, 1978. P. 89.

16. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру // Habermas J. Von den Weltbildern zur Lebenswelt. М.: Идея-Пресс, 2011. С. 76–77.

17. Simons P. Events // The Oxford Handbook of Metaphysics / ed. by Michael J. Loux and Dean W. Zimmerman. N. Y.: Oxford University Press, 2003. P. 357–385; Подорога В. А. Событие // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 582–584.

18. Здесь мы адресуемся прежде всего к работе Л. Б. Ломбарда: Lombard L. V. Events: A Metaphysical Study. L.: Routledge & Kegan Paul plc., 1986.

19. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 38.

20. Сорокин А. К. «Их мораль и наша». Еще раз о Ленине // Дилетант. 2013. № 7 (19). С. 60.

21. Уместно сослаться здесь на Э. Ренана: «Существование нации – это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит...». URL: http://www.hrono.info/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения: 20.06.2014).

22. Витгенштейн Л. Философские исследования (1953) // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 110.

23. Там же. С. 110–111.

24. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: «Аграф», 1998. С. 61.

25. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: История и рассказы как терапия. М., 2001. С. 46.

26. Rescher N. Epistemology: An Introduction to the Theory of Knowledge. State University of New York Press, Albany, 2003. P. 156.

27. Подробнее о диспозиционной поддержке коммуникативного взаимопонимания см.: Гречко П. К. Диспозиции: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 99–110.

Notes

1. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / ed. by Mike Featherstone, Scott Lash and Roland Robertson. L.: SAGE, 1995. P. 41.

2. Informative-conceptual picture of glocalization can be found in: Román J. The Three Uses of Glocalization // Available at: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2006/Roman.pdf> (date accessed: 10/07/2014).

3. Parsons T. Evolutionary Universals in Society (1964) // From Modernization to Globalization: Perspectives and Development and Social Change / ed. by J. Timmons Roberts and Amy Hite. Blackwell Publishing Ltd, 2004. Pp. 63-99.

4. In the domestic philosophical discourse the idea of pluriversality is actively persuaded by M. V. Tlostanova (see Tlostanova M. V. Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands. New York: Palgrave Macmillan. 2010.)

5. Gržinić M. De-linking epistemology from capital and pluri-versality – A conversation with Walter Mignolo, part 2. Available at: <http://www.reartikulacija.org/?p=157> (date accessed: 15.06.2014).

6. Mignolo W. D. The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options. Duke University Press, 2011. Pp. 208-209.

7. Tlostanova M. V. Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands. N. Y.: Palgrave Macmillan. 2010. P. 26.

8. Gržinić M. De-linking epistemology from capital and pluri-versality – A conversation with Walter Mignolo, part 1. // Available at: <http://www.reartikulacija.org/?p=196> (date accessed: 1.06.2014).

9. Even the almost successful cases of such co-existence here do not change anything – the theory requires its own, namely the explanation, rationale, intersubjective conclusions. Example of Georg Simmel is instructive in this respect. Well, who on earth can doubt the reality and self-evidence of society? And Simmel poses a reasonable question: How can society be? With such a practice-theoretical asymmetry faced already ancient thought. Is not it obvious that Achilles will catch up (and surpass) the turtle? Try, however, to imagine,

to express, to state it in the language of the theory – you will get a whole aporia or paradox-insoluble reasoning as that of Zeno of Elea. Theorizing about the self-evident things in general is one of the most difficult. "Simplicity – once Steve Jobs remarked – is extremely difficult."

10. Plato. Parmenid [Parmenides] // Plato. Coll. op.: in 4 vols. Vol. 2. Moscow. 1993. P. 351.
11. On delimitation of ideas and eidoses of Plato see: *Neretina S. S., Ogurtsov A. P.* Puti k universalizatsii [Ways to universals]. St. Petersburg: RchSA. 2006. P. 59.
12. Plato. Fileb [Fileb] // Plato. Coll. op.: 4 vols. Moscow. Vol. 3. 1994.
13. Aristotle. Kategorii [Categories] // Aristotle. Works: in 4 vols. Vol. 2. Moscow. Mysl'. 1978. P. 56.
14. Ibid. P. 325.
15. *Loux M. J.* Substance and Attribute. Dordrecht: Reidel, 1978. R. 89.
16. *Habermas J.* From the pictures of the world to the life world // Habermas J. Von den Weltbildern zur Lebenswelt. Moscow: Idea-Press. 2011. Pp. 76–77.
17. *Simons P.* Events // The Oxford Handbook of Metaphysics / ed. by Michael J. Loux and Dean W. Zimmerman. NY: Oxford University Press, 2003. R. 357-385; *Podoroga VA* Event // New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vols. Vol. 3 Moscow: Mysl'. 2001. Pp. 582-584.
18. Here we refer primarily to the work of L. B. Lombard: Lombard L.B. Events: A Metaphysical Study. L.: Routledge & Kegan Paul plc., 1986.
19. *Deleuze G.* Logika smysla [Logic of Sense]. Moscow. 1995. Pp. 38.
20. *Sorokin A. K.* «Ikh moral' i nasha». Eshche raz o Lenine ["Their Morals and Ours." Once again about Lenin] // Diletant – Dilettante, 2013, № 7 (19), p. 60.
21. It is appropriate to refer here to the E. Renan: "The existence of the nation – it is (so to speak) ... everyday plebiscite". Available at: http://www.hrono.info/statii/2006/renan_naci.php (date accessed: 20/06/2014).
22. *Wittgenstein L.* Filosofskie issledovaniya (1953) [Philosophical Investigations (1953)] // L. Wittgenstein's Philosophical works. Part I. Moscow: "Gnosis" Publ. 1994. P. 110.
23. Ibid. Pp. 110-111.
24. *Moiseev N. N.* Rasstavanie s prostotoj [Parting with ease]. Moscow: "Agraf". 1998. P. 61.
25. J. Friedman., J. Combs. Konstruirovaniye inykh real'nostej: Istoriya i rasskazy kak terapiya [Designing other realities: History and stories as a therapy]. Moscow, 2001. P. 46.
26. *Rescher N.* Epistemology: An Introduction to the Theory of Knowledge. State University of New York Press, Albany, 2003. R. 156.
27. For more information about the support of communicative understanding dispositional see.: *Grechko P. K.* Dispozitsii: ontologicheskaya perspektiva i kommunikativnaya aplikatsiya [Dispositions: an ontological perspective and communicative application] // Voprosy filosofii – Problems of Philosophy. 2012, № 4, pp. 99-110.

УДК 316.034

Е. В. Митягина

Причины утраты престижа рабочих специальностей среди молодежи, способы преодоления негативных тенденций*

В статье выявлены причины нежелания молодежи идти в рабочие, которые условно разделены на объективные и субъективные. Определены пути взаимодействия государства, образовательных учреждений и предприятий по привлечению молодежи и её удержанию на производстве. Показано, что наряду с материальными мотивами работы для молодежи важны такие мотивы, как карьера, желание работать на качественном оборудовании, возможности для обучения и переквалификации. Неготовность молодежи трудиться в предложенных ей условиях должна побудить государство, руководителей предприятий и инвесторов пересмотреть свои управленческие стратегии. Они должны быть связаны с модернизацией производства; изменением условий и содержания труда; приведением хотя бы частично в соответствие образования, квалификации и выполняемой работы.

In this paper, the causes of the reluctance of young people to go to work, Koto-rye are divided into objective and subjective. The ways of interaction between government, educational institutions and businesses

* При поддержке гранта Президента РФ (№ МК-2929.2014.6)

to attract the youth and its retention in the workplace. It is proved that, along with material motives of work for young people are important motives such as a career, the desire to work on quality equipment, opportunities for training and retraining. The reluctance of young people to work in the proposed conditions it should prompt the state, business leaders and investors to rethink their management strategies. They should be related to the modernization of production; changes in the conditions and content of labor, yes; bringing at least partially in line education, skills and work performed.

Ключевые слова: рабочие, рабочая молодежь, «транзитные» и «стабильные» рабочие.

Keywords: workers, young workers, «transit» and «stable» workers.

К началу нынешнего столетия российские предприятия вновь столкнулись с проблемой острейшего кадрового дефицита. Резкое снижение престижа рабочих профессий и нехватка молодежи на предприятиях стали главными сдерживающими факторами развития производства в различных сферах хозяйственной деятельности и регионах. Современная молодежь, особенно в крупных городах, не хочет идти в рабочие. Семья, школа и внедряемая система единого государственного экзамена ориентируют на поступление в вузы.

В кадровой структуре труда рабочих преобладают люди зрелого, предпенсионного и пенсионного возрастов. Согласно данным наших исследований¹, которые подтверждаются результатами «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» [1], молодежи в среде российских рабочих от 18 до 35 лет – 33,5%, их них: 18–25 лет (8,5%), 26–30 лет (13,5%) и 31–35 лет (11,5%). Старшие возрастные группы составляют 66,5%, из них: 36–45 лет (21,9%), 46–55 лет (27,5%) и старше 65 лет (17,1%). Если пользоваться статистикой трудовых ресурсов, предложенной Международной организацией труда [2], и считать возрастом молодых рабочих от 16 до 30 лет, то процент молодежи, по данным наших исследований, будет равен 22% (RLMS – 20,2%). Это указывает на то, что лишь каждый пятый рабочий может быть отнесен к молодежи, и что около 80% рабочих являются представителями старших возрастных групп (табл. 1).

Таблица 1

Возрастные характеристики рабочих, %

Возраст	Исследование 2012–2013 гг.	RLMS
18–25 лет	8,5	8,9
26–30 лет	13,5	11,3
31–35 лет	11,5	10,9
36–45 лет	21,9	23,5
46–55 лет	27,5	26,8
Старше 56 лет	17,1	18,6
Всего	100	100

¹ 1. «Ресурсность рабочих в условиях модернизации» (2014), при финансовой государственной поддержке молодых ученых – кандидатов наук в рамках Гранта Президента РФ (№ гранта МК-2929.2014.6). Экспертные интервью с учеными, руководителями предприятий и представителями органов региональной власти по обсуждению результатов (12 интервью).

2. «Ресурсность рабочих на региональном рынке труда в условиях российской модернизации» (2012–2014), при финансовой поддержке ВятГГУ. Опрос методом глубинного интервью 35 руководителей предприятий и методом раздаточного анкетирования 1420 рабочих в Кировской, Нижегородской и Московской областях. Выборка – многоступенчатая, квотная. Репрезентативность определяется с учетом выбора в регионе предприятий различных сфер хозяйственной деятельности и форм собственности, на предприятии квоты задавались с учетом пола и возраста.

3. Контент-анализ СМИ «Причины утраты престижа рабочих специальностей в среде молодежи», при финансовой поддержке Вятского государственного гуманитарного университета. Проанализированы 1154 печатные статьи за 1998–2013 гг. на новостных интернет-сайтах.

4. «Я (не) уеду из Кирова. Интеллектуальное будущее Кирова» (2011) при финансовой поддержке губернатора Кировской области. Опрос 584 учащихся (15–18 лет) общеобразовательных школ и лицеев Кировской области. Выборка – квотная, репрезентативность определялась типом школы, полом и возрастом ученика.

5. «Молодежь в системе человеческого потенциала как стратегический социально-экономический ресурс региона» (2010) при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00265а. Опрос 1200 представителей молодого поколения в Кировской, Нижегородской и Самарской областях. Выборка – двухступенчатая, квотная. Репрезентативность определялась с учетом выбора в регионе предприятий с преобладанием рабочих и «нерабочей» молодежи, на предприятии квоты задавались с учетом пола и возраста.

Таких показателей в условиях необходимости перехода РФ на информационную стадию модернизации явно недостаточно. Для предприятий приоритетны рабочие, умеющие приспосабливаться к новым организационным и техническим требованиям, быстро находить нужные знания и осваивать необходимые навыки. Передовые производства ориентированы при приёме на работу только на молодежь, которую они готовы обучать непосредственно на рабочем месте. Для примера можно привести опыт Челябинского трубопрокатного завода, в котором был создан высокотехнологичный цех по производству труб большого диаметра «Высота 239», получивший название «Белая металлургия» [3]. В нём работает преимущественно молодежь, которая обучается на рабочем месте. Обычная практика, когда на работу «не берут без стажа работы», на Челябинском заводе не действует. Правильнее было бы сказать, что на предприятие «не берут со стажем работы».

Можно выделить две группы причин, заставляющих работодателей отдавать приоритет при приёме на работу молодежи: *традиционные* (приоритетные на индустриальной стадии модернизации) и *нетрадиционные* (приоритетные на информационной стадии). К первым относятся стереотипные представления, что нанимаемой на работу молодежи можно меньше платить и что у неё отсутствует так называемая «сила голоса». Изменения представлений о стандартных формах труда привели к тому, что традиционные причины теряют свою значимость. Доход молодых рабочих в большинстве своём находится на уровне рабочих зрелого возраста, а во многих случаях даже его превышает. Это отмечают и сами рабочие, и работодатели, заявляющие о том, что готовы платить молодым рабочим больше, лишь бы привлечь их на производство. Представители зрелого поколения рабочих чаще заявляют, что их заработная плата ниже средней (29,8% – рабочие старше 35 лет; 19% – рабочие до 35 лет) или на уровне средней заработной платы (53,9% – рабочие старше 35 лет; 49,4% – рабочие до 35 лет). О том, что уровень их заработной платы выше, чаще говорит молодежь: в полтора раза выше (15,5% – рабочие до 35 лет; 6% – рабочие старше 35 лет); в два раза выше (10,1% – рабочие до 35 лет; 7,3% – рабочие старше 35 лет); и в три-четыре раза выше (6% – рабочие до 35 лет; 3% – рабочие старше 35 лет). Молодежь в большей степени удовлетворена своим материальным положением и смогла его улучшить за последние три года, нежели представители старшего поколения рабочих (рис. 1).

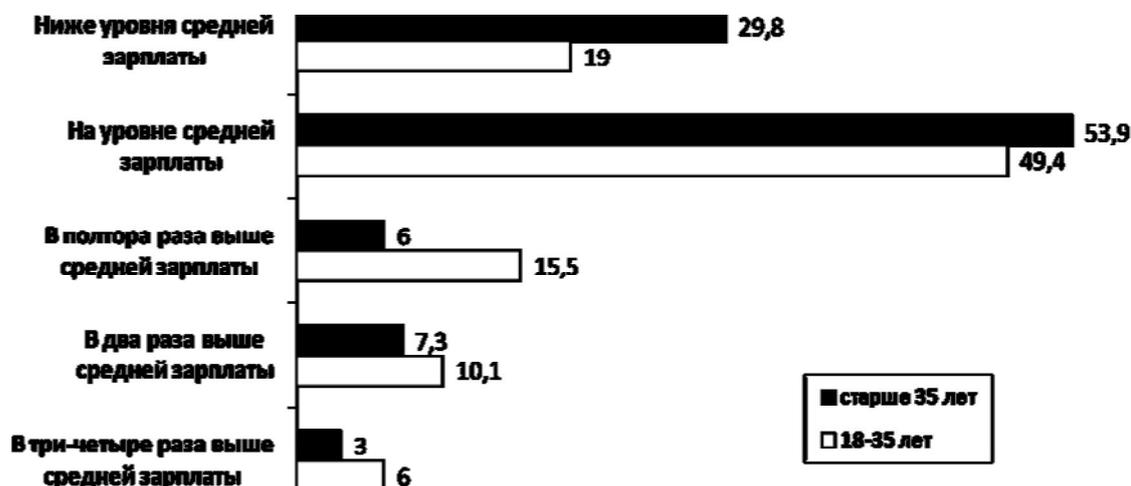

Рис. 1. Совокупный доход рабочих (в зависимости от возраста), %

Вопросы большей лояльности молодежи, её большего подчинения также не находят своего подтверждения. Возможность участия в коллективных акциях протеста равнозначно оценивается представителями как молодежных (45,5%), так и зрелых (38,6%) возрастных когорт рабочих. Исключают возможность участия в коллективной акции протеста 18,8% молодежи и 22,3% старших возрастных групп (рис. 2).

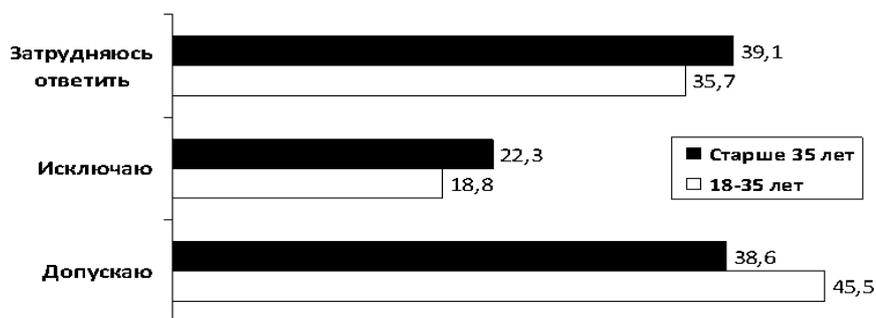

Рис. 2. Возможность участия в коллективной акции протеста на предприятии (в зависимости от возраста), %

Прекаризация производства, индивидуализация трудовых отношений в условиях движения к интегрированной модернизации выдвинули на первый план при приёме на работу вторую группу причин. В исследованиях прослеживается зависимость между возрастом рабочего и его отношением к нововведениям, способностью освоения нового и генерации идей. Около половины рабочих (47,3%) в возрасте 18–25 лет «приветствуют нововведения и готовы идти на риск ради дела». По табл. 2 можно проследить, как снижается этот показатель в зависимости от возраста. Лишь каждый четвертый рабочий старше 36 лет выбирает эту позицию: 36–45 лет (26,5%), 46–55 лет (26,7%) и старше 56 лет (28,9%). Рабочие старших возрастных когорт чаще выбирают позиции «осмотрительного отношения к нововведениям» или «противника нововведений».

Таблица 2

Отношение рабочих разного возраста к нововведениям, %

Отношение к нововведениям	Возраст					
	18–25	26–30	31–35	36–45	46–55	Старше 56
Приветствую нововведения, всегда готов идти на риск ради дела	47,3	38,0	33,8	25,6	26,7	28,9
Осмотрительно, осторожно отношусь к нововведениям	46,6	56,0	52,7	62,8	65,1	57,8
Противник нововведений, не люблю неоправданные риски	6,1	6,0	13,5	11,0	8,2	13,3

Молодежь, которая так необходима современному производству, отказывается выбирать в качестве вероятной жизненной карьеры рабочие специальности. Лишь 1,2% выпускников 9–11-х классов планируют поступать в учреждения начального профессионального образования, 17,6% – в учреждения среднего профессионального образования. Остальные школьники планируют либо поступить в высшие учебные заведения, либо закончить 10–11-й класс, чтобы иметь возможность стать абитуриентом высшей школы. Наблюдается статистически значимая зависимость выбора типа профессионального учебного заведения от вида школы, которую заканчивает потенциальный абитуриент. Заканчивающие лицей, гимназии в значительно меньшей степени хотели бы получить среднее профессиональное образование (24,5% – общеобразовательные школы и 11,0% – лицеи). Выпускники этих учебных заведений в большинстве случаев хотели бы закончить 11 классов, чтобы иметь возможность поступить в высшее учебное заведение (25,3% – лицеи и 13,3% – общеобразовательные школы) (табл. 3).

Таблица 3

Планы школьников по продолжению учебы, %

Вид учебного заведения	СОШ*	Лицей	Все школьники
Среднее (полное) общее образование (10–11-й класс)	13,3	25,3	19,5
Начальное профессиональное образование	1,4	1	1,2
Среднее профессиональное образование	24,5	11	17,6
Высшее профессиональное образование	60,8	62,7	61,8
Всего	100	100	100

* Средняя общеобразовательная школа

Основные причины утраты престижа рабочих специальностей среди молодого поколения можно условно разделить на *объективные*, продиктованные логикой построения и развития экономики, и *субъективные*, представленные в массовом общественном сознании.

К первой группе причин можно отнести упадок производства в конце 90-х гг. прошлого века, закрытие промышленных и иных предприятий, массовые невыплаты заработной платы и сокращения рабочих. Переход профтехучилищ, готовивших представителей рабочих профессий, на обучение более выгодным для себя специалистов: менеджеров, визажистов, секретарей-референтов. Даже при условии существования «коммерческих» специальностей прием на них сократился за последние десять лет в 1,5 раза – с 707,7 до 477,5 тыс. человек [4]. А процент населения в возрасте 15 лет и старше, имеющего начальное профессиональное образование, по данным переписей населения, снизился с 1989 г. (13%) по 2010 г. (5,6%) практически на 7,5 п. п. Учреждения СПО с 2004 г. потеряли 206,1 тыс. абитуриентов, ВПО – 130,7 тыс. человек [5]. Но если причины вузовских потерь следует искать в неблагоприятных демографических тенденциях, то для учреждений НПО и СПО они скрыты в процессах более в глубинных. «Учреждения начального и среднего профессионального образования (НПО и СПО) с продолжительными программами обучения (3–6 лет) имели слабую связь с рынками труда и не мотивировали учащихся к профессиональной карьере» [6]. В результате к началу XXI в. была практически полностью утрачена связь между производственными и образовательными учреждениями. СМИ того времени констатируют: *«Тогда, лет пять назад, ситуация в самом деле была совершенно безрадостной. Заводы стояли, мелкий и средний бизнес только становился на ноги. Профессионалы, специалисты редких, уникальных рабочих профессий оставались без работы и, кажется, навсегда утратили надежду вернуться в свои коллективы. Что уж говорить о молодых! Кому они тогда были нужны? Выпускники профтехучилищ пополняли число безработных.*

...Теперь, как правило, училища не в состоянии выполнить заявки своих бывших партнеров, базовых предприятий, с которыми раньше вместе готовили рабочие кадры. Система сотрудничества рухнула, технический парк – станки, мастерские – пришел в негодность и безнадежно устарел. Из реестра специальностей исчезли многие некогда очень популярные рабочие профессии» [7].

Произошло смещение структуры профессионального образования в сторону высшего. «Коэффициент приема в вузы, рассчитанный как отношение приема в вузы к численности возрастной когорты 17-летних (в этом возрасте в вузы поступает большинство молодежи), в 2010 г. превысил 90%. Ажиотажный спрос на высшее образование отражает новую социальную реальность России. Высшее образование стало социальным императивом и обязательным условием любой карьеры» [8]. Вузы продолжают укреплять свои позиции в списке образовательных предпочтений абитуриентов, даже несмотря на то что именно специальности, предлагаемые этими типами учебных заведений, чаще оказываются невостребованными на современном рынке труда, в отличие от специальностей своих младших собратьев – НПО и СПО.

Субъективные причины утраты престижа рабочих специальностей в среде молодежи могут быть представлены в двух плоскостях: с точки зрения работодателей и молодых работников. Работодатели часто критически оценивают уровень подготовки в учебных заведениях, указывая на необходимость опыта, стажа профессиональной деятельности при приеме на работу. «Колледжи и профессиональные лицеи стремительно теряют спрос со стороны работодателей, что обусловлено в первую очередь низкой социализацией его выпускников – результатом комплектования по остаточному принципу» [9]. Лучшие абитуриенты поступают в вузы. Впрочем, критикуют работодатели уровень образования не только в учреждениях начального и среднего профессионального образования. «Условный “рейтинг” образовательных программ по оценкам уровня подготовки выпускников совпадает с “рейтингом” подготовки контингента поступающих. В частности, по данным социологических обследований, доля работодателей, оценивающих уровень подготовки выпускников профессиональных училищ не более чем на 3 балла по 5-балльной системе, составляет 64%, колледжей – 42%, вузов – 39%» [10].

Молодежь, в свою очередь, часто заявляет о низком уровне заработных плат рабочих, тяжелой физической работе и условиях труда, отсутствии социальных гарантий. Кроме того, основным источником производительности в новом информационном обществе становятся

инновации, знания и информация, поэтому непрерывное образование и самосовершенствование становятся ключевыми качествами современного работника, что снижает ценность физического труда. Даже после окончания профтехучилищ молодые люди предпочитают продолжить либо свое обучение в высшем учебном заведении, либо работу не по специальности. *«В первую очередь ребят отталкивают режимный характер работы, жесткий график, необходимость рано вставать и, конечно, невысокие зарплаты на предприятиях»* [11]. *«Среди рабочих-станочников, где требуется мужская сила, молодежи мало. Отчего? Причин здесь может быть несколько, главная – утрата престижа рабочих специальностей. Монотонный труд, требующий концентрации внимания и отработанных навыков, молодежь не привлекает»* [12].

Государство, в начале XXI в. ощутившее потребность в воспроизводстве качественной рабочей силы в условиях перехода к инновационному типу развития общества, одной из приоритетных задач назвало повышение престижа рабочих специальностей в сознании молодежи. «Под ружье» была поставлена вся система начального профессионального образования. Задача для профтехучилищ «Даешь рабочих!» конкретизировалась требованиями: во-первых, срочно, во-вторых, квалифицированных, в-третьих, соответствующих запросам рынка труда.

Были предложены следующие меры, которые позволяли привлечь рабочую молодежь на предприятия:

1. Налаживание социального партнерства между сообществом работодателей и образовательными учреждениями. Наиболее распространенными формами сотрудничества стали заключение трехсторонних договоров (студент – образовательное учреждение – предприятие) или договоров с образовательными учреждениями на обучение профильных групп; организация производственной практики на предприятии, когда место практиканта становится тестовым рабочим местом; найм студентов на временные рабочие места во время каникул или организация рабочих мест по принципу стройотряда; преподавание специалистов предприятий в учебных заведениях; патронаж над дипломниками; проведение мероприятий, направленных на создание положительного имиджа рабочих специальностей.

2. Создание на базе государственных образовательных учреждений начального профессионального образования и среднего профессионального образования ресурсных центров профессионального образования. Подобная практика была использована в Нижегородской области [13], основными задачами ресурсных центров в которой стали подготовка высококвалифицированных рабочих и специалистов для предприятий и организаций, использующих инновационные технологии производства; переподготовка и повышение квалификации рабочих и специалистов предприятий и организаций без отрыва от производства; реализация образовательных программ дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) по современным производственным технологиям для преподавателей профессионального цикла и мастеров производственного обучения учреждений начального профессионального и среднего профессионального образования.

С течением времени эти и другие принятые государством, предприятиями и образовательными учреждениями меры, плюс серия финансовых кризисов, закончившаяся массовым сокращением теперь уже «белых воротничков», стали приносить некоторые плоды, и молодежь начала постепенно, хотя очень медленно, пополнять ряды рабочих. В СМИ все чаще встречаются такие высказывания: *«Число молодых жителей Ростова, поступающих в учреждения среднего профессионального образования, за последний год увеличилось на 3,3%. ... Одновременно в Ростове сократилось количество студентов вузов. В 2010 г. в государственные вузы города было принято 23,4 тыс. человек, что на 7,2 процента меньше уровня в 2009 г. Таким образом, подтвердилось высказанное с началом кризиса предположение о том, что теперь молодые люди будут больше стремиться к овладению действительно востребованной на рынке профессией, предпочитая рабочие специальности престижным, но не гарантирующим получения работы “корочкам” вузов»* [14].

Но возникает ряд новых проблем. И в первую очередь, как удержать молодежь на предприятиях на рабочих специальностях? Кто будет заниматься проблемами молодых людей? Кто выступит в роли наставников?

Большая часть молодежи, которая уже работает на рабочих специальностях, как уже отмечалось, предпочитает считать свою профессию лишь временным этапом в построении

профессиональной жизненной карьеры, хотели бы её сменить и не желают, чтобы дети продолжали то, чем они занимаются.

Зависимости от возраста при ответах на эти вопросы, согласно результатам исследования, являются статистически значимыми. Процент тех, кто однозначно заявляет, что хотел бы сменить профессию, с возрастом снижается. В 18–25 лет это каждый третий рабочий (33,3%), в 26–30 лет – каждый пятый (20,4%), в 31–35 и 36–45 лет – каждый шестой (14,3% и 16,8%). В старших возрастных группах: 46–55 лет – лишь каждый восьмой рабочий (11,9%) и старше 56 лет – каждый сороковой (2,6%).

Подобным образом распределилось мнение о «временности» профессии рабочего в профессиональной жизненной карьере. По этому показателю значительно отличается процент в возрастных группах 18–25 лет (46,2%) и старше 56 лет (28,9%). Первые однозначно заявляют, что считают свою профессию временным жизненным этапом в силу нежелания работать по рабочей сетке, вторые – в силу того что будут продолжать работать, но предыдущая их профессиональная карьера не была связана с сегодняшней. Работа, которую они выполняют сегодня, носит «вынужденный» характер. Процент думающих о профессии рабочего как о временной в возрасте 31–55 лет (31–35 лет; 36–45 лет; 46–55 лет) ниже, чем в других возрастных группах, он колеблется в интервале от 13,5 до 14,3%. Именно эти возрастные группы являются более стабильными на предприятии.

Солидарны все возрастные группы в одном. Молодежь, как и старшее поколение, не желает, чтобы их дети продолжили то, чем они занимаются в настоящее время. Процент тех, кто однозначно не желал бы детям такой судьбы, колеблется в интервале от 71,1 до 83,5% по всем возрастным группам (табл. 4). Такое понятие, как «рабочие династии», уходит в прошлое, работа всю жизнь на одном предприятии часто считается «признаком плохого тона». Нежелание, чтобы дети продолжили их дело, выражается у рабочих в стремлении во что бы то ни стало дать детям высшее образование, независимо от их способностей и интересов.

Таблица 4

Оценка рабочими различных возрастов ценности профессии для себя и своих детей, %

Оценки		Возраст					
		18–25	26–30	31–35	36–45	46–55	Старше 56
Хотят сменить профессию	Всегда	33,3	20,4	14,3	16,7	11,9	2,6
	Иногда	49,3	60,2	57,1	46,2	45,2	42,1
	Никогда	17,4	19,4	28,6	37,2	42,9	55,3
Хотят, чтобы дети продолжили то, чем они занимаются	Всегда	4,1	3,1	8,6	3,9	6,7	10,3
	Иногда	22,1	13,4	15,7	25,0	17,4	7,7
	Никогда	73,8	83,5	75,7	71,1	75,8	82,1
Считают свою профессию временным жизненным этапом	Всегда	46,2	27,8	14,1	13,5	14,3	28,9
	Иногда	42,1	52,6	54,9	50,3	34,3	23,7
	Никогда	11,7	19,6	31,0	36,1	51,4	47,4

Проведя количественные и качественные исследования рабочей молодежи на промышленных предприятиях, Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская и Г. А. Чередниченко приходят к выводу, что современных рабочих можно разделить на «транзитных» и «стабильных». «Производству следует адаптироваться, «привыкнуть» к существованию временного, названного нами «транзитным», контингента рабочей молодежи. С одной стороны, следует отдать должное тому, что такая молодежь приносит на предприятия свой культурный капитал, знания, умения, квалификацию и тем самым способствует успешной их деятельности. С другой стороны, несомненно, необходима забота об увеличении доли «стабильных» рабочих...» [15].

Взяв за основу классификацию, предложенную вышеназванными авторами, и критерии, представленные в табл. 4, мы выделили три типа рабочих: «транзитные», «промежуточный тип» и «стабильные». «Транзитными» рабочими мы называем тех рабочих, кто работает по рабочей сетке, но считает профессию рабочего переходным, временным этапом профессиональной жизненной карьеры, хотят сменить профессию и не желают, чтобы дети продолжали их дело. «Стабильные» рабочие считают, что профессия рабочего является

единственной из возможных жизненных стратегий, хотели бы продолжить работу по данной профессии и в большинстве случаев поддержат своих детей в выборе профессии рабочего в качестве вероятной жизненной стратегии. «Промежуточный тип» рабочих ещё не определились и, в случае предоставления подобной возможности, будут не против смены рабочей профессии, хотя чаще всего не будут принимать каких-то кардинальных действий.

Результаты проведенных нами исследований показывают, что число «стабильных» рабочих на предприятиях составляет 33,3%, «транзитных» – 16,1%, «промежуточный тип» – 50,7%. Указанные типы демонстрируют различия по целому ряду показателей, и в первую очередь зависимость от возраста. Наибольший процент «транзитных» рабочих наблюдается в возрасте от 18 до 30 лет. Возраст наибольшего процента «стабильных» рабочих от 36 лет. И промежуточный тип составляют рабочие от 26 до 35 лет. Возникает противоречие, с одной стороны, возраст рабочих до 35 лет наиболее востребован, с другой стороны, именно этот возраст составляет основу «транзитного» и «промежуточного» типов рабочих. Следовательно, задача современного предприятия не только привлечь молодежь на рабочие специальности, но и найти мотивацию для удержания молодежи в возрасте до 30–35 лет, несомненно, оставляя ей возможность для профессиональной мобильности.

Всю систему мотивов прийти на промышленное предприятие и работы на нём Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская и Г. А. Чередниченко делят на мотивы *принудительного характера* (сильное давление экономических факторов, необходимость как можно скорее начать зарабатывать на жизнь, опасения по поводу безработицы, конфликтные (или индифферентные) взаимоотношения с системой образования, потребности в социальных гарантиях и стабильной занятости), а также *облегченное трудоустройство благодаря родственным связям* («рабочие династии») [16]. Понятно, что те рабочие, которые в качестве оснований мотивации используют вторую группу мотивов, в большинстве случаев относятся к «стабильному» типу. Однако, как уже было показано, рабочие династии – явление сегодня довольно редкое.

Наивысший процент среди основных мотивов труда в среде рабочих, согласно данным наших исследований, набирают материальные мотивы, в частности такой аспект, как «заработная плата». Её размер важен для всех типов рабочих, хотя он несколько выше у рабочих «транзитного» (37,2%) и «промежуточного» (35,3%) типов, чем у «стабильных» рабочих (32,8%). Наряду с направленностью труда как средства присвоения материальных благ, существуют и нематериальные мотивы, в частности «труд как средство получения морального поощрения», «труд как процесс: содержание труда» и «труд как результат: процесс труда». Наивысший процент по этим мотивам наблюдается у таких аспектов труда, как «уважение коллег», «карьера», «успех предприятия» и «признание заслуг», именно по ним распределяются предпочтения рабочих различных типов. Уважение коллег становится одним из важнейших аспектов труда для всех типов рабочих, набирая в среднем по 21–22%. Для «стабильных» рабочих и, отчасти, «промежуточных» высокие проценты набирают аспекты – успех предприятия (12,4% – «стабильные»; 9,2% – «промежуточные»; 8,6% – «транзитные» рабочие), внимание руководства (9,2% – «стабильные»; 7,6% – «промежуточные» и 6,2% – «транзитные» рабочие) и признание заслуг (6,2% – «стабильные»; 6,9% – «промежуточные»; 4,7% – «транзитные» рабочие).

Для «транзитных» рабочих основными аспектами, наряду с заработной платой, становится карьера (10,6% – «транзитные», 6,2% – «промежуточные» и 4% – «стабильные» рабочие). Основу этого типа составляет молодежь, которая хочет двигаться вверх по служебной лестнице ради достижения лучшего будущего. «Исчерпание возможностей квалификационного роста служит одним из стимулов выхода из рабочих профессий... Труд рабочего предоставляет мало возможностей, для того чтобы «делать карьеру» в рамках профессии. Статус рабочего мало совместим со значительным повышением уровня образования, а это оказывается важным для тех молодых людей, которые ориентированы на продолжение учебы» [17] (табл. 5).

Оценка ценности труда рабочими различных типов мировоззрения, %

Направленность мотивов	Аспекты труда	Типы рабочих		
		Транзитные рабочие	Промежуточный тип	Стабильные рабочие
Труд как средство получения материальных благ	Заработная плата	37,2	35,3	32,8
	Возможность приработка	6,3	7,1	6,1
Труд как средство получения морального поощрения	Уважение коллег	21,0	21,7	22,2
	Внимание руководства	6,8	7,6	9,2
	Признание заслуг	4,7	6,9	6,2
Труд как процесс: содержание труда	Творчество в труде	2,7	3,6	4,4
	Принятие решений	2,0	2,5	2,5
Труд как результат: продукт труда	Карьера	10,6	6,2	4,0
	Успех предприятия	8,6	9,2	12,4
Всего		100	100	100

Удержание «транзитной» молодежи на рабочих специальностях невозможно только за счет увеличения заработной платы. Молодежи, ориентированной на карьеру, необходимы четкие контуры карьерных перспектив. Это может быть политика формирования кадрового резерва, контроль возрастной структуры персонала, возможности переквалификации. Так как на большинстве современных предприятий эти возможности отсутствуют, молодежь рассматривает продвижение вверх в карьерных ориентациях в виде смены работы и профессии. Если на предприятии выстроена вертикаль, при которой молодежь имеет возможность обучения, переквалификации, освоения нововведений и генерирования инновационных идей, возможность работы на современном оборудовании, то у таких предприятий, как правило, нет проблем с молодыми кадрами. Рабочая молодежь в этом случае рассматривает возможность для профессиональной мобильности не за пределами предприятия, а внутри него.

Для примера можно привести главные постулаты «белой металлургии», прописанные в стратегии Челябинского трубопрокатного завода, руководство которого утверждает, что молодежь составляет основу их кадрового состава:

- *Культура высокотехнологического производства* – комфортные условия труда, внедрение принципов постоянных улучшений, экологичность производства.
- *Чистота позволяет работать в спецодежде белого цвета* – во многих высокотехнологических отраслях используется спецодежда белого цвета.
- *Особый образ жизни «белых металлургов»* – сотрудники цеха «Высота 239» не курят, активно занимаются спортом.
- *Большая часть сотрудников с высшим образованием* – компания ЧТПЗ взаимодействует с ведущими вузами и ссузами области и страны.
- *Стажировки на лучших металлургических производствах мира* – часть «белых металлургов» прошла стажировку на заводах Германии, США, Китая.
- *Мотивация труда* – заработная плата выше средней по отрасли, широкие социальные льготы и гарантии, программа добровольного медицинского страхования.
- *Отличные возможности для карьеры инженера и рабочего* – талантливой, целеустремленной молодежи созданы все условия для карьерного и профессионального роста [18].

Нужно признать, что 3/4 руководителей предприятий, которые выступали в нашем исследовании в качестве экспертов, критически оценивают опыт, примененный на этом предприятии, называя его не более чем пиар-ходом. Однако можно представить этот опыт в качестве некоего «идеального типа», составляющие которого должны стать ключевыми, если предприятие не хочет испытывать кадровые проблемы.

Многие руководители предприятий, ощутив острую потребность в проведении работы с «молодым пополнением», констатируют, что лучше самой рабочей молодежи с ролью её защиты и мотивации к труду никто не справится. На предприятиях начали создаваться органы молодежного самоуправления: советы молодых специалистов, активы молодых рабо-

чих, молодежные профсоюзные организации, основной целью которых становится интеграция молодежи в трудовые коллективы и в управление предприятием, привитие молодежи чувства солидарности и сопричастности, поощрение рационализаторской деятельности, защита интересов молодых рабочих.

Идея создания советов молодежи неплоха, однако не всегда выбор этой стратегии имеет успех, часто эти организации повторяют «печальную» судьбу своих старших братьев – профсоюзов. *«Создать молодежную организацию на каждом производстве – такое решение было принято промышленниками и предпринимателями... Молодежью будет заниматься молодежь... Пакет программ для каждого предприятия должен быть отдельным, в соответствии со спецификой работы, с контингентом сотрудников и учетом сложившихся проблем. Сейчас на бумаге существуют множество стратегий создания и работы молодежных организаций на промышленных предприятиях. Но работают ли эти стратегии?»* [19]

Средства массовой информации буквально «пестрят» высказываниями о проблемах таких организаций на предприятиях. Например, *«основной... задачей является активизация инициатив рабочей молодёжи. С этой целью мы пытаемся организовать молодёжные советы на предприятиях. Но здесь возникает одна из главных проблем – отсутствие лидеров...»* [20]. Или *«...наряду с этим... конкретизированы и “болевы точки” в работе с молодежью предприятий. Это... отсутствие освобожденных ставок для специалистов по работе с молодежью, слабая координация в работе различных ведомств в этом направлении, а также слабое взаимодействие руководства предприятий, профсоюзов и актива рабочей молодежи и так далее. Анализ этих проблем свидетельствует, что решение их зависит, в первую очередь, от активности самих молодых работников предприятий области»* [21].

Интервью с руководителями предприятий, начальниками отделов кадров и лидерами молодежных организаций позволили нам сформулировать ряд рекомендаций по работе с органами молодежного самоуправления.

Во-первых, систему молодежного самоуправления невозможно выстроить только на одном конкретном предприятии. Руководители организаций должны заботиться о необходимости взаимодействия органов молодежного самоуправления на всех уровнях, начиная с образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования и заканчивая региональными и федеральными структурами власти. Например, в большинстве субъектов РФ сегодня созданы советы молодых ученых и специалистов при губернаторах. Но, с одной стороны, реально действующими данные советы являются лишь в нескольких регионах, с другой – основу данных советов составляют молодые ученые, молодых специалистов в данных советах единицы.

Во-вторых, директора заводов очень гордятся тем, что лидеры молодежных организаций занимают на предприятии высокую должность, скажем, заместителя или помощника руководителя. Попытка «навязывания» системы работы органов молодежного самоуправления «сверху» достаточно опасна, так как вызывает недоверие молодежи. Выстраивая систему молодежного самоуправления на предприятии, необходимо предоставить данным органам относительную самостоятельность в решении тех или иных вопросов, возможность участвовать в управлении организацией, как минимум, в решении социальных вопросов. На некоторых предприятиях руководители предлагают подобным организациям выступать в качестве отдельных юридических лиц, имеющих возможность дополнительного заработка, например, от сдачи в аренду имеющихся у завода помещений (Воронежский механический завод). Некоторые предприятия предлагают форму некоммерческого партнерства (по образу и подобию общественных организаций).

В-третьих, руководители предприятий должны предоставить систему высвобожденных ставок по работе с молодежью. Если человек весь день «стоит у станка», а в перерывах ему предлагают заниматься социальными вопросами, то вряд ли он захочет выполнять эту работу качественно и ответственно.

В-четвертых, необходимо четко продумать обязанности органов молодежного самоуправления на предприятии, в которые, по нашему мнению, должны входить:

1. Решение социальных вопросов, в первую очередь заработной платы, социальных гарантий и обеспечения жильем. Понятно, что органы по работе с молодежью на предприятии не могут курировать эти вопросы в полной мере. В их полномочия может быть включено представление руководству предприятия информации о возможности распределения

стимулирующих и иных выплат, распределение мест в заводском общежитии, предоставление руководству информации о количестве нуждающихся в улучшении жилищных условий.

2. Поддержка молодых специалистов, организация индивидуального и группового обучения рабочим специальностям на предприятии, переподготовка, повышение квалификации, закрепление шефских пар, заключение с молодыми рабочими ученических договоров на профессиональное обучение. Эти меры необходимы, так как большинство молодых людей приходят на заводы без опыта работы, и часто причиной их нежелания работать на предприятии становится невозможность этот опыт получить.

3. Помощь руководству предприятия в заключение трехсторонних договоров («студент – учебное заведение – предприятие») на подготовку кадров по остродефицитным специальностям с предоставлением студентам работы по совместительству.

4. Создание благоприятного морально-психологического климата в коллективе.

5. Выстраивание общественной жизни. Проведение творческих, спортивных и иных мероприятий, основой которых становится пропаганда здорового образа жизни, привлечение молодежи к систематическим занятиям физкультурой и спортом, создание творческих традиций в трудовых коллективах, расширение связей между молодежными коллективами.

6. Работа по совершенствованию инфраструктуры предприятий (библиотеки, в том числе мультимедийные, тренажерные залы, футбольные поля).

Итак, в современных условиях актуальной становится не только проблема привлечения молодежи на рабочие специальности, но и проблема её удержания на этих специальностях в рамках конкретного предприятия. Молодежь, необходимая современным предприятиям, либо отказывается выбирать рабочие профессии в качестве профессиональной жизненной карьеры, либо составляет основу «транзитного» типа рабочих, рассматривающих профессию рабочего как «перевалочный пункт» в своих жизненных планах. Причины этих процессов необходимо искать не только в материальных составляющих и низком уровне заработных плат рабочих, но и в отсутствии у рабочей молодежи возможностей для карьерного роста на предприятии, их слабой материально-технической оснащенности, отсутствии инноваций и нововведений, а также в недостатке у молодежи реального ресурса по защите своих прав и интересов. Те предприятия, на которых эти вопросы решены, не имеют проблем с молодыми кадрами на рабочих специальностях, однако большинство предприятий РФ не могут похвастаться решением вышеперечисленных проблем, поэтому проблема привлечения молодых кадров становится для них ключевой.

Примечания

1. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 13.02.2014).

2. Международная организация труда в России. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-truda-mot> (дата обращения 22.03.2014).

3. Белая металлургия. URL: http://www.chelpipe.com/about/white_metals/ (дата обращения 22.03.2014).

4. Численность учащейся молодежи образовательных учреждений Российской Федерации (среднесрочный прогноз до 2014 года и оценка тенденций до 2025 года) / под ред. Ф. Э. Шереги, А. Л. Арефьева. М.: Центр соц. прогнозирования, 2010.

5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Кировской области. Киров: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Киров. обл., 2012.

6. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. URL: http://www.hse.ru/data/2012/02/21/1263128561/doklad_08.pdf (дата обращения 11.12.2013). С. 170.

7. Днем с огнем ищут руководители краснодарских предприятий молодые рабочие руки. И не находят. Почему? // Краснодарские известия. 2001. 17 янв.

8. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. URL: http://www.hse.ru/data/2012/02/21/1263128561/doklad_08.pdf (дата обращения 11.12.2013). С. 170.

9. Там же. С. 168.

10. Молодой рабочий, что тебя ждет? // Биржа + карьера (Н. Новгород). 2008. 18 июня.

11. Рабочая молодежь, век XXI // Знамя (Калуга). 2007. 18 янв.

12. Приказ Министерства образования Нижегородской области № 156 от 01.02.2011 «О проведении мероприятий по созданию на базе государственных образовательных учреждений начального профессионального и среднего профессионального образования ресурсных центров профессионального образования». URL: <http://minobr.government-nnov.ru/?id=5903> (дата обращения: 22.02.2014).

13. Молодежь пошла в рабочие // АиФ Ростов-на-Дону. 2011. 23 марта.
14. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Рабочая молодежь сегодня: образование, профессия, социальное самочувствие // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2.
15. Там же. С. 29.
16. Там же.
17. Там же. С. 25.
18. Главные постулаты «белой металлургии». URL: http://www.chelpipe.com/about/white_metals/ (дата обращения 22.03.2014).
19. Фабрики – рабочим. Молодым // Воронежский курьер. 2003. 23 окт.
20. Молодежь пошла в рабочие АиФ Ростов-на-Дону. 2011. 23 марта. 21. Слет рабочей молодежи // Волжская коммуна (Самара). 2004. 01 сент.

Notes

1. Rossijskij monitoring ehkonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU-VSHEH [Russian monitoring of the economic situation and health of population HSE HES]. Available at: <http://www.hse.ru/rf/mlms/> (date accessed: 13.02.2014) (in Russ.).
2. Mezhdunarodnaya organizatsiya truda v Rossii. [International Labour Organization in Russia]. Available at: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-truda-mot> (date accessed 3/22/2014) (in Russ.).
3. Belaya metallurgiya [White metallurgy]. Available at: http://www.chelpipe.com/about/white_metals/ (date accessed 3/22/2014) (in Russ.).
4. CHislennost' uchashchejsya molodezhi obrazovatel'nykh uchrezhdenij Rossijskoj Federatsii (srednesrochnyj prognoz do 2014 goda i otsenka tendentsij do 2025 goda) [The number of students of educational institutions of the Russian Federation (medium-term forecast up to 2014 and assessment of trends up to 2025)] / ed. F.Eh. Sherega, A. L. Aref'ev. Moscow: Center of soc. forecasting. 2010.
5. The results of the National Population Census 2010 in the Kirov region. Kirov: Regional office of the Federal State Statistics for Kirov region. 2012 (in Russ.).
6. Strategiya-2020: Novaya model' rosta – novaya sotsial'naya politika [Strategy-2020: The new growth model – a new social policy]. Available at: http://www.hse.ru/data/2012/02/21/1263128561/doklad_08.pdf (date accessed 11.12.2013). P. 170 (in Russ.).
7. Dnem s ognem ishchut rukovoditeli krasnodarskikh predpriyatij molodye rabochie ruki. I ne nakhodyat. Pochemu? [Managers of Krasnodar enterprises looking for young workers. And they can not find. Why?] // Krasnodarskie izvestiya – Krasnodar News. 2001, January 17.
8. Strategiya-2020: Novaya model' rosta – novaya sotsial'naya politika [Strategy-2020: The new growth model – a new social policy]. Available at: http://www.hse.ru/data/2012/02/21/1263128561/doklad_08.pdf (date accessed 11.12.2013). P. 170 (in Russ.).
9. Ibid. P. 168.
10. Molodoj rabochij, chto tebya zhdet? [Young worker, what awaits you?] // Birzha + kar'era – Marketplace + career (Nizhny Novgorod). 2008, 18 June.
11. Rabochaya molodezh', vek XXI [Working youth, age XXI] // Znanya – Banner (Kaluga). 2007, January 18.
12. Order of Ministry of Education of the Nizhny Novgorod region № 156 dated 01.02.2011 "On carrying out activities to build on the basis of state educational institutions of primary and secondary vocational education resource centers of professional education." Available at: <http://minobr.government-nov.ru/?id=5903> (date accessed: 22.02.2014) (in Russ.).
13. Molodezh' poshla v rabochie [Young people went to workers] // АиФ Ростов-на-Дону – АиФ Ростов-на-Дону. 2011, 23 March.
14. *Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednychenko G. A.* Rabochaya molodezh' segodnya: obrazovanie, professiya, sotsial'noe samochuvstvie [Young workers today: education, occupation, social well-being] // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika – Science of sociology and social practices. 2013, № 2.
15. Ibid. P. 29.
16. Ibid.
17. Ibid. P. 25.
18. Glavnye postulaty «beloj metallurgii» [The main tenets of the "white metal"]. Available at: http://www.chelpipe.com/about/white_metals/ (date accessed 3/22/2014) (in Russ.).
19. Fabriki – rabochim. Molodym [Factories – to workers. To young ones] // Voronezhskij kur'er – Voronezh courier. 2003, October 23.
20. Molodezh' poshla v rabochie [Young people went to workers] // АиФ Ростов-на-Дону – АиФ Ростов-на-Дону. 2011, 23 March.
21. Slet rabochej molodezhi [Meeting of Working Youth] // Volzhskaya kommuna – Volga commune (Samara). 01 Sep 2004.

Терминология и теоретизация исторического познания: к постановке проблемы

В статье развивается представление о терминологии как необходимой части теоретизации исторического познания. Дальнейшее развитие теории исторической эпистемологии видится в совершенствовании инструментария познавательной деятельности. В противном случае наступает стагнация. С этой точки зрения представляется, что постмодернистский вызов не является случайным. На протяжении длительного времени представители научного сообщества неоднократно приходили к мысли о серьезном изъяне в основах исследовательской деятельности, но каждый раз останавливались на стадии формулирования проблемы. И это не могло не вызвать скептицизм. Сомнения должны были возникнуть, прежде всего, в степени научности исторической сферы знания. В дальнейшем предстоит отвечать на вопрос, является ли история наукой или только искусством, где полотно создается воображением художника и возможностями его фантазии и вкуса.

The article develops the idea of terminology as a necessary part of theoretical historical knowledge. Further development of the theory of historical epistemology is seen in the improvement of the tools of cognitive activity. Otherwise, sets stagnation. From this point sight it seems that the postmodern challenge is not accidental. For a long time representatives of the scientific community has repeatedly come to the thought about the serious flaw in the fundamentals of research activities, but every time staying at the stage of formulation of the problem. And this could not cause skepticism. Doubts were to occur, primarily in the degree of scientific historical disciplines. In the future she will have to answer the question whether the history of science or only art, where the canvas is created by the imagination of the artist and his imagination and taste.

Ключевые слова: эпистемология, терминология, понятийный аппарат.

Keywords: epistemology, terminology, conceptual-categorical apparatus.

Системность научного познания предполагает гармоничное развитие всех его элементов. В историческом знании по степени обобщения можно выделить уровни: конкретно-исторический, обобщающий, теоретический [1].

На рубеже XX–XXI вв. исследователи констатировали факт нарастания кризиса в историческом познании. Причина усматривалась в невнимании к ее философским и методологическим аспектам, что «с течением времени породило... пагубную тенденцию, связанную с резким сокращением количества обобщающих трудов и непомерным ростом числа частных исследований... Синтез стал уходить из науки, а в ее структуре начала формироваться серьезнейшая структурная диспропорция» [2]. Состояние характеризовалось одним понятием – «кризис» [3]. Мнения были подытожены А. А. Искендеровым: «Хотя все признают наличие глубокого кризиса нашей науки... кризис этот сильнее всего поразил именно теорию исторического познания. Сейчас нужен... ответ на вопрос: насколько методология... отвечает современным требованиям, позволяет ли она получить полную и достоверную информацию о прошлом» [4]. В начале 2000-х гг. эта диспропорция должна была сократиться благодаря многочисленным теоретическим публикациям. Но насколько значимым стало воздействие этих работ на преодоление кризиса в историческом познании? И могло ли это воздействие быть существенным?

Для эпистемологии значимой является проблема терминологии. Стремление к адекватному познанию мира исторического нуждается в совершенствовании инструментария. Без этого не сформировать соответствующий стиль мышления, без этого немислимо познание (в том числе историческое). Вопрос этот выделился при становлении истории в качестве науки. В конце XIX – начале XX в. проблема уже существовала: «Одним из главных недостатков языка исторических сочинений является злоупотребление терминологией» [5]. Необходимость развития комплекса исторических понятий была выражена в этот же период [6].

В чем виделась проблема? Было признано, что состояние терминологии не соответствовало требованиям: историки понимают термины неоднозначно и каждый по-своему. Были сформулированы нормы словоупотребления: «Правила: 1. Если термин имеет строго устано-

вившееся, общепринятое значение, то всякий должен употреблять его только в этом значении. 2. Если термин не имеет общепринятого значения, то... автор вправе условиться употреблять его в том смысле, какой будет для него наиболее удобным (но всегда в одном и том же). 3. Если в науке нет термина... то... автор вправе его создать, давши ему строгое определение» [7]. Иногда правилам следовали [8]. Но проблема, выделенная в начале XX в., разрешена не была. Инструментарий познавательной деятельности характеризовался нелестно: «туман несообразной терминологии», «мутъ и путаница понятий».

В указанный период главный шаг был сделан представителями германской мысли: это нашло отражение в тезисе о различении естественнонаучных и исторических понятий. Продолжения данная работа не получила, и (уже в начале XXI в.) Н. Е. Копосов справедливо подчеркивал: «Но что мы знаем о формах разума, сквозь призму которых рассматриваем историю? До странности мало, особенно если учесть, что программа критики исторического разума была... сформулирована сто с лишним лет назад. Среди «основоположников» более других размышляли об этом неокантианцы Юго-Западной немецкой школы... Их... мысль... в том, что в отличие от генерализирующих понятий наук о природе исторические понятия носят индивидуализирующий характер. Однако вопрос о логической структуре индивидуализирующих понятий остался... непроработанным» [9]. В 1970-х гг. Н. П. Французова отмечала отсутствие в истории единой терминологии [10].

Со второй четверти XX в. Л. Февр и М. Блок связали эту проблему с вопросом о критериях научности. Им историческая терминология не соответствовала: исследователи продолжали «с важным видом пользоваться метафорами, дошедшими до нас из глубины веков» [11]. Но и для представителей французской гуманитаристики разработка системы понятий самостоятельной задачей не стала, хотя Блок рассматривал термин в качестве исследовательского инструмента: «Ибо всякий анализ прежде всего нуждается в орудии – в подходящем языке, способном точно очерчивать факты с сохранением гибкости, чтобы приспособливаться к новым открытиям... без зыбких и двусмысленных терминов. Это и есть наше слабое место» [12].

Вклад Блока в формулирование проблемы состоял еще и в выделении ее структуры. Ее части воплотились в специфике познавательной деятельности: отсутствие единства в заимствованиях, отсутствие системы символов, не связанных с национальным языком, иерархический билингвизм, двусмысленность и мнимая точность терминологии социальных реальностей, приблизительность профессиональной лексики, различное происхождение и отклонения смыслов в совокупности с эмоциональными излучениями, инстинктивное применение, навязывание прошлому исследовательской терминологии [13]. Таким образом, акцентирование слабых мест состоялось: набор научных фактов сам по себе не способен сформировать целостную картину. Подчеркивая это, М. И. Бацер в качестве тенденции развития исторического познания XX в. выделил именно теоретическое осмысление: «Потребность в теоретическом осмыслении фактов осознается ныне на Западе как определяющая характеристика... процесса познания» [14]. Незавершенности понятийного аппарата сопутствовала специализация познавательной деятельности. Так, С. И. Жук отмечал, что спецификой эпохи стала «узкая специализация, фрагментация историографии и “наукообразность” жаргона, вошедших в моду среди историков США после “эпистемологической революции” 1960–1970-х гг. Достаточно сказать, что сегодня уже невозможно представить ведение серьезных дискуссий среди историков США за пределами их узко специализированных групп» [15].

Итак, на протяжении столетия (1890–1990-х гг.) проблема трансформировалась в своеобразную константу. Но как повлияло на ситуацию периодически возникавшее внимание к ней и единодушное признание важности ее немедленного разрешения? Как в целом для 2000-х гг. оценивалось состояние исторической науки? «Блестящий разброд» (Г. Нэш), «раскрошенная история» (Ф. Досс), «история – гибрид, не поддающийся классификации» (Д. Тош), «фрагментация истории» (Л. П. Репина), понятийная дискретность исторической науки (А. Филюшкин). Для всех характеристик общим по-прежнему являлось понятие «кризис». Обобщив, И. Л. Зубова перечислила причины этого: «Истоки... усматриваются в отсутствии общепризнанной парадигмы и единого научного стандарта исторического исследования. Парадоксальность ситуации... в том, что кризисное состояние исторического познания возобновляется уже на протяжении более ста лет,... с того момента, когда были предприняты... попытки обосновать его научный статус» [16].

Проблема терминологии влияет на статус сферы знания и определяет степень научности познания. Незавершенность этого сегмента эпистемологии не могла не вызвать кризис. И нет ничего удивительного в том, что постмодернизм, заявив о себе как о парадигмальном явлении, приступил к развенчанию именно исторического познания.

Зададимся тем же вопросом: действительно, является ли история наукой? Является ли историческое познание научным? Каковы критерии научности знания? Это заставляет также задать вопрос: как возможно историческое знание? Подобная формулировка создавалась И. Кантом. Как возможно понимание? Относительно более общего круга объектов этот вопрос был сформулирован В. Дильтеем. Необходимо задаться аналогичными вопросами и по отношению к исторической науке. Но соответствие критериям научности подразумевает и наличие, и постоянное совершенствование терминологии. Важность этого подчеркивал П. Вен: «Нет, выяснять, научна ли история – не пустые разговоры, поскольку “наука” – не возвышенное слово, а точный термин, и опыт показывает, что равнодушие к спорам о словах обычно сопровождается путаницей в представлениях о предмете» [17]. В начале XXI в. были подведены итоги: в теоретической отрасли современной российской исторической мысли господствуют негативизм и анархия. Один из путей выхода из кризиса виделся в возвращении к периоду конституирования истории в качестве науки. Предлагалось разобраться в терминологии XIX в., надеясь, что это поможет упорядочить современный понятийный аппарат [18]. Но можно ли простое возвращение к идеям более чем вековой давности считать решением?

Констатируя необходимость обращения к аппарату, который разрабатывался в середине XIX в., реализовался в публикациях конца XIX в., а устоявшимся стал в начале XX в., мы перечеркиваем все последующее развитие, в том числе неоспоримость достижений поколения исследователей, к которому принадлежат Н. Кареев и С. Лаппо-Данилевский. Но после всех вызовов науке в XX в. более приемлемым будет критическое осмысление их результатов с развитием на новом уровне. Справедливым представляется мнение В. П. Золотарева: «Если теоретизирующие историки действительно хотят преодолеть терминологическую путаницу... то они должны договориться (как сказали бы древние) о словах, т. е. о системе терминов и их содержании. Только при таком условии возможно двинуть вперед теорию истории. За ней же потянутся и другие отрасли исторической науки» [19].

В более категоричной форме эта мысль выражена А. А. Искендеровым: «Исторической науке XXI в. ... придется уделить серьезнейшее внимание совершенствованию... понятийного аппарата, который играет важную роль в процессе исторического познания и... характеризует ее состояние и уровень развития... Арсенал научных понятий и категорий, терминов и дефиниций... не только крайне ограничен и беден, но и чрезвычайно несовершенен... Используя... понятия и термины, отражающие новейшие исторические события и процессы... многие историки... “подтягивают” историю к современности... подгоняют исторический материал к уже готовым формулам... оценкам и выводам. В идеале историку надо научиться с каждой исторической эпохой разговаривать на ее языке, используя присущую ей систему понятий и терминов» [20]. Проблема совершенствования терминологии соотносится также с темой концептуализации научного исторического знания [21].

Таким образом, развитие исторического познания с момента его конституирования сопровождается постоянным кризисным положением в сфере терминологии. Современный период развития исторической эпистемологии (время «после-постмодернизма») позволяет констатировать:

1. Научность исследования подразумевает адекватный инструментарий.
2. В XX в. подвергнуты сомнению познавательные стандарты восприятия прошлого, его конструирования и отражения в виде системы понятий.
3. Возник скептицизм в отношении единства понимания терминов, входящих в состав специальной лексики. Возникает вопрос: возможно ли создание такой единой системы научных понятий, которая смогла бы адекватно описать прошлое? Без этого невозможно проведение исследовательских операций. Так, при описании анализа деятельности человека и социальных групп Блок отмечал взаимосвязь классификации и терминологии [22].
4. Категоризация до сих пор не рассматривается как особый вид исследовательского труда.
5. Для заполнения лакун встречается произвольное обращение к терминологии других сфер знания (из гуманитаристики или естественнонаучной сферы).

6. В исторической науке исчезает такое явление, как терминологические споры. Дискуссия по поводу понятийного аппарата позволяет выявить границу между сферой познанного и непознанного, между объясненным и необъясненным (а может быть, и не поддающимся объяснению). Внутри сферы познанного терминологический спор даст возможность уточнить знание. Такой спор способен привести к выявлению степени некорректности познанного, выйти на новый круг исследовательских вопросов, сформировать новую проблематику.

7. Проблема понятийного аппарата связана с вопросом о научной рациональности в историческом познании, ее возможностях, специфике.

8. Не ставилась проблема и не находил выражения в сколько-нибудь четкой формулировке вопрос о соотношении категорий и понятий. И есть ли вообще необходимость проводить подобное разграничение в историческом познании? Оправданно ли это? Каково отношение исследователей к их разделению?

Дальнейшее развитие теории исторической эпистемологии видится, прежде всего, в исследовательском интересе к совершенствованию инструментария познавательной деятельности. И можно согласиться с Х. Кёллнером: во-первых, кризис есть начало всего, иначе наступает стагнация. Во-вторых, проблемы исторического познания суть кризис профессии [23].

Перспектива развития исторического познания видится в ответах на сформулированные вопросы. И не надо думать, что постмодернистский вызов был случайным: если на протяжении длительного времени представители научного сообщества неоднократно приходили к мысли о серьезном изъяне в основах исследовательской деятельности, но каждый раз останавливались на стадии формулирования проблемы, то это не могло не вызвать скептицизм. Сомнения должны были возникнуть, прежде всего, в степени научности этой сферы знания. В дальнейшем предстоит отвечать на вопрос, является ли история наукой или только искусством, где полотно создается воображением художника и возможностями его фантазии и вкуса.

Примечания

1. *Хмылев Л. Н.* Структурный кризис исторической науки // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 25. Томск, 1999. С. 70–79.
2. Там же. С. 72.
3. См., например: *Могильницкий Б. Г.* Понятие кризиса исторической науки // Исторический ежегодник. Омск, 2000. С. 11–16.
4. Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 159.
5. *Смоленский И.* История как наука и как предмет преподавания. Одесса, 1905. С. 74.
6. *Бубнов Н. М.* Пособие по методологии истории. Киев, 1914. С. 3.
7. *Смоленский И.* Указ. соч. С. 76–77.
8. См., например: *Eckermann W., Mohr H.* Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966. S. 29–31.
9. *Копосов Н. Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 10.
10. *Французова Н. П.* Методологические и логические вопросы исторического познания: автореф. дис. ... д-ра филос. н. М., 1973. С. 4; 8–10; 11.
11. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 31.
12. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 86.
13. *Блок М.* Указ. соч. С. 86–101.
14. *Бацгер М. И.* От нарратива к теории. Англо-американская историография Английской революции XVII в. // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 42.
15. *Жук С. И.* Заметки о современной американской историографии // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 162.
16. *Зубова И. Л.* Современное состояние исторической науки: о некоторых результатах поиска новых парадигмально-методологических ориентаций // Фигуры истории, или «общие места историографии»: II Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 57.
17. *Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 5.
18. *Золотарев В. П.* Договоримся о словах! // Историческая наука и методология истории в России XX века: I Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2003. С. 19; 24.
19. Там же. С. 15; 26.

20. *Искендеров А. А.* Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 28.
21. *Тимофеев И. С.* Проблема концептуализации историко-научного знания // Методология развития научного знания. М., 1982. С. 45–54; *Ракитов А. И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 128–129.
22. *Блок М.* Указ. соч. С. 86.
23. *Кёллер Х.* // Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М., 2010. С. 78.

Notes

1. *Khmylev L. N.* Strukturnyj krizis istoricheskoy nauki [Structural crisis of historical science] // Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki – Methodological and historiographical issues of historical science. Is. 25. Tomsk. 1999. Pp. 70–79.
2. Ibid. P. 72.
3. See for example: *Mogilnitsky B. G.* Ponyatie krizisa istoricheskoy nauki [Concept of crisis of historiography] // Istoricheskij ezhegodnik – Historical Yearbook. Omsk. 2000. Pp. 11–16.
4. Aktual'nye teoreticheskie problemy sovremennoj istoricheskoy nauki [Recent theoretical problems of modern historical science] // Voprosy istorii – Questions of history. 1992, № 8–9, p. 159.
5. *Smolensky I.* Istoriya kak nauka i kak predmet prepodavaniya [History as a science and as a subject]. Odessa. 1905. P. 74.
6. *Bubnov N. M.* Posobie po metodologii istorii [Guide to the methodology of history]. Kyiv. 1914. P. 3.
7. *Smolensky I.* Op. cit. Pp. 76–77.
8. See for example: *Eckermann W., Mohr H.* Einföhrung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966. Pp. 29–31.
9. *Koposov N. E.* Posobie po metodologii istorii [How historians think]. Moscow. 2001. P. 10.
10. *Frantsuzova N. P.* Metodologicheskie i logicheskie voprosy istoricheskogo poznaniya: avtoref. dis. ... d-ra filos. n [Methodological and logistical issues of historical knowledge: Author. dis. Dr. ... Philosophy]. Moscow. 1973. Pp. 4; 8–10; 11.
11. *Fevr L.* Boi za istoriyu [Fighting for history]. Moscow. 1991. P. 31.
12. *Block M.* Apologiya istorii, ili Remeslo istorika [Apology of history, or Craft of historian]. Moscow. 1973. P. 86.
3. *Block M.* Op. cit. Pp. 86–101.
14. *Batser M. I.* Ot narrativa k teorii. Anglo-amerikanskaya istoriografiya Anglijskoj revolyutsii XVII v. [From narrative to the theory. Anglo-American historiography of the English Revolution of the XVII century] // Novaya i novejschaya istoriya – Modern and Contemporary History. 1997, № 5, p. 42.
15. *Zhuk S. I.* Zametki o sovremennoj amerikanskoj istoriografii [Notes on modern American historiography] // Voprosy istorii – Questions of history. 1995, № 10, p. 162.
16. *Zubova I. L.* Sovremennoe sostoyanie istoricheskoy nauki: o nekotorykh rezul'tatakh poiska novykh paradigmal'no-metodologicheskikh orientatsij [The current state of historical scholarship: some of the results to search for new paradigmatic and methodological orientations] // Figury istorii, ili «obshchie mesta istoriografii»: II Sankt-Peterburgskie chteniya po teorii, metodologii i filosofii istorii – Figures of history, or "common places historiography": II St. Petersburg Readings on theory, methodology and philosophy of history. St. Petersburg. 2005. P. 57.
17. *Wen P.* Kak pishut istoriyu. Opyt ehpiistemologii [How to write a story. Experience epistemology]. Moscow. 2003. P. 5.
18. *Zolotarev V. P.* Dogovorimsya o slovakh! [Agree on words!] // Istoricheskaya nauka i metodologiya istorii v Rossii XX veka: I Sankt-Peterburgskie chteniya po teorii, metodologii i filosofii istorii – Historical science and methodology of history in Russia XX century: I St. Petersburg Readings on theory, methodology and philosophy of history. St. Petersburg. 2003. Pp. 19; 24.
19. Ibid. P. 15; 26.
20. *Iskenderov A. A.* Istoricheskaya nauka na poroge XXI veka [Historical science in the XXI century] // Voprosy istorii – Questions of history. 1996, № 4, p. 28.
21. *Timofeev I. S.* Problema kontseptualizatsii istoriko-nauchnogo znaniya [The problem of conceptualization of historical and scientific knowledge] // Metodologiya razvitiya nauchnogo znaniya – Methodology development of scientific knowledge. Moscow. 1982. Pp. 45–54; *Rakitov A.I.* Istoricheskoe poznanie. Sistemno-gnoseologicheskij podkhod [Historical knowledge. System-epistemological approach]. Moscow. 1982. Pp. 128–129.
22. *Block M.* Op. cit. P. 86.
23. *Köllner H.* // Domanski E. Filosofiya istorii posle postmodernizma [The philosophy of history after postmodernism]. Moscow. 2010. P. 78.

Интегративный подход в исследовании проблем современной сельской молодой семьи

Интерес к сельской молодой семье продиктован тем, что изначально традиционные устои семьи формировались в сельской местности. Укрепление этих устоев является важным элементом в процессе сохранения семьи как таковой. Это побуждает выделить исследование молодой сельской семьи из общей проблематики и рассмотреть особенности функционирования и развития молодой сельской семьи в различных социальных ракурсах. Именно в связи с широким диапазоном негативных тенденций в молодой семье столь большую актуальность для нас приобретает интегративный подход к её проблемам, позволяющий отойти от стереотипов рассмотрения данной проблематики в рамках какого-либо одного направления. Такое рассмотрение вне жестких рамок: социальный институт либо малая группа – позволяет более детально описать структуру, функции и внутрисемейные отношения, а также определить основные факторы, способствующие стабильному и комфортному существованию молодой семьи в современном социуме.

The interest towards rural young family dictated by the fact that initially the traditional foundations of the family was formed in rural areas. The strengthening of these values is an important element in the process of preservation of the family as such. This leads to highlight the research of young rural families from a common perspective and consider the peculiarities of the functioning and development of young rural families in different social perspectives. It is in connection with a wide range of negative tendencies in young family is so very important for us acquires integrative approach to its problems, allowing to move away from stereotypes consideration of this problem in any one direction. Such consideration beyond the strict boundaries: social institution or a small group, allows you to describe in more detail the structure, functions and relationships. And to determine the main factors contributing to the stable and comfortable existence young family in modern society.

Ключевые слова: молодая семья, интегративный подход, дестабилизация, репродуктивная функция, гендерные стереотипы.

Keywords: young family, integrativny approach, destabilization, reproductive function, gender stereotypes.

Научно-практический интерес к сельской молодой семье продиктован тем обстоятельством, что изначально традиционные устои семьи формировались в сельской местности. А их укрепление хотя бы в оставшейся части семейных ценностей является важным элементом в процессе сохранения семьи как таковой. Эти мысли и побудили нас выделить исследование молодой сельской семьи из общей проблематики и рассмотреть особенности функционирования и развития молодой сельской семьи в различных социальных ракурсах. Именно в связи с широким диапазоном негативных тенденций в молодой семье столь большую актуальность для нас приобретает интегративный подход к её проблемам, позволяющий отойти от стереотипности рассмотрения данной проблематики в рамках какого-либо одного научно-исследовательского направления. Такое рассмотрение семьи как социальной системы вне жестких рамок: социальный институт либо малая группа – позволяет более детально описать структуру, функции и внутрисемейные отношения, а также определить основные факторы, способствующие стабильному и комфортному существованию молодой семьи в современном социуме.

Анализ семьи и ее структуры с позиции социального института призван раскрыть процесс формирования семьи – совокупность норм и стандартов ухаживания, выбор брачного партнера, сексуального поведения, взаимоотношений с родителями будущих супругов и, наконец, санкций за невыполнение тех или иных норм [1]. Здесь важно выяснить, насколько образ семьи, ее функционирование соответствуют или не соответствуют тем или иным современным общественным потребностям. Модель семьи как социального института крайне важна и для прогноза будущих изменений. В современных условиях всё заметнее становится

кризис молодой семьи как социального института: она всё хуже реализует свои основные функции. Основной и, пожалуй, главной функцией семьи выступает репродуктивная. Молодая семья – это рожаящая семья. Однако бездетность и малодетность стали давно уже достаточно распространенными явлениями на большей территории России. Уменьшилось не только число многодетных семей, но и их доля в семейной структуре [2]. На сегодняшний день наблюдается активный процесс нуклеаризации семей, в том числе и в сельской местности. В процессе отделения от родительской семьи молодую пару поджидает опасность. Уменьшение семей по количеству поколений во многом отражает отход от сельскохозяйственной ориентации, особенно на личное хозяйство. И никто, в том числе и родители супругов, как правило, не препятствует этому явлению, предполагая, что чем раньше молодые обретут самостоятельность, тем раньше они станут на ноги. Такое мнение может оказаться справедливым только при существовании серьезной системы подготовки молодежи к будущей семейной жизни. Из-за отсутствия такого подхода преимущественно большинство молодых сельских семей попадает в зону риска, начиная жизнь в отсутствии жилья, без сложившихся ориентиров последующей семейной жизни.

В молодой сельской семье как социальном институте также изменились и традиционные роли. Во многие социологические анкеты включается вопрос о главенстве в семье. Долгое время и почти повсеместно главой семьи считался мужчина. Теперь же ответы на такой вопрос становятся разнообразнее. Сегодня в укладе жизни сельского населения прослеживаются тенденции к изменению устоявшихся гендерных стереотипов мышления и поведения. Сельские женщины адаптируются к новым условиям быстрее и легче, стремятся самоутвердиться во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в семье, а мужчины более пассивны, консервативны, их адаптация к новым условиям жизни проходит болезненней.

Семья как малая социальная группа соединяет личные потребности с общественными интересами, приспосабливается к социальным отношениям и нормам, принятым в обществе. В данном масштабе акцент сосредоточен на эмоциональной близости членов семьи, их желаниях. На сегодняшний день все более утверждается мнение: тенденции развития современной сельской молодой семьи – это смена одного типа семьи другим. Супружество становится одним из ведущих отношений в семье. В связи с сокращением уровня рождаемости и нуклеаризации семьи роль родительства и родства снижается. Происходящие изменения связаны с утверждением качественно нового представления о семье, семейной жизни как ценности. Традиционно социологами подчеркивалось общественное назначение семьи, где функции супругов сокращались до совместного ведения хозяйства, рождения и воспитания детей. Гораздо меньше внимания уделялось собственно супружеским отношениям, удовлетворенности совместной жизнью. Сегодня утверждается самоценность семьи, значимость нормальных межличностных отношений в семье. Соответственно и среди функций семьи на первый план выдвигаются сексуальная, социально-психологическая, культурная. В современной молодой сельской семье возросла роль межличностных отношений супругов. Больше ценится способность семьи обеспечить взаимопонимание, дружбу, эмоциональный комфорт. В связи с этим повышаются и требования к членам семьи. Молодым супругам уже не так, как раньше, важны строгое разделение ролей и материальный вклад, вносимый каждым. Повышенную ценность приобретают общение, одинаковый взгляд на мир.

Основываясь на системном анализе, интегративный подход предполагает изучение не только внутренних свойств и качеств семьи, но и внешних факторов ее взаимодействия с обществом в целом. Нельзя забывать, что семья – это единичный элемент большой системы человеческих индивидов – общества. Поэтому различные общественные процессы не могут не сказаться на состоянии и развитии семьи. По благополучию, устойчивому состоянию семьи судят, в свою очередь, и об уровне развития всего общества.

Несмотря на экономическую стабилизацию в стране, ситуация в сельском хозяйстве остается напряженной, и занятость здесь по-прежнему носит кризисный характер. Село становится эпицентром лишений и пространственной изоляции семей, не имеющих возможности выехать в более благополучные регионы, а также радикально изменить ситуацию внутри современного сельского уклада обеспечения семьи. Это обстоятельство является главным фактором массового оттока молодежи из сельской местности. Молодые супруги после свадьбы стараются скорее переселиться в город, где больше возможностей реализовать свои жизненные планы.

В качестве компенсации низкооплачиваемой и нестабильной занятости в деревне привычным становится массовое обращение работающих и трудоспособных граждан за социальной помощью. Несмотря на то что семейная кооперация становится залогом выживания, доля неполных семей, особенно среди молодых, из года в год увеличивается [3]. Многочисленными социологическими исследованиями установлено, что отсутствие должных материальных условий, помимо того что дестабилизирует сельскую семью и затормаживает выполнение ею таких функций, как рождение, воспитание и социализация детей, способствует одновременно и духовной деградации самих молодых супругов.

Сегодня наблюдается тенденция увеличения значимости социально-психологического подхода к семье, к семейным проблемам как проблемам внутренних межличностных отношений. Значение удерживающих семью «внешних факторов» значительно снизилось, а дезинтегрирующих, наоборот, увеличилось. Данный подход позволяет установить мотивы и причины разводов, динамику супружеских отношений, характер отношений между родителями и детьми.

В пределах сельской местности супруги зачастую сталкиваются с однообразием семейной жизни и ограниченностью интересов, негативно отражающиеся на психологическом климате молодой семьи. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что условия жизни, быта и свободного времени молодой сельской семьи не соответствуют даже минимальным их потребностям. Эта тенденция в некоторых семьях приводит к алкоголизации партнеров, а иногда и к физическому насилию. В силу этого представляется вполне обоснованной распространенность желаний покинуть село.

Таким образом, можно сказать, что в сельской молодой семье имеют место те же изменения, что присущи в настоящее время в целом семье в обществе в связи с социально-экономическими преобразованиями в последние полтора десятка лет. Однако эти изменения имеют свои особенности, что обусловлено спецификой функционирования и особенностями института сельской семьи. Нам представляется, что каждый из подходов в изучении основных проблем семьи имеет свою ценность, и выбор того или иного подхода определяется целями исследования, а также индивидуальными предпочтениями социолога. Но если исходить из практических целей, то использование интегрального подхода значительно расширяет возможность социологического анализа проблем молодой семьи в сельской местности.

Примечания

1. *Мацковский М. С.* Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М., 1989.
2. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Сообщение Росстата. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php> (дата обращения: 15.07.2012).
3. *Ярошенко С.* Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семье нуждающихся // В поисках сексуальности: сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. 2002. С. 172–196.

Notes

1. *Matskovsky M. S.* Sotsiologiya sem'i. Problemy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of the Family. Problems of the theory, methodology and methods]. Moscow. 1989.
2. Ob itogakh Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda. Soobshchenie Rosstat [On the results of the National Population Census 2010. Post Rosstat] Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php> (date accessed: 15.07.2012) (in Russ.).
3. *Yaroshenko S.* Krizis sem'i i seksual'nosti: bednost' bez lyubvi v sem'e nuzhdayushchikhsya [Crisis of the family and sexuality: poverty without love in the family need] // V poiskakh seksual'nosti: sb. st. – Finding sexuality: col. art. / Edited by E. Zdravomyslova, A. Temkina. 2002, pp. 172-196.

Имманентное и трансцендентное в экзистенциально-онтологическом реализме Ф. Достоевского

В статье рассматривается взаимосвязь имманентного и трансцендентного в религиозно-философских и художественных исканиях Ф. Достоевского. Автор анализирует православно-экзистенциальную точку зрения писателя в широком культурорефлексивном контексте XIX–XX вв.

The article deals with the interrelation between the immanent and transcendental aspects of Dostoevsky's religious-philosophical and artistic exploration. The author's orthodox-existential point of view is analysed in the broad cultural-reflective context of the XIX–XX cc.

Ключевые слова: синтетическая структура, имманентное, трансцендентное, самосознание русской культуры, христианская антропология, историческое, эсхатологическое, христианский реализм, экзистенциально-онтологический реализм, живая жизнь, тернарная модель.

Keywords: Synthetic structure, immanent, transcendent, self-consciousness of Russian culture, Christian anthropology, historical, eschatological, Christian realism, existential-ontological realism, alive life, ternary model.

Для понимания синтетической структуры самосознания русской культуры существенным является осмысление дилеммы имманентного и трансцендентного в экзистенциально-онтологическом реализме Ф. Достоевского. Литературовед С. Бочаров определяет сложность художественной антропологии писателя как «перебои утопического и контррелигиозного начал в мировоззрении позднего Достоевского» [1]. Представляется, что этот вопрос гораздо сложнее, и здесь важно увидеть связь между Достоевским-мыслителем и Достоевским-художником. Атеизм Достоевский рассматривал как отпадение от истины. Сам же он, принадлежа к православно-христианскому типу культуры, в то же время был одолеваем сомнениями веры до самого конца. Эти сомнения – вообще атрибут определенного типа сознания, характерного, как полагал Достоевский, для периода безбожной цивилизации, и вся духовная и творческая энергия писателя была направлена на преодоление этого сознания. Все-таки мы полагаем, что в рамках христианской веры позиция Достоевского не столько была позицией вопрошающего, сомневающегося, как позиция его героев (Раскольников, Шатов, Ставрогин, Иван Карамазов), сколько ищущего третий путь, динамически-синтетическую точку зрения, которая воплощается, должна воплотиться и, пока человек жив, процесс этот бесконечен, – в идее христианской любви к ближнему, к Бытию, через которое с человеком говорит Господь. Творческий поиск Достоевского как религиозного мыслителя и художника находит свое выражение в дифференциальных отношениях двух тенденций понимания 20-й и 21-й глав Апокалипсиса, обозначенных о. Сергием Булгаковым как «имманентно-исторический» и «трансцендентно-катастрофический» [2] пути интерпретации откровения, как их антиномия. С. Булгаков выделяет три типа хилиазма. В первые века христианства обозначились два основных течения в понимании хилиазма: иудейское (чувственно-историческое) и спиритуалистическое. Для первого хилиазм есть цель истории, идеал прогресса, достигаемый в историческом развитии, следовательно, он всецело относится к будущему. Согласно второму хилиазму принадлежит столько же будущему, сколько прошлому и настоящему, ибо тысячелетнее царство Христа и святых его есть Церковь, и сатана связан еще при первом пришествии Христа. Если в католичестве еще можно усматривать преобладание спиритуализма, то в православии удерживается нейтралитет в понимании слов Апокалипсиса, и тем самым оставляется возможность разного их истолкования в пределах церковного учения. Однако этот религиозный хилиазм, жажду новых откровений, несущую в себе тревогу неотвеченных вопросов, мечту о Граде Божием на земле не следует смешивать с историческим хилиазмом, который воплощается в социализме. Сам по себе религиозный хилиазм отнюдь не сулит преодоления исторической трагедии, которое он лишь подготавливает в качестве высшей и последней ступени религиозного развития, осуществимого в этом мире. В то время

как для социалистического хилиазма характерны натурализм, отрицание личности, сверхприродного Бога, личного бессмертия, необыкновенное притупление чувства мировой трагедии, обусловленное страшно поверхностным, механически-экономическим пониманием жизни. При этом эсхатологизм тоже имеет неоднородный характер. В первохристианстве преобладал радостный эсхатологизм, для которого характерно предощущение нездешней гармонии, воскресения. В эсхатологизме позднейшего христианства побеждают мрачные тона, преобладает ожидание антихриста, отрицание истории ради вечности, эмпирического ради трансцендентного.

Выступая против утопических социалистов, Достоевский критиковал чаще всего их оторванность от «почвы». Почва выступает центральной категорией в философии истории и культуры русского писателя. Достоевский выдвигает собственный идеал «золотого века». В 1876 г. в «Дневнике писателя» Достоевский, размышляя о социалистах, написал: «...все то, чего они желают в Европе, – все это давно уже есть в России, по крайней мере, в зародыше и в возможности, и даже составляет сущность ее, только не в революционном виде, а в том, в каком и должны эти идеи всемирного человеческого обновления являться: в виде божеской правды, в виде Христовой истины, которая когда-нибудь да осуществится же на земле и которая всецело сохраняется в православии» [3]. Достоевскому равно чужд однобокий оптимистический хилиазм социалистов и фанатизм исторического радикального эсхатологизма, в том числе и леонтьевский эсхатологизм, эстетизирующий несправимость земной жизни. Достоевский идет по пути синтезирования на уровне дифференциальных отношений двух разных сторон постижения единого бытия: религиозного хилиазма и светлого эсхатологизма первохристиан. Попытка разрешить проблему христианской философии истории и антропологии в свете только имманентного или же только трансцендентного, хилиастически или эсхатологически, не может быть доведена до конца и обнаруживает антиномический характер этих разрешений. Точкой пересечения здесь оказывается сама живая жизнь как воплощение божеской правды и человека, как ее центральное звено. Достоевский понимает, что имманентно человеку дана только эта жизнь, и только в ней и через нее мы можем родиться к новой, лишь в ней и ее перерастая. Находясь на позиции православно-экзистенциальной, Достоевский понимает, что надо жить с полным уважением к жизни и заботливостью о ней, но жить, не забывая о смерти и этой самой жизнью готовясь к ней: «Мы на земле не долго» [4].

Для нерелигиозного сознания жизнь есть случайность, а для религиозного сознания Достоевского она дана свыше, полна тайны и глубины. Жизнь дана для нашего сознания в форме не изолированного индивидуального бытия, но родового, исторического, общечеловеческого, мирового, она протекает в бесконечном потоке жизни, исходящем из источника жизни – Бога. Одновременно с рождением человека налагаются обязанности перед этой общечеловеческой и космической жизнью перед историей. Достоевский убежден, что творчество жизни, ее созидание – это дело человека. Действия же человека не могут осуществляться вне целеполаганий и идеалов, они встают в деятельном сознании подобно горизонту. Человек, конечно, совсем может не смотреть вперед, и тогда не будет видеть горизонта, но поднимая глаза, он неизбежно будет видеть его перед собой и даже впасть в иллюзию, что к нему можно пойти, по крайней мере, нужно и можно идти. Достоевский убежден, что путь к «золотому веку» – это прежде всего стремление личности развиваться по образцу идеального богочеловека – Христа. Отказ от этого стремления – страдание, грех. На этом пути и в этом стремлении люди закономерно начнут объединяться. И, наконец, достижение гармоничной русской жизни возможно лишь при достижении бессмертия. Теперешнее состояние бытия есть переходное, неокончательное, и в этой очевидной незаконченности оно теперь уже открывает просветы в иные возможности: сквозь наличное, конечное, и часто обнаруживающее свое несовершенство – просвечивает вечное. Средоточием, подвижным центром возможного трансцензуса оказывается человек как незаконченное, духовно-динамичное существо. Эта идея Достоевского вложена в уста Ставрогина в романе «Бесы», который говорит в разговоре с Шатовым: «Мы, очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, процесс, непрерывное существование куколки, переходящей в бабочку» [5]. Единственной возможностью такого перехода является любовь человека к ближнему и к Бытию, созданному Богом.

Реальным деянием русской литературы XIX–XX вв., подвижным центром которой является творчество Достоевского, было то, что она осмыслила и перевела в область воплощенного художественного слова одну из глубочайших интуиций христианства, предостерегавшую о невозможности рая на Земле и предлагавшую человеку путь спокойного достоинства и, как определяет С. Франк – выразитель главной тенденции выработанного русской религиозной философией мировоззрения, – путь «христианского реализма» [6]. Мы полагаем, что знаменательный разговор двух братьев в романе Достоевского «Братья Карамазовы» обозначил для русского самосознания проблематику, связанную с решением философских вопросов бытия Божия, соотношения мира и Бога, оправдания Бога, бытования зла на земле, возможности или невозможности его преодоления и христианской любви к ближнему как единственного условия возможности рая на земле. Являясь носителем личностного начала, Иван, как помним, недоумевает по поводу возможности бескорыстной любви.

Важнейшие откровения «христианского реализма» «разрешают» и снимают антиномию, сформулированную Иваном Карамазовым, и, в конечном итоге, противостоят нигилизму, «утопизму своеволия», фарисейству и житейскому эгоизму. Исходной общей точкой оказывается здесь «факт» несовершенства мира, из которого, однако, делаются разные выводы. Если для нигилизма, с его «скорбным неверием» (С. Франк), характерна ненависть к жизни, перерастающая, в конце концов, в навязчивое стремление разрушить до основания несовершенный мир, «расчистить место», как говаривал тургеневский Базаров, чтобы построить рай на земле. Вместе с тем «демонический утопизм своеволия» (С. Франк), бунт против мира, жизни, Бытия, а значит и Бога, с точки зрения восточного христианства, приводит к еще большему хаосу. Фарисейство же под предлогом религиозного интереса, духовных поисков делает людей равнодушными к земным, материальным нуждам ближних, что на деле есть искажение подлинной христианской веры. С другой стороны, житейский эгоизм к страданиям ближних, часто оправдывающийся превратно понятой идеей о неустранимости дисгармонии и несовершенстве мира, а по сути, приспособляющийся ко злу. Для С. Франка, отталкивающегося от Ф. Достоевского, «христианский реализм» есть «скорбь о несовершенстве мира» [7]. Эта скорбь требует ответственности человека за активное проникновение в мир сверхмирной благодатной силы. Вслед за Достоевским, опираясь на Евангелие, С. Франк подчеркивает абсолютное религиозное значение задачи действенной любви к ближнему и к бытию. В самом деле, на вопрос Подростка, что делать, – Версиков отсылает его к христианской заповеди любви. Самой страшной трагедией, не позволяющей Ставрогину жить дальше, оказывается «страдание о том, что нельзя уже более полюбить» [8]. Речь не о прохладной, выдержанной, разумной любви – ею спасти и спастись невозможно. Достоевский проклял ее в «Зимних заметках...» и противопоставил ей «безумство любви», любовь как самопожертвование, терпение, «умное делание», подвижничество. Именно такой любовью можно увлечь за собой людей. И тогда изнутри самого человека пробивается Божественный свет Фаворский, преображающий мир. Вот почему совершенно неверно считать, что князю Мышкину ничего не удалось изменить в этом мире. Жизнь, разумеется, реальная, несовершенная, развивается по своим законам. Но князь Мышкин с его любовью и верой в мир и человека вовсе не замкнутая, а открытая структура.

Фактически «христианский реализм» – это социально-нравственная позиция человека в мире в понимании православия. Это не нигилистическое отрицание мира, не насилие и перекраивание «плохого Бытия» по мерке земного социализма. В православии сам человек не борется, но стремится к свободному совершенствованию жизни и отношений между людьми. Вот почему отказывается от самоубийства смешной человек, а Алеша Карамазов выходит из монастыря в мир к людям. В то же время и сам этот мир, Бытие, «живая жизнь» в их несовершенстве не являются чем-то безнадежным. Само несовершенство жизни понимается как ее незавершенность, прежде всего, а следовательно, в ней заложена возможность преображения. Хотя мир «как бы погружен во тьму и охвачен ею» (С. Франк), но сам по себе, по своему первичному внутреннему составу он не есть тьма. Будучи творением божественного света, происходя от Логоса, неся отпечаток этого своего происхождения, он таит в своих глубинах начало света, которое, в качестве некоего «естественного света», образует его первозданное существо [9], – пишет С. Франк. Следовательно, все человеческие усилия по утверждению света во тьме имеют реальную опору в божественном происхождении мира. Само Бытие как творение Бога пронизано Светом, и лишь человек сам, отступая от своего предназначения

нести в мир Благоую Весть любви, – привносит в него зло. «Жизнь хороша, а мы были гадки» [10], – говорит Лиза Подростку в романе. Через «живую жизнь» с нами говорит сам Бог, а потому Достоевский утверждает «живую жизнь» как величайшую ценность, а творчество человека – как благодатную силу света, обнаруживающую свое действие в составе самого творения. Прямое обращение к Богу через доверие к «живой жизни», через выход к ней, возвращение из сферы умозрительного теоретизирования в конкретно-эмпирический человеческий мир выражается в благоговении перед жизнью, в «смирении перед жизнью», как это было сформулировано еще ранее Достоевского, а Алешей Карамазовым выражено так: «прежде всего на свете жизнь полюбить», «жизнь полюбить больше, чем ее смысл», «непрерывно так, полюбить прежде логики... и тогда только я и смысл пойму» [11]. Не то же ли это самое в интерпретации Достоевского, что и выстраданное им понимание единственной возможности подлинной христианской веры в Бога: непременно веры до всякого чуда. А когда есть такая вера до чуда, то и само чудо явится. Критерий «смирения перед жизнью» делает актуальным не стремление ее переделывать, поскольку она, пронизанная Божественным началом, воспринимается как абсолютная эстетическая и этическая реальность, – а опять же пробуждает великую ответственность человека прежде всего за собственное несовершенство и потребность в своем нравственном преображении. И здесь у человека один путь – путь христианской любви. «Живая жизнь» явилась главной нравственно-этической ценностью не только для Достоевского. Понимаемая широко, в синтезе конечного и вечного измерений, онтологически, а не в узком социально-историческом плане, – тайна жизни, глубина и красота Бытия, первозданность земного творения, безусловная самодостаточность и самоценность экзистенциального существования – доминантные лейтмотивы великой русской литературы XIX–XX вв. (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Фет, Л. Толстой, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Чехов, Бунин, Куприн, символисты, акмеисты, Цветаева, Булгаков, Пастернак, Шмелев, Зайцев, Осоргин, Набоков).

При этом если народные типы, «почвенные» персонажи, как представлял их себе Достоевский (странник Макар в «Подростке», кроткие страдальцы), не нуждаются ни в каком волевом усилии для ведения праведной жизни (нравственный ориентир, позволяющий им безошибочно реагировать на поставленные «живой жизнью» вопросы, запятан так глубоко в их душе, что они даже не рефлексируют относительно выбора – это, так сказать, нравственный инстинкт на уровне экзистенциальной интуиции), то героям-мыслителям приходится проходить тяжкие испытания. Вместе с тем и праведники, благоговеющие перед жизнью, и бунтари, – в его художественном мире принадлежат к одной культурной традиции. Существование разрыва между умозрительными «теориями» героев и их экзистенциальным поведением – и его синтетическое снятие – типичная черта построения художественного образа у Достоевского. Именно поэтому сходит с ума Иван Карамазов и кончают с собой Свидригайлов и Ставрогин: экзистенциальная интуиция православно-христианской культуры лишает их, нарушивших нравственную меру, права на душевный покой и жизнь.

В этом, как мы полагаем, главная черта экзистенциального сознания, сложившегося в русской культуре XIX–XX вв., в отличие от западного безрелигиозного экзистенциального сознания. В отличие от безысходности, отчаяния, восприятия жизни и Бытия как трагического и бессмысленного абсурда, характерных для западного экзистенциального сознания в XX в., русское экзистенциальное сознание связано с православно-христианской трактовкой «живой жизни» как истинной любви, которой проникается человеческая личность, с тем чтобы эту любовь, подобно Иисусу Христу, излить в мир и наполнить его теплым светом и радостью. «Живая жизнь», христианская любовь к людям и Бытию питают человека: он глубоко пускает корни в почву, и из глубины родной земли, России, из онтологической основы текут к нему необъятные силы, духовные, нравственные, помогающие ему с восторгом переживать эстетику Бытия. Достоевский убежден, что только интуиция бессмертия души позволяет понять не только смысл этой жизни, который есть христианская любовь, но и духовную ценность, культурный смысл смерти как самопожертвования. Наоборот, потеря идеи бессмертия души влечет за собой обесценивание смысла жизни, нарушение закона сострадания и любви, нравственный нигилизм, саморазрушение и ненависть к жизни. Самое страшное, с точки зрения писателя, – потеря веры в бессмертие души. Уж коли вечность – всего лишь «банька с пауками», как предположил Свидригайлов, то что есть жизнь здесь? Разумеется, бессмыслица, глупость, абсурд, да и там (на том свете) тоже ничего нет и быть не

может, потому что никакого бессмертия нет. По этому пути пошла культура в XX в., прежде всего западная. Ницшеанское «убийство Бога» повлекло за собой вселенское отчаяние в экзистенциальных открытиях западной философии, литературы и искусства. Безысходностью проникнуты слова М. Хайдеггера, подводящие итог трагическим событиям истории первой половины XX в.: «Мировая ночь распространяет свой мрак. Эта мировая эпоха определена тем, что остается вовсе не Бог, определена “нетость Бога”... Нетость Бога означает, что нет более видимого Бога, который неопровержимо собрал бы к себе и вокруг себя людей и вещи и изнутри такого собирания сложил бы и мировую историю, и человеческое местопребывание в ней. В нетости Бога возвещает о себе, однако, и нечто куда более тяжкое. Не только ускользнули боги и Бог, но и блеск Божества во всемирной истории погас. Время мировой ночи – бедное, ибо все беднее. И оно уже сделалось столь нищим, что не способно замечать нетость Бога» [12]. Хайдеггер пытается во всем своем творчестве передать непосредственный ужас отсутствия Бога. Отчаянию западного экзистенциального сознания противостоит триалектика русской экзистенциальной интуиции, органично связанная с православно-христианским реализмом. «Почему страх должен быть “онтологически” обоснованным состоянием, а доверие к жизни – уже проклятой “теологией”? – полемизирует С. Франк от имени русской культуры с М. Хайдеггером, – как будто на войне или в опасности паника является нормальным состоянием! Ведь для человека значительно естественнее стоять на твердой почве, а не висеть над пропастью или трепетать от страха... И все это – не «теологические» и даже не чисто «этические» идеи, а основоположная онтологическая черта человеческого существования» [13]. Этот трезвый, здоровый взгляд – этический, христианский реализм, не снимающий противоречий, но поднимающийся над ними, – мужество и терпение преодоления – возвращает нас вновь к А. Пушкину с его жизнеутверждающим торжеством над унынием и тоской обстоятельств в его творчестве и в письмах. Не игнорируя житейскую, эмпирическую, историческую трагедию и метафизическую неопределенность судьбы человека в мире, а преодолевая ее духовно, творчески, – человек – носитель личностного начала, – преобразуется и поднимается к Богу. «Единство в Духе, а не в природе» [14], – подчеркивает другой русский философ Н. Бердяев.

На самом деле понятие имманентно-исторического, конкретного, эмпирического мира и в самом христианстве достаточно неоднозначно. Вл. Соловьев справедливо уточнял, что «такой безусловной границы между “здесь” и “там” в Церкви не полагается. И сама земля, по священному Писанию и по учению Церкви, есть термин изменяющийся» [15]. Эта глубокая идея о мистической связи «здесь» и «там», метафизике синтеза земного и небесного воплощается и в «Братьях Карамазовых», в учении Зосимы о соприкосновении, снимавшем «безусловную границу» и утверждающем мистическую связь миров, возможность «преображения» этой земли: «Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле...», «тайна земная соприкасалась со звездною...» [16]. В философии земли Достоевского воплощается идея динамического синтеза исторически-имманентного и трансцендентного, эмпирического и метафизического начал. Обетованная земля – продолжение реальной земли через ее преобразование в христианской любви человека к ближним.

Русские писатели XIX–XX вв., а не только один Достоевский, придерживающиеся христианских взглядов, выдвигали концепцию человека и мира, в которой синтезировали трансцендентное и имманентное, метафизическое и эмпирическое. Предполагалось, что в личности заложены два начала: «новый человек», сотворенный «Духом Святым», и «ветхий человек», влекомый ко злу. Соответственно, есть земной Иерусалим и небесный. Разумеется, эти начала выступали не в виде иллюстративной схемы – они воплощались в сложных психологических комплексах, в живых человеческих характерах и конкретно-исторических, эмпирических обстоятельствах. Однако повседневное, будничное, земное «сопрягалось» в особой поэтической системе с «высшим началом», с истиной в последней инстанции. Из этого синтеза возникала своеобразная «третья реальность», которая обосновывалась русскими религиозными философами-неоидеалистами С. Франком, Н. Лосским, С. Булгаковым и др.

Таким образом, следует говорить вообще не о двух, а о трех сферах Бытия. Одна сфера – предметный мир, то есть мир физический, эмпирический, исторически-имманентный. Вторая сфера – мир метафизический, идеальный, трансцендентный, мистический, вечный. И третий мир – ненаблюдаемая реальность, где удивительным образом осуществляется динамический синтез, дифференциальные отношения земного и сверхземного, душевного и Ду-

ховного, имманентного и трансцендентного. Имея в виду подобный синтез, осуществляемый за счет творческих усилий человеческого Духа в его прямом обращении к Богу, С. Франк назвал свою философскую систему «идеал-реализмом». В области художественной литературы мы можем отыскать аналогичные явления, которые сравнительно давно получили такие определения, как «романтический реализм», «фантастический реализм». Однако при выявлении доминантных особенностей художественного сознания в литературе XIX–XX вв. необходимо иметь в виду, что стремление воплотить действительность с точки зрения вечности не обязательно связано у того или иного художника впрямую с религиозной мистикой. Более корректным был бы термин, соединяющий понятия экзистенциального сознания и онтологии. Речь должна идти об экзистенциально-онтологическом реализме: в русской литературе XIX–XX вв. проявляется модель, включающая мир зла, мир добра и мир, который не имеет однозначной моральной оценки и характеризуется признаком существования. Он оправдан самим фактом своего бытия. Тернарность русской классики органически выявляет ее имманентную синтетичность через экзистенциальные интенции. В этих рамках мир жизни располагается между добром и злом, а центром внимания оказывается мир обыденной жизни. Этот мир может оцениваться как мир пошлости, и тогда зло будет принимать облик своего обычного, каждодневного проявления, но он может оцениваться и как мир естественного человеческого существования, мир, который оправдан не добром и не злом, не талантом и не преступлением, не высокой нравственностью и не низкой безнравственностью, а просто своим бытием. Это, скажем, мир Евгения из «Медного всадника», мир героя, который не обладает ни умом, ни талантом, это, может быть, мир гоголевского Башмачкина, несчастного Мармеладова. Здесь важно представление о том, что человеческое бытие на земле не нуждается во внешнем оправдании и само по себе имеет безусловную ценность.

Примечания

1. Бочаров С. Леонтьев и Достоевский // Вопросы литературы. 1993. № 6. С. 50.
2. Булгаков С. Апокалипсис Иоанна. М.: Гнозис. 1991. С. 192.
3. Достоевский Ф. Дневник писателя // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л.: Наука, 1988. С. 220.
4. Достоевский Ф. Записные книжки // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1979. С. 472.
5. Достоевский Ф. Бесы // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1980. С. 204.
6. Франк С. Реальность и человек. М.: Логос, 1997. С. 105.
7. Там же. С. 106.
8. Достоевский Ф. Бесы // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1980. С. 220.
9. Франк С. Указ. соч. С. 106.
10. Достоевский Ф. Подросток // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1978. С. 339.
11. Достоевский Ф. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 14. С. 200.
12. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 141.
13. Франк С. Указ. соч. С. 107.
14. Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Кн. палата, 1991. С. 350.
15. Соловьев Вл. Три речи в память Достоевского // Соловьев Вл. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 382.
16. Достоевский Ф. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1981. С. 270.

Notes

1. Bocharov S. Leont'ev i Dostoevskij [Leontiev and Dostoevsky] // Voprosy literatury – Questions of literature. 1993, № 6, p. 50.
2. Bulgakov S. Apokalipsis Ioanna [Apocalypse of Joann]. Moscow: Gnosis. 1991. P. 192.
3. Dostoevsky F. Dnevnik pisatelya [Writer's Diary] // F. Dostoevsky Full. col. works: in 30 vols. Vol. 28. Book 2. Leningrad: Nauka. 1988. P. 220.
4. Dostoevsky F. Zapisnye knizhki [Notebooks] // Dostoevsky F. Full coll. works: in 30 vols. Vol. 20. Leningrad: Nauka. 1979. P. 472.
5. Dostoevsky F. Besy [Demons] // F. Dostoevsky Full coll. op. : in 30 vols. Vol. 10. Leningrad: Nauka. 1980. P. 204.
6. Frank S. Real'nost' i chelovek [Reality and human]. Moscow: Logos. 1997. P. 105.

7. Ibid. P. 106.
8. *Dostoevsky F. Besy [Demons]* // Dostoevsky F. Full col. op. in 30 vols. Vol. 10. Leningrad: Nauka. 1980. P. 220.
9. *Frank S.* Op. cit. P. 106.
10. *Dostoevsky F. Podrostok [Teen]* // Dostoevsky F. Full. coll. op. in 30 vols. Vol. 15. Leningrad: Nauka. 1978. P. 339.
11. *Dostoevsky F. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazovs]* // Dostoevsky F. Full. col. op. in 30 vols. Leningrad: Nauka. 1981. Vol. 14. P. 200.
12. *Heidegger M. Slova Nitszshe «Bog mertv» [Nietzsche's "God is dead"]* // *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy.* 1990, № 7, p. 141.
13. *Frank S.* Op. cit. P. 107.
14. *Berdyayev N. Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii) [Self-knowledge (experience of philosophical autobiography)].* Moscow: Knizhnaya Palata. 1991. P. 350.
15. *Solovyov V. I. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky]* // *Solovyov V. I. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika [Philosophy of art and literary criticism].* Moscow: Iskusstvo. 1991. P. 382.
16. *Dostoevsky F. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazovs]* // Dostoevsky F. Full. col. op. in 30 vols. Leningrad: Nauka. 1981. Vol. 14. P. 270.

УДК 008.316.42

А. В. Бурдельная

Музыка в советских исторических фильмах 30–50-х гг. XX столетия

Автор ставит проблему определения роли музыки в исторических фильмах на основе кинематографа первой половины XX столетия. Музыка рассматривается на примерах советских кинофильмов.

The author investigates the problem of defining the role of music in the historical film based on the films of the first half of the XX century. The music in the film considered on the example of Soviet films.

Ключевые слова: музыка, тоталитарное общество, советский период, мифологическое сознание, культ личности, идеология, сталинский кинематограф.

Keywords: music, totalitarian society, Soviet period, mythological consciousness, cult of personality, ideology, Stalin cinema.

С каждым годом всё дальше от нас уходит «советский период» XX столетия. За это время многое изменилось не только в жизни и укладе общества, но и в процессе познания и осмысления уходящих в прошлое десятилетий. Изучая культуру советского периода, авторы многих работ [1] обращались к таким понятиям, как утопия, миф, страх, тем самым давая понять, что общественное сознание того времени находилось под гипнотическим влиянием мифа, усиленно навязываемого государством всеми ему доступными средствами, или гипноза «коллективного бессознательного» [2], которым оно – государство – умело пользовалось. Однако общественное сознание не было одним единым целым. Каждый слой общества воспринимал реальность по-своему, в силу своего жизненного опыта и культурного уровня. Одним из классических примеров политической мифологии советского периода 30–50-х гг. явился культ личности Сталина. И, «если миф всегда есть живая и действующая личность», как пишет в одной из своих работ А. Ф. Лосев [3], то сталинский миф это полностью подтверждает. Здесь уместно упомянуть слова французского республиканца Мориса Жоли. Это сатирический портрет Наполеона III. Однако можно с уверенностью сказать, что это и есть весь миф о Сталине. Политическая линия императора, пишет Жоли, состояла в том, «чтобы отделить мораль от политики, заменить право силой и хитростью, парализовать дух индивидуализма, обманывать народ видимостью, льстить национальным предрассудкам, не позволять стране знать то, что происходит за границей, а столице – то, что происходит в провинции, превратить инструменты мысли в инструменты власти, применять без угрызения совести казни без суда и ссылку, требовать непрерывного восхваления своих действий, самому обучать истории своего царства, создать полицию, которая служит опорой режима,

превратить культ узурпатора в своего рода религию, эксплуатировать лёгкость, с какой люди становятся доносчиками, овладеть обществом, используя его пороки, говорить как можно меньше и прямо противоположное тому, что думаешь, переменить смысл слов...» [4]. Вряд ли стоит приводить другие примеры, но если представить советские годы первой половины XX столетия более или менее адекватно, то именно такая ситуация была в стране. Именно эти реалии были в жизни, и именно в них один из ключей к разгадке некоторых труднопонимаемых современным сознанием явлений культурной жизни 30–50-х гг.

В формировании советского идеомифа огромную роль сыграло искусство. И прежде всего кино и музыка. В данной статье мы попытаемся провести исследование в отношении музыки 30–50-х гг. на примере исторических фильмов, а также обозначить её важную роль в процессе развития советского тоталитарного общества данного периода.

Огромная роль музыки очевидна для кинематографа, хотя её значимость в контексте визуально-музыкального кинематографического синтеза еще нуждается в дальнейших исследованиях. Интерес к проблеме взаимодействия музыки и кино возник с самого начала кинематографии, поскольку немые фильмы сопровождались музыкой, исполняемой в кинозале. В «Послесловии к неизданной книге» известный советский киновед И. Шилова писала: «Междисциплинарность предмета... обнаружила отсутствие такого рода специалистов, в результате чего предмет осваивался как бы с двух сторон, разделялся на составные – “нотные” и “кадровые”, не имеющие точки схода. Половинчатое знание порождало ощущение дилетантизма, неуверенность в возможности овладения предметом» [5]. Возможно, высказывание И. Шиловой справедливо, так как обращения значительной части авторов публикаций к проблеме «музыка и кино» носили фрагментарный или эпизодический характер. Говоря об этой проблеме, можно обнаружить чрезвычайный разброс мнений и подходов. Выделим следующие. Это проблема связей видов искусства [6]; типология взаимодействий музыки и кинематографа, классификации функционирования музыки в художественной системе фильма [7]; наконец, анализ технических характеристик этого взаимодействия [8]. Особенно значимое место музыка заняла в создании концепций звукового кино в работах С. Эйзенштейна [9], К. Лондона [10], В. Балаша [11] и др.

Изначально музыка была практически не связана с изображением на экране, лишь иллюстрируя отдельные эпизоды, однако уже в это время стало очевидно, что она способна существенно усилить экспрессивность кадров, их ритмику и собственно изобразительные возможности визуального ряда. Это привлекло внимание теоретиков к киномузыке и к возможным формам ее присутствия в кинофильмах, тем более что начало XX в. было ознаменовано интересом к синтетическим формам искусства, в том числе и возможностям синтеза музыки и зрительного образа. Приход же звука в кино существенно увеличил функциональные возможности музыки.

Киномузыка участвовала в создании своего рода социально-эстетической утопии – идеального облика советской действительности, погружая зрителей в виртуальную реальность и закрепляя в общественном сознании идеализированный экранный образ свободной и счастливой страны. На экране пели счастливые люди – «Весёлые ребята» (1934), верные друзья – «Подруги» (1935), мужественные герои – «Лётчики» (1935), уверенные в себе и деловито шагающие по стране люди труда – «Трактористы» (1939). Именно через подобные фильмы в массовое сознание людей входили образы, стремящиеся укоренить ценности тоталитарной эпохи. Музыка, в свою очередь, помимо смыслового контекста, вторгаясь в жизнь, действовала на эмоциональный пласт национального самосознания.

В фильмах «Пётр Первый» (1937), «Суворов» (1940), «Александр Невский» (1938) музыка содействовала восприятию сюжета в более глубоком, серьёзном и возвышенном плане, «позволяя ощутить всё величие народного горя, силу, страстность и красоту патриотического порыва, размах и удачу в моменты народного ликования» [12]. Ставя своей задачей создать героический образ вождя или военачальника, кинематографисты в первую очередь выражали ведущие идеи времени устами любимых персонажей, которые в свою очередь должны были рождать чувство патриотической гордости у советского народа. «При этом с необычайной гибкостью происходило переключение диалогов в музыку, наложение одного на другое, а также “перерастание” в музыку немзыкальных звуков» [13].

Вторую половину 30-х гг. можно отметить двумя выдающимися событиями – рождением фильма-оперы и созданием «Александра Невского». Фильм С. Эйзенштейна стал одним из

лучших исторических произведений советской киноклассики. Для воплощения своего грандиозного по масштабам замысла режиссёр пригласил близкого по творческому духу музыканта и композитора С. Прокофьева. Именно в лице Прокофьева Эйзенштейн нашёл «третьего союзника на пути завоевания того звукового кино, о котором мечтал» [14].

Захваченный величайшими образами киноэпопеи, Прокофьев приступил к сочинению кантаты на темы из «Александра Невского», где наиболее полно проявились свойственные Прокофьеву ясность мысли, выразительность формы, чёткость и острота рисунка. Для начала потребовалось отобрать фрагменты киномузыки, расположить их в стройной вокальной композиции. Некоторые сцены Прокофьев реконструировал («Ледовое побоище» и финал кантаты «Въезд Александра во Псков»). Неизменными оставил оркестровое вступление и вокальные эпизоды: «Песня об Александре Невском», хор «Вставайте, люди русские» и ария «Мёртвое поле». В четвёртой и седьмой частях композитор применил принцип контрапунктического соединения тем. Кроме того, Прокофьев заново оркестровал и всю кантату.

Совместная работа Прокофьева и Эйзенштейна, положившая начало новому типу кинодраматургии и открытию целого ряда взаимодействия музыки и композиции, складывалась во многом по законам драматургии музыкальной, а не просто была усилена введением музыки. Исследовав внутреннюю музыкальность фильма в эмоциональном, ритмическом и тональном построении, Эйзенштейн сформировал концепцию вертикального монтажа. Идея гармоничной образной синхронности звука и изображения получила детальное развитие в звукозрительной партитуре фильма, где именно музыка, её структурная организация диктовала визуальному ряду принцип построения композиции, светового решения и монтажа. Ярким примером воздействия музыки на ритмический, образно-драматический рисунок кинодвижения стала сцена Ледового побоища: чередование интонационных эпизодов, наполнение их разговорными и шумовыми эффектами, ощущение перспективы нарастания и угасания, приближения и удаления музыки. Сопоставление двух образов – надвигающейся немецкой конницы и застывших в безмолвии русских – ещё больше усилило драматический эффект картины. В механизированных ритмах движения тевтонских рыцарей Прокофьев словно услышал те сухие деревянные ритмы, которые позже возникнут в Седьмой Ленинградской симфонии Д. Шостаковича, символизирующей вражеское нашествие.

Следует отметить, что события, показанные в этой сцене, наводят на мысль о том, что Эйзенштейн предвидел угрозу нападения нацистской Германии на Советский Союз, поэтому противопоставление двух миров является центральным и кульминационным моментом кинокартины. Возможно, в образе Александра режиссёр Эйзенштейн сознательно искал аналогии со Сталиным, изображая Невского как храброго и мудрого полководца. И то обстоятельство, что образ князя Александра Невского был создан в эпоху сталинской пропаганды, наводит на мысль о том, что русское национальное самосознание людей того времени включало в себя и культ Невского. Представление о единстве русского народа, его терпеливости, мужестве, жертвенности, благородстве было сконструировано и внедрено в массовое сознание в ходе сталинской культурной революции через образ великого полководца.

И, конечно, музыка, наполненная интонационными элементами русской крестьянской песенности и обилием хоров, преимущественно звучащих за кадром, а не по ходу действия, позволяла особенно ярко ощутить народность фильма. Одним из самых ярких эпизодов, характеризующих русский народ, стал хор «Вставайте, люди русские!», где композитор достиг удивительного синтеза волевой активности и маршевости со свойственной старинной песне свободой и плавностью рисунка. Властно вторгающаяся в самые значительные моменты действия, она придавала кинокартине особую эпическую красоту, подчёркивая её жанровую принадлежность. Здесь целесообразно упомянуть о связи «Александра Невского» с русской эпической оперой, которая проявилась как в широте действия, так и в монументальности формы, в сопоставлении контрастных сцен, где в люфт-паузах возникали напевно-ритмизованные, с элементами речитативной мелодекламации реплики действующих лиц. Разумеется, авторы кинокартины не ставили перед собой задачи создания оригинального жанра кинооперы, и, конечно, в чистом виде назвать «Александра Невского» оперным фильмом нельзя, тем не менее в нём были открыты основные принципы и технология работы композитора и режиссёра над фильмом-оперой.

Произведение «Александр Невский» – лирическое и достаточно субъективное, однако рождено оно не только устремлениями авторов, но одновременно и потребностями предво-

енного времени. Герой картины Александр Невский и эпоха стали своеобразной проекцией событий 30–50-х гг. начала XX в., а за войском Невского Эйзенштейн увидел другое войско, которому вскоре предстояло дать отпор фашистской Германии. И, конечно, музыка Прокофьева стала не только ярким примером мудрого и тонкого понимания роли музыки как средства, помогающего раскрыть основные замыслы режиссёра, но и средством эффективного идеологического и эмоционального воздействия на сознание человека тоталитарной эпохи данного периода.

Ещё одной совместной работой Прокофьева и Эйзенштейна стал кинофильм «Иван Грозный», где глубина ощущений музыкального национального духа переплеталась с мужественной масштабностью кинематографии режиссёра. Музыка, написанная Прокофьевым к двум сериям, явилась ярким утверждением национально-эпической линии в искусстве композитора. В ней достаточно точно представлен мир личных переживаний царя Ивана, вместе с тем колоритно воплощена и атмосфера эпохи Средневековья: крепнущая мощь Московской Руси XVI в., объединяемой волей молодого Ивана, коварство иноземных врагов и мятежных бояр. Смысловая идея первой части фильма «Ивана Грозного» заключена в стремлении режиссёра изобразить крепнущую в схватках с внутренними и внешними врагами русскую государственность. Показать социальный конфликт между царём и родовитым боярством, а также личностный психологический конфликт в душе Ивана «между его фанатической убеждённости в необходимости твёрдой и беспощадной единоличной власти и мучительными сомнениями в своей правоте, усугубляемыми всё возрастающим духовным одиночеством» [15]. Вторая часть кинокартины «Боярский заговор» ещё в большей степени посвящена личной трагедии Ивана, столкнувшегося с предательством бояр-изменников. Изображение опричников в этой части обретает более мрачную палитру, усиленную мощью изображаемых и музыкальных решений. В музыке представлена разнообразная гамма собственных переживаний царя – от светлых порывов юности до тяжёлых душевных смятений. Многообразны и сложны соотношения прокофьевской музыки с кинодействием. В одних случаях композитор применил чисто оперный приём одновременного слияния музыки и действия. В других – музыка либо контрастировала со зрительным кадром, либо дополняла его богатыми смысловыми ассоциациями. Но в обоих случаях именно музыка была могущественной участницей происходящего на экране, порой выступая на первый план.

Как известно, начиная с конца 30-х гг. именно Сталин осуществлял личный контроль над производством и выпуском на экран практически всех советских кинолент. Фильм Эйзенштейна «Иван Грозный» не стал исключением. Если первая часть кинокартины получила высокую оценку Художественного совета Министерства кино и в январе 1946 г. была удостоена Государственной премии, то судьба второй серии сложилась крайне неудачно. Она была резко раскритикована и не допущена на экраны. Безусловно, в этом приговоре сказался личный вкус Сталина, который увидел в картине непозволительные исторические ассоциации. Он считал, что такие понятия, как необходимость насилия, направленного на благо страны, и личная трагедия царя, вынужденного быть жестоким и беспощадным, стали невежественным изображением в фильме исторических фактов. Однако не в историческом невежестве лежат корни культа Ивана Грозного во времена культа Сталина. Террор Ивана Грозного для Сталина был не просто оправданием его террора. Речь шла о создании искажённой системы ценностей. Несмотря на то что Иван IV был выдающимся правителем, конечной целью его правления было безграничное подчинение всех подданных его монаршему своеволию ценой гибели тысяч безвинных людей как из среды крестьян и горожан, так и из дворян и бояр. Такая двойственная трактовка образа царя была явной аллюзией на современные события, где в центре внимания личность тирана.

Эйзенштейн предпринял попытки реализовать эти сложные, иногда амбивалентные смыслы, раскрывая их сущностное содержание через гносеологическую установку «Ивана Грозного» (эмблематизация персонажей и, прежде всего, самого царя, в сгибающиеся под низкими сводами фигуры и превращающиеся в вопросительные знаки, в загадки) [16]. И. П. Смирнов указывает в связи с этим на политическую подоплёку фильма – в частности, на предпринятое Эйзенштейном соотношение киноавторрефлексивности с идеей жертвоприношения (передача Иваном своей одежды и монарших регалий Владимиру Старицкому, которого по ошибке вместо Грозного закалывает ножом Пётр Волынец). Царь, узнавший о готовившемся против него заговоре, как бы ставит фильм в фильме, режиссируя смерть Стариц-

кого и указывая опричникам как актёрам дальнейшие их действия. Основной мыслью Эйзенштейна во второй серии «Ивана Грозного», как отмечает Смирнов, становится мысль о том, что кино о кино неизбежно жертвенно, зрелище в зрелище не может вести к спасению. Отсюда возникает и понимание того обстоятельства, что «фильм не способен озеркалить себя без потери, которую Эйзенштейн... возвёл к началу символической деятельности человека – к ритуальному жертвоприношению» [17].

И, конечно, музыка Прокофьева сыграла огромную роль в раскрытии замысла фильма, в драматическом решении его сценической образности. В ней передалась и жанровая неоднородность фильма, и многослойность его содержания: сгущённый драматизм, эмоциональная напряжённость, раскрытие образов через целый комплекс музыкальных тем.

Подводя некоторые итоги сказанному выше, можно повторить вслед за И. П. Смирновым, что «советский фильм 1930–1950-х гг. держался на контрасте между победоносно-истинной и катастрофически-ложной киноподобной организацией передаваемой им действительности» [18]. Понять и дать определённую оценку сталинскому кинематографу тотального периода можно через хронологию целого ряда кинолент, где в качестве сюжета режиссёры использовали историческое прошлое, разделяя с ним народный патриотизм, любовь к народу, истинный гуманизм и другие положительные свойства, характерные для любого искусства, выражающего интересы угнетённых классов в любую историческую эпоху. Создатели фильмов, с точки зрения содержания кинематографической картины мира, прежде всего, ориентировались, с одной стороны, на отражение социальной действительности, с другой – на заинтересованность не только художника, но и власти. Заключённая в фильме картина мира подчинялась воображению публики, преломляясь через её желания, чувства, иллюзии и надежды. Результатом этих сложных социально-эстетических процессов становилось формирование своего рода метасимволики культуры, основанной на синергетическом взаимодействии культурных кодов, метасимволики, которая, по словам И. Е. Фадеевой, представляет собой «надконцептуальный уровень *вторичной образности*, определяющей уже на прагматическом уровне жизнь человека и его самоидентификацию» [19].

Говоря о формировании метасимволики культуры в процессе формирования национальной картины мира, Фадеева отмечает: «Эстетическая дистанция отделяет непосредственное переживание непосредственной символики “жизненного мира”, с одной стороны, и ее наблюдение внутренним или сторонним наблюдателем – с другой, снимая болезненность переживания интеллектуально-эстетической интерпретацией, то есть продуцированием и означиванием смыслов» [20]. И именно музыка имеет огромное значение. Именно киномузыка стала для советского человека одним из способов самопознания, являлась – уже в ситуации, отдаленной от советского прошлого, – замечательным пособием для исследования общества, реконструкции прошлого и развития новых путей человечества в будущем. Именно киномузыка стало своего рода символом эпохи первой половины XX столетия, оказавшись уникальным инструментом по силе воздействия.

Примечания

1. Морозов А. Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. М.: Галарт, 1995; Голомшток И. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994; Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Изд-во «Знак», 1993; Абдулин Р. З. Российская национальная идея: от утопии к реальности. СПб.: Алетейя, 2010.
2. Эйзенштейн С. Неравнодушная природа // Эйзенштейн С. Избранные сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Искусство, 1964–1971.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. URL: http://philosophy.ru/library/losev/dial_myth.html.
4. Морозов А. Указ. соч.
5. Шахназарова Н. Осмысливая уходящий век // Музыкальная академия. 2000. № 1. С. 102.
6. Дворниченко О. Искусство неслыханных гармоний. Эйзенштейн и Прокофьев // Музыкальная жизнь. 1988. № 3. С. 10–11.
7. Шилова И. Киноведческие записки, 1994. Вып. 21.
8. Смирнов И. П. Видеоряд. Историческая семантика кино. СПб: Петрополис, 2009.
9. Эйзенштейн С. Избранные статьи. М.: Искусство, 1995; Эйзенштейн С. Неравнодушная природа // Эйзенштейн С. Избранные сочинения: в 6 т. Т. 1. Чувство кино. М.: Эйзенштейн-центр, 2004.
10. Лондон К. Музыка фильма. М.: Искусство, 1937.
11. Балаш Б. Становление и сущность нового искусства. М.: Прогресс, 1968. 12. Власова Е. 1948 год в советской музыке. М.: Классика 21, 2010. С. 105.
13. Там же.

14. Шилова И. Фильм и его музыка. М.: Советский композитор, 1973. С. 164.
15. Тараканов М. Е. История современной отечественной музыки. Вып. 1. 1917–1941. М.: Музыка, 2005. С. 119.
16. Смирнов И. П. Видеоряд. Историческая семантика кино. СПб.: Петрополис, 2009. С. 147.
17. Там же. С. 148.
18. Там же. С. 248.
19. Fadeeva I. E. Metasimvolika kul'turnykh prostranstv: lokal'nyj tekst v izmerenii tsivilizatsionnoj semiotiki // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2012. № 4 (6). С. 72–88.
20. Там же. С. 76–77.

Notes

1. Morozov A. Konets utopii. Iz istorii iskusstva v SSSR 1930-kh godov [End of Utopia. Of the history of art in the Soviet Union of the 1930s]. Moscow: Galart. 1995; Golomshtok I. Totalitarnoe iskusstvo [Totalitarian Art]. Moscow: Galart. 1994; B. Groy's Utopiya i obmen [Utopia and exchange]. Moscow: Znak Publ. 1993; Abdulin R. Z. Rossijskaya natsional'naya ideya: ot utopii k real'nosti [Russian national idea: from utopia to reality]. St. Petersburg: Aletheia. 2010.
2. Eisenstein S. Neravnodushnaya priroda [Indifferent nature] // Eisenstein S. Selected Works: in 6 vols. Vol. 3. Moscow: Iskusstvo. 1964-1971.
3. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. Available at: http://philosophy.ru/library/losef/dial_myth.html (in Russ.).
4. Morozov A. Op. cit.
5. Shakhnazarova N. Osmyslivaya ukhodyashchij vek [Comprehending the outgoing century] // Muzykal'naya akademiya – Academy of Music. 2000, № 1, p. 102.
6. Dvornichenko O. Iskusstvo neslykhannykh garmonij. EHjzenshtejn i Prokof'ev [Art unheard harmonies. Eisenstein and Prokofiev] // Muzykal'naya zhizn'- Musical life. 1988, № 3, pp. 10-11.
7. Shilova I. Kinovedcheskie zapiski [Notes of cinema-studies]. 1994. Issue. 21.
8. Smirnov I. P. Videoryad. Istoricheskaya semantika kino [Visuals. Historical semantics movie]. St. Petersburg: Petropolis. 2009.
9. Eisenstein S. Izbrannye stat'i [Selected articles]. Moscow: Iskusstvo. 1995; Eisenstein S. Neravnodushnaya priroda [Indifferent nature] // Eisenstein S. Selected Works: in 6 vols. Vol. 1. Sense of movie. Moscow: Eisenstein Centre. 2004.
10. London K. Muzyka fil'ma [Music of movie]. Moscow: Iskusstvo. 1937.
11. Balazs B. Stanovlenie i sushchnost' novogo iskusstva [Formation and the essence of the new art]. Moscow: Progress. 1968
12. Vlasova E. 1948 god v sovetskoj muzyke [1948 in Soviet music]. Moscow: Klassika 21. 2010. P. 105.
13. Ibid.
14. Shilov I. Fil'm i ego muzyka [The film and its music]. Moscow: Soviet composer. 1973. P. 164.
15. Tarakanov M. E. Istoriya sovremennoj otechestvennoj muzyki [History of modern Russian music]. Is. 1. 1917-1941. Moscow: Music. 2005. P. 119.
16. Smirnov I. P. Videoryad. Istoricheskaya semantika kino [Visuals. Historical semantics movie]. St. Petersburg: Petropolis. 2009. P. 147.
17. Ibid. P. 148.
18. Ibid. P. 248.
19. Fadeev I. E. Metasimvolika kul'turnykh prostranstv: lokal'nyj tekst v izmerenii tsivilizatsionnoj semiotiki [Metasymbols of cultural spaces: the local dimension in text semiotics] // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie – Civilized man. Culture. Education. 2012, № 4 (6), pp. 72-88.
20. Ibid. Pp. 76-77.

ИСТОРИЯ

УДК 27-786:94(470.11)470.11"1676/1764"

Е. В. Кустова

«Малобратственный» монастырь между двух эпох: из истории Куринского Архангельского монастыря 1676–1764 гг. *

Цель статьи – на примере Куринского Архангельского монастыря рассмотреть условия и факторы появления и развития небольших монастырей в Вятской и Великопермской епархии в конце XVII – первой половине XVIII в., причины их закрытия и кратковременного возрождения.

The purpose of the article – the example of Kurinsky Archangel Monastery to consider of the conditions and factors the emergence and development of small monasteries in Vyatka and Vyatka and Great Perm' diocese at the end of XVII – the first half of the XVIII century, reasons for their closure and short-term revival.

Ключевые слова: Куринский монастырь, Вятская и Великопермская епархия, монашество, резная каменная икона, архангел Михаил, монастырская реформа Петра I, вкладчики, крестный ход.

Keywords: Kurinsky monastery, Vyatka and Great Perm' diocese, monasticism, carved stone icon, Archangel Michael, the monastic reform of Peter I, the depositors, religious procession.

История небольших монастырей XVII–XVIII вв. остается, как правило, за рамками научных исследований, в первую очередь, по причине узкой источниковой базы. В то же время их история самобытна: во многих аспектах духовной, бытовой и хозяйственной жизни она отличалась от крупных обителей. Практически не имея земельных вотчин и прочих угодий, они были более уязвимы в экономическом отношении, поэтому и время их существования зачастую было недолгим.

Одним из «малобратственных» монастырей в Вятском крае, просуществовавшим менее ста лет, была Михайло-Архангельская обитель с. Курино Куринской волости Котельничского уезда. Монастырь располагался «близ Моломы реки над Куринкою речкою, а от города Хлынова... в 83... верстах» [1]. На сегодняшний день не существует ни научных, ни научно-популярных работ, посвященных его истории.

Куринская обитель возникла в конце XVII в., в период, когда инициаторами создания монастырей выступали, как правило, частные – духовные или светские – лица. Нередко их появление было связано с местными почитаемыми иконами. Создание монастырей в тот период облегчалось тем, что для их создания не требовалось решения патриарха или царя – достаточно было благословения местного архиерея, который появился на Вятке в 1657 г.

Сохранившийся текст грамоты епископа Вятского и Великопермского Ионы от 20 июня 1676 г. на основание Куринской обители помогает воссоздать условия ее появления. Инициатором создания обители, судя по грамоте, был дьячок Покровской церкви с. Курино Петр Рогачев, который подал прошение на имя архиерея. В нем он, в частности, сообщал, что «в нынешнем де 184 году обещался он в новокупленной своей деревне в той же Куринской волости над Куринкою рекою ограду оградити и в той ограде церковь теплую деревянную по монастырскому чину построить во имя Архистратига Божия Михаила на общежителное собрание монахом и христоробивым людем душевнаго ради спасения, а с тою своею новокупленою деревнею обещался он дати близ тоя деревни на препитание братии мелницу и сенные покосы и всякия угодыя, что с тою деревней в купчей написаны». Владыка благосло-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Кировской области научного проекта № 14-11-43003.

вил создание общежительного монастыря, указав при построении церкви выдать для освящения масло и миро, а также антиминс [2].

Однако грамота не дает иного объяснения причин построения монастыря именно в с. Курино, кроме как желания местного дьячка. О реальных причинах мы узнаем из переписи Котельничского уезда 1678 г., где о новом монастыре сказано следующее: «Починок был Микитки Перестроина с товарищи над речкою Куринкою, а ныне на том месте построен вновь монастырь, а в том монастыре церковь во имя воспоминания бывшего чудеси Архистратига Михаила. В монастыре черный поп Ияков с братьею» [3].

Историческая память сохранила местные предания об истории обретения образа архангела Михаила, зафиксированные исследователями в конце XIX – начале XX в. В частности, в одном из них сообщалось следующее: «Верстах в 2-х или в 3-х на северо-запад от нынешнего села Курина, близ деревни и ныне именуемой Верхокуринье (в простонародье Монастырщина), крестьянин пахал свой земельный участок. Пропахивая борозду, он заметил, что соха задела за что-то твердое, и как ему показалось – светящееся. Не обратив внимания на это в спешности работы, он поехал с сохой далее, но когда поехал назад по следующей борозде, на том же месте он увидел свет, который, все усиливаясь, превратился в подобие огненного столпа. В удивлении крестьянин подходит к тому месту, откуда исходил свет, и находит камень с каким-то изображением. В недоумении он приносит эту находку священникам и рассказывает о бывшем явлении света. Священники без особого затруднения узнали на камне изображение св. Архистратига Михаила. Молва о нахождении иконы быстро распространилась, и все стали благоговейно чтить св. образ» [4].

Сама икона, положившая начало монастырю, не сохранилась до наших дней. Ее история и бытование требует особого исследования. Ограничимся здесь лишь общими сведениями. Известно, что образ был небольшим, около шести сантиметров [5]. Как писал прот. Г. Пинегин, «камень, на котором он вырезан, есть, по-видимому, черный шифер. Резьба показывает, что это было дело искусного своих времен художника, и что начало сему образу должно искать не на Вятке» [6].

Следует отметить, что мелкая каменная пластика действительно не была характерна для Вятского края, и появление здесь предметов подобного рода является, по мнению исследователей, отражением тесных связей с северными землями. В настоящее время в областном музее хранится лишь один фрагмент сланцевой резной иконки Преображения Господня [7], обнаруженной при раскопках Хлыновского Кремля в 1957 г. Она изготовлена, по мнению специалистов (Б. А. Рыбакова, В. Л. Янина, Л. П. Гуссаковского), в XIII в., а по художественно-стилистическим особенностям имеет новгородское происхождение. Размер был небольшим: в ширину около шести сантиметров, поэтому ее относят к типу нагрудных иконок, распространенных в тот период [8].

В XIX в. на Вятке было известно о существовании пяти подобных икон. Помимо архангела Михаила из с. Курино это иконки Спаса Нерукотворного и Владимирской Божией Матери, найденные в д. Ширяевской и хранившиеся в Котельничском Никольском соборе. По описанию А. А. Спицына, «работы вообще грубой, но тонкой в частностях (напр., обделка одежды); оба образа выпуклой резьбы, не одинакового по цвету камня и неодинаковой величины». Также были известны каменные икона свт. Николая в с. Колобове и образ Спасителя в с. Юрьево. Как указал составитель каталога вятских древностей, «все они очень невелики». Следует отметить узость локализации подобных находок: они были обнаружены в Котельничском уезде за исключением образа свт. Николая, который находился в Яранском уезде [9].

Интересно, что в самом Куринском монастыре образ архангела Михаила, перенесенный в 1740 г. в кафедральный собор г. Хлынова, не был единственным. Согласно описи обители 1768 г. там хранились три каменные иконки. В частности, это был еще один каменный образ архангела Михаила: «Образ архангела Михаила ж вырезан на камню, пелена белой камки, по местам вышито золотом, в середине крест черного бархату, при концах того креста осмнадцать штучек серебряных чеканных под золотом». Вероятно, это была копия найденного оригинала, который находился в кафедральном соборе, подобно иконе свт. Николы Великорецкого, у которой в с. Великорецком оставалась копия – «житель», как ее называли в народе.

Также в обители находилось два вырезанных на камне образа Божией Матери Владимирской, в честь которой был наименован второй храм монастыря. Если каменный образ архангела Михаила был по правую сторону от царских дверей в местном ряду иконостаса, то

образ Богородицы – по левую сторону: «Образ явленный Пресвятыя Богоматери Владимирской вырезан на камню, венец, гривна и оклад, да в чудесех осмнадцать венцов серебряных под золотом, пелена жаркой голи, середина зеленой голи, крест вышит золотом». Второй каменный образ Владимирской Богородицы был «вырезан на камню с чудесами в киоте» [10]. История явления образа Божьей Матери не сохранилась в местных преданиях, но, как можно предполагать, икона также была обнаружена в земле. Возможно, что речь идет об иконе, обнаруженной в д. Ширяевской, о которой уже упоминалось выше.

Сведения о жизни монастыря до начала петровских преобразований достаточно скудны. Известно, что по уставу монастырь был общежительным. Именно так он характеризуется в грамоте 1676 г. об основании обители. Это подтверждается и сообщениями документов 1702–1703 и 1724 гг. о том, что одежду и питание братии предоставлял сам монастырь [11].

Сведения о братии монастыря в конце XVII в. отрывочны. В 1678 г. упоминается «черный поп Ияков», который являлся, по-видимому, первым строителем (в терминологии того времени так назывался настоятель в сане иеромонаха) обители. Его же, вероятно, мы видим и среди вкладчиков монастыря. Также одним из первых упоминается и монах-вкладчик обители старец Роман (Михайлов). Интересный аспект родственных взаимоотношений братии с родственниками приоткрывает переписная книга 1678 г.: в прикладном старцем Романом починке проживал его внук «Кирюшка Агафонов Михайлов 12 лет»: вероятно, после смерти отца дед пристроил внука в обители [12].

Чуть позднее, около 1785 г., принял постриг в Куринском монастыре Сергей (Матвеевых), происходивший из посадских г. Котельнича. Став в 21-летнем возрасте монахом, он прожил в Архангельском монастыре 15 лет. Указом преосв. Дионисия он был переведен в Верхочепецкий Крестовоздвиженский монастырь и посвящен в сан игумена. Пребывание его там продлилось 13 лет. Затем указом архиепископа он был переведен с возведением в сан архимандрита в богатейший монастырь Пермской земли – Пыскорский, которым он управлял более 11 лет [13]. Между мартом 1686 г. и августом 1687 г. в монастыре упоминается строитель Стефан [14], в 1702 г. – игумен Феогнаст (Феогност), в 1703 г. – казначей старец Ефрем [15], около 1706 и в 1707 гг. – строитель иером. Евфимий, а в декабре 1724 г. последним казначеем назван монах Киприан, вместо которого по каким-то причинам подписал опись монастыря 56-летний монах Серафим (Шевнин). Что касается последнего, долгое пребывание в монастыре (более 32 лет) позволило бывшему безземельному бобылю овладеть грамотой, хотя священного сана при этом он не получил [16].

Последним настоятелем обители перед ее закрытием в 1724 г. был игумен Даниил (Щепин) – выходец из крестьянской среды, ставший диаконом Дмитриевской церкви с. Молотниковского [17]. Овдовев, 18 декабря 1717 г. отец Димитрий принял постриг в Успенском Трифоновом монастыре. Прожив в вятской обители шесть недель, он был возведен в сан игумена и направлен в Архангельский Куринский монастырь, которым управлял семь лет (по другим сведениям – с 1721 г.). После этого в 1724 гг. был назначен преосв. Алексием игуменом вновь основанного Подгородного Богословского монастыря. В последующие годы он являлся настоятелем Слободского (1729–1731), Пыскорского (1731–1740) и Успенского Трифонова (1740–1744) монастырей, после чего вышел за штат [18].

Сколько монашествующих было изначально – не известно. В описи монастыря 1702 г. упоминаются вклады разных монахов, но с полной уверенностью утверждать, что они были из Куринского монастыря, нельзя. Спустя 50 лет после основания, к 1724 г., в братии состояли 12 человек (игумен, иеродиакон и 10 монахов), в 1725 г. упоминаются девять человек (игумен, иеромонах, иеродиакон, казначей и пять монахов). Сохранившаяся опись монашествующих позволяет не только выяснить их имена, но и проанализировать их социальный состав. Братия была преимущественно из крестьянской среды, в том числе и из самых бедных слоев – безземельных бобылей. Последнее косвенно может свидетельствовать о том, что обязательного вклада от бедных при вступлении в монастырь не требовалось. Духовное происхождение было только у игумена Даниила и иерод. Геннадия, которые до пострига служили диаконами. Монастырь имел локальный характер, братия которого формировалась в основном из местного населения: девять человек происходили из Котельничского уезда, к которому относилась обитель, один человек был из Слободского, один – из Хлыновского и один – из Орловского уезда. В большинстве своем это были постриженники Куринского монастыря, что говорило о редкости переходов из обители в обитель в этот период в удаленном

монастыре. Только в Успенском Трифоновом монастыре были пострижены игумен и иеродиакон, а в Пыскорском – один из монахов. В то же время трое постриженников Куринского монастыря упоминаются в 1724 г. в ведомостях Котельничского и Крестовоздвиженского монастырей. Период нахождения в монастыре со времени пострига составлял от двух до семи лет, трое человек имели большой срок (15, 18 и 32 года). Возраст братии был достаточно преклонным, что отражало традицию принимать монашество в старости, нередко – на пороге смерти. Средний возраст монахов составлял 67 лет, самому младшему было 45, трое были старше 80 лет. Состав братии с точки зрения не только возраста, но и сана был «проблемным» для проведения богослужений: для службы не было ни одного иеромонаха, эту функцию, вероятно, исполнял настоятель – игумен Даниил (Щепин), а его помощником был иеродиакон Геннадий (Овчинников). Поэтому им приходилось служить не по очереди, как это было заведено, а постоянно. Скорее всего, это приводило к тому, что богослужения не совершались ежедневно, как это предполагалось в монастырях [19].

Монастырская экономика являлась важнейшим условием устойчивости существования обители. Развитие небольшого общежительного монастыря, особенно на первых порах, в основном зависело от пожертвований. В этом отношении на «выживаемость» монастыря при скромном хозяйстве влияла его известность. Нахождение в монастыре почитаемых каменных икон архангела Михаила и Владимирской Божией Матери привлекало к нему благотворителей. В описи монастыря 1702 г. можно видеть широкий круг монастырских вкладчиков последней четверти XVII в. Среди них на первом месте стоит архимандрит Хлыновского Успенского Трифонова монастыря Александр, 35 лет управлявший главной вятской обителью (1679–1715 гг.). Это был один из самых выдающихся вятских настоятелей по своей энергичной и плодотворной деятельности. Есть все основания полагать, что он являлся в миру Андреем Михайловым Лопатиным, уроженцем с. Курино [20] и одним из главных инициаторов постройки Архангельской обители.

Жизнь архим. Александр была связана с с. Курино как ни с каким другим местом Вятского края. Так, архим. Александр выдал свою дочь замуж за «Фому Матвеева сына Овчинникова» (ок. 1647 г. р.), который в 1678 г. служил священником в Куринском погосте при Покровской и Зосимо-Савватиевской церквах [21]. Позднее Фома служил в Троицком соборе г. Котельнича, а ок. 1687 г. принял постриг в Успенском Трифоновом монастыре с именем Феогност [22], где был в то время настоятелем его тесть. Принял постриг в Трифоновом монастыре ок. 1709 г., в период настоятельства Александра, и «Герасим Кирилов сын Овчинников» из с. Куринского (иерод. Геннадий), вероятно, родственник Фомы. Спустя два года он был переведен на родину – в Куринский Михайло-Архангельский монастырь. Впоследствии он стал настоятелем Орловского Спасского монастыря [23].

В Архангельской пустыни архим. Александр «по обещанию своему» на свои личные средства выстроил церковь во имя Пресвятой Богородицы Владимирской с трапезой и с келарской. На главе-маковице возвышался паянный белым железом крест. В храме были подаренные архимандритом монастырю пелена из камки с нашитым вишневым крестом из тафты, камчатые служебные покровы, образы, писанные на красках – прр. Илии, св. Модеста, Богородицы Корсунской, а также Спас Нерукотворный, «писанный на холсту в рамах под золотом и серебром листовым». Особо выделялись вложенные архимандритом в монастырь образы Вседержителя над царскими вратами и икона Богородицы Знамение «в киоте на камени писано золотом и серебром листовым, в том же киоте писан на красках на створех Архангел Михаил». Отметим, что образ Знамения тоже был на камне, но в отличие от упоминавшихся выше был не резным, а писанным красками, что говорит о его более позднем происхождении.

В качестве приклада архим. Александра в Куринский монастырь также указаны во втором, Архангельском, храме иконы ап. Иоанна на красках высотой три четверти [24], Сретения Господня на красках, мч. Георгия, Симеона Богоприимца, сщмч. Власия, Алексия человека Божия и мчц. Анастасии на красках: в трапезе висела его икона Сретения Богородицы. Из церковной утвари вятским настоятелем были подарены медное кадило, панагия и три креста: серебряное распятие, обложенное басманным серебром, медное распятие и резной кипарисный крест. Из облачений им были вложены ризы из китайки и кумача. Из книг – Четыи Миней – жития святых на три месяца, дестевый Требник и Ирмолог знаменный [25]. Три книги из его келейного собрания, пожертвованные Куринской обители, о чем свидетельст-

вуют надписи на них, дошли до наших дней: «О священстве» Иоанна Златоуста (М., 1664); «Трубы на дни нарочитых праздников» Лазаря Барановича (Киев, 1674); «Книга житий святых» Дмитрия Ростовского (Т. 1. Сентябрь – ноябрь, Киев, 1683) [26]. Кроме того, до наших дней сохранилось изображение креста с мощами преп. Трифона, который в 1693–1694 г. архимандрит вложил в Куринский Михайло-Архангельский монастырь. На кресте была надпись, подчеркивавшая, что это являлось его личным вкладом: «...Приложил сий кр(ес)т архимандрит Александр... на свои на кельные денги, а не на казенныя» [27].

Судя по описи монастыря 1702 г. главным строителем Архангельского храма был Михаил Лопатин, по всей видимости, отец архим. Александра. Его мы встречаем в переписной книге 1646 г.: «Волость Куринская, а в ней погост над Моломою рекою. На погосте ц(е)рк(о)вь во имя покрова пресв(я)той б(огороди)цы в пределе св(я)тых м(у)ч(е)ник Бориса и Глеба, другая ц(е)рк(о)вь Зосимы и Саватая Соловетцких чудотворцов. На погосте ж дворы ц(е)рк(о)вные (в) поп Михайло Яковлев сын Лопатин с сыном Ондрюшкою, Ондрюшка 6 лет» [28].

Красивый деревянный храм с главой-бочкой он строил, по-видимому, в честь своего святого – архангела Михаила. Он же был и «благодарителем» храма, пожертвовав для него иконы. Также монастырским вкладчиком был и хлыновский подьячий Петр Лопатин, по-видимому, еще один родственник вятского архимандрита, который вложил пелену, оловянное блюдо и житие Сергия Радонежского [29].

Среди монашествующих, ставших вкладчиками обители, можно назвать иерод. Гавриила, который вложил не менее трех икон, в том числе Троицы и архидиакона Стефана на пономарской двери, и пелену на аналой, старца Иону (Мусунова), подарившего пелену, монаха Маркела, который пожертвовал образ Богородицы Знамение в киоте. Также иноки Корнилий и Ксенофонт передали монастырю железные лампы, старец Иоаким приложил Деисус, который располагался в трапезе над церковными дверями, и еще один образ, обложенный серебром. Были ли указанные монахи из Куринского монастыря или нет – в описи, к сожалению, не указывалось. Но с большой долей уверенности можно утверждать, что большинство из них было из братии обители. Возможно, что указанные вклады были необходимым условием для пострига. Из монашествующих других монастырей можно назвать известного вятского благотворителя, келаря Хлыновского Успенского Трифонова монастыря Илью (Семакина). В Куринский монастырь он вложил Требник [30]. Возможно, именно история с обретением Куринской иконы и основанием в честь нее монастыря подвигла вятского келаря на создание в конце XVII в. Спасской Орловской обители [31].

Следует обратить внимание, что хлыновец Иван Зверев вложил икону Гурия, Самона и Авива [32] – образ для России достаточно редкий, но почитаемый на Вятке. Именно с этим образом начиная с 1744 г. стал проводиться крестный ход Хлыновского Преображенского женского монастыря [33]. Так постепенно почитание этого образа стало распространяться по епархии.

Среди жертвователей были котельничане, орловцы и хлыновцы, и даже несколько жителей Москвы – это Иван Седелников, Матвей Боров, Иван Родионов. Среди известных вкладчиков можно назвать и вятского воеводу (1679–1682), бывшего гетмана Правобережной Украины (1665–1676) Петра Дорофеевича Дорошенко. В частности, он вложил печатные два Ирмолога и мартовский Пролог [34].

Помимо двух деревянных храмов – теплого и холодного – в 1702 г. в монастыре упоминается деревянная колокольня с пятью колоколами [35] (к 1768 г. осталось четыре: 6S, 4, 3 и 2 пудов, три из которых были взяты в Подгородный Богословский монастырь). К 1724 г. ансамбль монастыря, по-видимому, не изменился: к этому времени были две церкви с трапезами, колокольня, ограда и кельи с прочими монастырскими постройками. Подобное описание жилых и хозяйственных построек видно только в описи 1768 г.: одноэтажная настоятельская келья с перерубом 8*5 саж., келарская 11*5 саж., конюшня с перерубом, хлебный амбар. Все строения в монастыре были деревянные на протяжении всей его истории. Общий размер монастыря помогает представить монастырская ограда 64*47 саж., представлявшая собой бревенчатый забор на столбах. За оградой располагался скотный двор, при котором находилась изба скотника [36].

Благодаря вкладам небольшой монастырь собрал неплохую библиотеку с необходимым минимумом богослужебных и «четьих» книг. В 1702 г. в нее входили богослужебные книги (две Триоди постные и одна цветная, три Требника, два Октоиха 5-го гласа, два Апо-

стола, три Псалтыри, в том числе одна последованная, два Часослова, два Служебника, Каноник, Минея на сентябрь, октябрь и ноябрь, три Ирмолога, в том числе знаменный), а также книги для келейного чтения: Устав святых отец, Толковое воскресное Евангелие, Прологи сентябрьский, декабрьский, мартовский, Минеи Четьи – жития святых на три месяца, Маргарит, житие Сергия Радонежского, житие свт. Николая Чудотворца, Поучение Ефрема Сирина. Всего 33 книг. Книги были прикладные, за исключением дестевого Требника, купленного на мирское подаяние [37].

К 1768 г. состав монастырской библиотеки мало изменился, хотя их число выросло до 37 (не считая пяти проданных и переданных в Богословский монастырь). Богослужбные книги оставались те же, только немного изменился их численный состав, например резко увеличилось число Миней. Больше изменений произошло за 66 лет в списке «четьих» книг: исчезли житие Сергия Радонежского, Поучение Ефрема Сирина; Маргарит был продан священником Покровской церкви с. Куринского Максимом Амосовым. В то же время появились печатные книги «Пострижение старцев», житие Антония Сийского, житие митрополита Филиппа, а также рукописные «Сказание о явлении и чудесах Пресвятыи Богородицы Тихфинския и Владимирския», святцы с уставом, а также два Синодика [38].

Одной из главных составляющих монастырской экономики, наряду с вкладами, было также монастырское хозяйство. Первоначально оно было небольшим. В переписной книге 1678 г. перечисляются владения «новопоставленного» монастыря: починок Ивановский Суевалова (там жили два срочных работника с сыновьями), починок Пиминовский Софронова (срочный работник с сыновьями), починок Семеновский Мелчакова (срочный работник с сыновьями), починок Савинский Вахромеева («место дворовое пусто»), починок в Спасской волости «прикладной, что приложил де старец Роман Михайлов» (жили срочный работник с сыном и внук старца Романа «Кирюшка Агафонов Михайлов» 12 лет). В том же монастыре было четыре женатых срочных работника [39]. Таким образом, к 1678 г. в Куринской волости в деревнях у монастыря было семь дворов с девятью наемными работниками, в которых также жили половники, за которых монастырь платил подушные деньги [40].

Спустя 25 лет после переписи уровень жизни братии, по-видимому, оставался невысоким. В октябре 1703 г. казначей монастыря старец Ефрем сообщал, что с монастырских пашенных земель собирается 12 четвертей ржи, 24 четверти овса, восемь четвертей ячменя, всего 44 четверти. Хлебные запасы в течение года полностью уходили на питание братии, причем их не всегда хватало. Равно как и собранные деньги полностью издерживались на государственные сборы, мирские и церковные расходы, а также на одежду монахам. При этом, как указывал казначей, помимо наемных работников за монастырем крестьян и оброчных статей нет. «А чего в году хлеба не достает, собираем по православным христианам Христовым именем» [41].

Из трех монастырей Котельничского уезда Архангельский к началу XVIII в. оставался наиболее бедным в земельном отношении. В переписи 1710 г. упоминается в монастырской слободке «за оградю двор скотцкой, а в том дворе срочной годовой работник Иван Феропонтов сын Кузнецов 40 лет у него жена Ефимья Фадеева дочь 30 лет у них сын Василей 2 лет. Тогож монастыря починок Пимоновской Софроново. Во дворе срочной работник Никифор Вавилов сын Киселев 70 лет у него жена Ирина 60 лет» [42].

Хозяйственное состояние монастыря к 1725 г. видно из описи, составленной по указу Синода от 25 июня 1725 г. К этому времени помимо первоначальных вкладных деревень монастырь владел уже и новыми митюжскими и доровскими починками. В монастырских деревнях работали трудники и наемные работники. С новых починков монастырь окладных сборов не собирал, поскольку живущие в них работники вновь расчищали места для починков, да и жили там люди, как отмечали сами монахи, «самые скудные».

Неокладные доходы у монастыря были следующие. В 1724 г. монастырь получил за рыбные ловли оброка 62 коп., с мельниц вымолотных денег 30 р. 46 к., за проданный скот 10 р. 30 к. Также оставалось от продажи хлеба в прошлые годы 40 р. 25 к. Общий годовой доход составил 81 р. 63 к. Правда, этих денег не хватило, чтобы покрыть скромные расходы монастыря: 98 коп. монастырю пришлось занять. Как видно из доходных статей, хлеб стал одним из главных источников существования монастыря.

Каковы были его объемы? На монастырской пашне в 1724 г. в семи деревнях и трех починках было посеяно половниками хлеба: ржи – 110 четвертей шесть четверичков, ярового

336 четвертей два четверичка, всего 447 четвертей. В приплоде сверх семян [43] от половинников монастырь получил половинного хлеба – ржи 83 четверти два четверичка, ярового 306 четвертей шесть четверичков, итого 390 четвертей, что позволяло полностью покрывать потребности обители. На 39 человек братии и служителей использовалось в год на пропитание 254 четверти ржи и ярового хлеба. Также служители получали дополнительно в год хлебного жалования 46 четвертей шесть четверичков. Кроме того, в летнее время на питание работников использовалось 43 четверти шесть четверичков. На корм лошадям и прочему скоту шло 45 четвертей четыре четверичка. В результате общегодовой расход хлеба составлял 390 четвертей.

Сенных покосов монастырь имел в это время 600 копен, которые косились монастырскими трудниками и наемными работниками. Сено без остатка уходило монастырскому скоту. Монастырь имел 133 единицы скота, в том числе 25 лошадей, 42 коров и быков, 66 овец.

Из угодий монастырь имел две колесчатые мельницы на р. Куринке и рыбные ловли у р. Моломы (озерки и шесть курей).

К 1725 г. в монастыре было 26 служителей, в том числе: дьячок, подьячий, кузнец, конюх, два коровника, хлебник, повар, квасовар, 17 трудников, которые работали на монастырских службах из хлеба и платья, а также четыре наемных работника. Также по первой ревизии 1721–1722 гг. за монастырем числилось 25 дворов и 268 душ, которые являлись государственными крестьянами, работавшими на монастырь в качестве половников.

Основные расходы в 1724 г. распределялись следующим образом. Денежного жалования братии и трудникам монастырь не платил, только наемным работникам выдавалось по 2 руб. в год, всего 8 руб. На братскую пищу, для покупки соли и прочих припасов уходило 11 р. 8 к. На церковные потребности тратилось 5 р. 33 к., на церковные починки и постройки – 3 р. 33 к., на прочие монастырские расходы – 8 р. 97 к. Монастырь платил за своих трудников и половников подушный сбор за 57 человек, включая детей, 45 р. 4 к. С рыбных ловель и сенных покосов в Вятскую провинциальную канцелярию платилось 86 к. – больше, чем получал монастырь оброка за эти ловли от крестьян. Всего в расходе денег было 82 р. 61 к. [44]

В целом, по сравнению с предшествующим периодом, наблюдалось прогрессивное развитие монастырского хозяйства, особенно в хлебопашестве. Количество выращенного хлеба за 20 лет увеличилось в несколько раз по сравнению с 1703 г., что позволило частично его даже продавать. Однако поступательное развитие монастыря в первой четверти XVIII в. было прервано петровскими реформами, которые проходили в провинции с некоторым отставанием, в основном уже после смерти царя. Петром I была инициирована ликвидация всех небольших монастырей, братия которых не превышала 30 человек. В Прибавлении к Духовному Регламенту 1722 г. в п. 44 указывалось «скитков пустынных монахом строить не попускати. Ибо сие мнози делают свобода ради жития, чтоб от всякой власти и надсмотрения удален жити возмогл, по своей воли, и дабы на новоустроаемый скит собирал деньги и теми корыстовался». Но наносился удар и по уже существующим небольшим монастырям. В п. 45 указывалось малобратственные монастыри сводить воедино, чтобы было не менее 30 человек, «ради лучшаго благоговения. Понеже малым братством повседневную Божественную службу и общежительство, яко же подобает, отправляти невозможно; того ради пребывают весьма без службы, яко пустые». Также запрещалось определять к мужским монастырям для служения белое духовенство. Оставшиеся после объединения монастырей церкви указывалось превратить в приходские, которым дать часть монастырской земли для пропитания духовенству и причту. Оставшаяся же земля переходила новому монастырю, к которому была приписана обитель. Это должно было обеспечить, по мнению законодателя, церковное благочиние с ежедневными богослужениями и повысить уровень жизни братии [45]. Кроме того, закон должен был поднять и духовный уровень монастырей. Как отмечал член Синода архиепископ Леонид, поддержавший петровский указ, братия небольших пустыней, не имеющих своих вотчин, «...питаются, скитаясь по городам и селам, и пребывают в мирских домах многовременно, в чем есть духовному чину немалое подозрительство» [46]. Чтобы ускорить исполнение этого закона, в январе 1723 г. был издан новый указ о переписке в монастырях монахов и о запрещении постригать их вновь, на «убылые» же места указывалось определять отставных военных [47]. Указом от 5 февраля 1724 г. государь вновь подтвердил свое требование о сведении монастырей и упразднении пустыней [48].

В указанную группу попали шесть вятских и четыре пермских мужских монастырей епархии. Куринский монастырь в 1724 г. был присоединен к вновь созданному Хлыновскому

Подгородному Богословскому монастырю наряду с Раифской пустынью и Троицким Холуницким монастырем. В том же году в Слободской Богоявленский монастырь были переведены монахи Верховятского Екатерининского монастыря, в Котельничский Предтеченский монастырь – из Введенского Закобрского. Что касается пермских обителей, к Соликамскому Вознесенскому монастырю была присоединена Кайгородская Успенская пустынь, к Шерьинской Одигитриевой пустыни – Чусовская, Оханная и Верхъязвенская Успенские пустыни. Также было ликвидировано и большинство женских монастырей, которые, как правило, находились при мужских. Вскоре после смерти Петра I удалось возродить лишь Троицкий Истобенский монастырь, монахов которого перевели в Спасо-Орловскую обитель: в 1727 г. он вновь стал действующим [49].

Братия Архангельского монастыря была переведена в 1724 г. во вновь организованный под г. Хлыновым Подгородный Богословский монастырь, который располагался в 81 версте от Курино. Игумен Архангельского монастыря после перевода братии стал настоятелем новой обители [50]. Из 30 монастырских служителей 26 человек были переведены в Богословский монастырь, в Курино остались только четыре наемных работника [51].

Сама организация Богословского монастыря была необычным явлением: в то время, когда монастыри массово закрывались, вятский владыка сумел учредить новую обитель. Сюда было перевезено наиболее ценное имущество Куринского монастыря, в том числе: на престольный серебряный крест под золотом, церковные позолоченные серебряные сосуды, два блюда, лжица, Толковое воскресное Евангелие, девять Миней месячных, Требник дестевый, Служебник, Часослов дестевый, «ризы парчи красной, оплечье по черному бархату шито серебром и золотом, ризы камки лазоревой лаудану красного, ризы камки зеленой оплечье камки красной, ризы камки травчатой жаравлиного цвету оплечье штофное, ризы желтой штофи оплечье отласное, ризы камки зеленой оплечье бархатное, ризы... оплечье камки красной травчатой, ризы китайные оплечье камки зеленой, ризы холста белого оплечье камки красной», пять стихарей – один кумачный, второй из красной выбойки, третий холщевой выбойки, четвертый – белого холста, пятый – зеленая крашенина, подризник выбойчатый. Из оловянной посуды передали пять блюд, тарелку и медный пивоваренный котел [52].

После того как братию перевели в Богословский монастырь, в упраздненном Архангельском монастыре никого для церковной службы не было оставлено, хотя по петровским указам там следовало создать приходскую церковь с духовенством [53].

Возвращение прежней самостоятельности небольшого монастыря в тех условиях зависело от активности местных сообществ. Так, благодаря прошениям в Синод вкладчиков и благотворителей некоторым российским монастырям удалось отстоять свое независимое положение, в частности, Жабыньской (известной в будущем Оптиной) пустыне. Дальнейшее же их существование напрямую зависело от благотворителей [54].

Куринские прихожане и вкладчики сразу не проявили нужной инициативы. Со временем память об Архангельском монастыре могла исчезнуть вместе с братией. К 1735 г., спустя 10 лет после объединения монастырей, в Богословском монастыре из 12 иноков Михайло-Архангельской обители оставался только один – монах Петр (Черемухин) [55]. Однако жители села и духовенство помнили обитель и были недовольны сложившейся ситуацией.

Память о монастыре сохранялась во многом благодаря иконе архангела Михаила. Как писал о ней в 1870 г. архим. Иосиф, «когда распространилась молва о чудотворениях, являемых от сего образа, который в 1736 году из Архангельского монастыря перенесен был в Покровскую церковь села Курина и здесь чествовался с подобающим благоговением». Почитание иконы с каждым годом усиливалось, что вызвало интерес к ней вятского архиерея. Пресвященный Лаврентий (Горка) поручил своему духовнику архим. Лаврентию (Полторацкому) в 1736 г. представить прославленный образ в кафедральный собор г. Хлынова «для свидетельства» по силе указа 1722 г., который был направлен против ложных суеверий. Местные жители пытались противодействовать этим указаниям местных духовных властей, поэтому икону доставили в Хлынов только при новом владыке Вениамине (Сахновском) [56]. По указу архиерея в декабре 1739 г. образ был перенесен в Хлынов «для удостоверения в истинности чудес, от сего образа бывающих».

Два с половиной года куринцы ожидали возвращения образа. Однако духовными властями он был оставлен в Хлынове в Троицком кафедральном соборе, став одним из наиболее почитаемых образов Вятской епархии. Многочисленные благотворители его украсили, пре-

образив его скромный вид. В описи 1858 г. икона архангела выглядела следующим образом: «По правую сторону царских врат чрез две местные иконы от них, между колоннами находится чудотворный образ Архангела Михаила с чудесами. Изображение Архангела Михаила вырезано на камне черного цвета, овальной формы, вышиною в 1 $\frac{1}{2}$ вершков [57], а шириною в 1 вершок, кругом осыпано аквамаринами, коих числом 848, с четырьмя значительной величины вставками, а чудеса живописныя, изображены на деревянной д(о)ске и обложены серебряною, чеканною, позолоченною ризою. Образ сей в киоти, которой задняя доска медная, а прочия принадлежности серебряныя позолоченныя. К нему сделана припись на деревянной д(о)ске, в которую он и вставляется вместе с киотью, покрытая серебряною позлащенной ризою, содержащая изображения на верху собора Ангелов, внизу двух Ангелов, держащих образ, по бокам двух серебряных, чеканных херувимов» [58].

Узнав, что икона останется в Хлынове, священник Куринского Покровского храма Никита вместе с причтом, церковным старостой Евдокимом Игошиным и прихожанами попросили епархиальное начальство разрешить крестный ход из города в их село с иконой архистратига: «Покорнейше и смиренне просят, чтоб оной чудотворной образ в тою Куринскую весь на явленное место для моления по древнему прародителей их обещанию ко отправлению праздника и крестного хождения к наступающему месяцу июня осмому числу по обычаю протчих ходов по Вятке водным путем, а по отпраздновании паки с тем образом возвратитца в Троицкой собор». Архиерей удовлетворил это прошение, разрешив своим указом от 30 мая 1742 г. «по желанию куринских обывателей» образ Архистратига Михаила из Троицкого собора «со всяким почтением по церковному чиноположению со смиренными и благоговейными священно и церковнослужителями с потребным числом отпустить водою в стругу для празднования всенародного моления», после чего возвратить его в Хлынов. «О повсягодном же хождении требовать в каждый раз повеления от Его Преосвященства». Также было предложено пригласить для участия в крестохождении верующих из Орловской, Котельничской и Истобенской волостей [59].

Возможно, что примером для них стал Великорецкий образ, который ежегодно возвращался на место своего явления. 8 июня, когда икона пребывала в Курино, происходило празднование местного образа архангела Михаила, хотя в общероссийских святцах памяти этого святого в указанный день нет. Вероятно, что 8 июня в Курино проходил местный праздник, который, предшествовал летним работам. После этого икону принимали на полях, а после молебнов начинались полевые работы. Возможно, как отмечал свящ. А. Чернышев, «готовясь начать летние работы, куринские обитатели хотели испросить благословение на это дело в своих молитвах у Архангела Михаила, как особенного заступника и покровителя их селения» [60]. Со временем, благодаря крестному ходу, который расширялся год от года, этот образ стал известен не только в Котельничском уезде и Хлынове, где хранилась икона, но и во всей епархии.

Образ архангела Михаила, который показал значимость с. Курино в лице всей епархии, стал толчком к возрождению монастыря. Спустя два года после начала крестного хода, 26 ноября 1744 г. в Вятскую духовную консисторию было подано прошение священника Покровской церкви с. Куринского, а также бывшего вкладчика Куринского монастыря Никиты и куринских крестьян. Они сообщали, что монастырь с двумя храмами был построен «по обещанию прародителей их», по грамоте русских государей и вятского архиеп. Ионы, и в прежние годы братия была человек по 40 и больше. Но по указу архиеп. Алексия их монастырь оказался приписан в Подгородному Богословскому монастырю. Туда были взяты грамота на постройку монастыря, церковная утварь, ризы, книги, четыре колокола и монастырская казна. Подчиненное положение обители ударило и по куринским крестьянам: Богословский монастырь собирал с них оброчные деньги (по 5 р.), забирал их скот, лошадей, в том числе и для продажи, увозил хлеб по 103 четв. и более, и сверх оброчных денег требовал с крестьян разные съестные припасы. Крестьяне возмущенно писали, что «их богословцов требования... снести невозможно, отчего де оной Куринской мнтръ имеетца ныне пуст и церкви стоят без пеня праздны, да им же де крестьяном чинится немалое раззорение понеже де в тот Богословской монастырь всегда требуют для работы из них мнтрских крестьян человек по пяти и живут переменяючись безпрестанно, да в россылшиках по шести человек повсягодно, а которую де того Куринского мнтра работу они работают пожни ставят, мелнишные пруды усыпают и протчую всякую мнтрскую работу работают, того их они бого-

словцы не зачитывают, и стало быть их двоевытно... Многие крестьяне разбежались, да и разстоянием де той их Куринский монастырь будет от Хлыновского Подгородного Богословского мнтра в восьмидесяти четырех верстах и за тремя реками, отчего де приемлют немалое затруднение и убыток». Они просили вновь сделать Куринский монастырь самостоятельным, вернув его имущество.

Консистерия полгода разыскивала документы о приписке Куринского монастыря к Богословскому, но к марту 1745 г. так найти их и не смогла. Нашли только опись переданного имущества в Богословский монастырь. Тем не менее духовные власти позволили монастырю жить особо. Правда, отметив, что после этого при Богословском монастыре остаются маловотчинные Троицкий Холуницкий монастырь и Раифская пустынь [61].

Было найдено правовое обоснование этому шагу. Вскоре после начала реформы по слиянию монастырей Синод признал ошибочным решение об обязательном присоединении всех пустынь и небольших монастырей к более крупным с целью сократить число монастырей и ввести штаты с определенным числом монахов. Выяснилось, что при слиянии обителей братия значительно стала превышать штатное число, в результате чего предполагаемых штатных доходов у монастырей стало не хватать. Таким образом, намерение Петра I перевести монастыри на штатное содержание, чтобы остатками доходов с их вотчин воспользоваться для общегосударственных нужд, не было реализовано [62].

Вятская духовная консистория опиралась, в частности, на указы от 16 марта 1726 г. и 6 февраля 1727 г. [63] Так, по указу 1727 г. все маловотчинные и безвотчинные монастыри, которые могли содержать себя сами, восстанавливались, а их братия могла вернуться обратно: «Маловотчинные монастыри, питавшиеся своими трудами, без жалованья, оставить на прежнем основании, и монахов, выведенных из таких монастырей в большие монастыри на жалованье, отпустить обратно, со взятою ими церковною утварью и деньгами в свои малые монастыри... Святые обители от утеснения свободишася и паки в свое благолепие и благочиние облекушася, монашествующие же братия кийждо с радостию свои монастыри восприяша» [64].

Освобожденные из приписного состояния, монастыри получили самостоятельное управление. Однако им трудно было восстановить прежнюю жизнь, возродить хозяйство. Монашествующие, зная о бедности возрожденных обителей, не стремились туда поступать. Поэтому зачастую в них не было иеромонахов и иеродиаконов, которые могли бы совершать богослужения.

Что касается Куринского монастыря, возвращение самостоятельности не позволило ему вернуться в прежнее состояние и возродить духовную и хозяйственную жизнь. Об уровне благосостояния Куринского монастыря на фоне других вятских и пермских обителей свидетельствуют следующие цифры. В ноябре 1748 г. с монастырей епархии собирались средства для приезда на Вятку нового владыки Антония (от Москвы до Петербурга, обратно до Москвы и оттуда до Вятки). Общий расход составил 2241 р. 72 к., из которых более половины (1580 р.) было возложено на монастыри, остальное – на приходские храмы. В соответствии с уровнем доходности монастыри должны были заплатить следующие суммы новому архиерею: архиерейский дом – 430 руб., Успенский Трифонов и Пыскорский – по 300, Верхочепецкий, Соликамский и Шерьинский – по 100, Истобенский, Верхъязвенский и Чердынский по 50, Слободской 30, Чусовской 15, Подгородный, Куринский, Кобрский, Котельничский, Оханный – по 10, Орловский – 5, с женских деньги вообще не собирались [65]. Судя по этим цифрам, Куринский монастырь был в числе наиболее бедных.

Положение стало осложняться и возникающими спорами с жившими в монастырской вотчине государственными крестьянами. В конце 1746 г. они пожаловались духовной консистории, что их принуждают молотить монастырский хлеб и отдавать половину Куринскому монастырю, а также отдавать семенной хлеб и половину приплодного. Настоятель игумен Гавриил, исполнявший параллельно должность казначея архиерейского дома, жил по долгу службы преимущественно в Хлынове и не мог основательно вести дела в пустыни. Поэтому он отправил туда в сентябре 1746 г. своего племянника Михаила Нецветаева, который с рассыльщиками стал заниматься сбором денег и хлеба. При этом, как сообщали челобитчики, они крестьян «били напрасно» [66].

Волнения крестьян в середине XVIII в. не были локальным явлением: они охватили практически все вятские монастыри, имевшие вотчины. Во многом они были вызваны новой

ревизией крестьян 1744–1747 гг. и непродуманными распоряжениями светских властей. Еще с конца XVII в. на вятских монастырских и архиерейских землях поселились черносошные крестьяне, не имевшие пашенных земель. К 1745 г. их собралось здесь более 5 тыс. человек [67]. В церковных вотчинах они жили на правах половников, платя монастырям половину своего урожая. Во время ревизии 1721 г. они формально были записаны как монастырские крестьяне, хотя таковыми не являлись и платили налоги и сборы как государственные. Во время проведения второй ревизии крестьяне ревизорам сообщали, что они являются черносошными. Выяснилось, что как монастырские крестьяне они платили 7-гривенную подать, в то время как дополнительную 4-гривенную для черносошных крестьян они не платили. Сенат в 1745 г. позволил крестьянам жить на монастырских землях и даже владеть ими без уплаты денег духовенству [68]. Узнав об этом указе, крестьяне-половники перестали платить половину урожая монастырям [69]. При этом за уплату ими подушных денег по-прежнему перед государством отвечали монастыри [70].

Что касается ситуации в Куринском монастыре, в январе 1747 г. игумен Гавриил ответил на прошение крестьян, что они берут для посева монастырские семена, а потом их возвращают вместе с половинным хлебом, поскольку монастырь платит за половников ежегодно подушную подать. Данная схема отношений монастырей и крестьян была распространена в Вятской епархии повсеместно и являлась достаточно умеренным вариантом работы на монастырь со стороны крестьян-половников. За 1746 г. крестьяне деньги заплатили. По первой ревизии 1721–1722 гг. за монастырем числилось 268 душ, и кроме хлеба никаких платежей монастырем с них не взыскивалось. Генеральная ревизия (контора ревизских дел) разослала во все монастыри указы, что монастырям крестьяне ничего платить и хлеб отдавать не должны, т. к. они черносошные, а должны платить помимо обычных податей еще 4-гривенный сбор государству. В ответ на это вятские духовные власти сообщили в Генеральную ревизию, что если монастыри этого источника лишить, «монашествующим дневной пищи получать будет неоткуда». Кроме того, закон не запрещал быть черносошным крестьянам в половничестве [71]. Однако длительные разбирательства дела о монастырских крестьянах в Синоде и Сенате привели к тому, что экономически Куринская обитель оказалась практически разорена.

Но этим проблемы монастыря не ограничивались. Политика Петровских преобразований привела к тому, что появился дефицит церковных кадров. В Куринском монастыре остро ощущалась нехватка духовенства и причта. Даже несмотря на объединение монастырей, общее уменьшение численности монашествующих вследствие запретительных указов Петра I отразилось на богослужениях даже в укрупненных обителях. Службы в монастырях традиционно совершались ежедневно. Однако иеромонахов и иеродиаконов для совершения служения в епархии не хватало. Некоторые пустыни вообще не имели служащих монахов, поэтому не вполне ясно, как вообще там совершались богослужения [72]. В 1739 г. в 16 монастырях Вятской и Великопермской епархии в храмах было 35 престолов, но только у 12 совершались службы, поскольку на все монастыри приходилось 20 иеромонахов и восемь иеродиаконов [73].

Общее число монахов Куринского монастыря после восстановления его самостоятельности не превышало трех человек. Братию пришлось «собирать» по разным обителям епархии. В марте 1745 г. Вятская духовная консистория докладывала архиерею, что в пяти монастырях епархии нет настоятелей, в том числе и возрожденном Куринском, «отчего дабы не могло произойти таковых не порядков». В результате в Куринскую пустынь архиереем был определен из Соликамского Вознесенского монастыря игумен Гавриил (Сторожилев) с указанием «житие иметь благочинное и богоугодное» [74]. В том же году из Подгородного монастыря в Курино перевели иерод. Симеона. Также сюда был определен «до указа» для священнослужения вдовый священник Дионисий Макариев Филимонов из Троицкой церкви Филипповой слободки. Правда, как только в Куринский монастырь из Успенского Трифонова перевели иером. Вениамина, в июле 1746 г. о. Дионисий попросился вернуться обратно в свой храм в Филиппову слободку, где на тот момент не было священника [75].

Чтобы иметь причетника, в сентябре 1745 г. игумен Гавриил просил консисторию перевести в Куринский монастырь определенного архиереем в Успенский Трифонов монастырь «для обучения в твердость по книгам читать» Прокопия Амосова, сына умершего священника Покровской церкви с. Куринского Семена «для чтения псалмов и прочаго церковно-

служения». После проверки, «в твердость ли» научился читать и писать, его отправили в Курино [76]. Однако успехов, вероятно, он не показал, в результате в октябре он ушел в свой дом для обучения грамоте [77].

Также не отличалась благочестием и немногочисленная монашеская братия. Важнейшую роль в жизни монастыря играл настоятель. Архимандрит Гавриил был на хорошем счету у начальства, но по этой причине он исполнял должность казначея архиерейского дома и по роду службы находился преимущественно не в Куринском монастыре, а в Хлынове. 22 июля 1747 г. после тяжелой болезни архимандрит скончался. При келье его жил родной племянник (сын сестры) и крестник Михаил Нецветаев, помогавший ему в управлении [78].

7 февраля 1748 г. новым настоятелем стал иеромонах Вениамин [79], по-видимому, бывший студент духовной семинарии Василий Клобуков [80]. Молодой человек, принявший постриг только в 1745 г. и не имевший большого духовного опыта, не сумел удержать ни себя, ни монастырь на необходимой духовной высоте. 27 февраля 1749 г. монах Куринского монастыря Андрей (Зяблых) написал донос на настоятеля, в котором сообщал, что иером. Вениамин и казначей иерод. Симеон «живучи в том мнтре завсегда пьянствуют и в том пьянстве приходят к ним в келию из заградской слободки женки и пропивают с ними до полуночи к тому ж за бытность их в том мнтре казенные мнтрские денги пропили и мнтрской всякой скот распродали и денги растощили, а имянно за проданные дватцать скотин рогатых да за дватцать лошадей взято пятьдесят рублей ис коих казначей иеродиакон Симеон отдал сыну своему прибывшему из села Илинского тридцать рублей да строитель иеромонах Вениамин из помолных с мельниц передавал по два случая сыну своему сто дватцать рублей, да пропили на вине ис тех же помолных и из взятых за продажу лошади и одной нетели тридцать один рубль пятьдесят копеек, и того в утрате сто восемьдесят один рубль пятьдесят копеек. Да в прошлом де 748 году в июне мце означенной же казначей иеродиакон Симеон Заградской слободки черносошного бобыля Василия Вопилова с женою ево Матреною чинил блудодейние, которого де он монах Андрей ево иеродиакона с тою женкою усмотрел на мнтрском скотном дворце, а о том де он монах в духовной консистории на оногo иеродиакона не доносил затем, что будучи он иеродиакон в церкви во время утренняго пения угрожал ему монах такими угрозами поморить голодною смертию или плетми смертельно засеч, да иеромонах же Вениамин ево Андрея бил палкою немилостивно причитая за то, что он монах, а старостию своею не мог приворотенной избы нагреть». Закащику попу Георгию было поручено расследовать это дело, однако был ли подтвержден донос – неизвестно [81].

О том, что пьянство существовало в монастыре, свидетельствует и другой пример. В июле 1749 г. консистория рассматривала дело о сбежавшем из Подгородного монастыря монахе Иоакиме. Как выяснилось во время следствия, будучи в бегах около месяца, он жил «в пьянстве» в Куринском монастыре у иером. Вениамина [82].

Происходили в монастыре и другие неблагоприятные истории. Так, в декабре 1750 г. настоятель иером. Вениамин и казначей иерод. Симеон доносили в духовную консисторию, что 1 августа «неведомые воровские люди» украли у них из кельи 12 руб. 50 коп., медную и оловянную посуду. Обвинили жившего в монастыре сына умершего попа с. Куринского Прокопия Амосова, который имел ключи. Еще раньше он был замечен в краже меда; а когда ушел домой, то унес матери разной монастырской одежды. Его сыскали, но вину его доказать так и не смогли [83].

Подобное положение дел в монастыре не устраивало вятские духовные власти. Из-за волнений крестьян, которые привели к экономическому разорению обители, а также слабости духовной жизни, духовные власти в июне 1752 г. поставили вопрос о ее присоединении вновь к Богословскому монастырю. Говоря о Кобрском и Куринском монастырях, консистория указала, что «...оныя м(о)н(ас)т(ы)ри в крайнем состоят убожестве и недостатке, в коих хотя и имеются в Куринском Архангельском строитель иеромонах Вениамин да братии иеродиакон Симеон да монах Андрей, а в Кобрском Введенском один вдовый поп Даниил Хлобыстов, точию от оных над теми м(о)н(ас)т(ы)рями никакого рачительства и присмотру кроме пьянства не видно». Для «лучшего смотрения и порядку и хранения монастырского имущества» члены консистории предложили архиерею поручить его в полное ведомство Подгородного монастыря. Было указано по описи проверить монастырское имущество, а в случае утрат – взыскать недостающее с настоятелей. Владыка Антоний утвердил это решение, и 23 июня консистория разослала указ о ликвидации обеих обителей [84].

Монастырь еще несколько лет после этого существовал как приписной. В частности, в 1760–1763 гг. из Архангельского монастыря в Богословский присылали деньги, собранные от продажи свечей в наиболее почитаемые для обители праздники – во время празднования образа Владимирской Божией Матери (21 мая / 3 июня) и архангела Михаила (8 июня по ст. ст. – когда отмечался местный праздник) [85].

Окончательно Куринский монастырь был ликвидирован вместе с Богословским монастырем в результате секуляризации 1764 г. О монастыре напоминал только крестный ход, который сохранялся вплоть до середины XX в.

Куринский монастырь представляет собой пример истории небольшой обители, в которой отразились основные тенденции развития русского монашества, начиная с последней четверти XVII в. и вплоть до секуляризации 1764 г.

Монастырь создавался по инициативе частных лиц, которые стали и его главными вкладчиками, что было характерно для последней четверти XVII в. Важным условием для создания и дальнейшего развития монастыря стали почитаемые каменные резные иконы, которые привлекали в обитель вкладчиков. Пожертвования первоначально имели ведущее значение в материальном содержании монастыря: они позволили выстроить монастырский ансамбль, обеспечить храмы церковной утварью, а братию – пропитанием и одеждой. По мере увеличения земельных вотчин и угодий, развития хозяйства, привлечения на свои земли крестьян-половников монастырь смог самостоятельно содержать себя.

Однако поступательное развитие обители было прервано реформами Петра I. В условиях церковной политики XVIII в., направленной на резкое уменьшение числа монастырей и полную ликвидацию небольших обителей, особую роль в их жизни приобрел субъективный фактор. Именно инициатива прихожан и вкладчиков позволила, хотя и на короткий срок, восстановить самостоятельность Куринской обители. Кроме того, важной предпосылкой ее возрождения стал связанный с иконой архангела Михаила Куринский крестный ход, основанный в 1739 г. и просуществовавший более 200 лет.

Но тот же субъективный фактор, наряду с объективными причинами социально-экономического характера, стал предпосылкой для скорого закрытия монастыря. Отсутствие достойной в нравственном отношении братии, а также настоятелей, способных эффективно решать духовные и хозяйственные вопросы, привели к повторному присоединению обители к Подгородному Богословскому монастырю еще до секуляризации церковных земель в 1764 г. Сила субъективного фактора была обусловлена слабой подконтрольностью удаленной обители центральным духовным властям. Сыграли свою роль в разрушении монастырского хозяйства и крестьянские волнения в монастырских вотчинах, во многом обусловленные непродуманной и противоречивой государственной политикой.

В целом, в период реформирования страны в XVIII в. Куринский монастырь, подобно другим небольшим обителям, оказался не способен противостоять государственной политике и внутренним неблагоприятным факторам.

Примечания

1. Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии 1-й четверти XVIII ст.: (Сост. согласно указу Святейшего Правительствующего Синода от 22 июня 1725 г.) / сообщ. В. Шабалин // ТВУАК. 1912. Вып. 1–2. Отд. 2. С. 165.

2. Грамота преосвященного Ионы об учреждении Куринского мужского монастыря и о построении церкви во имя архистратига Михаила. 20 июня 1676 г. // Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской епархии. Вятка, 1914. С. 511–512.

3. Переписная книга церковных посадских дворов города Котельнича и дворов в волостях тяглого и оброчного стана переписи Михаила Петровича Воейкова и подьячего Феодора Прокофьева (186) 1678 года // Труды Вятской ученой архивной комиссии (далее – ТВУАК). 1910. Вып. 2–3. Отд. 2. С. 122.

4. Чернышев А. Крестные ходы в Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1903. № 14. С. 629–630.

5. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования. О православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. СПб., 1879. Кн. 3. С. 19.

6. Пинегин Г., прот. Материалы для истории Вятской епархии // ВЕВ. 1865. № 18. Отд. неофиц. С. 562.

7. Кировский областной краеведческий музей. КОМК-5585, Хл-57/76.

8. Крупина О., Сенникова Л. Каменная икона «Преображение Господне» из Хлыновского Кремля в собрании Кировского областного краеведческого музея. URL: <http://drevnosti-russkie.com.ua/pages/view/188> (дата обращения: 24.04.2014).

9. *Спицын А. А.* Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881. С. 74, 80.
10. Ведомости о церковном строении города Хлынова Кафедрального собора, Крестовой церкви и штатных монастырей Вятской и Великопермской епархии за 1768 год // ТВУАК. 1915. Вып. 2-3. Отд. 2. С. 47–49.
11. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 237. Оп. 1. Д. 665. Л. 27 об.; Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии... С. 168.
12. Переписная книга церковных посадских дворов города Котельнича... С. 122.
13. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 78 об.
14. РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ч. 2. Д. 3459. Л. 214–217.
15. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 665. Л. 27 об.; Д. 6346. Л. 7.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 52 об.; Д. 7. Л. 72; Д. 41. Л. 139.
17. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 153 об.
18. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 2. Л. 25; Д. 3а. Л. 9; Оп. 74. Д. 131. Л. 8; Д. 820; Оп. 81. Д. 6. Л. 51 об.; Д. 41. Л. 565 об.
19. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 48, 51–53, 57–58; Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии... С. 167.
20. Подробнее см.: Кустова Е. В. Материалы к биографии настоятеля Вятского Успенского Трифонова монастыря архимандрита Александра // Обретение святых: сб. материалов IV Межрегион. церк.-науч. конф., посвящ. 400-летию представления преподобного Трифона Вятского. Киров, 2013. С. 49–54.
21. Переписная книга церковных посадских дворов города Котельнича... С. 41.
22. Возможно, что он являлся и настоятелем в Куринском монастыре в 1702 г.
23. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 38 об.; Д. 41. Л. 133 об.
24. Четверть аршина (до XVII в. – пядь) – мера длины, равная 4 вершкам, или 17,8 (по другим сведениям 19) см.
25. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 2-4 об., 6–9 об.
26. См.: Сводный каталог книг Кириллической печати в фондах библиотек и музеев г. Кирова. Вып. 1 : XVI–XVII вв. / сост. С. А. Шихова. Киров, 2004. С. 50–51, 60, 70–71.
27. Отдел краеведческой литературы Кировской государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена. Д333/п1. Церковные ценности Вятской губернии: альбом. Вятка, 1915. Л. 3.
28. РГАДА. Ф. 137. Орлов № 1. 1646 г. Л. 504 (сообщено А. Л. Мусихиным).
29. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 1 об., 3–4, 6.
30. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. Л. 2 об., 3, 4, 5 об., 6 об., 7 об., 9.
31. Кустова Е. В. Ревностный келарь (к биографии Ильи Семакина) // Герценка: Вятские записки. Вып. 19. Киров, 2011. С. 62–67.
32. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 9 об.
33. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 8. Л. 4 об.
34. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 9 об.
35. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 5–6.
36. Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии 1-й четверти XVIII ст. ... С. 166; Ведомости о церковном строении... за 1768 год... С. 52–53.
37. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 5–6 об.
38. Ведомости о церковном строении... за 1768 год... С. 52.
39. Переписная книга церковных посадских дворов города Котельнича... С. 122.
40. Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях... С. 166.
41. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 665. Л. 27 об.
42. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 196 об.–197, 251.
43. Семена брались из приплодного половинного зерна, которое отдавали крестьяне-половники монастырю за пользование вотчинными угодьями.
44. Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях... С. 166–168; ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9. Л. 96–99 об.
45. ПСЗ-1. Т. VI. №4022. Прибавление к Духовному регламенту. Май 1722 г.
46. *Кучумов В. А.* Русское старчество // Монастыри и монашество в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 234.
47. ПСЗ-1. Т. VII. №4151. Указ 28 января 1723 г.
48. ПСЗ-1. Т. VII. №4183. Указ 5 февраля 1724 г.
49. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 25–119; Очерки истории Вятской епархии (1657–2007). Киров (Вятка), 2007. С. 89.
50. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 51.

51. Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии 1-й четверти XVIII ст. С. 167.
52. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 90 об.-91.
53. Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии 1-й четверти XVIII ст. С. 165-166.
54. *Кучумов В. А.* Указ. соч. С. 234.
55. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 41. Л. 139.
56. Иосиф, архим. О крестных ходах вятских // ВЕВ. 1870. № 7. Отд. дух.-лит. С. 129.
57. Вершок – старорусская единица измерения, равная 4,445 см.
58. ГАКО. Ф. 300. Оп. 2. Д. 11. Л. 15 об.
59. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4. Л. 83-84; Иосиф, архим. О крестных ходах вятских... 130.
60. *Чернышев А.*, священник. Крестные ходы в Вятской епархии // ВЕВ. 1903. №14. Отд. неофиц. С. 630-631.
61. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 7. Л. 89-90, 93 об.
62. Церковь и государство в послепетровское время (1725-1730 гг.). URL: <http://ref.repeteruem.ru/referat/cerkov-i-gosudarstvo-v-poslepetrovskoe-vremja-1725-1730-gg> (дата обращения: 24.04.2014).
63. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 14. Л. 383.
64. ПСЗ-1. Т. 7. № 5005. Указ 6 февраля 1727 г.
65. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 10. Л. 545.
66. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 204 об.
67. Всего 5227 человек, в том числе: в архиерейских вотчинах – 600, Успенского Трифонова монастыря – 4183, Богоявленского и Екатерининского монастырей – 440.
68. ПСЗ-1. Т. 12. № 9212. Указ 30 сентября 1745 г.
69. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9. Л. 217-217 об., 219 об.
70. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 124, 647 об.; Оп. 2. Д. 8. Л. 311-312; Д. 9. Л. 587, 588.
71. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9. Л. 96-99 об.
72. Подробнее см.: ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5.
73. *Титлинов А.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильна, 1905. С. 300.
74. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 7. Л. 87, 96, 97.
75. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 143 об.; Оп. 2. Д. 7. Л. 99-99 об.; Оп. 76. Д. 42. Л. 7; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Л. 603.
76. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 32, 36.
77. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 12. Л. 794 об.
78. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9. Л. 636.
79. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 226.
80. *Кустова Е. В.* История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Т. 2. Справочные материалы. Киров, 2012. С. 96.
81. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 11. Л. 552.
82. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 11. Л. 195.
83. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 12. Л. 794-795.
84. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 14. Л. 383-383 об., 417.
85. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 163. Л. 2 об., 3 об., 5.

Notes

1. Vedomost' o Vyatskom arkhiejskom dome i o monastyryakh Vyatskoj eparkhii 1-j chetverti XVIII st. [Statement of Vyatka bishop's house and monasteries of Vyatka diocese of the 1st quarter of the XVIII century: (comp. according to the decree of the Holy Governing Synod on June 22, 1725)] / posts. V. Shabalin // TVUAK. 1912, is. 1-2. Dep. 2, p. 165.

2. Gramota preosvyashchennogo Iony ob uchrezhdenii Kurinskogo muzhskogo monastyrya i o postroenii tserkvi vo imya arkhistratiga Mikhaila. 20 iyunya 1676 g. [The letter of Bishop Joann on the establishment of Kura Monastery and on the construction of the Church of the Archangel Michael. June 20, 1676] // Sbornik khramozdannyykh gramot na postroenie tserkvej v Vyatskoj eparkhii – Collection of church-issued letters for building churches in the Vyatka diocese. Vyatka. 1914. Pp. 511-512.

3. Perepisnaya kniga tserkovnykh posadskikh dvorov goroda Kotel'nicha i dvorov v volostyakh tyagologo i obrochnogo stana perepisi Mikhaila Petrovicha Voejkova i pod'yachego Feodora Prokof'eva (186) 1678 goda [Census book of church homesteads of Kotelnich city and households in townships taxes and rent-paying mill censed by Mikhail Petrovich Voeikov and clerk Theodore Prokofiev (186) 1678] // Trudy Vyatskoj uchenoj arkhivnoj komissii – Works of Vyatka Scientific Archive Commission (hereinafter – TVUAK). 1910. Is. 2-3. Dep. 2. P. 122.

4. *Chernyshev A.* Krestnye khody v Vyatskoj eparkhii [Religious processions in the Vyatka diocese] // Vyatskie eparkhial'nye vedomosti (dalee – VEV)- Vyatka diocesan sheets (hereinafter – BEB). 1903, № 14, pp. 629-630.
5. *Zverinskiy V. V.* Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya. O pravoslavnykh monastyryakh v Rossijskoj imperii, s bibliograficheskim ukazatelem [Material for historical and topographical study. About Orthodox monasteries in the Russian Empire, with a bibliographic index]. St. Petersburg. 1879. Book 3. P. 19.
6. *Pinegin G.* Materialy dlya istorii Vyatskoj eparkhii [Materials for the history of the Vyatka diocese] // BEB. 1865, № 18, Div. unofficial, p. 562.
7. Kirov Regional Museum of Local History. KOKM-5585, CL 57/76.
8. *Krupina O., Sennikova L.* Kamennaya ikona «Preobrazhenie Gospodne» iz Khlynovskogo Kremlya v sobranii Kirovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Stone icon "Transfiguration of the Lord" from Khlynov Kirov Regional Museum of the Kremlin collection. Available at: <http://drevnosti-russkie.com.ua/pages/view/188> (date accessed: 04/24/2014) (in Russ.).
9. *Spitcin A. A.* Katalog drevnostej Vyatskogo kraja [Catalog of Antiques of Vyatka region] // Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1882 g – Calendar of Vyatka province in 1882. Vyatka. 1881. Pp. 74, 80.
10. Vedomosti o tserkovnom stroenii goroda Khlynova Kafedral'nogo sobora, Krestovoj tserkvi i shtatnykh monastyrej Vyatskoj i Velikopermskoj eparkhii za 1768 god [Bulletin of the ecclesiastical structure of the city of Khlynov Cathedral, Cross Church and State monasteries and Velikoperm Vyatka diocese in 1768] // TVUAK. 1915. Is. 2-3. Dep. 2. Pp. 47-49.
11. Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter – RGADA). F. 237. Inv. 1. D. 665. Sh. 27 turn; Vedomost' o Vyatskom arkhiejskom dome i o monastyryakh Vyatskoj eparkhii... [Statement of Vyatka bishop's house and monasteries of Vyatka diocese ...] P. 168.
12. Perepisnaya kniga tserkovnykh posadskikh dvorov goroda Kotel'nicha... [Census book of church homesteads of city of Kotelnich ...] P. 122.
13. State Archives of the Kirov region (hereinafter – GAKO). F. 237. Inv. 81. D. 5. Sh. 78 turn.
14. RGADA. F. 159. Inv. 3. Part 2. D. 3459. Sh. 214-217.
15. RGADA. F. 237. Inv. 1. D. 665. Sh. 27 turn; D. 6346. Sh. 7.
16. GAKO. F. 237. Inv. 81. D. 5. Sh. 52 turn; D. 7. Sh. 72; D. 41. Sh. 139.
17. RGADA. F. 1209. Inv. 1. D. 1034. Sh. 153 turn.
18. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 2. Sh. 25; D. 3a. Sh. 9; Op. 74. D. 131. Sh. 8; D. 820; Op. 81. D. 6. Sh. 51 turn; D. 565. Sh. 41 turn.
19. GAKO. F. 237. Inv. 81. D. 5. Sh. 48, 51-53, 57-58; Vedomost' o Vyatskom arkhiejskom dome i o monastyryakh Vyatskoj eparkhii... [Statement of Vyatka bishop's house and monasteries of Vyatka diocese ...] P. 167.
20. See: *Kustova E. V.* Materialy k biografii nastoyatelya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya arkhimandrita Aleksandra [The biography of abbot of Vyatka Uspensky Trifon's Monastery, Archimandrite Alexander] // Obretenie svyatykh: sb. materialov IV Mezhhregion. tserk. -nauch. konf., posvyashch. 400-letiyu predstavleniya prepodobnogo Trifona Vyatskogo – Finding of the Saints: col. of materials of IV Interregional church-scientific conf., dedicated to the 400th anniversary of the presentation of St. Tryphon of Vyatka. Kirov. 2013. Pp. 49-54.
21. Perepisnaya kniga tserkovnykh posadskikh dvorov goroda Kotel'nicha... [Census book of church homesteads of city of Kotelnich ...] P. 41.
22. It is possible that he was also the rector of the monastery in the Kura in 1702.
23. GAKO. F. 237. Inv. 81. D. 6. Sh. 38 turn; D. 133. Sh. 41 turn.
24. A quarter of a yard (to the XVII century. – Inch) – a measure of length equal to 4 inches or 17. 8 (according to other sources 19) cm.
25. RGADA. F. 237. Inv. 1. D. 6346. Sh. 2-4 turn, 6-9 turn.
26. See: Svodnyj katalog knig Kirillicheskoj pečati v fondakh bibliotek i muzeev g. Kirova [Union Catalog of books of Cyrillic printing in the libraries and museums of the city of Kirov. MY. 1: XVI-XVII centuries. / Comp. SA Shikhova. Kirov, 2004, pp 50-51, 60, 70-71.
27. Department of local literature of Kirov State Universal Regional Scientific Herzen Library. D333 / p. 1. Religious values of Vyatka province: the album. Vyatka. 1915. Sh. 3.
28. RGADA. F. 137. Orlov № 1. 1646 Sh. 504 (reported by A. L. Musikhin).
29. RGADA. F. 237. Inv. 1. D. 6346. Sh. 1 turn 3-4, 6.
30. RGADA. F. 237. Inv. 1. D. 6346. Sh. 2 turn, 3, 4, 5 turn, 6 turn, 7 turn, 9.
31. *Kustova E. V.* Revnostnyj kelar' (k biografii Il'i Semakina) [Zealous bursar (the biography of Elijah Semakina)] // Gertsenka: Vyatskie zapiski – Gertsenka: Vyatka note. Is. 19. Kirov. 2011. Pp. 62-67.
32. RGADA. F. 237. Inv. 1. D. 6346. Sh. 9 turn.
33. GAKO. F. 237. Inv. 76. D. 8. Sh. 4 turn.
34. RGADA. F. 237. Inv. 1. D. 6346. Sh. 9 turn.

35. RGADA. F. 237. Inv. 1. D. 6346. Sh. 5-6.
36. Vedomost' o Vyatskom arkhiejskom dome i o monastyryakh Vyatskoj eparkhii 1-j chetverti XVIII st. ... [Statement of Vyatka bishop's house and monasteries of Vyatka diocese of the 1st quarter of the XVIII century]. P. 166; Vedomosti o tserkovnom stroenii... za 1768 god... [Statements about the structure of the church ... in 1768 ...] Pp. 52-53.
37. RGADA. F. 237. Inv. 1. D. 6346. Sh. 5-6 turn.
38. Vedomosti o tserkovnom stroenii... za 1768 god... [Bulletin of the church structure ... in 1768 ...] P. 52.
39. Perepisnaya kniga tserkovnykh posadskikh dvorov goroda Kotel'nicha... [Census book of church homesteads of city of Kotel'nich ...] P. 122.
40. Vedomost' o Vyatskom arkhiejskom dome i o monastyryakh... [Statement of Vyatka bishop's house and monasteries ...] P. 166.
41. RGADA. F. 237. Inv. 1. D. 665. Sh. 27 turn.
42. RGADA. F. 1209. Inv. 1. D. 1034. Sh. 196 turn-197, 251.
43. Seeds were taken from crop half grain, which peasants gave to monastery for the use of the patrimonial lands.
44. Vedomost' o Vyatskom arkhiejskom dome i o monastyryakh... [Statement of Vyatka bishop's house and monasteries ...] Pp. 166-168; GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 9. Sh. 96-99 turn.
45. COR-1. T. VI. № 4022. Pribavlenie k Dukhovnomu reglamentu [Adding to the Spiritual Regulation]. May 1722
46. *Kuchumov V. A.* Russkoe starchestvo [Russian elders] // Monastyri i monashestvo v Rossii. XI-XX veka: Istoricheskie ocherki- Monasteries and monasticism in Russia. XI-XX Century: Historical Essays. M., 2002, pp 234.
47. PSZ-1. Vol. VII. №4151. Decree of 28 January 1723.
48. PSZ-1. Vol. VII. №4183. Decree of 5 February 1724.
49. GAKO. F. 237. Inv. 81. D. 5. Sh. 25-119; Ocherki istorii Vyatskoj eparkhii (1657–2007) [Essays on the History of the Vyatka diocese (1657-2007)]. Kirov (Vyatka). 2007. P. 89.
50. GAKO. F. 237. Inv. 81. D. 5. Sh. 51
51. Vedomost' o Vyatskom arkhiejskom dome i o monastyryakh Vyatskoj eparkhii 1-j chetverti XVIII st. [Statement of Vyatka bishop's house and monasteries of Vyatka diocese of the 1st quarter of the XVIII century....] P. 167.
52. GAKO. F. 237. Inv. 1. D. 7. Sh. 90 turn-91.
53. Vedomost' o Vyatskom arkhiejskom dome i o monastyryakh Vyatskoj eparkhii 1-j chetverti XVIII st. [Statement of Vyatka bishop's house and monasteries of Vyatka diocese of the 1st quarter of the XVIII century....] Pp. 165-166.
54. *Kuchumov V. A.* Op. cit. P. 234.
55. GAKO. F. 237. Inv. 81. D. 41. Sh. 139.
56. Joseph, Archimandrite. O krestnykh khodakh vyatskikh [About Vyatka religious processions] // BEB. 1870, № 7, Div. spir literature, p. 129.
57. Vershok – old Russian unit of measurement equal to 4,445 cm.
58. GAKO. F. 300. Inv. 2. D. 11. L. 15 turn.
59. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 4. Sh. 83-84; Joseph, Archimandrite. O krestnykh khodakh vyatskikh... [About Vyatka religious processions ...] 130.
60. *Chernyshev A.* Krestnye khody v Vyatskoj eparkhii [Processions in the Vyatka diocese] // BEB. 1903, №14, Dep. unofficial, pp. 630-631.
61. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 7. Sh. 89-90, 93 turn.
62. TSerkov' i gosudarstvo v poslepetrovskoe vremya (1725–1730 gg.). [Church and State in post-Petrine time (1725-1730.)] Available at: <http://ref. repetiruem. ru/referat/cerkov-i-gosudarstvo-v-poslepetrovskoe-vremja-1725-1730-gg> (date accessed: 04/24/2014) (in Russ.).
63. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 14. Sh. 383.
64. PSZ-1. Vol. 7. № 5005. Decree of 6 February 1727
65. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 10. Sh. 545.
66. GAKO. F. 237. Inv. 1. D. 1. Sh. 204 turn.
67. Total 5227 people, including in the episcopal estates – 600, in Uspensky Trifon Monastery – 4183, in Catherine and Epiphany monasteries – 440.
68. PSZ-I. Vol. 12. № 9212. Decree of 30 September 1745
69. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 9. Sh. 217-217 turn, About 219.
70. GAKO. F. 237. Inv. 1. D. 1. Sh. 15, 124, 647 turn; Op. 2. D. 8. Sh. 311-312; D. 9. Sh. 587, 588.
71. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 9. Sh. 96-99 turn.
72. See: GAKO. F. 237. Inv. 81. D. 5.
73. *Titlinov A.* Pravitel'stvo imperatritsy Anny Ioannovny v ego otnosheniyakh k delam pravoslavnoj tserkvi [The Government of Empress Anna Ivanovna in its relations to the affairs of the Orthodox Church]. Vilna, 1905. P. 300.
74. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 7. Sh. 87, 96, 97.

75. GAKO. F. 237. Inv. 1. D. 1. Sh. 143 turn; Op. 2. D. 7. Sh. 99-99 turn; Op. 76. D. 42. Sh. 7; RGADA. F. 1209. Inv. 1. D. 603. Sh. 1098.
76. GAKO. F. 237. Inv. 1. D. 1. Sh. 32, 36.
77. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 12 Sh. 794 turn.
78. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 9 Sh. 636.
79. GAKO. F. 237. Inv. 1. D. 1 Sh. 226.
80. *Kustova E. V. Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya [History of Vyatka Uspensky Trifon monastery]. Vol. 2 Reference materials. Kirov. 2012. P. 96.*
81. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 11. Sh. 552.
82. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 11. Sh. 195.
83. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 12. Sh. 794-795.
84. GAKO. F. 237. Inv. 2. D. 14. Sh. 383-383 turn, 417.
85. GAKO. F. 237. Inv. 76. D. 163. Sh. 2 turn, 3 turn, 5.

УДК 94(470.342)"1917"

Е. А. Шарин

Динамика смены власти: крушение старого правопорядка в Вятской губернии с февраля по октябрь 1917 г.

В статье рассматривается вопрос о принятии власти Временным правительством после Февральской революции 1917 г. Особое внимание уделено положению полиции сразу после революции и созданию милиции в Вятской губернии. Кратко упоминается о роли армии в попытке поддержать стабильность и спокойствие в губернии. В череде последующих событий анализируются попытки губернского комиссара решить социальные проблемы. Автор приходит к выводу, что квалифицированную и работоспособную милицию Временному правительству создать не удалось, что способствовало погружению Вятской губернии в хаос и анархию.

The article discusses the adoption of the Provisional Government after the February 1917 revolution. Particular attention is paid to the situation of the police immediately after the revolution and the establishment of the police in the Vyatka province. Briefly mentions the role of the army in an attempt to maintain stability and peace in the province. In a series of subsequent events Provincial Commissioner analyzes attempts to solve social problems. The author concludes that qualified and valid police Provisional Government failed to create that helped plunge the Vyatka province into chaos and anarchy.

Ключевые слова: Февральская революция, Временное правительство, Вятская губерния, полиция, милиция, уездные комиссары.

Keywords: The February Revolution, the Provisional Government, the Vyatka Province, the police, the county commissioners.

Февральская революция 1917 г. в корне изменила все политические, социальные и экономические институты общества, в том числе и одну из главных опор внутренней стабильности любого государства – полицию. Самодержавие пало, а вместе с ним была сметена и полиция.

Уже в первые дни Февральской революции радикально настроенные массы в Петрограде начали громить полицейские участки и арестовывать самих полицейских. Вот как описывает это посол Франции в России Морис Палеолог: «...в Петрограде восставшие, подавив сопротивление полиции и жандармерии, захватили и подожгли здание охранного отделения, горели дома министерства внутренних дел, военного губернатора, министра Двора» [1].

По всей России, в том числе и в Вятской губернии, в центральные органы власти стали приходить телеграммы с просьбами разъяснить, находится полиция в распоряжении нового правительства или нет.

Временное правительство, пришедшее на смену самодержавию, понимало, что полиция будет ассоциироваться со старой властью. Полицейские чины, в свою очередь, обоснованно опасаясь за себя и за жизнь родных и близких, не хотели рисковать. Все это привело к массо-

вому увольнению из полиции, а зачастую и банальному бегству со службы. Например, 5 марта в Котельниче «конно-полицейские стражники и городовые отказались нести службу в полиции и заявили о своем уходе со службы» [2]. В том органы правопорядка нельзя упрекнуть, неся службу и защищая Родину, полиция всегда ощущала за спиной поддержку государства, а после падения самодержавия полиция поняла свою беззащитность перед толпой.

10 марта 1917 г. постановлением Временного правительства департамент полиции был упразднен. Юридически полиция дореволюционной России прекратила свое существование.

Было принято решение о создании нового органа правопорядка, не связанного со старым режимом, – милиции. Реорганизация полиции в милицию и управление милицией были возложены на общественные управления: в городах – на городские управы, в уездах – на земские управы. Новообразованная милиция должна была вооружиться отнятым у полиции оружием.

По всем уездам Вятской губернии происходил массовый сбор оружия и боеприпасов. Например, в Елабуге полиция уже 7 марта была разоружена. Начальнику гарнизона сдано следующее количество оружия и патронов: 22 револьвера системы Нагана и 420 патронов, 34 винтовки системы Бердана и 3365 патронов, 36 японских винтовок и 1710 патронов [3]. В Уржуме 9 марта было изъято 176 винтовок и 8367 патронов, 53 револьвера и 3383 патрона, 170 шашек [4].

Бывших полицейских на службу в новообразованную милицию рекомендовано было не брать как неблагонадежных. Все лица, не вошедшие в штат милиции, отправлялись в действующую армию. Если все же нижние чины полиции брались на службу, то командные должности получить не могли. Встал вопрос, где найти людей для руководящих должностей? Выбор пал на армию. Было предложено искать кандидатов из лиц офицерского звания, уволенных от службы по ранениям или болезням.

По запросу губернского комиссара от 5 марта 1917 г. командующему Казанским военным округом на должность начальника милиции был назначен прапорщик запаса 106-го пехотного полка Василий Афанасьевич Дробинин, заступивший на должность 7 марта [5].

Армейский офицер понимал, что без опытных кадров наладить службу не получится, и всячески старался оставить на прежних должностях бывших полицейских. 16 марта на имя губернского комиссара была отправлена телеграмма. В ней В. А. Дробинин по соглашению с комитетом по охране города представлял список бывших чинов Вятской городской полиции и ходатайствовал о представлении им отсрочки по призыву на действительную военную службу, аргументируя это тем, что данные лица являются, безусловно, необходимыми на службе в милиции и без них обойтись никак нельзя.

В свою очередь на местах выносили похожие решения. Так, Елабужская городская дума ввиду полной невозможности заместить должности милиционеров новыми лицами постановила остаться пока при прежнем составе городских, переименовав их в милиционеров. В апреле 1917 г. начальник Яранской милиции отправил запрос, где предлагал во избежание нарушения правильного функционирования дел в милицейской управе оставить в должности секретаря, состоявшего на этой должности в бывшем полицейском управлении. Но это было редким исключением.

Кроме этого у милиции возник ряд проблем, которые требовали от Временного правительства быстрого решения.

Уездные комиссары, назначаемые на должность начальников милиции в уезде, в первую очередь, не должны были быть связаны со старой властью. Это приводило к тому, что на командной должности находился или нижний чин бывшей полиции, или же человек, не работавший и не имеющий вовсе опыта в системе правопорядка. Новоиспеченные начальники сами плохо понимали свои обязанности и не имели представления о работе.

Подтверждением этому может служить телеграмма комиссара Малмыжской милиции от 7 марта 1917 г. губернскому комиссару: «Телеграмму вашу о назначении меня комиссаром получил. Могу беспокойных лишать свободы? Телеграфируйте подробные указания, кто милицией будет руководить на местах, должна ли быть она вооружена?» [6] Человек, возглавляющий всю милицию уезда и отвечающий за ее действия, сам не имел понятия, как нужно работать. Это не могло не повлиять на профессиональные качества простых милиционеров, которых попросту некому было учить.

Начальник милиции Сарапульского уезда 3 июля в служебной записке упоминал, что «весьма разнообразные, чрезвычайно важные, многочисленные и очень ответственные функции полиции приняли на себя люди, не имеющие для того ни знаний, ни служебного и полицейского опыта» [7].

Среди милиционеров встречались люди, сознательно не приступавшие к дознанию, взамен возбуждения уголовного дела занимавшиеся пропагандой и чтением нотаций лицам, которые были задержаны за избиение милиционеров.

5 июля 1917 г. Яранская комиссия общественных организаций сообщила губернатору, что должностные лица милиции, будучи безупречными с нравственной стороны, часто с технической стороны являются непригодными к исполнению возложенных на них обязанностей, при этом комиссией выделялись два главных фактора:

1. Малограмотность.
2. Незнание своих обязанностей и прав [8].

В деревнях само население должно было организовывать правопорядок. 15 марта 1917 г. Вятский губернский комиссар Временного правительства отправил телеграммы во все уезды с указанием: «Сельским старостам вручаются обязанности милиционера соответствующего селения» [9]. Староста в деревне, человек, несомненно, авторитетный и уважаемый односельчанами, теперь должен был следить за соблюдением и исполнением законов, которых сам даже не знал. Население, помнящее жесткую хватку профессиональной царской полиции и наблюдая неспособность новоиспеченной милиции постоять даже за себя, не испытывало уважения к новым органам власти.

Если в первое время для стабилизации ситуации в уездах губернский комиссар мог опереться на армию, отправляя для успокоения населения солдат, то вскоре и армейская поддержка практически прекратилась. К маю 1917 г., опасаясь окончательного разложения армии, командующий Казанским военным округом предложил представить по телеграфу в штаб округа соображения, сколько человек требуется для усиления и как будет разрешен вопрос о содержании солдат и офицеров, в свою очередь обещая из ближайших воинских частей предоставить лиц, непригодных к отправлению на фронт [10].

Таким образом, уже к лету в губернии для сохранения порядка не было ни компетентной милиции, ни боеспособной армии. Губернский комиссар отправил запрос по уездам с целью прояснить обстановку и узнать о необходимости армии на местах.

Начальник милиции Сарапульского уезда сообщил, что состав милиции в Сарапульском уезде недостаточен для борьбы с преступностью. Было высказано желание иметь возможность получать по мере необходимости во временное распоряжение до 15 солдат при содержании по 2 рубля в сутки [11]. Начальник милиции Глазовского уезда, наоборот, сообщил: «В настоящее время из войсковых команд в командировку в помощь милиции не имеется надобности» [12].

Стремясь организовать нормальную работу милиции, в уездах начали открывать школы милиции, где проводились курсы по три-четыре месяца, куда набирали по 25 человек из уезда и пять – из самого города. Главной целью таких школ было привить навыки розыскной и следственной работы у милиционеров. Например, была разработана программа обучения в школе милиции в Сарапуле: намечался курс занятий на три-четыре месяца, с экзаменами.

Комплект учащихся не должен был превышать 25 человек, вызываемых на четыре месяца из уезда для прохождения учебы. Была также составлена смета расходов школы за месяц.

«Смета

расходов по устройству и содержанию школы для милиционеров в г. Сарапул.

1. Наем помещения для школы с отоплением и освещением.....200 руб.
2. Суточные милиционерам по комплекту учащихся 25 чел. По 1 руб. 50 к. в сутки на дому.....1125 руб.
3. Учебные пособия и канцелярские принадлежности.....75 руб.
4. Суточные преподавателям (из расчета 3 руб. за час при 4-часовом занятии в день)..... 300 руб.

Всего: 1700 руб.» [13]

К лету 1917 г. была выпущена инструкция для уездной милиции на 15 страницах, регламентирующая действия милиционеров при объезде территории и по задержанию преступников, а также содержащая образцы составления протоколов. С организацией работы были назначены зарплаты сотрудникам милиции. Так, начальник уездной милиции получал 350 руб. в месяц, его помощник – 300 руб., младший чин милиции – 100 руб.

Трудности возникали с форменной одеждой. Рядовой обыватель всегда робел, видя перед собой официальное лицо, облаченное в форменную одежду, подчеркивавшую принадлежность к власти. Временное правительство этим вопросом не озадачилось, а так как царские мундиры, по понятным причинам, не могли быть использованы милицией, а форма нового образца не была еще создана, это затрудняло работу.

21 июня 1917 г. начальник Яранской милиции сообщал, что «состав милиции в уезде уже давно сформирован, но из-за отсутствия описания установленной форменной одеждой чины милиции исполняют служебные обязанности в партикулярном платье» [14].

В условиях хаоса и роста преступности появилось множество людей с оружием. Население не могло отличить обычного преступника от милиционера, так как отличий никаких не было.

5 октября приказом МВД было решено ввести обмундирование темно-синего цвета с допущением на первое время постройки обмундирования из материала защитного цвета.

Но приказ не был доведен до начальников уездной милиции. Из Уржума 28 октября начальник милиции просил разъяснений об установленной правительством формы одежды для чинов милиции.

На фоне всех проблем, сотрясавших губернию, мимо центральных властей губернии прошел вопрос о служебно-розыскных собаках бывшей полиции. Начальник Вятской городской милиции с завидным упорством отсылал запросы с просьбой разъяснить, что делать с пятью собаками, так как запроса из армии на них нет, а содержание каждой обходилось в 50–60 рублей в месяц. В свою очередь, он предлагал продать их на рынке местным любителям, но ответа не последовало. Это привело к тому, что 25 сентября пять сыскных собак породы немецкая овчарка под кличками Зепп, Арфа, Принц, Женни и Фриц были переданы по распоряжению Вятской городской управы на Вятскую городскую скотобойню, о чем и было отправлено уведомление [15].

Сами сотрудники милиции видели свою несостоятельность и неспособность властей решить насущные проблемы. Наблюдая озлобленность населения, они закономерно начали опасаться за свои жизни.

К лету 1917 г. чины милиции, поддавшись всеобщей анархии, стали самовольно покидать свои посты. Начальник Вятской городской милиции 12 августа сообщал: «За последнее время начали замечаться случаи самовольного оставления милиционерами своих обязанностей, несмотря на сделанные им разъяснения о недопустимости таких поступков» [16].

К осени 1917 г. встала новая и последняя проблема для Временного правительства, а именно – нехватка патронов по всей губернии. 21 октября 1917 г. из Сарапульского уезда была отправлена телеграмма с сообщением: «чины полиции Сарапульского уезда вооружены револьверами “наган”. Патронов к этим револьверам не имеется» [17]. В тот же день был получен ответ: «Уведомляем вас, что револьверы системы “браунинг” и “наган” с патронами не могут быть отпущены, ввиду отсутствия их в распоряжении Главного управления» [18].

Но эту проблему новому правительству уже не суждено было решить. В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. произошла Октябрьская революция, изменившая ход истории России еще раз.

Таким образом, после Февральской революции взамен разогнанной высококвалифицированной и опытной полиции пришла народная милиция. Милиционеры не имели опыта, и порой даже образования, и не могли вести ни розыскную, ни следственную работу, что, в свою очередь, подрывало их авторитет, а также авторитет правительства, за которым милиция стояла.

Еще одна опора любого государства – армия – тоже не могла стабилизировать ситуацию в губернии. Сами милиционеры, понимая свою несостоятельность, стали сбегать со службы. В результате Октябрьской революции Временное правительство было свергнуто. Созданием и организацией милиции после Октября занималось уже новое большевистское правительство.

Примечания

1. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 241.
2. Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. 1345. Оп.1. Д. 86. Л. 73.
3. ГАКО. Ф.1345. Оп 1. Д. 5. Л. 41–42.
4. Там же. Л. 131.
5. Там же. Л. 5.
6. Там же. Д. 6. Л. 33.
7. Там же. Д. 5. Л. 212.
8. Там же. Д. 6. Л. 44.
9. Там же. Д. 5. Л. 38.
10. Там же. Д. 6. Л. 208.
11. Там же. Л. 50.
12. Там же. Л. 213.
13. Там же. Д. 5. Л. 213–214.
14. Там же. Л. 200.
15. Там же. Л. 243.
16. Там же. Д. 6. Л. 150.
17. Там же. Д. 5. Л. 272.
18. Там же. Л. 272.
19. Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке: общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917 – осенью 1918 гг. Киров, 1998.
20. Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008.

Notes

1. *Paleolog M.* TSarskaya Rossiya nakanune revolyutsii [Imperial Russia before the Revolution]. Moscow. 1991. P. 241.
2. State Archives of the Kirov Region (GAKO). F. 1345. Op. 1. D. 86. Sh. 73.
3. GAKO. F. 1345. Op 1. D. 5. Sh. 41-42.
4. Ibid. Sh. 131.
5. Ibid. Sh. 5.
6. Ibid. D. 6. Sh. 33.
7. Ibid. D. 5. Sh. 212.
8. Ibid. D. 6. Sh. 44.
9. Ibid. D. 5. Sh. 38.
10. Ibid. D. 6. Sh. 208.
11. Ibid. Sh. 50.
12. Ibid. Sh. 213.
13. Ibid. D. 5. Sh. 213–214
14. Ibid. Sh. 200.
15. Ibid. Sh. 243.
16. Ibid. D. 6. Sh. 150.
17. Ibid. D. 5. Sh. 272.
18. Ibid. Sh. 272.
19. *Timkin Yu. N.* Smutnoe vremya na Vyatke: obshchestvenno-politicheskoe razvitie Vyatskoj gubernii vesnoj 1917 – osen'yu 1918 gg. [Time of Troubles in Vyatka: socio-political development of the Vyatka province in the spring of 1917 – the fall of 1918]. Kirov. 1998.
20. *Bakulin V. I.* Drama v dvukh aktakh: Vyatskaya guberniya v 1917–1918 gg [Drama in two acts: Vyatka Province in 1917-1918]. Kirov. 2008.

Государственные органы управления трудовой миграцией Кировской области в 1956–1967 гг. *

В статье рассматриваются государственные органы управления трудовой миграцией Кировской области в 1956–1967 гг. Авторы выделяют этапы эволюции республиканских и местных органов управления трудовой миграцией, структуру и полномочия деятельности.

The article deals with the state bodies manage labor migration in the Kirov region 1956–1967 gg. The authors identify the stages of the evolution republican and local bodies labor migration management, structure and authority activities.

Ключевые слова: государственные органы, трудовые миграции, Кировская область.

Keywords: the state bodies, labor migration, Kirov region.

Миграционные процессы являются фактором и важным следствием экономических, политических и социальных изменений. Миграция может способствовать перекройке государственных границ, подрыву национально-культурной идентичности отдельных территорий и расшатыванию государственного суверенитета. Процессы глобализации влияют на интенсификацию миграционных потоков, делают миграцию более масштабной, разнообразной, трансграничной и, по существу, постоянной.

В XX в. миграционная политика стала составной частью социальной и экономической политики, требующей наиболее серьезного внимания.

Кировская область устойчиво теряет население в результате миграции. Последнее время ежегодно область теряет более 10 тыс. чел., большинство из которых – трудоспособное население. Регион и раньше характеризовался миграционной убылью. В послевоенные, и особенно в 1960–1970-е гг., Кировская область являлась одним из наиболее крупных поставщиков рабочей силы в другие регионы страны. Главным образом область покидали сельские жители. В Кировской области наблюдаются и активные внутренние миграции. Сельская молодежь уезжает в города в поисках работы. Столь активная урбанизация, начавшаяся еще до и во время Великой Отечественной войны, продолжалась и в послевоенное время, приобретая новые формы и масштабы. Процесс вымирания деревни стал необратимым [1]. Именно поэтому исследование трудовых миграций в советский период позволит выявить источник данной проблемы, определить способы ее решения посредством анализа имеющегося исторического опыта.

Изучение миграционных процессов, происходивших в СССР после Второй мировой войны, сопровождается в последнее десятилетие устойчивым интересом, при этом предпочтение отдается миграции в регионах вселения (регионы-реципиенты) и сравнительно редко – в местах выхода мигрантов (регионы-доноры) [2]. В послевоенный период особая роль отводилась трудовой миграции. Основными формами трудовой миграции, т. е. миграции рабочей силы, в советский период были сельскохозяйственное переселение колхозников и организованный набор (оргнабор) рабочих для промышленности. Проанализировавшая историографию темы Л. А. Крушанова среди наименее изученных элементов миграционной политики называет «структуры органов власти, а также численность и функции управленцев, занимавшихся ее реализацией» [3].

Поэтому целью статьи будет изучение структуры государственных органов Кировской области в 1956–1967 гг., управлявших трудовой миграцией в области.

Вопросы трудоустройства мигрантов встали остро в годы Великой Отечественной войны. Постановлением СНК СССР от 12 февраля 1942 г. был образован Отдел СНК РСФСР по хо-

* Статья подготовлена в рамках выполнения регионального гранта РГНФ и Правительства Кировской области «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее». Кировская область, номер проекта 14-11-43004.

© Бровцин А. В., Чернышева Н. В., 2014

зяйственному устройству эвакуированного населения. В сентябре 1945 г. он был реорганизован в Переселенческое управление при СНК РСФСР.

Задачи управления:

- переселение колхозников и крестьян с малоземельных территорий в многоземельные;
- внутриобластное переселение;
- переселение по особым постановлениям правительства;
- организация реэвакуации угнанного фашистскими оккупантами во время войны населения, приём и размещение репатриированных советских граждан.

С 1 апреля 1953 г. Управление передавалось в состав Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР. В начале мая 1953 г. произошло его преобразование в Главное переселенческое управление. В декабре 1953 г. – подведомственно Министерству сельского хозяйства РСФСР.

На его базе постановлением Совета Министров РСФСР от 18 декабря 1954 г. было создано Главное переселенческое управление при Совете Министров РСФСР, непосредственно ему подчиняющееся.

Структура Управления за этот период несколько раз менялась, в том числе благодаря организации и упразднению разных отделов: планово-финансового (1945–1956 гг.); по организации отбора и отправки переселенцев (1946–1953 гг.); по организации приема и хозяйственному устройству переселенцев (1945–1952 гг.); по репатриации и реэвакуации советских граждан (1945–1950 гг.); внутриобластного переселения (1950 г.); транспортного (1947–1952 гг.); переселения центральных районов (1953 г.); отбора и отправки переселенцев (1953 г.); перевозок переселенцев (1953–1954 гг.); переселения в районах крупного гидротехнического строительства (1955–1956 гг.); кадров (1948, 1950, 1953–1956 гг.); бухгалтерии (1945–1956 гг.).

Управление было ликвидировано постановлением Совета Министров РСФСР от 3 августа 1956 г., его функции переданы Главному управлению переселения и организованного набора рабочих Совета Министров РСФСР, осуществлявшему свою деятельность на основании принятого в ноябре 1956 г. «Положения о Главном управлении переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР и его местных органах», утвержденное постановлением Совета Министров РСФСР от 22 ноября 1956 г. № 739.

Цель Главного управления – организация сельскохозяйственного и промышленного переселения в восточные и северные районы РСФСР. Основные задачи:

- сельскохозяйственное и промышленное переселение;
- организованный набор рабочих для постоянной и сезонной работы в промышленности, на строительстве всех министерств и ведомств в соответствии с планами;
- контроль выполнения планов строительства и ремонта жилых домов в местах вселения;
- проверка подготовленности колхозов, предприятий и строек к приёму, размещению, трудовому, бытовому и хозяйственному устройству переселенцев;
- утверждение проектов и смет на объекты капитального строительства.

В структуру Главного управления входили:

- отдел переселения и организованного набора рабочих районов Центра и Юга;
- отдел переселения и организованного набора рабочих районов Севера и Запада;
- отдел переселения и организованного набора рабочих районов Урала, Сибири и Дальнего Востока;
- отдел переселения в районах крупного гидротехнического строительства;
- отдел планирования и учета рабочей силы;
- финансовый отдел;
- бухгалтерия;
- отдел перевозок;
- хозяйственная часть;
- канцелярия;
- контора «Дальпромкадры»;
- отдел по организации приёма и устройству советских граждан, прибывающих из-за границы (с 1957 г.).

Осенью 1961 г. на основании постановления Совета Министров РСФСР от 30 октября 1961 г. № 1340 в силу вступило новое «Положение о Главном управлении переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР» [4]. Согласно ему изменились основные задачи деятельности:

- организация и руководство сельскохозяйственным переселением с учетом обеспечения в первую очередь заселения колхозов и совхозов целинных и многоземельных районов, нуждающихся в рабочей силе; осуществление контроля в местах вселения за хозяйственным устройством переселенцев и предоставлением им установленных льгот, за выполнением планов строительства жилых домов и надворных построек для переселенцев;
- проведение организованного набора рабочих для постоянной работы в промышленности, строительстве, на транспорте и для работы в отраслях промышленности с сезонным характером производства;
- участие в работе по персональному распределению молодых специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях; контроль за их направлением и использованием;
- подбор и направление на работу в установленном порядке по договоренности с совхозами и другими хозяйственными организациями специалистов, имеющих опыт работы, и квалифицированных рабочих;
- организация переселения населения, переноса и восстановления домов и бытового устройства переселенцев в районах крупного гидротехнического строительства.

Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР возглавлял начальник, назначаемый Советом Министров РСФСР. Он руководил деятельностью Управления и его отделов на местах, издавал приказы и инструкции в пределах своей компетенции.

Под председательством начальника в составе Управления образовывалась Коллегия, которая на своих заседаниях рассматривала важнейшие приказы и инструкции, вопросы практического руководства и организации работы по направлению специалистов и квалифицированных рабочих, организованному набору рабочих и переселению, вопросы проверки исполнения, подбора, расстановки и воспитания кадров, представления о назначении и освобождении работников номенклатуры, заслушивала отчеты работников Главного управления и его местных органов.

В декабре 1963 г. в Положение были внесены изменения, коснувшиеся объема полномочий [5]. В частности, с 1 января 1964 г. Управление освобождалось от работы, связанной с участием в комиссиях по персональному распределению молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения, контролем за прибытием и использованием их, а также финансированием расходов по направлению в места назначения. В связи с этим на две штатные единицы уменьшилась численность работников центрального аппарата и на 12 – местных органов.

Существенные изменения в работу государственных органов были внесены в 1967 г. после принятия постановления Советом Министров РСФСР от 11 февраля 1967 г. «О мерах по улучшению использования трудовых ресурсов» [6]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 февраля 1967 г. образован Государственный комитет Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов. В период 1967–1974 гг. Комитет возглавлял Константин Александрович Новиков.

На Государственный комитет Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов, управления Советов Министров автономных республик и отделы исполкомов краевых, областных, городских (г. Москвы и г. Ленинграда) Советов депутатов трудящихся по использованию трудовых ресурсов возлагалось следующее:

- разработка и проведение совместно с министерствами, ведомствами и предприятиями мероприятий по переподготовке рабочих и перераспределению их между предприятиями, стройками, отраслями и районами с учетом потребностей производства;
- трудоустройство населения, а также информация населения о потребности предприятий,строек и организаций в рабочих и служащих;
- изучение состава трудоспособного населения, не занятого в общественном хозяйстве, и разработка совместно с плановыми и хозяйственными органами предложений по рациональному использованию трудовых ресурсов;

История

– проведение организованного набора рабочих и переселения, а также обеспечение контроля за выполнением хозяйственными органами обязательств по созданию рабочим и служащим, направляемым на предприятия и стройки, необходимых производственных и жилищно-бытовых условий и за хозяйственным устройством переселяемого населения;

– участие в разработке проектов планов размещения нового промышленного строительства, с учетом наиболее полной и рациональной занятости трудоспособного населения в общественном хозяйстве, а также в рассмотрении схем районных планировок и генеральных схем развития городов в части обеспечения занятости населения.

Таким образом, наряду с характерными для предшествующего периода функциями, Комитет стал разрабатывать и принимать меры по переподготовке рабочих и их последующего перераспределения; информировать население об имевшихся вакансиях и заниматься трудоустройством безработных граждан; участвовать в разработке планов нового промышленного строительства [7].

Местные органы видоизменялись вслед за преобразованием общесоюзных и республиканских органов. В составе Кировского областного исполнительного комитета 27 февраля 1942 г. было создано Бюро по учету и распределению рабочей силы во главе с Новожиловым [8]. В послевоенное время вопросами трудовой миграции занимался Переселенческий отдел, ликвидированный решением Исполнительного комитета Кировского областного Совета депутатов трудящихся от 13 февраля 1953 г. № 211. На его месте был образован Отдел организованного набора рабочих, просуществовавший до лета 1956 г.

6 августа 1956 г. был создан Отдел переселения и организованного набора рабочих Кировского облисполкома. С этого момента сельхозпереселение и оргнабор были сосредоточены в одном органе власти, в его функции входили организация и руководство сельскохозяйственным и промышленным переселением; проведение организованного набора рабочих для промышленных предприятий и проверка готовности предприятий к приёму рабочих; руководство и контроль за переездом, условиями приёма переселенцев в местах выхода; разработка планов переселения и оргнабора; определение районов, имеющих избыточные трудовые ресурсы и контингент переселенцев [9].

Планы набора Отдела переселения и оргнабора рабочих Кировской области позволяют проанализировать направления миграционных потоков и категорий лиц, подверженных переселению.

Таблица 1

**План набора Отдела переселения и оргнабора рабочих (1956–1966 гг.)
и Отдела по использованию трудовых ресурсов (1967 г.) Кировского облисполкома [10]**

Год набора	Категории трудовых мигрантов		Итого
	раб., чел.	ижд., чел.	
1956 г.	10500	525	11025
1957 г.	5397	270	6467
1958 г.	4700	265	4965
1959 г.	25	2850	2875
1960 г.	10	1850	2660
1961 г.	100	1900	2000
1962 г.	70	1000	1760
1963 г.	10	1050	1060
1964 г.	40	1000	1040
1965 г.	60	800	1320
1966 г.	40	1000	1040
1967 г.	40	1100	1140

Данные табл. 1 показывают, что в рассматриваемый период план набора неуклонно снижался. За 11 лет он уменьшился в 9,7 раза.

Штатное расписание Отдела переселения и организованного набора (с 1967 г. – Отдел по использованию трудовых ресурсов) рабочих Кировского облисполкома за данный период значительно изменилось структурно и количественно.

Рис. 1

В 1956 г. в Отделе работали 15 чел. вместе с заведующим: заместитель заведующего, старший инспектор, три инспектора, старший бухгалтер, бухгалтер, счетовод-кассир, секретарь-машинистка, курьер-уборщица, шофер, заведующий сборным пунктом, инструктор по оргмассовой работе и уборщица [11]. Должностной оклад колебался от 1200 р. у заведующего до 285 р. у уборщиц. В феврале 1957 г. решением Кировского облисполкома № 136 был увеличен должностной оклад заведующего, который составил 2500 р. Также в 1958 г. был на 15 р. увеличен оклад уборщицы и курьера-уборщицы.

В 1958 г. штатное расписание было изменено путем ликвидации ставки шофера. Через год Отдел был значительно преобразован путем сокращения штата сотрудников. Были ликвидированы должности заместителя заведующего, бухгалтера, двух инструкторов и инструктора по оргмассовой работе.

В начале 1960-х гг. штат Отдела изменился за счет сокращения или изменения возврата ставки заведующего сборным пунктом и уборщицы и составлял семь – девять человек.

Изменение должностных окладов всех сотрудников Отдела последовало с 1 января 1961 г. когда в обращение были выпущены деньги нового образца и изменен масштаб цен (1 р. новыми деньгами за 10 р. старых). В 1966 г. появилась должность старшего экономиста с должностным окладом 95 р. Несколько увеличена была зарплата главных специалистов Отдела по оргнабору. Последние существенные изменения в штатах сотрудников были проведены в 1967 г. (16 сотрудников). В составе Отдела по использованию трудовых ресурсов образовалось два сектора: сектор трудовых ресурсов, перераспределения, трудоустройства населения и информационной работы, а также сектор переселения и организованного набора рабочих.

Данные табл. 2 также показывают снижение количества работников, занятых проведением трудовой миграции, в районах Кировской области. За 11 лет их количество сократилось в 1,9 раза. Это снижение также зависело от уменьшения плана набора. В г. Кирове уполномоченные осуществляли оргнабор и подготовку к переселению по трем адресам: ул. К. Маркса д. 3; К. Маркса, 164; Герцена, 44.

Штаты Отдела переселения и организованного набора рабочих Кировского облисполкома в 1956–1966 гг. (с 1967 г. – Отдела по использованию трудовых ресурсов) в части районных работников [12]

Год	Количество районных уполномоченных	Месячный оклад, р.	Количество районных инспекторов	Месячный оклад, р.
1956	24	880	11	690
1957	21	*	9	*
1958	18	880	8	690
1959	16	880	4	690
1960	16	880	1	690
1961	14	88	*	*
1962	13	88	*	*
1963	12	88	*	*
1964	10	88	*	*
1965	10	88	*	*
1966	сведения за год не выявлены			
1967	18	125–135	*	*

* – данные отсутствуют или должность сокращена.

Сравнение данных табл. 1 и 2 позволяет вычислить изменение планового среднего количества переселенцев, которое приходилось на одного сотрудника Отдела (рис. 2). Общая тенденция – снижение количества. Резкий скачок с 70 до 149 чел. в 1966 г. объясняется отсутствием сведений об изменении штатов Отдела в районах Кировской области. 34 переселенца на одного работника отдела в плане на 1967 г. – показатель изменившегося содержания работы, где декларированный приоритет отдавался не только выполнению плана переселения, но и стремлению эффективнее управлять трудовыми ресурсами Кировской области, чтобы предотвратить их истощение.

Рис. 2

Итак, структура государственных органов управления трудовой миграцией изменялась в соответствии с текущими политическими и экономическими задачами. Главными из них являлись сельскохозяйственное переселение и организация набора рабочих. Стоит также отметить, что контингент лиц, подлежащих переселению в данный период, был различен: репатрианты, молодые специалисты, рабочие, инженерно-технические кадры, колхозники и члены их семей. Заселение северо-западных территорий, Сибири и Дальнего Востока, разработка целины, строительство ГЭС, транспортной сети, промышленности требовало значительных людских ресурсов.

Примечания

1. Чернышев К. А. Миграционные процессы и миграционная политика в депрессивном регионе // Региональная экономика. 2013. № 45. С. 56–60.

2. Агасиева Н. М. Миграционные процессы народов Южного Дагестана во второй половине XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004; *Большакова Г. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010; *Игнатьева Л. Н.* Роль миграции в формировании населения Казахстана: 1926–1959 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: Барнаул, 2006; *Крушанова Л. А.* Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945–1960-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007; *Метелев И. С.* Миграционные процессы и экономическое освоение Азиатской России. Прошлое, настоящее, будущее. М., 2012; *Пискунов С. А.* Политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на юге Дальнего Востока СССР: середина 40-х–середина 60-х гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005; *Прокопьев А. Н.* Переселенцы Чувашии на Европейском Севере России в 30-е годы XX – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008; *Смирнова Е. П.* Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006; и др.

3. Крушанова Л. А. Указ. соч. С. 8.

4. Постановление Совета Министров РСФСР «Положение о Главном управлении переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР» от 30 октября 1961 г. № 1340. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=30811> – свободный.

5. Постановление Совета Министров РСФСР «О частичном изменении Положения о Главном управлении переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР» от 4 декабря 1963 г. № 1388. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=31596> – свободный.

6. Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по улучшению использования трудовых ресурсов» от 11 февраля 1967 г. № 113. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrg/eh-pravila/19p.htm> – свободный.

7. Собрание постановлений Правительства РСФСР. М., 1967. № 1–20.

8. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 627. Л. 100.

9. Там же. Оп. 25. Д. 1775. Л. 840–841.

10. ГАКО. Ф. Р-3071. Оп. 5. Д. 30. Л. 37; Д. 32. Л. 4, 12–13; Оп. 4. Д. 6. Л. 16; Д. 13. Л. 26–27; Д. 22. Л. 50; Д. 30. Л. 18–19; Д. 36. Л. 24; Д. 42. Л. 20; Д. 49; Д. 60. Л. 32, 37; Д. 67. Л. 30.

11. ГАКО. Ф. Р-3071. Оп. 5. Д. 30. Л. 5, 11; Д. 32. Л. 15; Оп. 4. Д. 22. Л. 1, 5; Д. 30. Л. 1, 3. Д. 59. Л. 42; Оп. 4. Д. 6. Л. 1, 7; Д. 13. Л. 1, 3; Д. 30. Л. 1; Д. 36. Л. 1; Д. 42. Л. 1; Д. 49. Л. 1, 6; Д. 55. Л. 83; Д. 60. Л. 15, 29; Д. 67. Л. 14; Оп. 6. Д. 11. Л. 4, 8.

12. ГАКО. Ф. Р-3071. Оп. 5. Д. 30. Л. 10; Д. 32. Л. 15; Оп. 4. Д. 6. Л. 2; Д. 13. Л. 4; Д. 22. Л. 2; Д. 30. Л. 2; Д. 36. Л. 2; Д. 42. Л. 2; Д. 49. Л. 2; Д. 59. Л. 42; Д. 66. Л. 16; Оп. 6. Д. 11. Л. 18.

Notes

1. *Chernyshev K. A.* Migratsionnye protsessy i migratsionnaya politika v depressivnom regione [Migration processes and migration policy in a depressed area] // Regional'naya ehkonomika – Regional Economy. 2013, № 45, pp. 56–60.

2. *Agasieva N. M.* Migratsionnye protsessy narodov YUzhnogo Dagestana vo vtoroj polovine XX v. : dis. ... kand. ist. nauk [Migration processes of peoples of Southern Dagestan in the second half of XX century: dis... . Candidate hist. sci]. Makhachkala. 2004; *Bolshakova G. I.* Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee real'noe voploshchenie na Karel'skom pereshejke v 1940–1960-e gg. : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Resettlement policy of the Soviet state and its actual implementation in the Karelian Isthmus in 1940-1960-ies: autoref. dis. Dr... . hist. sci]. St. Petersburg. 2010; *Ignatieva L. N.* Rol' migratsii v formirovanii naseleniya Kazakhstana: 1926–1959 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The role of migration in the formation of the population of Kazakhstan: 1926-1959 gg: autoref. dis... . Candidate hist. sci] Barnaul. 2006; *Krushanova L. A.* Gosudarstvennaya migratsionnaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke v 1945–1960-e gody: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [State Migration Policy of the USSR in the Far East in 1945-1960's: Cand. dis... . Candidate hist. sci]. Vladivostok. 2007; *Meteliev I. S.* Migratsionnye protsessy i ehkonomicheskoe osvoenie Aziatskoj Rossii. Proshloe, nastoyashchee, budushchee [Migration processes and economic development of the Asian part of Russia. Past, present, future]. Moscow. 2012; *Piskunov S. A.* Politika sel'skokhozyajstvennogo pereseleniya i ee realizatsiya na yuge Dal'nego Vostoka SSSR: seredina 40-kh–seredina 60-kh gg. XX v. : dis. ... kand. ist. nauk [Agricultural resettlement policy and its implementation in the south of the Soviet Far East: mid-40s to mid-60s. XX century: dis... . Candidate hist. sci]. Khabarovsk 2005; *Prokop'ev A. N.* Pereselentsy CHuvashii na Evropejskom Severe Rossii v 30-e gody XX – nachale XXI v. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Settlers of Chuvashia in the European North of Russia in the 30th years XX – beginning of XXI century: autoref. dis... . Candidate hist. sci]. Cheboksary. 2008; *Smirnova E. P.* Zaselenie i osvoenie novykh rajonov Karelo-Finskoy SSR v 1940-e gg. : avtoref.

dis. ... kand. ist. nauk [Settling and development of new areas of the Lithuanian SSR in the 1940s: author. dis... . Candidate hist. sci]. Petrozavodsk. 2006; et al.

3. *Krushanova L. A.* Op. cit. P. 8.

4. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR "Regulations on the General Directorate of resettlement and organized recruitment of workers at the Council of Ministers of the RSFSR" on October 30, 1961 № 1340. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=30811> – is free (in Russ.).

5. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR "On the Partial Amendment of the Regulations on the General Directorate of resettlement and organized recruitment of workers at the Council of Ministers of the RSFSR" on December 4, 1963 № 1388. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=31596> – is free (in Russ.).

6. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR "On measures to improve labor utilization" of February 11, 1967 № 113. Available at: <http://www.bestpravo.ru/sss/eh-pravila/19p.htm> – free (in Russ.).

7. Assembly resolutions of the Government of the RSFSR. Moscow. 1967. № 1-20.

8. State Archives of the Kirov region (hereinafter – GAKO). F. P-2169. Op. 1. D. 627. Sh. 100.

9. Ibid. Op. 25. D. 1775. Sh. 840-841.

10. GAKO. F. P-3071. Op. 5. D. 30. Sh. 37; D. 32. Sh. 4, 12-13; Op. 4. D. 6. Sh. 16; D. 13. Sh. 26-27; D. 22. Sh. 50; D. 30. Sh. 18-19; D. 36. Sh. 24; D. 42. Sh. 20; D. 49; D. 60. Sh. 32, 37; D. 67. Sh. 30.

11. GAKO. F. P-3071. Op. 5. D. 30. Sh. 5, 11; D. 32. Sh. 15; Op. 4. D. 22. Sh. 1, 5; D. 30. Sh. 1. 3. D. 59. Sh. 42; Op. 4. D. 6. Sh. 1, 7; D. 13. Sh. 1, 3; D. 30. Sh. 1; D. 36. Sh. 1; D. 42. Sh. 1; D. 49. Sh. 1, 6; D. 55. Sh. 83; D. 60. Sh. 15, 29; D. 67. Sh. 14; Op. 6. D. 11. Sh. 4, 8.

12. GAKO. F. P-3071. Op. 5. D. 30. Sh. 10; D. 32. Sh. 15; Op. 4. D. 6. Sh. 2; D. 13. Sh. 4; D. 22. Sh. 2; D. 30. Sh. 2; D. 36. Sh. 2; D. 42. Sh. 2; D. 49. Sh. 2; D. 59. Sh. 42; D. 66. Sh. 16; Op. 6. D. 11. Sh. 18.

К 100-летию начала Первой мировой войны

УДК 94(436+498)“1920”:327

А. С. Стыкалин

Последствия поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и Трианонского мирного договора 1920 г. для отношений Венгрии с Румынией в условиях Версальской системы международных отношений

Трианонский мирный договор 1920 г., заключенный с Венгрией по итогам Первой мировой войны державами-победительницами, не разрешил острых межнациональных противоречий в Дунайском бассейне, но придал им новое измерение, превратив межэтнические споры в межгосударственные, что сильно сказывалось на отношениях Венгрии с соседями, в том числе с Румынией, получившей обширные земли, ранее входившие в состав венгерской половины монархии Габсбургов. Стремление к ревизии Трианона становится магистральным направлением внешней политики режима Хорти, поддержанным общественным мнением страны. Реальная перспектива пересмотра Трианонского договора, как и всей Версальской системы, обозначилась в 1938 г. с аншлюсом Австрии и началом расчленения Чехословакии. Уже осенью 1938 г. Венгрия приступает к осуществлению своих ирредентистских планов.

The Peace Treaty with Hungary signed by the victorious powers in the Trianon Palace in 1920 did not solve the sharp national conflicts in the Danube region, it only brought them into another sphere, transformed the national conflicts into inter-state. It influenced the relations of Hungary with neighboring states, among the others with Romania which acquired as the result of the World War I extensive new territories, which earlier were the part of the Hungarian Kingdom in the dualist Habsburg Monarchy. The revision of Trianon was the main goal of the foreign policy of the Horthy regime and this demand was supported by broad public opinion in Hungary. The Anschluss of Austria in 1938 and dismemberment of Czechoslovakia in 1938-early 1939 opened for Hungary the real prospect of the revision of the Trianon Treaty and the Horthy Government used the opportunity.

Ключевые слова: Первая мировая война, Версальская система, Трианонский мирный договор, Австро-Венгрия, Венгрия, Румыния.

Keyword: World War I, the Versailles system, the Trianon Peace Treaty, the Habsburg Monarchy, Hungary, Romania.

Один из крупнейших средневропейских политических мыслителей XX в. Иштван Бибо в своих работах, имевших широкий международный резонанс в академической среде, много писал о несовпадении государственных, этнических и исторических границ в Дунайско-Карпатском регионе в новейшее время как о факторе, сильно влияющем на межнациональные и межгосударственные отношения [1]. Особенно примечателен в этом плане опыт его родной Венгрии. Границы страны, установленные по итогам Первой мировой войны, резко не совпадали с историческими границами Венгерского Королевства (Королевства святого Иштвана), сформировавшимися еще в раннее Средневековье и не слишком сильно отличавшимися от границ венгерской половины монархии Габсбургов в эпоху австро-венгерского дуализма 1867–1918 гг. Не совпадали они и с границами расселения венгров в Дунайском бассейне.

К осени 1918 г. стало очевидным, что монархия Габсбургов, ближайший союзник Германии, окажется в числе государств, потерпевших поражение в Первой мировой войне. Австро-Венгрия охватил глубокий внутривнутриполитический кризис. На периферии полиэтнической империи активизировались центробежные национальные движения (южнославянские; чешское и словацкое; польское в Галиции; румынское в Трансильвании), получавшие все более активную поддержку со стороны стран-победительниц. В Великобритании, Франции, США меняется и взгляд политических элит на будущее Габсбургской монархии. Принципы национального самоопределения, изложенные в программных выступлениях президента США

В. Вильсона, были взяты на вооружение идеологами национальных меньшинств двуединой Австро-Венгрии. В Лондоне, Париже, Вашингтоне, где еще недавно исходили из представлений о необходимости сохранения (пусть в усеченном виде) Дунайской монархии как «европейской необходимости», гаранта стабильности на востоке Средней Европы, корректируют в течение 1918 г. свои установки. Ставка делается теперь на целесообразность разрушения наднациональной империи, поддержку государственных проектов, выступавших под национальным (или крипто-национальным) знаменем – проектов, в основе которых лежали идеи возрождения польской государственности, концепции чехословакизма, югославизма, великорумынского национализма [2].

В конце октября 1918 г., в условиях военного поражения и глубокого системного кризиса всей Дунайской монархии, в обеих ее столицах – Вене и Будапеште – произошли демократические революции, свергнувшие власть Габсбургов. Итоги Первой мировой войны предстояло закрепить на мирной конференции. С Австрией был подписан Сен-Жерменский мирный договор. Особенно далеко идущие последствия для всей системы международных отношений в Европе имел Трианонский мирный договор с Венгрией.

В 1920 г. представители держав-победительниц, собравшиеся в Париже, предъявили Венгрии территориальные требования, которые были в конечном счете приняты хортистским правительством, хотя и шокировали не только венгерскую политическую элиту, но и самое широкое общественное мнение в стране. В Версале не было поддержано стремление Будапешта сохранить за собой обширные территории, которые, будучи заселенными не только венграми, но и другими народами, входили испокон веков в историческое Королевство Венгрия. Слишком сильная Венгрия (потенциальный претендент на доминанцию в регионе и вероятный союзник способной подняться на ноги Германии) не отвечала представлениям прежде всего французской элиты о равновесии сил в Дунайском бассейне в интересах будущей европейской стабильности.

В соответствии с установлениями подписанного в 1920 г. Трианонского мирного договора Чехословакия получила словацкие земли (а также ряд земель теперешней Южной Словакии, где преобладали венгры) и Закарпатскую Украину (Подкарпатскую Русь). Территориальные приобретения Румынии превосходили по площади Венгрию в ее новых, «трианонских», границах – 102 тыс. кв. км. В состав Румынии вошли Трансильвания и примыкающие к ней области Восточный Банат, Парциум (по румынской традиции – Кришана) и Марамуреш, прилегающий с юга-востока к Подкарпатской Руси. Венгерско-австрийские границы были пересмотрены в пользу Австрии с учетом этнического фактора – на отошедшей к Австрии, вытянутой с юга на север полоске земли образовалась австрийская провинция Бургенланд. В состав молодого югославянского государства вошли Хорватия и Воеводина (в которой преобладали сербы).

Таким образом, в условиях новой, Версальской системы международных отношений территория венгерского государства сокращалась более чем втрое в сравнении с территорией, находившейся под юрисдикцией Будапешта в эпоху австро-венгерского дуализма (1867–1918). С 320 тыс. кв. км (282 тыс. без автономной Хорватии) она уменьшилась до 93 тыс. кв. км, тогда как население ее сократилось с более чем 18 млн человек (среди которых венгры составляли примерно половину) до 7,6 млн человек. Страна потеряла, таким образом, 72% территории и 64% населения. 3,2 млн венгров (более чем каждый четвертый) оказались в соседних странах на положении представителей национального меньшинства. Наряду с землями, где преобладали прежние меньшинства, к соседним государствам отошли и области с компактным проживанием венгров, составлявших там большинство (в Южной Словакии, а также в Восточной Трансильвании). Неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия после поражения в Первой мировой войне была низведена до положения одного из малых государств, вынужденных в своей внешней политике постоянно считаться с волей не менее, а подчас и более сильных соседей (и Румыния, и Чехословакия, и Королевство сербов, хорватов и словенцев, т. е. будущая Югославия, каждая в отдельности превзошли Венгрию и по площади, и по численности населения).

Условия Трианонского договора показали крайне несправедливыми даже той либеральной части венгерского общества, которая критически относилась к политике насильственной мадьяризации, проводимой венгерскими правительствами эпохи дуализма на контролируемых ими землях, они вызвали в стране настоящий шок. Не удивительно, что внеш-

няя политика хортистского режима, с самого начала последовательно направленная на ревизию трианонских границ (а пожалуй, ни одно европейское государство, включая Германию, не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров именно в их территориальных аспектах с такой настойчивостью и упорством, как это делала хортистская Венгрия), была всецело поддержана общественным мнением страны, в течение двух межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимся к новой геополитической ситуации. С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии ненавистного Трианонского договора имел огромное консолидирующее значение, оказавшись способным сплотить на единой платформе самый широкий спектр политических сил (от крайне правых до умеренно левых) и став на два десятилетия важнейшим инструментом достижения национального единства. В самом деле, на Трианон и связанное с ним национальное ущемление легко можно было списывать все недостатки системы и злоупотребления властей.

Сколь ни были весомы основания для принятых в предместьях Парижа соответствующих решений, они не разрешили национально-территориальных противоречий, имевшихся в монархии Габсбургов, а лишь перенесли их в другую плоскость, сделав межэтнические конфликты межгосударственными. Была заложена мина замедленного действия под всю конструкцию мирного урегулирования в Дунайском бассейне. Венгерский ирредентизм становится на два десятилетия одним из определяющих факторов для ситуации в Дунайско-Карпатском регионе, создание защитных механизмов против этого фактора явилось в свою очередь важнейшим или одним из важнейших направлений во внешней политике стран Малой Антанты, объединившихся в интересах сохранения установленной в Версале системы международных отношений в Европе. Полная противоположность внешнеполитических целей, которые ставили перед собой государства региона, предопределяла сохранение перманентной напряженности в Дунайско-Карпатском бассейне [3].

Трансильванский спор между Венгрией и Румынией занимает особое место среди порожденных несовершенной Версальской системой международных отношений очагов перманентной конфликтности, чреватых все новыми и новыми угрозами для установившегося в межвоенной Европе хрупкого равновесия сил, в полной мере проявившими себя с началом Второй мировой войны. Декларированный на Версальской мирной конференции принцип «одна нация – одно государство» не был на практике реализован при перекройке границ – слишком велико было в целом ряде случаев несопадение между довольно произвольно установленными государственными и исторически сложившимися этническими границами. В некоторых странах большую долю населения составляли меньшинства с развитым национальным сознанием, для которых образованные или преобразованные национальные государства (включая межвоенную Великую Румынию) никак не могли стать «своими». В полной мере это касалось населенной не только румынами, но также венграми и немцами Трансильвании, ставшей, по выражению выдающегося историка Е. В. Тарле, «яблоком раздора на очень опасном европейском перепутье» (мнение Тарле запрашивалось Наркоминделом СССР во время войны при выработке официальной советской позиции в трансильванском вопросе) [4].

Вынесению решений на Парижской конференции предшествовала работа группы международных экспертов, но Трансильвания явила собой тот самый случай, когда установить более или менее справедливые границы по этническому принципу было практически невозможно, так как и румыны, и венгры фактически были расселены по всей территории этого края. Главная же область компактного проживания венгров (земля секеев) находилась на востоке Трансильвании, вдали от новых румынско-венгерских границ. Вследствие Трианонского договора в пределах Румынии (прежде всего в Трансильвании) оказалось не менее 2 млн венгров.

С установлением Версальской системы восстановление исторической справедливости для одних обернулось несправедливостью для других. Румынская элита, осознав свое господствующее положение в крае, получила возможность отплатить поверженному противнику за все прежние обиды – прежняя дискриминация румын в дуалистической Венгрии сменяется новой, теперь объектом притеснений со стороны бюрократии королевской Румынии становится мадьярское меньшинство. Планы создания культурной автономии оставались на бумаге, около 250 тыс. венгров, относившихся к коренному населению Трансильвании, вообще не получили румынского гражданства, многие покинули страну (к концу 1930-х гг., ко-

гда официальный Бухарест перестал придерживаться последовательно профранцузской ориентации, даже покровительствовавшие Румынии представители Франции признают с трибуны Лиги Наций имеющие место факты притеснения венгров) [5].

Венгерское национальное сознание крайне болезненно восприняло утрату Трансильвании, края, связанного с Венгрией давними историческими узами. И это касалось отнюдь не только отпрысков аристократических фамилий, лишившихся своих наследственных земельных владений (трансильванцы граф И. Бетлен и граф П. Телеки были наиболее значительными премьер-министрами хортистской Венгрии), но и более широкого общественного мнения хортистской Венгрии. Регент Венгрии адмирал М. Хорти и его окружение, утвердившиеся у власти вследствие падения Венгерской советской республики 1919 г., с крайней непримиримостью относились к коммунистической идеологии и всегда опасались экспансии Советов на Запад. Но все это отступало на задний план, когда дело касалось объективного совпадения интересов СССР и хортистской Венгрии. Поскольку ни в Москве, ни в Будапеште решительно не принимали Версальской системы, существовала основа для сближения двух стран, которая многократно усиливала свое значение, поскольку каждая из сторон имела территориальные претензии к Румынии (в СССР никогда не признавали законной оккупацию Бессарабии в 1918 г.). Этот фактор сыграл решающую роль при установлении советско-венгерских отношений в 1934 г. [6]

В свою очередь венгерское население Трансильвании очень плохо адаптировалось к условиям Румынии, не учило государственный язык, отгораживалось от румынской культуры, терпеливо (а чаще не очень терпеливо) ожидая новой перекройки границ. Таким образом, вместе с новыми территориальными приобретениями Румыния обрела новые, прежде немыслимые для нее проблемы. Приход к власти в Германии национал-социалистов и приближение новой войны перевели ревизионистские цели из области идеологии и пропаганды в сферу практической политики. В условиях резкого обострения общеевропейской ситуации, когда малые европейские страны становились не только легкой добычей, но и орудиями в большой игре своих более крупных соседей, произошло новое возгорание латентного очага напряженности.

Аншлюс Австрии в 1938 г. и последовавшее за ним расчленение Чехословакии положили начало пересмотру границ в Дунайском бассейне. Как только Версальская система была взорвана, под вопросом оказался и Трианонский мирный договор, становится реальной перспектива его пересмотра. Именно успех Гитлера в Мюнхене осенью 1938 г. позволил регенту Венгрии Хорти и его окружению приступить к осуществлению своих ирредентистских планов. С началом Второй мировой войны открылись возможности для еще более радикальной перекройки карты Средней Европы. Непримиримость позиций обеих сторон в территориальном споре исключала любовную сделку, требовала вмешательства третьих стран. Запутанный узел венгеро-румынских противоречий явился фактором, оказывавшим все более существенное воздействие на международную обстановку в Карпатско-Дунайском регионе и на Балканах в условиях развязывания Второй мировой войны и вовлечения в нее все новых и новых участников. При этом венгерская политическая элита все больше осознавала определенную общность интересов Будапешта и Москвы. Советская акция по присоединению Бессарабии в июне 1940 г. вызвала полную поддержку хортистской элиты, намеревавшейся воспользоваться прецедентом для предъявления собственных территориальных претензий к Румынии [7].

Как на Балканах, так и в Дунайско-Карпатском регионе национально-территориальные споры периодически использовались большими державами для достижения своих геополитических целей, установления контроля над теми или иными странами. Трансильванский венгерско-румынский спор явил собой в этом смысле один из наглядных примеров. Уже в годы Первой мировой войны трансильванская карта активно разыгрывалась странами Антанты против Австро-Венгрии. К началу Второй мировой войны значение трансильванского вопроса в европейской политике возросло. Второй венский арбитраж с участием Германии и Италии отдал 30 августа 1940 г. под юрисдикцию Венгрии Северную Трансильванию. При этом Гитлер дал румынам понять, что не считает вопрос закрытым [8].

Венгрия, как и Румыния, была союзницей нацистской Германии, участие ее войск в запланированной Гитлером кампании против СССР не могло не быть оплачено приобретением новых территорий, в первую очередь за счет соседней Румынии. Получение Северной Трансильвании не утолило геополитических appetitов верхушки хортистского режима, претен-

довавшей на большее – по возможности на восстановление Венгрии в границах земель «короны святого Стефана», включавших в себя всю Трансильванию, Словакию, Хорватию, Воеводину, Закарпатскую Украину и т. д. Сильно разочаровав вторым венским арбитражем Румынию и не удовлетворив Венгрию, нацистская Германия вместе с тем не только сохранила рычаги воздействия на обе враждующие между собой страны, но и получила дополнительные возможности играть в своих интересах на венгеро-румынских противоречиях. Венгрия ждала от «Третьего рейха» содействия в осуществлении своих дальнейших ирредентистских планов, тогда как Румыния – если не возвращения Северной Трансильвании, то больших территориальных компенсаций на востоке, за счет СССР. Реваншистские настроения требовали выхода, и задача верхушки нацистской Германии заключалась в том, чтобы придать им строго определенный вектор, соответствующий военным целям «Третьего рейха». Известно, что главным аргументом в пользу участия Румынии в войне против СССР была ссылка на утрату ею территорий, воссоединенных летом 1940 г. с СССР: Бессарабии, принадлежавшей России в 1812–1918 гг., а также Северной Буковины, где преобладало украинское население. Гитлер подчеркнул в мае 1941 г. в беседе с И. Антонеску, что Румыния не может уклониться от войны с СССР, «так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии». При этом Румынии было обещано право «оккупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днепра» [9]. Право, в значительной мере реализованное в 1941–1943 гг.

Таким образом, сколь ни была велика в Румынии обида на Германию за венский арбитраж, в Европе в это время не было другой силы, на которую могла возлагаться надежда на пересмотр установлений этого арбитража. Зависимость как Румынии, так и Венгрии от «Третьего рейха» после арбитража возросла, каждая из противоборствующих сторон была плотнее пристегнута к осуществлению внешнеполитических и военных планов Германии, что способствовало в конечном итоге втягиванию обеих стран-антагонистов в войну против СССР. Как свидетельствуют документы, решение о вступлении Румынии в войну на восточном фронте принималось прежде всего с оглядкой на Венгрию, которая в случае отказа Румынии могла бы оказаться в значительном выигрыше перед своей вечной конкуренткой, наверняка овладела бы при поддержке Германии новыми румынскими территориями – возможности Берлина шантажировать своих сателлитов были в 1941 г. поистине безграничными [10]. Между тем сделанный внешнеполитический выбор в пользу Германии обрек оба режима на поражение в войне.

Парижский мирный договор 1947 г. восстановил трианонские границы Венгрии и Румынии. Установление в Венгрии и Румынии к концу 1940-х гг. коммунистических режимов и принадлежность обеих стран к одному военно-политическому лагерю, формировавшемуся под эгидой СССР, ускорили видимую нормализацию отягощенных грузом трансильванской проблемы двусторонних отношений, тем более что в Москве, имея представление о тлеющих углях застарелого спора, явно не хотели раздувания новых конфликтов в стане своих союзников и многое делали для их смягчения

Примечания

1. См.: Бибо И. «О смысле европейского развития» и другие работы. М., 2004.
2. Подробнее см.: До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А. Л. Шемякин. М., 2009.
3. Подробнее о последствиях установления Версальской системы для стран Дунайско-Карпатского бассейна см.: Восточная Европа после «Версаля» / отв. ред. И. И. Костюшко. М., 2007.
4. Архив внешней политики РФ. Ф. 0512. Оп. 4. Д. 205. Л. 1-а.
5. Подробнее см.: Стыкалин А. С. Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М., 2004.
6. См.: Колонтари А. Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году // Славяноведение. 2010. № 1.
7. Советские дипломатические донесения из Будапешта, относящиеся к лету 1940 г., опубликованы в книге: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000.
8. О последствиях второго венского арбитража 1940 г. для венгерско-румынских отношений и с точки зрения ситуации в регионе в целом см.: Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008.

9. См.: Протоколы допросов бывших руководителей Румынии маршала Иона Антонеску и Михая Антонеску // Великая Отечественная война. 1941 год / отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2011. С. 673.

10. Подробнее см.: Стыкалин А. С. Советско-германское противостояние в Дунайском бассейне и румыно-венгерский территориальный спор вокруг Трансильвании // Там же. С. 121–160.

Notes

1 See: *Bibo I.* «O smysle evropejskogo razvitiya» ["On the sense of European development"] and other works. Moscow. 2004.

2. See: Do i posle Versalya. Politicheskie lidery i ideya natsional'nogo gosudarstva v TSentral'noj i YUgo-Vostochnoj Evrope [Before and after Versailles. Political leaders and the idea of the nation-state in Central and South-Eastern Europe] / resp. ed. A. L. Shemyakin. Moscow. 2009.

3. For more information about the consequences of the establishment of the Versailles system for the Danube-Carpathian Basin see: Vostochnaya Evropa posle «Versalya» [Eastern Europe after the "Versailles"] / resp. ed. I. I. Kosciuszko. Moscow. 2007.

4. Foreign Policy Archives of the Russian Federation. F. 0512. Op. 4. D. 205. Sh. 1-a.

5. See: *Stykalin A. S.* Transil'vanskij vopros v otnosheniyakh Vengrii i Rumynii v 1940-e gody [Transylvanian question in Hungary and Romania in the 1940s] // National policy in the emerging Soviet bloc. 1944-1948 / resp. ed. V. V. Maryina. Moscow. 2004.

6. See: *Kolontari A.* Peregovory po ustanovleniyu diplomaticheskikh otnoshenij mezhdru Sovetskim Soyuzom i Vengerskim Korolevstvom v 1934 godu [Negotiations on the establishment of diplomatic relations between the Soviet Union and the Kingdom of Hungary in 1934] // Slavyanovedenie – Slavic studies. 2010, № 1.

7. Sovetskie diplomaticheskie doneseniya iz Budapeshta, odnosyashchiesya k letu 1940 g., opublikovany v knige: Transil'vanskij vopros. Vengero-rumynskij territorial'nyj spor i SSSR. 1940–1946. Dokumenty [Soviet diplomatic dispatches from Budapest relating to the summer of 1940, published in the book: Transylvanian question. Hungarian-Romanian border dispute and the USSR. 1940-1946. Documents] / resp. ed. T. M. Islamov. Moscow. 2000.

8. On the consequences of the second Vienna Award in 1940 for the Hungarian-Romanian relations and in terms of the situation in the region as a whole, see: Islamov T. M., Pokivaylova T. A. Vostochnaya Evropa v silovom pole velikikh derzhav. Transil'vanskij vopros. 1940–1946 gody [Eastern Europe in the force field of the great powers. Transylvanian question. 1940-1946 years]. Moscow. 2008.

9. See: Protokoly doprosov byvshikh rukovoditelej Rumynii marshala Iona Antonesku i Mikhaya Antonesku [Protocols of interrogations of former leaders of Romania Marshal Ion Antonescu and Mihai Antonescu] // Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941 god – Great Patriotic War. 1941 / resp. ed. V. S. Khristoforov. Moscow. 2011. P. 673.

10. See: *Stykalin A. S.* Sovetsko-germanskoe protivostoyanie v Dunajskom bassejne i rumyno-vengerskij territorial'nyj spor vokrug Transil'vanii [The Soviet-German opposition in the Danube basin and the Romanian-Hungarian territorial dispute over Transylvania] // Ibid. Pp. 121-160.

УДК 930.2:94(100)“1914/19”

Г. А. Самохина

Первая мировая война как борьба цивилизаций в концепциях русской дореволюционной либеральной историографии

В статье анализируются публицистические работы русских дореволюционных либеральных историков, в которых выявляются духовные, философские основы Первой мировой войны. Концептуально это выразилось в рассмотрении событий войны в контексте цивилизационной борьбы. Автор выявляет общее и особенное в интерпретации историками двух сфер противостояния – Европы и Германии, германского и славянского мира. Уделяется внимание вопросам отражения специфики национального характера европейских народов, образов противника и союзника. Автор подробно останавливается на оценке роли России в цивилизационном противостоянии, ее взаимосвязи с судьбами славянских народов и всей Европы в целом. Также отмечается, что применение цивилизационного подхода в осмыслении Первой мировой войны актуально для современной исторической науки, поскольку всестороннее освещение событий 1914–1918 гг. требует обращения к историографическому опыту.

The article analyzes publicistic works of Russian pre-revolutionary liberal historians, in which they identify spiritual, philosophical foundations of the First world war. Conceptually, this is reflected in the consideration of the events of the war in the context of the civilizational struggle. The author reveals the General and peculiar interpretation by historians of the two spheres opposition to Europe and Germany, German and Slavic world. The attention is paid to reflect the specifics of the national character of the European peoples, images of enemy and ally. The author dwells upon the role of Russia in the civilizational confrontation, its relationship with the fate of the Slavic peoples and of Europe as a whole. It is also noted that the application of the civilizational approach to the understanding of the First world war relevant to the modern historical science as a comprehensive coverage of events 1914–1918 requires reference to historical experience.

Ключевые слова: историография, либерализм, цивилизация, Европа, Россия, славянство, Первая мировая война.

Keywords: historiography, liberalism, civilization, Europe, Russia, the Slavs, the First world war.

Попытки осмысления причин и сущности Первой мировой войны предпринимались еще современниками ее событий. Глобальный масштаб войны, вовлеченность в нее различных сторон государственной и общественной жизни европейских стран обусловили широкий спектр мнений и оценок. Значительное влияние на формирование представлений о войне оказали взгляды деятелей либеральной мысли. Их теоретические воззрения нашли отражение в современных научных исследованиях [1], однако взгляды либералов как историков по-прежнему остаются малоизученными. Либеральные историки занимали ведущие позиции в крупнейших научных центрах России – Петербургском и Московском университетах, Академии наук, участвовали в политической и общественной жизни страны. Видные представители научной элиты России, они не только формировали русскую интеллектуальную культуру, но также оказали влияние на развитие европейской исторической науки. Это Н. И. Кареев, профессор Петербургского университета, член партии кадетов, историк с широким диапазоном исследовательских интересов – от античности до нового времени, М. К. Любавский – ректор Московского университета, специалист по истории России, Литвы и западных славян, М. И. Ростовцев, Э. Д. Гримм – признанные антиковеды – и другие яркие имена. П. Г. Виноградов в 1911 г. покинул Московский университет и обосновался в Англии, где давно уже снискал славу авторитетного историка-медиевиста (был профессором Оксфордского университета).

Наибольший всплеск публикационной активности историков-либералов по проблеме мировой войны приходится на 1914–1915 гг. – время всеобщего патриотического подъема. Академическая интеллигенция поддерживала «священное единение» власти и народа, и выступления в печати были формой участия в «идейной мобилизации» общества [2]. Разумеется, общественные настроения историков претерпели изменения в ходе войны и революционного процесса 1917 г. Тем не менее в статьях первых военных лет звучала не только позиция их авторов, но также обозначались первые исследовательские концепции мировой войны, актуализированные в современной исторической науке.

Историки рассматривали политические, экономические и дипломатические причины войны, рассуждали о ее характере. Они писали о варварской природе германского империализма, оправдывали действия Антанты и считали войну освободительной для России [3].

Не менее важно для историков было осмыслить духовные, философские основы войны. Ее исход они напрямую связывали с судьбой европейской цивилизации и мировой вооруженный конфликт перемещали в цивилизационную плоскость. Такая трактовка органично вписывалась в идеологический контекст либеральных взглядов, но вместе с тем представляла собой оригинальное концептуальное видение мировой войны, сочетающее в себе признаки цивилизационного подхода к истории и особенности западного мировоззрения.

Цивилизационный подход в начале XX в. не был чем-то новым для российских историков. Его основы были сформулированы в 60-х гг. предыдущего столетия выдающимся философом Н. Я. Данилевским в работе «Россия и Европа». Однако панславистская риторика автора не вписывалась в рамки либерального мировоззрения, и историки начала XX в. существенно пересмотрели главную идею книги – борьбу европейской (германо-романской) и славянской цивилизаций.

Цивилизационная составляющая Первой мировой войны ярко отражена в статьях Э. Д. Гримма – антиковеда и медиевиста, ректора Петербургского (с 1914 г. – Петроградского) университета. Он рассматривает войну как борьбу наций, порожденную особенностями ев-

ропейского развития последних десятилетий. Эта борьба решит судьбу всей европейской культуры – задачу более глобальную, нежели вопросы территориальных приобретений. Война была вызвана к жизни национальным чувством, которое может иметь как созидательный, так и разрушительный характер. Все участники вооруженного противостояния, по мнению Гримма, «одинаково добросовестны», поскольку империалистические тенденции были характерны для всех великих держав. Соответственно, и «мировая политика» Германии являлась отражением политики общеевропейской [4]. Ее творцами были не кайзеровское правительство и военачальники, в ней отразился национальный дух всего немецкого народа. Отдавая должное военной подготовленности немцев, силе национального чувства, Гримм, тем не менее, приписывает Германии отрицательные стороны европейской культурной жизни – человеконенавистничество, культ грубой силы, не признающей никаких этических препятствий, подчеркивает ее стремление к мировому господству и т. д. Европа должна искоренить эти проявления, чтобы вернуть себя к нормальной жизни [5].

В противостоянии цивилизаций Гримм отдельно выделяет борьбу германского и славянского мира. Ее характер был стихийным и неизбежным. Культурный подъем славянства усиливал давние враждебные настроения немцев, особенно в Австро-Венгрии. Под ее влиянием германский пангерманизм приобретал все более антиславянский характер. В этом глобальном противостоянии велика роль России. По мнению Гримма, поражение России было бы поражением всего славянства, даже если бы она защищала интересы только собственной государственности [6]. Борьба с Германией и Австрией делает необходимой активную политику России на Балканах, и союзники по Антанте готовы поддержать ее в этом [7].

Иными словами, Э. Д. Гримм обосновывает внешнеполитические задачи царского правительства, связанные с восточным вопросом. Россия рассматривается им как основная сила отпора германским притязаниям во главе славянского мира и в союзе с передовыми европейскими державами. Сам цивилизационный конфликт видится историку как борьба немецких держав и остальной Европы и вместе с тем – как борьба германского и славянского мира.

Весьма решительно и резко высказывался о славяно-германском противостоянии профессор Московского университета М. К. Любавский, в годы войны занимавший пост ректора. Будучи специалистом по славистике, он рассматривал развитие отношений между славянскими и германскими народами в исторической ретроспективе. В одной из своих публичных лекций, прочитанной в 1915 г., Любавский отмечал, что к началу XIX в. Россия оставалась единственным самостоятельным славянским государством (за исключением Черногории); инстинкт самосохранения и дальнейшая мировая борьба обусловили необходимость взаимной помощи и поддержки братских народов. Усиление единения славян вокруг России вызвали тревогу и ответное сопротивление Австрии и Германии. Мировая война была продолжением германской политики по искоренению славянства. Автор констатирует, что германцы не оправдывают своей принадлежности к христианским народам, поскольку не способны руководствоваться даже языческим девизом «живи и дай жить другим» [8].

Таким образом, и Э. Д. Гримм, и М. К. Любавский, выявляя цивилизационный контекст мировой войны, пересматривают концепцию Н. Я. Данилевского в соответствии с либеральным мировоззрением и реалиями времени. Антитеза «Россия – Европа» трансформируется в антагонизм Европы, включающей в себя и славянство, против Германии. Соответственно, Россия находила себе место и в славянской цивилизации (культурно-историческом типе), и в европейской, выступая как сила прогресса и культуры.

На противоречия такого подхода указывал Н. И. Кареев. Анализируя развитие международной политики на страницах академического труда по европейской истории, он отмечал, что тезис о борьбе славянских и романских народов против германизма не подкреплялся фактом участия англосаксонской, то есть германской, Англии на стороне Франции и России, а также появлением славянской Болгарии на стороне германских держав. Двойственными были и политические настроения поляков. Вместе с тем Кареев признает значимость славяно-германского противостояния в войне [9]. Противостояние европейской цивилизации и Германии историк характеризует в категориях прогресса и реакции [10], однако он не склонен преувеличивать значение национальной психологии немцев в разжигании войны [11].

Более солидарным с Э. Д. Гриммом в вопросе о роли национальной психологии в войне был П. Г. Виноградов. Его взгляды на мировой вооруженный конфликт были созвучны идеям коллег и единомышленников, но в то же время их можно рассматривать несколько обособ-

ленно, поскольку они формировались в иных условиях. Мировую войну историк застал в Англии и вскоре включился в пропагандистскую работу по обоснованию британской позиции в войне и формированию положительного образа России. Виноградов написал ряд статей, в которых убеждал просвещенную либеральную общественность Англии в необходимости союза с Россией. Основой для сближения образов двух держав стало у историка понятие национального духа. С этой точки зрения рассматриваются негативные черты во внешней политике Германии и культурном облике самих немцев [12].

Виноградов сравнивает войну с Армагеддоном, где цель воюющих государств заключается не просто в защите народа от агрессии, а в защите наций от взаимного самоуничтожения [13]. Иными словами, национальные чувства европейских народов являются одной из первооснов глобального противостояния. В контексте борьбы цивилизаций историк пишет о «расовом антагонизме между тевтонами и славянами», отмечая усилившееся стремление к независимости и экспансии последних [14]. Славяне должны получить свой шанс в мировой истории, и это ознаменует новое направление в развитии цивилизации, а Россия прочно войдет в семью европейских народов [15].

Цивилизационное восприятие Первой мировой войны либеральными историками выявляет не только место России в Европе, но также особенности формирования образа союзника и врага. В целом, рассуждения о Германии и Европе с характерными привязками к понятиям культуры и варварства, прогресса и реакции, архетипам «свои» – «чужие» были весьма распространены в либеральной публицистике военного времени [16].

Немаловажное место в цивилизационном восприятии Первой мировой войны либеральными историками занимал вопрос соотношения национального и всеобщего. Так или иначе, он находил отражение в рассмотрении конкретных вопросов международной политики, в рассуждениях о судьбах европейского мира. Э. Д. Grimm, характеризуя сущность подлинного национального чувства, писал о неприемлемости его замены идеями космополитического характера, которые приведут лишь к распылению национальной энергии и оскудению культурной жизни [17].

М. И. Ростовцев в статье «Национальное и мировое государство» анализирует степень развития национального чувства в древних цивилизациях и приходит к выводу, что все они представляли собой различные варианты так называемого мирового государства, в котором представители определенной народности постепенно утрачивали свою сплоченность и растворялись среди других под властью абсолютного монарха. В эпоху Средних веков наблюдается обратный процесс – на развалинах космополитической римской империи начали свою историю национальные государства со своей специфичной культурой. В Европе начала XX в. этот процесс продолжается, и во главе его находятся Италия, Франция и Англия, унаследовавшие античные политические традиции, а Германия – разрушительница античности и носительница идеи возобновления мирового государства по образцу Римской империи – движется «в хвосте». Однако вместе с ней идет и Россия, наследница византийской идеи мирового государства, с трудом отвергающая традиции мирового империализма. Ростовцев пришел к выводу о невозможности мирового господства в Европе какой-либо одной нации, поскольку оно так или иначе разобьется о национальное самосознание и свободу [18].

Цивилизационное восприятие Первой мировой войны было характерно и для представителей русской религиозной философии, разделявших либеральные идеи. Выявлению духовно-нравственных основ войны уделял внимание Н. А. Бердяев. В его статьях расстановка акцентов в цивилизационном противостоянии отличается твердостью и непримиримостью по отношению к Германии. Война рассматривается им как духовный феномен, в котором проявились кризисные явления европейской цивилизации, в котором соприкасаются Восток и Запад. Это «конец Европы как монополиста культуры, как замкнутой провинции земного шара, претендующей быть вселенной» [19].

Внутри самой Европы цивилизационное противостояние германства и славянства Бердяев рассматривает, по сути, с позиций добра и зла. В лживом и иллюзорном европейском мире Германия является носительницей воинственного и разрушительного начала. Пангерманизм – это угрожающая культуре варварская сила. Немцам («германской расе») присущи завоевательный дух и воинственность. Их вековые противники славяне («славянская раса»), напротив, склонны к защите и бескорыстной жертве. Эти свойства воплощены в национальном характере России – носительницы идеи мира и противовеса германской идее милитариз-

ма. Внешняя политика России, отмечает Бердяев, всегда была бескорыстна. Россия не раз спасала Европу от грозного неприятеля – татарщины, наполеоновского нашествия, сокрушила могущество Турции. Теперь же Россия призвана спасти не только славянство, но и весь европейский культурный мир от германского варварства. Освободительная миссия России, по Бердяеву, направлена и на собственную внутреннюю жизнь. Германия сыграла роковую роль в русской истории, исказив русскую государственность и поддерживая реакционные силы. Поэтому война должна стать возрождением России и мира [20].

Расстановку «духовных сил» в Европе анализирует С. Н. Булгаков. В мировой войне он видит освобождение европейской цивилизации от капиталистического мещанства и ее поворот к России. Долгое время Запад воспринимал Россию без должной сознательности, как учитель ученика; теперь же он начинает познавать ее духовную сущность. Булгаков не выделяет Германию из Европы, подчеркивая, что германизм – это не чисто германское явление, это недуг всей Европы. Подобно Бердяеву, он отмечает значение войны для внутренней жизни России. Россия должна освободиться от западнического идолопоклонства и вернуться к собственным духовным ценностям [21].

Религиозные философы, в отличие от академических историков, больше внимания уделяли кризису самой европейской цивилизации, а не только противостоянию славянства и германства. Определяя место России в цивилизационной борьбе внутри Европы, Н. А. Бердяев в большей степени, нежели С. Н. Булгаков, противопоставляет Германию Европе.

Либеральные философы и историки, переосмысливая идеи Н. Я. Данилевского, видели в ней освободительную силу не только для славянских народов, но и для всей Европы. Однако наряду с этим наблюдалась тенденция отмежевания от славянофильских идей. Так, Бердяев критикует славянофильские взгляды об особой, мессианской, роли России как нежизнеспособные и утопичные. По его мнению, идея славянского единства должна быть, прежде всего, духовной, а не утилитарно-государственной [22]. А. А. Кизеветтер подчеркивал, что для научного историзма нового времени неприемлемы учения о всемирно-исторической миссии отдельных народов. По его мнению, славянофилы необоснованно противопоставляют Россию Европе. Подобное противопоставление означало бы утрату последних достижений России на пути европеизма [23].

Цивилизационное восприятие Первой мировой войны дореволюционной либеральной историографией, несмотря на весь свой прагматизм, является важной составляющей концептуального видения глобального вооруженного конфликта. Всех историков объединяла мысль о судьбоносном характере войны для европейских народов. Цивилизационное противостояние основывалось на борьбе Европы и Германии, с одной стороны, и германских и славянских народов – с другой. Различия заключались в степени противопоставления Германии Европе, а также в роли национального характера отдельных народов в развязывании войны. Расходясь с Н. Я. Данилевским в понимании места России в Европе, либеральные историки, тем не менее, признавали будущее европейской цивилизации за Россией и славянским миром. Являясь специалистами по различным эпохам всемирной истории, начиная с античности, либеральные историки рассматривали духовно-философские основы мировой войны в контексте исторической ретроспективы, отражая, вместе с тем, вызовы времени.

Примечания

1. Шелохаев В. В. Российские либералы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 8; Воронкова И. Е. Российская либеральная внешнеполитическая доктрина в начале XX века // Вопросы истории. 2009. № 11.

2. Ростовцев Е. А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М., 2009. С. 312; Тихонов В. В. Пропаганда прошлым: российские историки в годы Первой мировой войны // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. № 3. URL: http://rusasww1.ru/view_post.php?id=245#_ftn33, свободный.

3. Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 312; Шелохаев В. В. Указ. соч. С. 28–29.

4. Гримм Э. Д. Борьба народов // Вопросы мировой войны: сб. ст. / под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 1–7; Он же. Происхождение современной группировки европейских держав // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. Пг., 1915. С. 17.

5. Гримм Э. Д. Борьба народов. С. 6, 16–17.

6. Там же. С. 13–14.

7. *Гримм Э. Д.* Происхождение современной группировки держав. С. 48–49.
8. *Любавский М. К.* Исторические судьбы славянства. М., 1915. С. 21–22, 24–27.
9. *Кареев Н. И.* История Западной Европы в начале XX столетия. С. 714.
10. Там же. С. 718–719.
11. *Кареев Н. И.* О происхождении и значении теперешней войны // Речь. 1916. № 1(3384). С. 4.
12. *Антощенко А. В.* Россия на переломе (о проблемах российской истории в публицистике П. Г. Виноградова // Виноградов П. Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 28–30.
13. *Виноградов П. Н.* Причины войны // Виноградов П. Н. Россия на распутье. С. 342–343.
14. Там же. С. 346–347.
15. *Виноградов П. Н.* Россия: психология нации // Виноградов П. Н. Россия на распутье. С. 312.
16. *Цыкалов Д. Е.* Проблема «Россия и Запад» в отечественной публицистике периода Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2003. С. 14–15.
17. *Гримм Э. Д.* Борьба народов. С. 17.
18. *Ростовцев М.* Национальное и мировое государство // Русская мысль. 1915. Кн. 10. С. 29–31.
19. *Бердяев Н. А.* Конец Европы // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 106.
20. *Бердяев Н. А.* Война и возрождение // Утро России. 1914. 17 авг.
21. *Булгаков С.* Война и русское самосознание. Публичная лекция. М., 1915. С. 29, 42–43, 49–50.
22. *Бердяев Н. А.* Славянофильство и славянская идея // Бердяев Н. А. Судьба России. С. 120–126.
23. *Кизеветтер А. А.* Россия и Европа // Русские ведомости. 1915. № 5. С. 2.

Notes

1. *Shelokhaev V. V.* Rossijskie liberaly v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian liberals during the First World War] // Voprosy istorii – Questions of history. 1993, № 8; *Voronkova I. E.* Rossijskaya liberal'naya vneshnepoliticheskaya doktrina v nachale XX veka [Russian liberal foreign policy doctrine in the early XX century] // Voprosy istorii – Questions of history. 2009, № 11.
2. *Rostovtcev E. A.* Ispytanie patriotizmom. Professorskaya kollegiya Petrogradskogo universiteta v gody Pervoj mirovoj vojny [Test by patriotism. Professorial Board of the University of Petrograd during the First World War] // Dialog so vremenem. 29. Mir i vojna: aspekty intellektual'noj istorii – Dialogue with time. 29 War and Peace: aspects of intellectual history. Moscow. 2009. P. 312; *Tikhonov V. V.* Propaganda proshlym: rossijskie istoriki v gody Pervoj mirovoj vojny [Propaganda by past: Russian historians in the First World War] // Istorija: ehlektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal – History: Electronic Research and educational journal. 2012, № 3. Available at: http://rusasww1.ru/view_post.php?id=245#_ftn33, free (in Russ.).
3. *Rostovtcev E. A.* Op. cit. P. 312; *Shelokhaev V. V.* Op. cit. Pp. 28–29.
4. *Grimm E. D.* Bor'ba narodov [Struggle of peoples] // Voprosy mirovoj vojny – Issues of World War: col. art. / ed. Tugan-Baranovsky. Pg. 1915. Pp. 1–7; He also. Proiskhozhdenie sovremennoj gruppirovki evropejskikh derzhav [The origin of the modern groups of European powers] // Rossiya i ee soyuzniki v bor'be za tsivilizatsiyu – Russia and its allies in the struggle for civilization. Pg. 1915. P. 17.
5. *Grimm E. D.* Bor'ba narodov [Struggle of peoples]. Pp. 6, 16–17.
6. Ibid. Pp. 13–14.
7. *Grimm E. D.* Proiskhozhdenie sovremennoj gruppirovki derzhav [Origin of modern grouping powers]. Pp. 48–49.
8. *Liubavskii M. K.* Istoricheskie sud'by slavyanstva [Historical Destiny of the Slavs]. Moscow. 1915. Pp. 21–22, 24–27.
9. *Kareev N. I.* Istorija Zapadnoj Evropy v nachale XX stoletiya [History of Western Europe in the early twentieth century]. P. 714.
10. Ibid. Pp. 718–719.
11. *Kareev N. I.* O proiskhozhdenii i znachenii tepereshnej vojny [On the origin and significance of the present war] // Rech' – Speech. 1916, № 1 (3384), p. 4.
12. *Antoshenko A. V.* Rossiya na perelome (o problemakh rossijskoj istorii v publitsistike P. G. Vinogradova [Russia at the turn of (the problems of Russian history in publishes of P. G. Vinogradov] // Vinogradov P. G. Rossiya na rasput'e. Istoriko-publitsisticheskie stat'i [Russia at the crossroads. Historical and journalistic articles]. Moscow. 2008. Pp. 28–30.
13. *Vinogradov P. N.* Prichiny vojny [Causes of War] // Vinogradov P. N. Rossiya na rasput'e [Russia at the crossroads]. Pp. 342–343.
14. Ibid. Pp. 346–347.
15. *Vinogradov P. N.* Rossiya: psikhologiya natsii [Russia: the psychology of the nation] // Vinogradov P. N. Rossiya na rasput'e [Russia at the crossroads]. P. 312.
16. *Tsykalov D. E.* Problema «Rossiya i Zapad» v otechestvennoj publitsistike perioda Pervoj mirovoj vojny (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.): avtoref. dis... . kand. ist. nauk [Problem "Russia and the West" in Russian

journalism during the First World War (July 1914 – February 1917): autoref. dis... . Candidate hist. sci]. Volgograd. 2003. Pp. 14-15.

17. *Grimm E. D.* Bor'ba narodov [Struggle of peoples]. P. 17.

18. *Rostovtcev M.* Natsional'noe i mirovoe gosudarstvo [National and World State] // *Russkaya mysl' – Russian thought.* 1915. Book 10. Pp. 29-31.

19. *Berdyayev N. A.* Konets Evropy [The End of Europe] // *Berdyayev N. A. Sud'ba Rossii [The fate of Russia].* M. 1990. P. 106.

20. *Berdyayev N. A.* Vojna i vozrozhdenie [War and the revival] // *Utro Rossii – Morning of Russia.* 1914, August 17.

21. *Bulgakov S.* Vojna i russkoe samosoznanie. Publichnaya lektsiya [War and Russian identity. Public Lecture]. M. 1915. Pp. 29, 42-43, 49-50.

22. *Berdyayev N. A.* Slavyanofil'stvo i slavyanskaya ideya [Slavophilism and Slavic idea] // *Berdyayev N. A. Sud'ba Rossii [The fate of Russia].* Pp. 120-126.

23. *Kiesewetter A. A.* Rossiya i Evropa [Russia and Europe] // *Russkie vedomosti – Russian statements,* 1915, № 5, p. 2.

Доказательственная сила нотариального акта в России: сравнительный анализ законодательства второй половины XIX в. и конца XX – начала XXI в.

В статье рассматривается нотариальный акт как носитель информации, содержащей сведения о фактах. Автор, применяя метод хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, исследует вопрос доказательственной силы нотариального акта в законодательстве второй половины XIX в. и конца XX – начала XXI в. Автор приходит к выводу, что нотариальный акт должен иметь повышенную доказательственную силу, для чего в действующее процессуальное законодательство необходимо внести соответствующие нормы права.

The article considers the notary act as a carrier of information which contains information about the facts. The author, using the method granodioritee moneyarticle sranantongo law, examines the issue of the evidentiary force of the notary deed in the legislation of the second half of the XIX century and the end of XX – beginning of XXI century. The author comes to the conclusion that the title deed must have high probative value, which in the current procedural legislation is needed to make the relevant rules of law.

Ключевые слова: нотариус, нотариат, нотариальный акт, доказательства, юридическая сила.

Keywords: the notary, notaries, notary act, evidence, legal validity.

Известно, что такая правовая категория, как доказательство, во все времена была дискуссионной. В каждом историческом периоде правоведы наполняли это понятие своим содержанием. Развитие общественных отношений, научно-технический прогресс являются почвой для развития законодательства, а значит вопрос правого наполнения понятия доказательства и в будущем останется актуальным. С развитием института нотариата в нашей стране и принятием латинской модели его построения в настоящее время остро стоит вопрос о юридической силе нотариального акта.

Познавая историю, понимаешь современность. Изучение истории позволяет понять процессы, происходящие в настоящее время, и видеть перспективы развития. Автором настоящей статьи для сравнения берется два этапа развития нотариата: период реформ Александра II и современный период. При проведении сравнения названных периодов применяется методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [1]. Данная методология положительно зарекомендовала себя в исследованиях различных государственных и правовых институтов: суда присяжных [2], мирового суда [3], прокуратуры [4], органов городского самоуправления [5], института налогообложения [6], губернаторской власти [7] и др.

Применительно к институту нотариата методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения позволяет исследовать деятельность нотариата в период его становления, оценить его состояние на современном этапе, а также рассмотреть перспективы его развития, в нашем случае – по вопросу нотариального акта как доказательства.

14 апреля 1866 г. впервые было утверждено Положение о нотариальной части [8], которое непосредственно регулировало деятельность вновь созданного правового института – нотариата. Предметом нотариата было удостоверение сделок, фактов, совершение иных юридически значимых действий в сфере бесспорного права.

В Положении о нотариальной части не содержалось информации о юридической силе нотариального акта. Согласно статье 78 Положения правовая сила нотариального акта определялась в Уставе гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [9], предметом регулирования которого были процедуры рассмотрения гражданских спорных отношений в судебных инстанциях [10].

Основной функцией судебного производства было рассмотрение спорных ситуаций с последующим вынесением судебного решения. Рассматривая дело, суд устанавливал значимые обстоятельства, которые сторонам судопроизводства нужно было доказать. Стороны разбирательства в обоснование своих требований приводили доводы. Чтобы упорядочить процесс доказывания, внести единообразие применения норм, в Уставе гражданского судопроизводства была определена классификация видов доказательств, принимаемых судом:

1. Показания свидетелей.
2. Письменные доказательства.
3. Признание.
4. Присяга.
5. Осмотр на месте и заключение сведущих людей.

На практике из указанных доказательств наиболее часто в суд представлялись показания свидетелей и письменные доказательства. Каждое доказательство судья рассматривал на предмет его отношения к рассматриваемому делу, допустимости, законности и достоверности.

В Уставе гражданского судопроизводства была определена иерархия доказательств по их юридической силе. Так, письменные доказательства, если не ставился вопрос об их подлинности, имели приоритет над устными доказательствами. Содержание письменных документов, установленным порядком совершенных или засвидетельствованных, не могло быть опровергнуто показаниями свидетелей (ст. 106).

При оценке письменных доказательств судья обязан был установить способ совершения письменного документа (ст. 105):

1. Письменные документы, совершенные домашним порядком.
2. Письменные документы, совершенные установленным законом порядком (например, крепостные) или засвидетельствованные.

Наибольшую доказательственную силу имели письменные документы, совершенные установленным законом порядком или засвидетельствованные (459). Суд не допускал сомнений в достоверности крепостных и засвидетельствованных актов, если нотариальные действия совершались нотариусом без нарушения процедуры, а форма нотариального акта соответствовала форме, установленной законом (ст. 109). Дата совершения крепостных или явочных нотариальных актов также сомнению не подвергалась (ст. 476). Нотариально удостоверенная копия документа, если не заявлялось сомнения в ее совпадении с первоисточником, принималась судом вместо подлинного документа. Нотариальные акты (крепостной или явочный), составленные с нарушением требований закона, теряли силу нотариального документа и признавались судом простым письменным документом (ст. 460 Устава гражданского судопроизводства и ст. 102 Положения о нотариальной части). Например, нарушение требований, предъявляемых к совершению нотариального действия, наличие не оговоренных в нотариальном акте поправок, приписок вело к трансформации нотариального документа в письменный документ, совершенный домашним порядком и не обладающий повышенной доказательственной силой.

Законодательное закрепление повышенной юридической силы нотариального акта обеспечивалось установленной процедурой совершаемых нотариальных действий. Так, при совершении каждого нотариального акта должны были присутствовать два свидетеля (ст. 84, 85). Участвующим в качестве свидетелей предъявлялись специальные требования (ст. 86, 87). Участие свидетелей, с одной стороны, являлось дополнительным фактором, обеспечивающим законность и достоверность совершаемого нотариального действия, с другой – сдерживало нотариуса от совершения противоправных действий.

Необходимо отметить, что юридическая сила нотариального акта была определена лишь в Уставе гражданского судопроизводства. В сфере уголовного производства [11] нотариальный акт повышенной доказательственной силой не обладал.

Таким образом, нотариальный акт, по реформам Александра II, был наделен повышенной доказательственной силой в гражданском судопроизводстве. Нотариальный акт, при

оценке судом доказательств, имел приоритет над свидетельскими показаниями и письменными документами, в том числе совершенными домашним порядком.

Высокая степень достоверности позволила выделить нотариальный акт среди прочих документов и законодательно наделить его повышенной юридической силой. Повышенная доказательственная сила нотариального акта была обеспечена закрепленными требованиями к кандидату в нотариусы, требованиями к нотариусу, наличием процедуры совершаемого нотариального действия, ответственности нотариуса, подробным описанием нотариального и архивного делопроизводства. Однако, в отличие от судебного решения, нотариальный акт не был наделен силой предполагаемой истины.

В настоящее время в научном мире ведется дискуссия о единстве и различии понятий «доказательства» и «доказательственной информации». Часть ученых считает эти понятия тождественными, другие высказывают, что понятие «доказательство» является более широким по отношению к «доказательственной информации» и поглощает его. Третья группа ученых, наоборот, считает, что понятие «доказательственная информация» шире понятия «доказательства». По мнению некоторых ученых, доказательственная информация – это источник, а доказательство – это материальный носитель (материальное выражение) доказательственной информации. На наш взгляд, вся относящаяся к делу информация, предоставляемая уполномоченному на рассмотрение дела должностному лицу, является доказательственной. Эта информация проверяется уполномоченным должностным лицом (например, на этапе уголовного преследования – дознавателем или следователем, на этапе суда – судьей) на предмет ее отношения к рассматриваемому делу, после чего рассматривается допустимость, законность и достоверность приобщаемой доказательственной информации. Если информация соответствует указанным критериям, то должностное лицо признает ее доказательством и, в рамках рассматриваемого дела, оценивает представленное доказательство. Таким образом, доказательственная информация, после принятия соответствующего решения уполномоченным должностным лицом, трансформируется в доказательство. В этом смысле нотариальный акт, как самостоятельный правовой акт, является носителем доказательственной информации. Не углубляясь в рассмотрение данного вопроса, автор считает, что деление понятий «доказательство» и «доказательственная информация» является вопросом теоретическим и в большей мере условным.

В действующем Законе «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» [12] определено основное назначение нотариата: «Нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, настоящими Основами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц...» (п. 1 ст. 1). Однако правового механизма, позволяющего обеспечивать поставленные перед ним задачи, в законе не содержится. Так, отсутствуют нормы, определяющие ответственность за уклонение от исполнения требований нотариуса, за неисполнение нотариального акта, отсутствуют нормы, определяющие правовое значение нотариального акта, его юридическую силу.

Предмет исследования доказательственной силы нотариального акта лежит в сфере процессуального законодательства: гражданского (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации), административного (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях), уголовного судопроизводства (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации).

В действующем законодательстве нотариальный акт как самостоятельное доказательство не индивидуализирован. Рассмотрим доказательственную силу нотариального акта на примере процессуального права гражданского судопроизводства. Так, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [13] установлены следующие виды доказательств:

1. Устные (свидетельские показания).
2. Письменные доказательства.
3. Вещественные доказательства.
4. Экспертные заключения.

В гражданском судопроизводстве ни одно из перечисленных доказательств не имеет перед судом заранее установленной силы (ст. 67 ГПК РФ). Это означает, что суд, оценивая

представленные доказательства, рассматривает нотариальный акт наравне с другими доказательствами, не наделяя его дополнительной доказательственной силой. Нотариальный акт является одним из видов письменных доказательств (ст. 71). В соответствии со ст. 61 ГПК РФ не подлежат доказыванию лишь обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением, и обстоятельства, которые суд признал общеизвестными.

Как видно, нотариальный акт не наделяется какой-либо повышенной доказательственной силой и рассматривается судом на общих основаниях. Такой же подход содержится и в других отраслях действующего законодательства.

В Гражданском кодексе Российской Федерации [14] содержатся нормы, устанавливающие обязательные требования к формам совершаемых сделок и последствиям их нарушения. Так, если форма сделки должна быть письменной, то в случае ее несоблюдения стороны, в подтверждение ее заключения, не вправе ссылаться на свидетельские показания (ст. 162), т. е. в этой части судом принимаются во внимание только письменные доказательства. Несоблюдение письменной формы сделки, требующей нотариального удостоверения, влечет ее недействительность (ст. 165 ГК РФ). На наш взгляд, указанные правовые положения следует расценивать как требования к формам заключаемых сделок, поэтому на существо понятия доказательства эти правовые нормы не влияют. Законом установлены правила, определяющие, какие обстоятельства подлежат доказыванию только письменными документами, а для каких достаточно свидетельских показаний. Указанные положения не устанавливают повышенную юридическую силу нотариального акта и не наделяют его повышенной доказательственной силой.

Необходимо отметить, что на практике нотариально удостоверенным актам доверяют больше, нежели носителям информации простой письменной формы. Нотариально удостоверенный акт как носитель информации пользуется большим доверием в суде, в правоохранительных органах и т. д. Это связано с наличием процедуры получения статуса нотариуса, наличием организационной структуры нотариата, государственного надзора за нотариальной деятельностью. Статус нотариуса предполагает юридическое образование, сдачу экзамена, а деятельность нотариуса предполагает соблюдение установленных законом процессуальных норм, за нарушение которых он несет ответственность.

В настоящее время государство практически не использует потенциал, заложенный в латинской модели нотариата. Государство уполномочило нотариат на использование в работе гербовой печати, наделило правом совершать нотариальные действия от имени Российской Федерации, но нотариальный акт, как результат нотариальной деятельности, не наделяется каким-либо правовым значением, выделяющим его из других письменных источников информации. Допускаем, что это связано с тем, что вопрос организации нотариата, его места в правоохранительной системе государства до настоящего времени был не решен. Однако, на наш взгляд, практикой уже выработаны подходы относительно правовой оценки и применения нотариального акта, часть которых можно законодательно закрепить.

«Центральная же функция нотариата как элемента юридической инфраструктуры общества – обеспечение юридической безопасности участников гражданского оборота путем создания квалифицированных письменных документов, обладающих повышенной доказательственной силой и возможностью принудительного исполнения без обращения в суд. Не менее важно трансграничное действие нотариальных актов, позволяющее использовать их как в национальном, так и в международном гражданском обороте, а также возможность проверки их достоверности. Тем самым обеспечивается экономическая эффективность нотариата для современного общества» [15].

Сравнивая законодательство периода реформ 1864 г. и действующее законодательство, можно прийти к следующим выводам:

1. Несмотря на отсутствие организационной самостоятельности нотариата второй половины XIX в., сила нотариального акта, в отличие от действующего законодательства, была законодательно закреплена.

2. Нотариальный акт второй половины XIX в. имел повышенную юридическую силу по отношению к другим источникам информации. Законодательно она была определена в сфере гражданского судопроизводства. В уголовном судопроизводстве не было норм, указывающих на повышенную юридическую силу нотариального акта. По действующему законодательству нотариальный акт не наделяется повышенной юридической силой, поэтому нали-

чие института нотариата, его необходимость в том виде, в котором он существует, – под вопросом.

На наш взгляд, действующее законодательство могло бы использовать подходы, содержащиеся в законодательстве второй половины XIX в. В частности, наделить нотариальный акт повышенной юридической силой, одновременно усовершенствовав организацию работы нотариата в условиях современной России.

«Таким образом, нотариальные действия, совершаемые от имени Российской Федерации, что подчеркивает их особое значение, должны получить особый статус доказательственной информации» [16].

Для повышения качества нотариального действия, уровня законности и достоверности нотариального акта, нотариуса следует наделить большими правами, например, в получении информации, необходимой для совершения нотариального действия: из органов здравоохранения на предмет дееспособности стороны сделки, из налогового органа на предмет сделкоспособности юридического лица. Проработать вопрос контроля за деятельностью нотариата и ответственностью нотариуса.

«Для установления особой доказательственной силы нотариальных актов в нормах материального права следует, например, установить обязанность нотариуса по проведению экспертизы законности удостоверяемых договоров, а также предусмотреть на уровне федерального закона механизм ответственности нотариусов перед клиентом и государством за целенаправленные или случайные ошибки в оценке законности представленных документов, дееспособности граждан и других важных для совершения нотариального действия фактов и обстоятельств» [17].

Закрепление за нотариальным актом повышенной юридической силы позволит более широко использовать возможности нотариата в гражданском обороте, обеспечить стабильность гражданского оборота, реализовать его защитную функцию, повысить активность нотариата в предоставлении юридической помощи. На наш взгляд, государство должно использовать большие возможности, которые содержит институт нотариата.

Примечания

1. Демичев А. А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. 2010. № 16. С. 2–7.

2. Демичев А. А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

3. Гущев В. В. Сравнительно-правовое исследование мирового суда в России (история и современность): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

4. Никонов В. А. Сравнительно-правовое исследование института прокуратуры в России во второй половине XIX – начале XX века и конце XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

5. Чудайкина А. А. Нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность главы органов местного самоуправления в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. и современной России: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 245–250.

6. Шкарин Е. О. Налог на землю в России конца XIX – начала XX века и в современной Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 42–46.

7. Клочухина Ю. А. Особенности взаимодействия центральной и региональной власти в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 19. С. 121–125.

8. Положение о нотариальной части от 14 апреля 1866 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на которых они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. 3. СПб., 1867.

9. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на которых они основаны, изданные Государственной канцелярией: в 5 ч. Изд. 2-е, доп. и изм. СПб., 1867. Ч. I–V.

10. Устав гражданского судопроизводства. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на которых они основаны, изданные Государственной канцелярией: в 5 ч. Изд. 2-е, доп. СПб., 1867. Ч. I. Ст. 1.

11. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года.

12. Закон Российской Федерации от 11.02.1993 г. № 4462-1 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Российская газета. 1993. № 49.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
15. Ярков В. В. Эволюция роли нотариуса в современном мире: взаимоотношения с обществом и государством // Закон. 2012. № 5. С. 3.
16. Москаленко М. Н. Институт «доказательств» и «доказательственной информации»: роль в развитии теории правоохранительной, судебной и нотариальной деятельности // Нотариус. 2013. № 4. С. 8.
17. Рыжов К. Б. «Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе». Сер. «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». Кн. 8 // ИнфоТриплек Медиа. М., 2012. С. 90.

Notes

1. Demichev A. A. Khronodiskretnoe monogeograficheskoe sravnitel'noe pravovedenie kak napravlenie sovremennoj yuridicheskoy nauki [Chronodiscrete monogeographical comparative law as the direction of modern jurisprudence] // Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law. 2010, № 16, pp. 2-7.
2. Demichev A. A. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie suda prisyazhnykh v Rossii (istoriya i sovremennost'): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Comparative Legal Survey of jury trials in Russia (history and modernity): autoref. dis. Dr... . jurid. sci]. Nizhny Novgorod. 2003.
3. Gushev V. V. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie mirovogo suda v Rossii (istoriya i sovremennost'): dis. ... kand. yurid. nauk [Comparative Legal Survey of magistrate's court in Russia (history and modernity): Dis... . Candidate jurid. sci.] Nizhny Novgorod. 2005.
4. Nikonov V. A. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie instituta prokuratury v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka i kontse XX – nachale XXI veka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Comparative legal research institute of public prosecution in Russia in the second half of the nineteenth – early twentieth century and the end of XX – beginning of XXI century: autoref. dis... . Candidate jurid. sci.] Vladimir. 2005.
5. Chudaykina A. A. Normativno-pravovaya baza, reglamentiruyushchaya deyatel'nost' glavy organov mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. i sovremennoj Rossii: sravnitel'no-pravovoy analiz [The legal framework regulating the activity of the head of local government in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century and in modern Russia: a comparative legal analysis] // Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Internal Affairs of Russia. 2014, № 1 (25), pp. 245-250.
6. Shkarin E. O. Nalog na zemlyu v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka i v sovremennoj Rossijskoj Federatsii [Land tax in Russia in the late XIX – early XX century and the modern Russian Federation] // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Internal Affairs of Russia. 2012, № 20, pp. 42-46.
7. Klochuhina Y. A. Osobennosti vzaimodejstviya tsentral'noj i regional'noj vlasti v Rossijskoj imperii i Rossijskoj Federatsii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) [Features of interaction of the central and regional authorities in the Russian Empire and the Russian Federation (comparative law research)] // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Internal Affairs of Russia. 2012, № 19, pp. 121-125.
8. Polozhenie o notarial'noj chasti ot 14 aprelya 1866 goda [Regulation on notarial parts from April 14, 1866] // Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenij, na kotorykh oni osnovany, izdannye Gosudarstvennoj kantselyariej – Legal regulations of 20 November 1864 outlining the arguments on which they are based, issued by the State Chancellery. Pt. 3. St. Petersburg. 1867.
9. Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenij, na kotorykh oni osnovany, izdannye Gosudarstvennoj kantselyariej [Legal statutes of November 20, 1864 outlining the arguments on which they are based, issued by the State Chancellery]: in 5 pts. Ed. 2nd, ext. and rev. St. Petersburg. 1867. Pts I-V.
10. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva. Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenij, na kotorykh oni osnovany, izdannye Gosudarstvennoj kantselyariej [Charter of Civil Procedure. Judicial statutes of 20 November 1864 outlining the arguments on which they are based, issued by the State Chancellery]: in 5 pts. Ed. 2nd, ext. St. Petersburg. 1867. Part I. Art. 1.
11. Charter of criminal proceedings from November 20, 1864.
12. Law of the Russian Federation dated 11. 02. 1993, the № 4462-1 «Fundamentals of the legislation on notaries' // Rossijskaya gazeta – Russian newspaper. 1993, № 49.
13. Code of Civil Procedure of the Russian Federation of 14. 11. 2002 № 138-FZ // Rossijskaya gazeta – Russian newspaper. 2002, № 220.
14. Civil Code of the Russian Federation (Part I) of 30. 11. 1994 № 51-FZ // Sобрание zakonodatel'stva RF – Collected Legislation of the Russian Federation. 1994, № 32, art. 3301.

15. *Yarkov V. V.* [Evolution of the role of the notary in the modern world: the relationship with society and the state] // *Zakon – The Law*. 2012, № 5, p. 3.

16. *Moskalenko M. N.* Institut «dokazatel'stv» i «dokazatel'stvennoj informatsii»: rol' v razvitii teorii pravookhranitel'noj, sudebnoj i notarial'noj deyatel'nosti [Institute of "evidence" and "evidentiary information": role in the development of the theory of law enforcement, judicial and notarial activities] // *Notarius – Notary*. 2013, № 4, p. 8.

17. *Ryzhov K. B.* «Printsip svobodnoj otsenki dokazatel'stv i ego realizatsiya v grazhdanskom protsesse». Ser. «Grazhdanskiy i arbitrazhnyj protsess: novye imena & novye idei» "The principle of free evaluation of evidence and its implementation in the civil process." Ser. "Civil and arbitration process, new names & new ideas." Book 8 // *Infotropik Media*. Moscow. 2012. P. 90.

УДК 340

О. Н. Бармина

Причины и условия возникновения злоупотреблений в праве

Основная идея статьи в том, чтобы выявить и систематизировать причины и условия возникновения злоупотреблений в праве. С позиции исследования автор пришел к выводу, что причины злоупотреблений в праве могут составлять субъективную и объективную группы. Условиями злоупотреблений в праве, по мнению автора, являются нестабильность судебной практики, материальная необеспеченность индивида (организации), а также коллизия интересов.

The main idea is to determine and classify the causes and conditions for the occurrence of abusing of the law. From the perspective of the research the author came to the conclusion that the causes of abusing of the law can be subjective and objective of the group. Conditions abusing of the law, according to the author, are the instability of judicial practice, financial insecurity of the individual (or organization), as well as a conflict of interest.

Ключевые слова: злоупотребление правом, причины, условия, уровень правосознания, правовая культура, закон, интересы, неопределенность правовых норм.

Keywords: abusing of the law, he reasons, conditions, level of legal consciousness and legal culture, the law, the interests, the uncertainty of the legal norms.

Под причинами злоупотреблений следует понимать явления, непосредственно влекущие появление злоупотреблений в праве. Условия же их возникновения представляют собой сопутствующие причинам обстоятельства, также влекущие злоупотребления в праве и даже в большей степени способствующие им. Безусловно, причины и условия появления любого явления в праве взаимосвязаны и взаимозависимы: так, одна причина может быть связана сразу с несколькими условиями и, наоборот, одно условие, способствующее появлению какого-либо факта, может опосредоваться несколькими причинами. Но вместе с тем причины и условия следует различать. Так, кража сотового телефона может быть вызвана отсутствием у преступника денежных средств. В качестве условий, способствующих совершению данного преступления, можно назвать, например, оставление своих вещей потерпевшим лицом без присмотра и др. В любом случае любое действие человека порождено определенными причинами. Об этом детерминизме говорил Д. А. Керимов. Он писал, что несвобода преступника в том, что «несмотря на осознание общественной опасности своих действий, не воздержался от их совершения, сознательно посягнув на интересы общества и его членов» [1].

Основные причины появлений злоупотреблений в праве не систематизированы; в некоторых работах авторов можно встретить лишь отдельные элементы примеров, влекущих злоупотребления в праве. В силу этого отсутствие четкой разработки причин появлений злоупотреблений в праве является одним из условий, влекущих дальнейшие злоупотребления в праве, пресекаемые судами в ходе каждодневной работы.

Так, А. Е. Наумов в качестве причин появлений злоупотреблений правом приводит следующее: «...психология поведения субъекта права, который более озабочен реализацией своих интересов, нежели заботой о чужих интересах и интересах общества; абстрактный характер правовых норм, и вследствие этого, – неопределенность содержания субъективных

прав, полномочий, вызывающие возможность многовариантного поведения при их реализации; пробелы и коллизии в праве, порождающие противоречия и вакуум в правовом регулировании» [2].

В отраслевых науках также можно встретить обсуждения вокруг причин, влекущих появление злоупотреблений в праве.

Так, например, в гражданском праве А. В. Волков определяет злоупотребление правом как «особый вид гражданского правонарушения, связанного с умышленным выходом управомоченного лица в ситуации правовой неопределенности за внутренние пределы (смысл, назначение) субъективного гражданского права (определяемые в том числе критериями разумности и добросовестности) для достижения своей незаконной скрытой цели с использованием формализма и недостатков гражданского права, как-то: абстрактность, узость, пробелы, оговорки, ошибки, противоречия правовых норм и договорных условий и т. п.» [3].

Таким образом, в качестве критерия появления злоупотреблений в праве цивилист называет наличие пробелов в праве, ошибок, противоречий, коллизий и др.

Надо сказать, что выводы авторов о том, что в ряде случаев злоупотребление правом может быть порождено пробелами и коллизиями в праве, разумны и весьма ценны, поскольку именно тогда мы можем получить злоупотребление, когда отдельный правовой случай выпущен из регулирования или отрегулирован – но ошибочно или неточно.

Вместе с тем представляется целесообразным начать рассмотрение конкретных причин появления злоупотреблений с выделения двух групп: субъективных и объективных причин, то есть зависящих от субъекта права и не зависящих от него.

Так, к субъективным причинам, определяющим появления злоупотреблений в праве, могут быть отнесены низкий уровень правосознания и правовой культуры индивида. И здесь уместно было бы вспомнить изречения И. А. Ильина, говорившего о том, что «никакая правовая и политическая реформа не может сама по себе переделать психику человека, привыкшего пассивно покоряться и скрежетать и не знающего, что истинное самоуправление вырастает только из глубины уважающей себя воли. Мотивы, по которым человек соблюдает право, не только не безразличны, но заключают в себе самый корень правосознания» [4].

Само по себе правосознание представляет собой не обычное знание законов и предписаний, знать которые, как показывает практика, еще недостаточно. Как заметил И. А. Ильин, «бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием, для того чтобы превысить свои полномочия, приуменьшить свои обязанности и сложить с себя запретности» [5]. Необходимо большее – соблюдение предписаний, понимание смысла законов.

Всем известно, что люди никогда не были и не будут по своим физиологическим и иным естественным качествам равными друг другу, а поэтому в человеческом обществе на любых этапах его развития всегда будут законопослушные и правонарушители, трудолюбивые и ленивые, добросовестные и недобросовестные члены этого общества. Справедливо отмечал Г. Ф. Шершеневич, что «несходство индивидов, принадлежащих к одной общественной группе, объясняется тем, что ни один индивид не испытывает воздействия всех общественных влияний, а только в некотором объеме... Человек является продуктом общественности, но индивидуальность, ему присущая, есть результат своеобразного сочетания влияний» [6].

По этой причине установленное в Конституции Российской Федерации равноправие людей независимо от пола, возраста и других обстоятельств (ст. 19) скорректировано запретом осуществления прав и свобод человека и гражданина способами, нарушающими права и свободы других лиц (п. 3 ст. 17), в том числе в предпринимательской деятельности (п. 2 ст. 34) и в природопользовании (п. 2 ст. 36).

Таким образом, низкий уровень правосознания, правовой культуры, характеризующиеся наличием собственных эгоистических убеждений, тягой к обогащению любыми средствами, неправильным пониманием правовых ценностей, неточным несоблюдением правовых предписаний, являются субъективными причинами злоупотреблений в праве.

К другой субъективной причине появления в праве злоупотреблений следует отнести неумелое пользование предоставленными законом субъективными правами, вследствие чего происходит злоупотребление. Это неумелое пользование может выражаться в отсутствии осведомленности о спектре правовых норм, судебной практике их применения и др.

Например, суды квалифицируют поведение субъектов права как злоупотребление с учетом фактических обстоятельств дела, лишь свидетельствующих о наличии ущерба для

оппонента, и презюмируют его связь с самим управомоченным лицом [7]. Возможно, по этой причине Швейцарское Гражданское уложение закрепило норму о том, что не пользуется защитой лишь явное злоупотребление правом [8].

Не обо всех процессуальных тонкостях знают и лица, участвующие в деле. Так, в силу ч. 5 ст. 159 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, за исключением случая, если заявитель не имел возможности подать такое заявление или такое ходатайство ранее по объективным причинам.

Объективными же причинами появления злоупотреблений в праве можно назвать следующие.

Во-первых, это неясность и неопределенность правовых норм. Так, Конституционным судом Российской Федерации установлено, что общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями, а поэтому требование определенности было определено в качестве конституционного принципа и критерия конституционности [9].

К сожалению, даже на теоретическом уровне не выработано четких положений по формированию данной определенности. Вместе с тем законодательные акты пестрят такими примерами. Так, согласно ч. 2 ст. 110 АПК РФ расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

Однако у каждого члена нашего общества критерии разумности судебных расходов, очевидно, свои, потому такое содержание процессуальной нормы может влечь злоупотребления, которые весьма удачно сейчас решает судебная практика [10].

В силу п. 6 ст. 108 Налогового кодекса Российской Федерации обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы; неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица. Понятие «неустранимые сомнения» также весьма «расплывчато»; ясным его назвать нельзя. В связи с этим разное понимание данного критерия между налоговыми органами и гражданами также может повлечь определенные злоупотребления и в этой сфере [11]. Единообразный подход в этой направленности разработан в постановлении Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [12].

Как отмечал И. А. Покровский, «если каждый отдельный человек должен подчиниться праву, если он должен приспособлять свое поведение к его требованиям, то очевидно, что первым условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих требований» [13].

Не случайно каждое общество стремится создать понятное и ясное право. Вместе с тем закон – это не механический регулятор всех отношений: он не может быть источником заранее подготовленных ответов и выводов, поэтому проблема неясности и неопределенности правовых норм, с одной стороны, неизбежна, с другой – именно она является одной из причин появления в праве злоупотреблений.

Во-вторых, несовершенство правовых предписаний (наличие в праве коллизий, пробелов и др.). Как указывал В. В. Лазарев, «о пробелах в праве можно говорить преимущественно в переносном значении, как несовершенстве права, отсутствии того реального содержания, которое должно являться необходимым его компонентом» [14].

Вместе с тем В. В. Лазарев говорит и о том, что существуют и прямые – так называемые намеренные – пробелы, допускаемые законодателем с целью предоставления решения правового вопроса усмотрению практики каждого отдельного случая [15]. Известно, что время не стоит на месте, общественные отношения постоянно усложняются, поэтому пробельность в праве – неизбежное явление.

Например, право участника хозяйственного общества на получение информации об обществе предусмотрено ст. 67 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельными положениями законодательства о хозяйственных обществах (например, п. 4 ст. 11 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»; п. 1 ст. 8 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Однако порядок реализации данных прав законодателем не раскрыт, что привело к злоупотреблениям и в этой сфере.

С целью единообразия судебной практики по этому вопросу ВАС РФ было подготовлено Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» [16], в п. 1 которого указано, что суд может отказать в удовлетворении требования участника, если будет доказано наличие в его действиях злоупотребления правом. Так, о злоупотреблении участником правом на информацию может свидетельствовать то, что участник, обратившийся с требованием о предоставлении информации, является фактическим конкурентом хозяйственного общества (либо его аффилированным лицом), а запрашиваемая информация носит характер конфиденциальной, относится к конкурентной сфере, и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества. Исследуя вопрос о злоупотреблении правом на информацию, судам необходимо иметь в виду, что о наличии у участника правомерного интереса в получении информации могут свидетельствовать, например, планирование истцом продажи своих акций или доли в уставном капитале (в том числе в ходе процедур банкротства истца), подготовка к обращению в суд с требованием об оспаривании решения органа или договора хозяйственного общества либо о привлечении к ответственности органов общества, а также подготовка к участию в общем собрании акционеров.

Не менее показательным примером несовершенства правового предписания является норма ч. 4 ст. 137 АПК РФ, однако отличающаяся не молчанием права, что свойственно пробелам в праве, а в большей степени свидетельствующая об ошибке законодателя.

Так, норма ч. 4 ст. 137 АПК РФ позволяет арбитражному суду переходить к рассмотрению дела по правилам первой инстанции, если в предварительном судебном заседании присутствуют лица, участвующие в деле, либо лица, участвующие в деле, отсутствуют в предварительном судебном заседании, но они извещены о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия и ими не были заявлены возражения относительно рассмотрения дела в их отсутствие (ст. 137 АПК РФ).

Следовательно, исходя из данной нормы, суд не может перейти к рассмотрению дела, если отсутствующая сторона заявила возражения. При этом законодатель не определил, насколько данные возражения должны быть мотивированными, более того, из данной статьи следует, что достаточно их заявления.

В таком случае видится процессуальная возможность для стороны, желающей затянуть рассмотрение дела, к злоупотреблению правом, поскольку, если сторона не явится на процесс и направит возражения к переходу рассмотрения дела по правилам первой инстанции, суд будет вынужден назначить дело к судебному разбирательству на другую дату даже в случае готовности к рассмотрению дела по существу.

Думается, что этим примером обозначена важность законодательного исключения случаев злоупотребления правом путем изменения содержания нормы права (устранения данного несовершенства предписания). Продолжая эту мысль, отметим, что в данном случае законодателю следовало указать «мотивированные возражения», «уважительные причины невозможности явки» и др., что необратимо означало бы их подкрепление соответствующими доказательствами и влекло усиление ответственности тяжущихся лиц.

Таким образом, в общем виде причины злоупотреблений в праве могут составлять субъективную и объективную группу, включающие как низкий уровень правосознания и правовой культуры, так и неумелое пользование законом (в первом случае); неясность и неопределенность правовых норм, а также их несовершенство представляют объективную группу причин.

Условиями правовых злоупотреблений, как уже отмечалось выше, могут являться те обстоятельства, которые связаны со злоупотреблениями, но опосредованно, и именно они способствуют их возникновению.

Так, например, к первому из них может быть отнесена нестабильность судебной практики, в том числе отсутствие ее единообразия [17], то есть отсутствие единообразной практики в применении какого-либо правила поведения может быть условием, способствующим злоупотреблению. В связи с этим общедоступность, открытость и единообразие деятельности судов повышает не только авторитет судебной власти, но и обеспечивает возможность точного выполнения предписаний законов, соизмерения безграничного масштаба своей свободы с интересами и правами других лиц. Зная о том, что определенное поведение единообразно оценивается судебной практикой как злоупотребление правом, субъект права сможет избежать совершения действий, влекущих обход закона. Как известно, усвоение правовых норм, практики их регулирования ведет к соблюдению таких обязанностей, которые построены на основе взаимообмена благами и ценностями.

Справедливо отмечается, что «субъективное право предполагается самой целью применения объективного права... Объективное право должно следить за тем, чтобы субъективное право не превратилось с легкостью в орудие войны против индивидов. Такое “сдерживание” затрудняется растущим эгоизмом как сильных, так и слабых. ... Объективное право устанавливает необходимые преграды, обеспечивает конкретную юридическую защиту от возможных злоупотреблений со стороны носителей субъективных прав. Это достигается путем определения и даже ограничения прав, разработки юридических статутов, единообразно применяемых к целым категориям индивидов, а также путем использования специальных юридических теорий...» [18].

Другим не менее значимым условием появления злоупотреблений в праве является материальная необеспеченность индивида (организации) необходимыми финансовыми ресурсами. Так, например, из-за отсутствия денежных средств общество откладывает проведение общего собрания, представление документов по запросу участника общества, представление документов в суд и другое.

Коллизия [19] интересов также может быть представлена в качестве условия возникновения злоупотребления.

Мнение И. А. Покровского, когда-то указавшего на то, что «возложить на меня обязанность каждый раз соотносить с сравнительным положением тех лиц, интересы которых могут быть моими действиями затронуты, “взвешивать” интересы мои и чужие, предвидеть их – это значит в действительности совершенно парализовать возможность всякой человеческой деятельности» [20], в настоящее время свидетельствует об обратном. Ценность права как способность права служить средством для удовлетворения потребностей интересов граждан и общества в целом определяет его как эффективный инструмент для достижения социального мира и согласия. С этой позиции «каждый человек должен приучить себя к тому, чтобы доброю волею ограничивать свои притязания, принимая во внимание, что другие также имеют право жить и осуществлять свои интересы» [21]. В противном случае при столкновении (коллизии) интересов мы будем наблюдать постоянные злоупотребления. Так небезосновательно отмечают А. В. Малько, В. В. Субочев и А. М. Шериев, что «столкновение субъекта правоотношений с препятствиями в реализации одного из своих законных интересов автоматически порождает цепочку неудовлетворенных интересов, что только усугубляет ситуацию» [22].

Вместе с тем следует учитывать, что законные интересы могут возникать не только «на основе конкретных законов, но и на основе законодательства в более широком смысле слова, когда речь идет о применении норм по аналогии закона или права» [23].

При этом законному интересу противопоставлен противозаконный интерес, удовлетворение которого в праве вредно и порицаемо. Например, в соседских отношениях раньше всех появились злоупотребления, поскольку притеснения одних являлись основанием для ущемления прав других, за которыми всегда стоит чей-то интерес. Так, немецкими авторами приводятся следующие примеры шиканы: «Н» как собственник должен определить право, кому разрешено вступать на его земельный участок. Но запрет в отношении «С» не может иметь никакой иной цели, как повредить «С» в его моральном интересе посетить могилу своей матери. Согласно параграфу 226 такой запрет недопустим. Другой пример, также связанный с причинением вреда, говорит о том, что злоупотреблением правом является и тот случай, когда владелец земельного участка, терпящий использование части своей территории под дорогу общего пользования, исключает какого-то своего соседа без веской причины из пользования ею [24].

В отечественном правовом регулировании также можно встретить примеры того, когда коллизия интересов служит условием злоупотреблений в праве. Так, по одному из дел суд отметил, что исковое требование о признании недействительным дополнительного соглашения к договору аренды недвижимого имущества удовлетворено, поскольку в соответствии с данным соглашением арендодатель предоставляет арендатору полномочия на пользование арендуемым имуществом, не получая взамен встречного равноценного обеспечения своих интересов, что не отвечает требованиям разумности и добросовестности, а следовательно, действия арендатора являются злоупотреблением правом [25].

Таким образом, условиями злоупотреблений в праве являются нестабильность судебной практики, в том числе отсутствие ее единообразия, материальная необеспеченность индивида (организации), а также коллизия интересов.

Примечания

1. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. С. 464.
2. Наумов А. Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10.
3. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 333.
4. Ильин И. А. О сущности правосознания / подгот. текста и вступ. ст. И. Н. Смирнова. М.: «Парогъ», 1993. С. 46.
5. Там же. С. 81.
6. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. Вып. 2, 3, 4. М.: Изд-во «Юрид. колледж МГУ», 1995. С. 122–123.
7. Например, совсем недавно практика арбитражных судов складывалась таким образом, что установление высокой процентной ставки неустойки в договоре расценивалось как злоупотребление правом кредитора (Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26.09.2006 по делу № А43-3769/2006-23-60), несмотря на закрепленный принцип свободы договора.
8. При осуществлении прав и обязанностей каждый должен поступать по доброй совести. Явное злоупотребление правом не пользуется защитой. (Цит. по: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: «Статут», 2000. С. 33.)
9. Постановление КС РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1708.
10. «Во-первых, расходы должны быть действительны и подтверждены документально. Во-вторых, понесенные затраты должны были быть действительно необходимыми. В-третьих, они должны были быть разумными в количественном отношении. В-четвертых, такие расходы могли возникнуть только в связи с предупреждением нарушения какого-либо права. И, в-пятых, наличие злоупотреблений со стороны, требующей компенсации, ее присуждение исключает. Именно на эти критерии, по словам Натальи Павловой, и ориентировался ВАС в последние три года, вырабатывая практику по возмещению расходов на представителей» (Авторитет юридической профессии зависит от того, как эта работа оплачивается. URL: <http://pravo.ru/review/view/105601/> (дата обращения: 04.06.2014).
11. Кроме того, налогоплательщик обоснованно ссылается на то, что выводы налогового органа сделаны без учета положений п. 7 ст. 3 НК РФ, указывающей, что все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика. Вместе с тем для применения п. 7 ст. 3 НК РФ в настоящем деле достаточно констатации того факта, что формула расчета предельного размера процентов, примененная налоговым органом при вынесении оспариваемого решения, отличается от формулы расчета, изложенной в п. 2 ст. 269 НК РФ. Судом принимается во внимание также и то обстоятельство, что фактически налоговый орган признал (как в оспариваемом решении, так и в ходе рассмотрения дела в суде), что никаких злоупотреблений со стороны общества не было и имеет место формальное применение положений п. 2–4 ст. 269 НК РФ по факту несоответствия установленному Кодексом соотношению размера задолженности и показателя собственного капитала (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.03.2013 № 09АП-6903/2013 по делу № А40-88761/12-99-495 // СПС «Консультант Плюс»).
12. Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
13. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 89.
14. Лазарев В. В. Пробелы в праве. (Вопросы понятия пробелов и критика теории беспробельности права). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. С. 69.
15. Там же.
16. Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
17. «[Наша] задача — установление единообразия норм судебной практики при толковании норм права», — заявил судья ВАС РФ Виктор Бациев. (Юристы высказали претензии ВС РФ и ВАС РФ. URL: <http://pravo.ru/review/view/84542/> (дата обращения 22.04.2013).

18. Юридические процедуры во французском праве: Российско-Французская серия учебных и информационных материалов № 29. Посольство Франции в Москве МИД: Французская организация технического сотрудничества. 1994. С. 19–20.
19. Сама по себе коллизия означает столкновение, сотрясение. Об этом пишет М. А. Занина, опираясь на Толковый словарь иноязычных слов. (Цит. по: Занина М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды) / вступ. сл. Н. А. Власенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РАП; ВолтерсКлувер, 2010. С. 3.
20. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 118.
21. Ильин И. А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2003. С. 97.
22. Малько А. В., Субочев В. В., Шериев А. М. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 91.
23. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 120.
24. Brox H. Walker W-D. Allgemeiner Teil des BGB. Мьнchen: Verlag Franz Vahlen Мьнchen. 2011. P. 283–284.
25. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 04.02.2010 по делу № А38-3295/2007 // СПС «Консультант Плюс».

Notes

1. Kerimov D. A. Filosofskie problemy prava [Philosophical problems of law]. Moscow. Mysl'. 1972. P. 464.
2. Naumov A. E. Zloupotreblenie pravom: teoretiko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk [Abuse of rights: theoretical and legal aspect: Dis... . Candidate jurid. sci.] Moscow. 2010. P. 10.
3. Volkov A. V. Zloupotreblenie grazhdanskimi pravami: problemy teorii i praktiki: dis. ... d-ra jurid [Abuse of civil rights: problems of theory and practice: Dis. Dr... . jurid. sci.] Moscow. 2010. P. 333.
4. Ilyin I. A. O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of justice] / Prep. of text and entered. art. Smirnova I. N. Moscow. "Rarog". 1993. P. 46.
5. Ibid. P. 81.
6. Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]: in 2 volumes. Vol. 1. Issue 2, 3, 4. Moscow "Legal College of MSU". 1995. Pp. 122-123.
7. For example, just recently the practice of arbitration courts developed in such a way that the establishment of a high interest rate penalty in the contract was regarded as an abuse of the right of the lender (Resolution of the Federal Volga-Vyatka district from 26. 09. 2006 on case number A43-3769 / 2006-23-60 (in Russ.)) in spite of the fixed principle of freedom of contract.
8. In exercising the rights and responsibilities of each should act in good conscience. A clear abuse of the right is not protected. (Quoted by: Gribanov V. P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav [Implementation and protection of civil rights]. Moscow. "Statute". 2000. P. 33)
9. Resolution of the Constitutional Court of 25 April 1995 № 3-П (in Russ.) // Sobranie zakonodatel'stva RF – Collected Legislation of the Russian Federation. 1995, № 18, art. 1708.
10. "First, the costs must be actual and documented. Second, the costs incurred should actually be necessary. Third, they had to be reasonable as to quantum. Fourth, these costs may arise only in connection with the prevention of violation of any law. And, fifthly, the presence of abuse by requiring payment, it excludes the award. It is on these criteria, according to Natalia Pavlova, oriented Arbitrage Court in the past three years, developing practices for reimbursement representatives"(The authority of the legal profession depends on how this work is paid. Available at: <http://pravo.ru/review/view/105601/> (date accessed: 06/04/2014).
11. In addition, the taxpayer reasonably refers to the fact that the findings made by the tax authority, are made excluding the provisions of para. 7, art. 3 of the Tax Code, indicating that all of doubt, contradictions and ambiguities of legislative acts on taxes and duties shall be interpreted in favor of the taxpayer. However, for the application of para. 7, art. 3 of the Tax Code in the present case is sufficient statement of the fact that the formula for calculating the maximum amount of interest applied by the tax authority in making the contested decision is different from the calculation formula set forth in Sec. 2 tbsp. 269 of the Tax Code. Court shall take into account also the fact that actually the tax authority recognized (as in the contested decision, and in the course of the trial) that no abuse of the society was not and there is a formal application of the provisions of para. 2-4 art. 269 of the Tax Code on the fact of non-compliance established by the Code of the size ratio of debt and equity index (Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 26. 03. 2013 № 09AP-6903/2013 in the case of number A40-88761/12-99-495 // ATP "Consultant Plus").
12. Vestnik VAS RF – Herald of the SAC. 2006, № 12.
13. Pokrovsky I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava – [The main problems of civil rights]. Moscow. Statute. 1998. P. 89.

14. Lazarev V. V. Probely v prave. (Voprosy ponyatiya probelov i kritika teorii besprobел'nosti prava) [Gaps in law. (Questions to the concept of gaps and criticism of the theory besprobелnosti right)]. Kazan: Publ. of Kazan University. 1969. P. 69.
15. Ibid.
16. Vestnik VAS RF – Herald of the SAC. 2011, № 3.
17. "[Our] task – to establish uniform standards of judicial practice in the interpretation of the law," – said the judge of SAC Victor Batsiev. (Lawyers expressed claim the Russian Armed Forces and the SAC. Available at: <http://pravo.ru/review/view/84542/> (date accessed 22. 04. 2013) (in Russ.).
18. YUridicheskie protsedury vo frantsuzskom prave: Rossijsko-Frantsuzskaya seriya uchebnykh i informatsionnykh materialov № 29. Posol'stvo Frantsii v Moskve MID: Frantsuzskaya organizatsiya tekhnicheskogo sotrudnichestva – Legal procedures in French law: Russian-French series of training and information materials № 29. French Embassy in Moscow Foreign Ministry: French organization for technical cooperation. 1994. Pp. 19-20.
19. Collision itself means a clash, concussion. It is written by M. A. Zanina, based on explanatory dictionary of foreign words. (Quoted by: Zanina M. A. Kollizii norm prava ravnoj yuridicheskoy sily (ponyatie, prichiny, vidy) [Conflict of laws of equal legal force (concept, causes, types)] / entered. N. A. Vlasenko. 2nd ed., rev. & add. Moscow. RAP; VoltersKluver. 2010. P. 3.
20. Pokrovsky I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [The main problems of civil rights]. Moscow. Statute. 1998. P. 118.
21. Ilyin I. A. Teoriya prava i gosudarstva [Theory of Law and State]. Moscow. Zertsalo. 2003. P. 97.
22. Malko A. V., Subochev V. V., Sheriev A. M. Prava, svobody i zakonnye interesy: problemy yuridicheskogo obespecheniya [The rights, freedoms and legitimate interests of legal security problems]. Moscow. Norma: INFRA-M. 2010. P. 91.
23. Cherdantsev A. F. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii [Logico-linguistic phenomena in jurisprudence]. Moscow. Norma: INFRA-M. 2012. P. 120.
24. Brox H. Walker W-D. Allgemeiner Teil des BGB. Мьнchen: Verlag Franz Vahlen Мьнchen. 2011 R. 283-284.
25. Resolution of the Federal Volga-Vyatka district from 04. 02. 2010 on case number A38-3295/2007// ATP "Consultant Plus".

УДК 352

М. А. Ушакова

Актуальные проблемы информационной открытости органов местного самоуправления

В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы информационной открытости деятельности органов местного самоуправления в рамках реализации их полномочий по решению вопросов местного значения в интересах населения, а также создания информационных возможностей для активного участия местных сообществ граждан в реализации программ развития территорий муниципальных образований с целью создания наиболее благоприятной среды проживания.

This article examines current issues of information transparency of local government. They implement their authority to address local issues in the public interest and provide information opportunities for active participation of local communities of citizens in development programs of municipalities and create the most favorable living environment.

Ключевые слова: Конституция РФ, местное самоуправление, органы местного самоуправления, граждане, Концепция, Реестр государственных и муниципальных услуг, МФЦ, Интернет, СМИ, телевидение.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, local government, local governments, citizens, concept, register of public and municipal services, MFC, Internet, media, television.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1]. Это означает, что народ обладает всей полнотой власти на территории

страны, а также на территориях отдельных муниципальных образований. В качестве публичной власти, наиболее приближенной к населению, местное самоуправление обеспечивает защиту тех интересов граждан, которые основаны на совместном их проживании на определенной территории и на неизбежном взаимодействии жителей этой территории. Поэтому местное самоуправление является одной из фундаментальных основ российской системы народовластия.

Местное самоуправление признается и гарантируется государством как форма самоорганизации граждан для решения вопросов местного значения (ст. 14, 15 – Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.05.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») [2], обеспечения повседневных потребностей каждого человека в отдельности и населения муниципального образования в целом с целью улучшения качества жизни населения соответствующей территории. Среди основных принципов эффективного взаимодействия органов местного самоуправления и местных сообществ граждан, а также развития различных форм непосредственной демократии важным является принцип гласности деятельности муниципалитетов.

Право граждан на информацию является одним из важнейших политических и личных прав человека. Согласно ст. 29 Конституции Российской Федерации каждый человек имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [3]. Реализация права граждан на информацию, обеспечение информационной открытости органов местного самоуправления являются одними из важнейших условий развития правового государства.

Однако данное право реализуется в настоящее время не в полном объеме, что приводит к ряду негативных последствий. Без доступа к актуальной информации граждане не могут участвовать в обсуждении важных государственных вопросов, принимать участие в разработке программ развития муниципальных территорий и решении вопросов местного значения. Без достоверной информации о своих правах граждане не имеют возможности определить, нарушаются ли их права, а в случае нарушения не смогут юридически грамотно обосновать свои претензии и потребовать защиты нарушенных прав.

По данной проблеме Светлана Разворотнева, председатель Комиссии по местному самоуправлению, справедливо отмечает, что открытость муниципальной власти – это очень острая проблема, поскольку только на местном уровне граждане имеют возможность непосредственно участвовать в вопросах управления местными делами. Но, к сожалению, на практике население даже не всегда знает, чем заняты местные администрации, не говоря уже о каком-то их деятельном участии [4].

Так, в 2006 г. был принят Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в соответствии с которым граждане и организации вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников, вправе получать от органов местного самоуправления, их должностных лиц информацию, непосредственно затрагивающую их права и свободы [5]. Кроме этого данным законом предусматривается, что информация о деятельности органов местного самоуправления, размещенная такими органами в информационно-телекоммуникационных сетях, должна предоставляться на бесплатной основе.

Согласно Федеральному закону от 21 января 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», все органы местного самоуправления должны обеспечить доступ к информации о своей деятельности, за исключением информации, доступ к которой ограничен. Согласно ст. 4 информация должна быть открытой, доступной, достоверной, свободной в распространении, соблюдать права граждан [6].

В настоящее время существуют различные способы получения информации о деятельности органов местного самоуправления: обнародование (опубликование) органами местного самоуправления своей деятельности в СМИ, размещение информации и ознакомление с ней граждан в помещениях, занимаемых органами местного самоуправления, присутствие граждан на заседаниях органов местного самоуправления, предоставление информации гражданам по их запросам, а также размещение информации на официальных сайтах в сети Интернет. Официальный сайт, согласно ст. 10 ФЗ № 8-ФЗ, представляет собой сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащий информацию о деятельности

органа местного самоуправления, электронный адрес которого включает доменное имя, права на которые принадлежат органу местного самоуправления [7].

Однако несмотря на наличие соответствующих нормативных актов, многие сайты органов местного самоуправления не соответствуют требованиям, предусмотренным ст. 13 Федерального закона № 8-ФЗ. А в некоторых случаях сайты вообще отсутствуют. Исследования экспертов показывают, что, даже создав собственные сайты, большинство органов местного самоуправления подходят к этому вопросу формально: заводят доменное имя, размещают собственные эмблему службы и фотографию здания органов местного самоуправления, пускают по левой колонке несколько ссылок с не требующей обновления информацией [8]. Таким образом, на практике получается, что открытость и актуальность информации о деятельности органов местного самоуправления только декларируется, но не обеспечивается фактически.

Причинами данной проблемы, по нашему мнению, является отсутствие в штате органов местного самоуправления специалистов по ведению сайта. Данные обязанности в основном возлагаются на кадровых работников, которые не владеют достаточными знаниями соответствующего законодательства о соответствии сайтов муниципалитетов определенным законом требованиям. Так, например, городское поселение «Поселок городского типа Фаленки» не имеет официального сайта. Кроме того, сайтов не имеют и сельские поселения Фаленского района [9]. Основная информация сайта Фаленского района не соответствует в полном объеме требованиям, предусмотренным законом. Основными нарушениями являются следующие:

1) отсутствие информации о порядке и времени приема граждан, в том числе представителей организаций, общественных объединений. Только на сайте Левановского сельского поселения указан график работы органов местного самоуправления, а у остальных шести поселений Фаленского района данная информация отсутствует;

2) в разделе «Обращения граждан» отсутствуют порядок рассмотрения обращений граждан с указанием актов, регулирующих эту деятельность; обзоры обращений лиц, а также обобщенная информация о результатах рассмотрения этих обращений и принятых мерах;

3) не указаны установленные формы обращений, заявлений и иных документов, принимаемых органом местного самоуправления к рассмотрению в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, муниципальными правовыми актами;

4) отсутствуют сведения о вакантных должностях муниципальной службы, имеющих в органе местного самоуправления, квалификационные требования к кандидатам на замещение вакантных должностей муниципальной службы, порядок приема на службу;

5) не отражена информация о результатах проверок, проведенных органом местного самоуправления, подведомственными организациями в пределах их полномочий, а также о результатах проверок, проведенных в органе местного самоуправления и подведомственных организациях;

6) не представлены статистические данные и показатели, характеризующие состояние и динамику развития экономической, социальной и иных сфер жизнедеятельности муниципального образования, регулирование которых отнесено к полномочиям органов местного самоуправления.

По некоторым вопросам содержится устаревшая информация, требующая обновления и уточнения.

Данные нарушения влекут за собой негативные последствия:

1) из-за недостатка информации граждане не могут реализовать свои права и законные интересы, не знают, нарушаются их права или нет, как их защищать в случае нарушения;

2) слабая информированность общественности и отсутствие обратной связи не позволяет ей контролировать ход выполнения решений органов местного самоуправления;

3) отсутствие целостной информационной политики потенциально способствует коррупции, злоупотреблениям, снижает доверие граждан к органам местного самоуправления.

На наш взгляд, причины нарушений в данной сфере деятельности заключаются, прежде всего, в отсутствии в штате органов местного самоуправления специалистов по ведению муниципальных сайтов. Полагаем, что одной из причин является и недостаточное финансирование информационной политики муниципалитетов.

С. Е. Гасумова выдвигает точку зрения, что причиной является неготовность населения и самих работников муниципалитетов небольших муниципальных образований пользоваться современными информационными технологиями; имеются в виду и мотивационная готовность, и отсутствие соответствующих знаний и умений, и, главное, необходимых технических возможностей [10].

Следует отметить, что в целях обеспечения информационной открытости деятельности государственных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, повышения качества и доступности предоставляемых ими государственных и муниципальных услуг Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.06.2009 № 478 одобрена «Концепция единой системы информационно-справочной поддержки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [11].

Единая система включает в себя государственные информационные системы: «Сводный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)»; «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»; региональные порталы государственных и муниципальных услуг (функций), предоставляемых (исполняемых) органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Под Реестром муниципальных услуг (функций) (далее – Реестр) понимается муниципальная информационная система, содержащая сведения о муниципальных услугах (функциях), предоставляемых (исполняемых) органами местного самоуправления муниципальных образований.

Формирование и ведение Реестра осуществляются в целях систематизации информации о муниципальных услугах (функциях), предоставляемых (исполняемых) органами местного самоуправления муниципальных образований. Сведения из Реестра предоставляются заинтересованным физическим и юридическим лицам по запросам в порядке, предусмотренном законодательством. Примерный перечень муниципальных услуг (функций), включенный в сводный Реестр государственных и муниципальных услуг (функций), составляет более 80 видов государственных и муниципальных услуг. Наиболее востребованными в настоящее время являются выдача и замена паспорта гражданина Российской Федерации, оформление и выдача загранпаспорта нового поколения либо старого образца, регистрация и снятие с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства, предоставление адресно-справочной информации, информирование о состоянии индивидуального лицевого счета, информирование граждан о предоставлении государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг, проведение медико-социальной экспертизы, запись на прием к врачу, регистрация автомобиля и информация о штрафах ГИБДД, подача налоговой декларации и сведения о налоговой задолженности физических лиц и др.

Одной из задач государственной программы Кировской области «Информационное общество» на 2013–2015 гг. является повышение доступности и качества предоставляемых государственных и муниципальных услуг. В рамках этой программы предусмотрено открытие офисов Кировского областного государственного автономного учреждения «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг» во всех районах области, а в городе Кирове – соответственно четырех офисов. В результате этой работы к 1 января 2016 г. ожидается увеличение доли населения, имеющей возможность получать государственные и муниципальные услуги по принципу «одного окна», с 16 до 91% [12].

Однако, несмотря на значительный объем государственного финансирования и организационно-методические усилия по привлечению граждан к новым формам взаимодействия, активность использования данных информационных ресурсов гражданами и юридическими лицами в настоящее время считаем недостаточной. Так, за 2013 г. количество пользователей Портала госуслуг достигло 15 000 000 человек [13]. К тому же данный Портал не подменяет, а лишь дополняет весь спектр информационных возможностей муниципальных образований, как то СМИ, Интернет, телевидение, информационные стенды, встречи депутатов представительных органов и должностных лиц органов местного самоуправления с гражданами по решению насущных проблем и вопросов местного значения.

Подводя итог вышесказанному, предлагаем следующие пути повышения информационной открытости органов местного самоуправления:

1. Совершенствование нормативной базы. Необходимы разработка и законодательное закрепление механизмов гарантированного доступа граждан к полной и объективной информации о деятельности органов местного самоуправления.

2. Размещение на информационных стендах в общественных местах информации по вопросам, наиболее часто задаваемым гражданами. Проведение собраний с гражданами по интересующим их вопросам.

3. Совершенствование отношений со средствами массовой информации в целях повышения качества и доступности информации о деятельности органов местного самоуправления; укрепление связей между органами местного самоуправления и населением; рост доверия общественности к органам местного самоуправления.

4. Совершенствование официальных сайтов путем приведения их в соответствие с установленными законом требованиями, внедрения новых разработок. Для этого необходимо привлечение дополнительных источников финансирования и квалифицированных специалистов соответствующего профиля.

5. Использование практического опыта других органов местного самоуправления. На официальных сайтах некоторых органов местного самоуправления содержатся такие разделы, как «Горячая линия», где могут быть опубликованы ответы специалистов по актуальным темам муниципального образования; «Банк новых идей», где население сможет поделиться своими идеями в решении проблем муниципального образования [14]. Целесообразным, на наш взгляд, является обязательное создание подобных разделов на всех официальных сайтах органов местного самоуправления.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 15. Ст. 1691.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.05.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 15. Ст. 1691.

4. Актуальные вопросы обеспечения открытости деятельности муниципальной власти. URL: <http://www.gkh.ru> (дата обращения 15.11.2013).

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2014) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

6. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

7. Там же.

8. Гасумова С. Е. К проблеме информационной открытости органов местного самоуправления // Вестник Пермского университета. 2012. № 1. С. 94.

9. Муниципальные образования Кировской области. URL: <http://www.municipal.ako.kirov.ru> (дата обращения 16.11.2013).

10. Гасумова С. Е. Указ. соч. С. 92.

11. Постановление Правительства РФ от 15.06.2009 № 478 (ред. от 16.06.2010) «О единой системе информационно-справочной поддержки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет» (вместе с «Концепцией единой системы информационно-справочной поддержки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет», «Правилами размещения в федеральных государственных информационных системах «Сводный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)» и «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» сведений о государственных и муниципальных услугах (функциях)» // СЗ РФ. 2009. № 25. Ст. 3061.

12. Сайт «Многофункциональный Центр города Кирова». URL: <http://www.mfc43.ru/mfc/mfc/news/>

13. Портал государственных услуг Российской Федерации («Электронное правительство»): справочно-информационный интернет-портал. URL: <http://www.gosuslugi.ru/pgu/cms/news/list/1>

14. *Ванев О. Н.* Электронная демократия (муниципальный уровень): к проблеме информационно-коммуникационного взаимодействия органов местного самоуправления с населением // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 205.

Notes

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) (taking into account the amendments to the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30. 12. 2008 № 6-FCL, from 30. 12. 2008 № 7-FCL, from 05. 02. 2014 № 2 -FKZ) // SZ RF – Col. Laws of RF. 2014, № 15, art. 1691 (in Russ.).

2. The Federal Law of 06. 10. 2003 № 131-FZ (ed. 05. 27. 2014) "On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" // SZ RF – Col. Laws of RF. 2003, № 40, art. 3822 (in Russ.).

3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) (taking into account the amendments to the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30. 12. 2008 № 6-FCL, from 30. 12. 2008 № 7-FCL, from 05. 02. 2014 № 2 -FKZ) // SZ RF – Col. Laws of RF. 2014, № 15, art. 1691 (in Russ.).

4. Recent issues of transparency of the municipal government. Available at: <http://www.gkh.ru> (date accessed 15. 11. 2013) (in Russ.).

5. The Federal Law of 27. 07. 2006 № 149-FZ (ed. 28. 12. 2013) "On Information, Information Technologies and Protection of Information" (amended & add., entered into force on 01. 02. 2014) // SZ RF – Col. Laws of RF. 2006, № 31 (pt. 1), art. 3448 (in Russ.).

6. The Federal Law of 09. 02. 2009 № 8-FZ (ed. 28. 12. 2013) "On access to information about the activities of state bodies and local self-government" // SZ RF – Col. Laws of RF. 2009. № 7. St. 776 (in Russ.).

7. *Ibid.*

8. *Gasumova S. E.* К проблеме информатсионной откритости organov mestnogo samoupravleniya [On the problem of information transparency of local governments] // Vestnik Permskogo universiteta – Herald of Perm University. 2012, № 1, p. 94.

9. Municipalities of Kirov region. Available at: <http://www.municipal.ako.kirov.ru> (date accessed 16.11.2013) (in Russ.).

10. *Gasumova S. E.* Op. cit. P. 92.

11. Government Decree of 15. 06. 2009 № 478 (ed. 16. 06. 2010) "On a single system of information and help to support people and organizations on issues of interaction with the executive authorities and local self-government with the use of information and telecommunications on the Internet" (together with the "concept of a unified system of information and support to help individuals and organizations on the interaction with the executive authorities and local self-government with the use of information and telecommunications network Internet", "Rules of placement in the federal government information systems "Consolidated register of state and municipal services (functions)" and "Single portal of public and municipal services (functions)" information about the state and municipal services (functions)") // SZ RF – Col. Laws of RF. 2009, № 25, art. 3061 (in Russ.).

12. Website "Multifunctional Center city of Kirov". Available at: <http://www.mfc43.ru/mfc/mfc/news/> (in Russ.)

13. Portal of public services of the Russian Federation ("e-government"): advisory and information portal. Available at: <http://www.gosuslugi.ru/pgu/cms/news/list/1> (in Russ.)

14. *Vaneev O. N.* EHlektronnaya demokratiya (munitsipal'nyj uroven'): k probleme informatsionno-kommunikatsionnogo vzaimodejstviya organov mestnogo samoupravleniya s naseleniem [E-democracy (municipal level) to the problem of information and communication between local authorities with a population] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development. 2011, № 2, p. 205.

Художественный образ: к определению понятия

Статья посвящена специфике художественного образа, рассматриваемого с лингвистических позиций. Автор предлагает разграничивать понятия «образность» и «художественность» как отдельные черты, свойственные слову, высказыванию, тексту, и понятие «художественный образ». Художественный образ характеризуется как целостное интегративное образование, результат творческой деятельности человека в области словесного искусства. Отмечается, что художественный образ формируется в рамках художественного текста как объединяющего особенности различных стилевых разновидностей литературного языка и нелитературных форм общенародного языка с опорой на изобразительно-выразительные ресурсы всех уровней языка (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический, семантический), а также на фразеологические и паремнологические единицы, используемые с целью придания речи эстетичности, выразительности, эмоциональности и других качеств, способствующих усилению речевого воздействия функции образа.

The article is devoted to the specifics of an artistic image considered from linguistic positions. The author suggests to differentiate the concepts "figurativeness" and "artistry" as the separate features peculiar to the word, the statement, the text, and the concept "artistic image". The artistic image is characterized as complete integrative formation, a result of creative activity of the person in the field of verbal art. It is noted that the artistic image is formed within the art text as uniting features of various style kinds of the literary language and nonliterary forms of public language with a support on expressive resources of all levels of language (phonetic, lexical, morphological, syntactic, semantic), and also on the phraseological and paremiological units used for the purpose of giving to the speech of esthetics, expressiveness, emotionality and other qualities promoting the strengthening of the influencing function of an image.

Ключевые слова: образ, антропоцентрический принцип описания, словарные дефиниции, метод ступенчатой семантической идентификации, образность, художественность, художественный образ, мастера словесной живописи.

Keywords: image, anthropocentric principle of the description, dictionary definitions, method of step semantic identification, figurativeness, artistry, artistic image, master of the verbal painting.

Цель настоящей статьи – показать, в чем состоит специфика художественного образа как объекта лингвистической характеристики по сравнению с образом как таковым, без уточняющего его характер определения.

Слово **образ** есть лексическая единица, вербализующая концепт, выступающий, подобно другим концептам, как «условный конструкт нашего сознания, с помощью которого возможно познание чего-то сущностного» [1]. Анализ словарных толкований слова **образ** показал, что у этого слова выделяется до девяти значений, которые исходя из представлений об образе как концептуальном инварианте всех употреблений данного слова в русском языке мы свели к двум, выделив у него значение 1 (образ человека) и значение 2 (образ окружающего человека мира) [2]. Такой подход строится на основе антропоцентрического принципа описания языкового материала. Приведем выработанное нами толкование слова **образ**.

Ср.: **Образ**. 1. **Образ человека** – совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных *непроцессуальных* (внешность, одежда, социальное происхождение, система ценностей, пристрастия, желания и т. д.) и *процессуальных* (деятельность, модель поведения, образ жизни) характеристик реального человека или литературного персонажа, формирующихся в сознании другого лица (группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах.

*Участие в федеральной тройке «Справедливой России» на выборах в Думу 2007 года, лихорадочная социальная и литературная активность обеспечили Сергею Шаргунову **образ** этого московского голден боя, деятеля яркого, но несколько легковесного («Известия». 2013. 22 сент. «От 1993 – к Болотной»).*

*С волнением следила я за работой Качалова. Роль давалась ему нелегко. Позднее я поняла, что **героические, трагические образы** блестяще удавались ему тогда, когда роль имела яркую внешнюю характерность (А. Коонен. Страницы жизни).*

2. Образ окружающего человека мира – совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных характеристик живых существ, а также неодушевленных предметов и явлений окружающего мира, формирующихся в сознании человека (группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах по аналогии с образом человека.

*В литературе **образ собаки** зачастую используется как аллегория разных человеческих недостатков. Например, выражение «собака на сене» – намёк на человека, который сам чем-то не пользуется и не даёт другим. Выражение «собака лает, а караван идёт» – намёк на бестолковую разговорчивость. Образ «злых псов» часто использовался карикатуристами для изображения политических деятелей, «идущих на поводу» у своих покровителей (Собаки в литературе и фольклоре. <http://www.canispro.ru/forum/7-25-1>).*

Образ Родины и чувство Есенина к ней были многогранны. Для него Россия – это и **природа**, одухотворённая одним дыханием и памятью поэта, и **деревня**, как символ прошлого и благодати на земле, и **город**, страшный и железный, но всё же родной, так как является частью Родины, и **народное творчество**, как вместилище мудрости предков, и **молитва**, неотъемлемая от деревни (Образ Родины в лирике Сергея Есенина. <http://shkolyaru.ru/klassicheskaya/esenin/980-obraz-rodiny-v-lirike-sergeya-esenina.html>).

*Не на холсте или бумаге, а в его собственном мозгу возникли эти **невиданные пейзажи с деревьями и цветами**, похожими на грезы большого индуса. **Эти образы**, странные, почти темные, но нарисованные с той страшной реальностью, которая пугает больше всякой фантастичности (Н. Гумилев. М. Ф. Фармаковский. ARTISTE-PEINTRE).*

Слово **образ** как самостоятельная лексическая единица весьма редко используется в живой речи для номинации образа как целостного образования, поскольку «образ синтетичен, он создается комплексным восприятием действительности, в котором ведущими являются зрительные впечатления» [3]. Н. Д. Арутюнова, рассматривая образ как семиотический концепт, указывает также и на несформированность его значения [4].

Слово **образ** употребляют в научных исследованиях по языкознанию, литературоведению, культурологии, эстетике, философии и т. д., где ему даются терминологические определения, отражающие специфику той или иной науки. Представим несколько такого рода определений из энциклопедических словарей, в которых приводятся наиболее отстоявшиеся и общепринятые в рамках определенной науки дефиниции данного понятия.

Ср.: **Психологический словарь** [5]

Образ – «чувственная форма психического явления, имеющая в идеальном плане пространственную организацию и временную динамику. Будучи всегда чувственным по форме, образ по своему содержанию может быть как чувственным (образ восприятия, образ представления, образ сновидения и др.), так и рациональным (образ атома, образ мира, образ войны и т. п.).

Культурологическая энциклопедия [6]

Образ – «возникающее как результат запечатления одного объекта в другом, выступающем в качестве воспринимающей формации – духовной или физической. Образ есть претворение первичного бытия в бытие вторичное, отраженное и заключенное в чувственно доступную форму. Для наук о культуре понятие Образ чрезвычайно важно, ибо культура в своем происхождении и содержании есть претворенное первичное бытие – природное, человеческое или божественное; в этом смысле культура сама – образ, явленная метаморфоза первичной реальности».

Философский энциклопедический словарь [7]

Образ – «форма отражения объекта в сознании человека. На чувственной ступени познания образами являются ощущения, восприятия и представления, на уровне мышления – понятия, суждения, концепты, теории. Образ объективен по своему источнику – отражаемо-

му объекту – и идеален по способу (форме) своего существования. Формой воплощения образа выступают практические действия, язык, различные знаковые модели. Специфической формой образа является художественный образ».

Обратим внимание на то, что в «Новой философской энциклопедии» [8] нет словарной статьи Образ, как нет ее и в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [9], что свидетельствует о сложности и неоднозначности представлений об образе в научной литературе. Анализ определений понятия **образ** в лингвистической литературе см., например, в работе Н. Г. Наумовой [10].

Определения понятия «художественный образ» столь же противоречивы. Приведем в качестве примера рассуждения Е. Б. Борисовой, содержащиеся в ее докторской диссертации и относящиеся к разграничению представлений о художественном образе в литературоведении и лингвистике. При анализе содержания понятия «художественный образ» в литературоведении и лингвистике, по мнению Е. Б. Борисовой, становится очевидным, что «в фокусе внимания литературоведов находится, в основном, содержательная сторона художественного произведения, в то время как для лингвистов при рассмотрении этой категории наиболее важной оказывается система языковых средств, т. е. форма. При этом не существует однозначной общефилологической классификации понятия “художественный образ”, объединяющей точки зрения литературоведов и лингвистов. В результате такого разрыва не существует и методики анализа художественного образа, которая опиралась бы на определенную систему категорий и объединяла оба подхода... Однако объект лингвистического анализа несколько шире, чем объект литературоведческого анализа, так как он включает всякое произведение речи, а не только художественное, и изучает текст как комбинацию всех языковых элементов, из взаимодействия которых складывается этот текст. Таким образом, лингвистический анализ применим к текстам всех функциональных стилей, в то время как литературоведческий анализ может проводиться только на материале произведений словесно-художественного творчества» [11].

Продолжим далее обсуждение сути образа с лингвистических позиций, чтобы перейти затем к определению понятия «художественный образ».

В реальной действительности представления об образе человека и окружающего его мира складываются в сознании носителей языка постепенно, по мере познания отдельных черт образа. Эти черты откладываются в памяти, дорисовываются воображением, субъективно окрашиваются и на словесном уровне выступают как набор непроцессуальных и процессуальных характеристик образа (см. приведенную выше дефиницию слова **образ**, а также наши публикации по данной проблематике [12]). Именно непроцессуальные и процессуальные признаки образа и актуализируются в текстах в виде его частных характеристик, выступающих как результат восприятия, памяти и воображения.

Приведем фрагмент из «Дневника 1901–1929 годов» К. И. Чуковского (М., 1991) от 9 сентября 1907 г., где он пишет о И. Е. Репине. Ср.: **«9 сентября. Сейчас у меня был И. Е. Репин. Он очень вежлив, борода седоватая, и, чего не ожидал по портретам, борода переходит в усы. Прост. Чуть пришел, взобрался на диван, с ногами, взял портрет Брюсова работы Врубеля. – Хорошо, хорошо, так это и есть Брюсов. – Сомова портрет Иванова. – Хорошо, хорошо, так это и есть Иванов. – Про Бакстов портрет Белого сказал: старательно. Смотрел гравюры Байроновых портретов: вот пошлость, шаблонно. Карикатуру Любимова на меня одобрил. Сел, и мы заговорили про Россетти (академичен), про Леонида Андреева: – “Красный смех” – это все безумие современной войны. Губернатор – это Толстой, Гоголь, и Андреев сразу. – Про С. Маковского: – Стихи хорошие, а критика – с чужого голоса, слова неосознательны. – Я ему показал работы Алексея Толстого. Он говорит: – Это после смерти поэта. Под впечатлением. Какой-то негодяй заретушировал – ужасно! – Потом внизу пили чай; груши, сливы, Тановы дети. Колька пицал. Я говорил о Уотсе: дожил до 90 лет. Видимо обрадовался. Я сказал, что Уотс работал до 90. Забыл пальто наверху – взбежал наверх – чтобы на него не смотрели, как на старика. Я проводил его до калитки – ушел, старик, сгорбившись, в крылатке»** (с. 31).

К. И. Чуковский пишет о своем восприятии И. Е. Репина. Основу образа художника составляют воспоминания о нем автора «Дневника». В приведенном фрагменте описываются непроцессуальные характеристики художника (внешность, манера поведения, черты характера, эмоции, одежда – выделено полужирным курсивом), а также особенности его речи, от-

ражающие манеру говорить, и оценки, даваемые И. Е. Репиным другим художникам (выделено волнистой линией). В конце приведенного отрывка содержится ключевое слово, отражающее восприятие И. Е. Репина хозяином дома. Это слово – **старик**. Стало быть, К. И. Чуковский обрисовал старческий образ И. Е. Репина.

Приведем также отрывок из вступительной статьи Л. П. Крысина в сборнике «Слово в тексте и в словаре» (М., 2000), посвященном семидесятилетию крупного российского ученого Ю. Д. Апресяна. Ср.: «В начале 90-х годов заслуги Ю. Д. Апресяна были, наконец, признаны официальной академической наукой: в июне 1992 года **он был избран действительным членом Российской академии наук (минуя стадию члена-корреспондента)**. Излишне говорить, что это **“вознесение” на академический олимп несколько не повлияло на поведение Ю. Д. Апресяна и на его качества как ученого и человека: он так же без устали трудится на благо любимой лингвистики, он так же доступен и прост в общении, так же внимателен к коллегам, как это было и раньше»** (с. 11).

Л. П. Крысин делает акцент на модели поведения Ю. Д. Апресяна (**“вознесение” на академический олимп несколько не повлияло на поведение Ю. Д. Апресяна** – процессуальная характеристика), упоминая при этом и о его личных качествах (**доступен и прост, внимателен** – непроцессуальные характеристики).

В. Григорьев в предисловии к книге Г. О. Винокура «О языке художественной литературы» (М., 1991) выдвигает на первый план его речевое мастерство. Ср.: **«Тому, кто не слышал живой речи Винокура, мало что даст сам по себе рассказ о впечатлениях, которые производили на слушателей его вузовские курсы, доклады, отдельные лекции, выступления в различных аудиториях. Идиостиль Винокура, его образ как автора, его “языковая личность” сохраняется лишь в его печатных работах и рукописях, да, пожалуй, еще в некоторых фактических деталях, касающихся близких ему “лингвистических игр”»** (с. 10).

Следовательно, **образ человека** есть совокупность его непроцессуальных и процессуальных характеристик, а также особенностей его речи. Подобным же образом могут быть рассмотрены образы живых существ, а также неодушевленных предметов и явлений окружающего человека мира. Ср., напр., фрагмент из книги Ю. Коваля. «Кепка с карасями: рассказы» (М., 1997), где в рассказе «Алый» характеризуется модель поведения (процессуальная характеристика) собаки по кличке Алый.

«Стал Кошкин учить Алого. А старший инструктор учил Кошкина, как учить Алого. Только ничего у них не выходило. Бросит Кошкин палку и кричит: – Апорт! Это значит: принеси. А Алый лежит и не думает бежать за палкой. Алый так рассуждает: “Стану я бежать за какой-то палкой! Если б ты мне бросил кость или хотя бы кусок колбасы – понятно, я бы побежал. А так, елки-палки, я лучше полежу”. Словом, Алый был лентяй» (с. 13–14).

Что же делает образ художественным? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к словарным толкованиям таких понятий, как **художественный, художественность, образный, образность, искусство, творчество, мастерство**, выделив в этих толкованиях ключевые для нас формулировки. За основу примем данные «Словаря русского языка» / под ред. А. П. Евгеньевой [13].

Ср.: **Художественный** – 1. ... **Относящийся к искусству**, воспроизведению действительности в образах. *Художественная литература. Художественное творчество. Художественные и документальные фильмы.* 2. **только полн. ф. Относящийся к деятельности в области искусства.** *Художественные школы. Художественный руководитель....* 3. **только полн. ф. Относящийся к произведениям искусства.** *Художественный отдел в журнале. Художественная выставка... // Содержащий в себе элемент искусства. Художественная гимнастика. Художественный свист...* 4. **Свойственный произведениям искусства** или творческой манере их создателей и связанный со способностью эстетического воздействия. *Художественный образ. Художественное мастерство... // Отвечающий требованиям искусства. Свежи, прелестны, благоуханны, художественны были рассказы в «Диканьке».* С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем. ... 5. **Только полн. ф. Относящийся к восприятию прекрасного в жизни или в искусстве.** *Художественные вкусы публики... // Вызываемым прекрасным в искусстве. Художественные впечатления...* 6. **Только полн. ф. Свойственный одаренным в области искусства** людям. *Художественное дарование...*

Художественность – **Свойство по прил. Художественный** (в знач. 4); **способность к эстетическому воздействию** (на читателя, зрителя, слушателя). *Имя графа Соллогуба упо-*

миналось рядом с именами Гоголя и Лермонтова; в повестях его находили высокую художественность... Добролюбов. Сочинения графа В. А. Соллогуба.

Образный – 1. **Представляющий что-либо посредством образов** (в 4 знач.)¹; содержащий в себе образ [У басни] есть еще другая сторона... – сторона рассудка, который рассыпается лучами остроумия... Но и в этом есть своя поэзия, как во всяком непосредственном, образном передавании истины. Белинский. Литературная хроника... 2. Яркий, красочный, живой. **Образный язык**...

Образность – ... свойство по значению прилагательного **образный**. **Образность повествования**.

Поскольку слова **художественный** и **художественность** связаны с областью искусства, приведем и толкование слова **искусство**.

Искусство – 1. **Творческое воспроизведение действительности в художественных образах**; творческая **художественная деятельность**. *Произведение искусства*... 2. **Отрасль творческой художественной деятельности**. *Изобразительное искусство. Сценическое искусство*... 3. **Чего или какое**. Какая-либо отрасль деятельности с присущей ей системой приемов и методов. *Военное искусство. Певческое искусство*... // **Умение, мастерство, тонкое знание дела**... [Акилин] принадлежал к числу помещиков, возбуждающих удивление соседей искусством жить хорошо и открыто при незначительных средствах. Тургенев. Затишье.

Истолкуем далее значения слов **творчество** и **мастерство**.

Творчество – **Деятельность человека**, направленная на создание качественно новых, неповторимых духовных и материальных ценностей. *Художественное творчество*... // То, что создано в результате этой деятельности, совокупность созданного, сотворенного кем-то. *Творчество Пушкина* – широкий, ослепительный поток стихов и прозы. М. Горький.

Мастерство – 1. **Ремесло**. *Столярное мастерство*. 2. **Большое умение, искусство в какой-нибудь области**. *Актерское мастерство. Мастерство рассказчика*.

Если построить обобщающее определение ключевого для нас слова **художественный**, опираясь на метод ступенчатой семантической идентификации, то это определение будет следующим.

Ср.: **Художественный** – относящийся к искусству как творческому воспроизведению действительности и творческой деятельности человека; представляющий что-либо посредством образов в различных областях искусства с опорой на присущие им системы приемов и методов в формах, адекватных тому или иному виду искусства.

Прилагательное **художественным** в указанном значении приложимо к образам в разных областях искусства. Художественными могут быть и балетный, и архитектурный, и живописный, и музыкальный, и литературный, и языковой (словесный) образ, а также другие образы, связанные с искусством.

Объект нашей характеристики – **словесный художественный образ**. Такой образ связан с понятием **художественная литература как область искусства слова**. Для уточнения сути художественного образа считаем необходимым разграничивать понятия **образность, художественность** и **художественный образ**.

Образность – это свойство слов, сочетаний слов, высказываний, текста характеризовать объект ярко, живо, вызывая представления, определенные ассоциации о тех или иных частных характеристиках какого-либо объекта. **Образный текст, образная речь, образное высказывание** – это речевые произведения, в которых это свойство языковых единиц реализовано.

Художественность можно определить как свойство языковых единиц оказывать на читателя, зрителя, слушателя эстетическое и эмоциональное воздействие путем использования в речи изобразительно-выразительных единиц, свидетельствующих о словесном мастерстве автора текста, его владении словом как искусством.

Свойством образности и художественности может обладать речь диалектоносителя. Ср., напр., В. Г. Долгушев. Хрестоматия вятских говоров. (Киров, 2009): *Не больнѣ слышу. Дак*

¹**Образ** – ... «4. лит., иск. Обобщенное художеств. восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивид. явления. *Поэт не терпит отвлеченных представлений: творя он мыслит образами*... // обычно чей или какой. Тип, характер, созданный писателем, художником, артистом. Сценический образ. *Я влюблен в образ Татьяны*...»

уж работали. Сработаем и отдыхаем. Семья-то была двадцать три человека. Долго мы так жили. **Работали в одно сердце** (с. 68).

Образностью и художественностью отличается жаргонная лексика. Ср. пример со словом **навар** из книги О. С. Ермаковой, Е. А. Земской, Р. И. Розиной «Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь общего жаргона» (М., 1999): *Муниципалитеты охотно выдают лицензии на уличную торговлю. Районной администрации она хлопот не доставляет, а «навар» – большой. Одна лицензия – 3,5 тысячи* (Сегодня. 1994. 26 апр.).

Образность свойственна и научному стилю. Ср. примеры из автореферата докторской диссертации В. А. Косовой «Системная значимость словообразовательных категорий в русском языке» (Казань, 2014): **В орбиту изучения** вовлечена система словообразовательных категорий имени существительного (с. 5). *Словообразование способно открывать перед исследователями категорические «коридоры» к тайнам структур языкового сознания* (с. 38).

Черты образности и художественности типичны для газетно-публицистического стиля. Тексты, содержащие изобразительно-выразительные единицы, в языке СМИ весьма многочисленны и разнообразны. Ср., напр.: *Татьяна Толстая сбежала из Америки от благополучной сытой жизни. Но она бежала – а чужой миф полз за ней и угрожающе шипел. И создается впечатление, что писательнице приходится время от времени бросать ему какие-то куски, чтоб он хоть на миг отвязался...* (Аргументы и факты. 2014. 24 июля).

Образность и художественность – это всего лишь отдельные черты, присущие устным и письменным текстам, выражениям, словам литературной и нелитературной разновидностей языка.

Художественный образ – это целостное образование (см. определение выше), он формируется постепенно, в процессе познания объекта. Художественный образ человека отождествляется в художественном тексте с образом персонажа, который «как субъект внутритекстовой коммуникации реконструируется в сознании читателя постепенно, в результате серии последовательных появлений, или серии вербальных презентаций» [14]. Чтобы получить представление, например, о художественном образе Александра I как персонажа романа Л. Н. Толстого «Война и мир» или об образе Владимира Бельтова, героя романа А. И. Герцена «Кто виноват?», необходимо прочитать произведения, осмыслить их, и только после этого можно говорить о сформированности в сознании читателя образа персонажа. Наиболее благоприятным материалом для реконструкции целостного художественного образа являются произведения, в которых прослеживается жизненный путь персонажа или его наиболее значимые фрагменты [15].

Характеристика живых существ и неодушевленных предметов также может касаться их отдельных черт, обрисованных образно и художественно, а может быть развернута в целостный художественный образ.

Анализируя текст, можно, следовательно, делать акцент на имеющихся в нем чертах образности и художественности и языковых средствах их выражения, а можно поставить цель охарактеризовать целостный художественный образ или образы как совокупность не процессуальных и процессуальных характеристик человека или окружающего его мира. Это две разные, хотя во многом и совпадающие, исследовательские задачи. С учетом сказанного сформулируем определение художественного образа с лингвистических позиций.

Художественный образ (в лингвистике) – это результат творческого отражения действительности и творческой деятельности в области словесного искусства. Художественный образ формируется в рамках художественного текста как объединяющего особенности различных стилевых разновидностей литературной формы общенародного языка и его нелитературных форм с опорой на изобразительно-выразительные ресурсы (тропы, перифразы, ирония, аллегория, сарказм, гротеск, стилистические фигуры, риторические единицы, различные приемы языковой игры и т. д.) всех уровней языка (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический, семантический). Эти ресурсы используются с целью украшения речи, придания ей эстетичности, выразительности, эмоциональности и других качеств, способствующих усилению речевоздействующей функции образа.

Как и любой другой образ (человека или окружающего его мира), художественный образ по структуре представляет собой совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных *непроцессуальных* и *процессуальных характеристик* человека (литературного

персонажа) или реалий окружающего человека мира, формирующихся в сознании другого лица (группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах.

Степень образности и художественности отдельных единиц текста или целостного образа зависит от степени владения человеком ресурсами родного языка, речевым мастерством, от знания им окружающего мира, человеческой природы, а также от развитости у него восприятия, памяти и воображения. Людей, которые владеют искусством слова, называют художниками слова, мастерами словесной живописи [16].

Подводя итоги, подчеркнем, что анализ *художественного образа* человека (литературного персонажа) или окружающего его мира как интегративных образований в рамках художественного текста требует отграничения данного понятия от понятий *образность* и *художественность* как частных черт, присущих отдельным словам, выражениям, текстам.

Примечания

1. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002. С. 51.
2. Чернова С. В. Семантика слова образ в русском языке // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. Г. Н. Манаенко. Ставрополь, 2014 (в печати).
3. Арутюнова Н. Д. Семиотические концепты. Образ // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 32.
4. Там же.
5. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М., 1997.
6. Культурологическая энциклопедия. URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/382.htm>
7. Философский энциклопедический словарь. М., 1982.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
10. Наумова Н. Г. Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»). Киров, 2010.
11. Борисова Е. Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингво-поэтика – перевод: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010. URL: http://dibase.ru/article/27092010_borisovaeb/9. С. 3.
12. Чернова С. В. Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа // Рациональное и эмоциональное в русском языке: материалы Междунар. науч. конф. М., 2012. С. 554–558; Чернова С. В. Женский образ как результат восприятия, памяти и воображения (на материале романа В. Набокова «Машенька») // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2013. С. 5–15; Чернова С. В. Женский портрет в духе импрессионизма (на материале рассказа В. Набокова «Весна в Фиальте») // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. тр. Всерос. науч. конф. М., 2013. С. 236–240.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
14. Чурилина Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте. М., 2006. С. 9.
15. Чернова С. В. Образ Александра I как императора, полководца и человека (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир») // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2010. С. 85–98; Чернова С. В. Художественная биография и ее роль в создании образа человека: лингвистический анализ (на материале романа А. И. Герцена «Кто виноват?») // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. С. В. Чернова. Киров, 2012. С. 5–15; Чернова С. В. Жизненный процесс как экстралингвистический феномен // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2013. № 2 (2). С. 6–10.
16. Чернова С. В. Словесная живопись Бориса Пастернака (на материале одного фрагмента повести Б. Пастернака «Детство Люверс») // «...И нежный вкус родимой речи»: сб. науч. тр., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. Л. А. Климовой. Арзамас, 2011. С. 499–503.

Notes

1. Kolesov V. V. Filosofiya russkogo slova [Philosophy of the Russian word]. St. Petersburg. 2002. P. 51.
2. Chernova S. V. Semantika slova obraz v russkom yazyke [Semantics word image in the Russian language] // YAzyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyj al'manakh Stavropol'skogo otdeleniya RALK – Language. Text. Discourse: Science Almanac Stavropol Ralko Branch / ed. G. N. Manaenko. Stavropol. 2014 (in publ).
3. Arutyunova N. D. Semioticheskie kontsepty. Obraz [Semiotic concepts. Image] // Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka – Language and the world of man. Moscow. 1999. P. 32.
4. Ibid.
5. Psychological Dictionary / ed. V. P. Zinchenko, B. G. Meshcheriakov. Moscow. 1997.

6. Kul'turologicheskaya ehntsiklopediya – [The cultural encyclopedia]. Available at: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/382.htm> (in Russ.)
7. Filosofskij ehntsiklopedicheskij slovar'- Dictionary of Philosophy. Moscow. 1982.
8. Novaya filosofskaya ehntsiklopediya – New Encyclopedia of Philosophy: in 4 volumes. Moscow. 2010.
9. Lingvisticheskij ehntsiklopedicheskij slovar' – Linguistic Encyclopedic Dictionary / ed. V. N. Yartseva. Moscow. 1990.
10. Naumova N. G. YAzykovye sredstva sozdaniya obraza P. I. Chichikova (na materiale poehmy N. V. Gogolya «Mertvye dushi») [Language means of creating an image of P. I. Chichikov (based on Nikolai Gogol's poem "Dead Souls")]. Kirov. 2010.
11. Borisova E. B. KHudozhestvennyj obraz v anglijskoj literature XX veka: tipologiya – lingvopoehtika – perevod: avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk [Artistic image in the English literature of the XX century: a typology – lingvopoetics – translation: autoref. dis... . Dr. Philology sci.] Samara. 2010. Available at: http://dibase.ru/article/27092010_borisovaeb/9. P. 3. (in Russ.)
12. Chernova S. V. Protsessual'nye i neprotsessual'nye kharakteristiki cheloveka kak osnova dlya rekonstruktsii ego obraza [Procedural and non-procedural characteristics of a person as a basis for the reconstruction of its image] // Ratsional'noe i ehmotSIONal'noe v russkom yazyke: materialy Mezhdunar. nauch. konf – Rational and emotional in the Russian language: Proceedings of the Intern. scientific. conf. Moscow. 2012. Pp. 554-558; Chernova S. V. ZHenskij obraz kak rezul'tat vospriyatiya, pamyati i voobrazheniya (na materiale romana V. Nabokova «Mashen'ka») [Female image as a result of perception, memory and imagination (based on the novel by Vladimir Nabokov, "Masha")] // Semantika. Funktsionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Semantics. Functioning. Text: Intercollege coll. of scientific. proc. Kirov. 2013. Pp. 5-15; Chernova S. V. ZHenskij portret v dukhe impressionizma (na materiale rasskaza V. Nabokova «Vesna v Fial'te») [Portrait of a Woman in a spirit of Impressionism (based on the story of Nabokov's "Spring in Fialta")] // Ratsional'noe i ehmotSIONal'noe v russkom yazyke: sb. tr. Vseros. nauch. konf – Rational and emotional in the Russian language: Proc. of All-Russia scientific conf. Moscow. 2013. Pp. 236-240.
13. Russian dictionary: in 4 vols. / Ed. A. P. Evgenyevna. Moscow. 1981-1984.
14. Churilina L. N. «YAzykovaya lichnost'» v khudozhestvennom tekste ["Linguistic personality" in a literary text]. Moscow. 2006. P. 9.
15. Chernova S. V. Obraz Aleksandra I kak imperatora, polkovodtsa i cheloveka (na materiale romana ehpopei L. N. Tolstogo «Vojna i mir») [Image of Alexander I as emperor, general and person (based on the epic novel of L. N. Tolstoy "War and Peace")] // Semantika. Funktsionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr. Kirov-Semantics. Functioning. Text: Intercollege col. of scientific. proc. Kirov. 2010. Pp. 85-98; Chernova S. V. [Artistic biography and its role in creating the image of a man: a linguistic analysis (based on the novel of Alexander Herzen, "Whom is to blame?")] // Semantics. Functioning. Text: Intercollege col. scientific proc. / Sci. ed. S. V. Chernova. Kirov. 2012. Pp. 5-15; Chernova S. V. ZHiznennyj protsess kak ehkstralingvisticheskij fenomen [Life process as extralinguistic phenomenon] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie – Herald of Vyatka State University of Humanities. Philology and art history. 2013, № 2 (2), Pp. 6-10.
16. Chernova S. V. Slovesnaya zhivopis' Borisa Pasternaka (na materiale odnogo fragmenta povesti B. Pasternaka «Detstvo Lyuvers») [Verbal painting of Boris Pasternak (based on a fragment of the novel by Boris Pasternak "Childhood eyelets")] // "... and delicate taste of their native speech": Col. scientific proc., dedicated to anniversary of Dr. Philology sci., prof. L. A. Klimkova. Arzamas. 2011. Pp. 499-503.

УДК 811.111'342.1

Н. А. Наумова

Специфика проведения фонетических экспериментальных исследований в области английской акцентологии

В настоящей статье предпринята попытка комплексного осмысления методов и методик проведения фонологических и фонетических экспериментальных исследований речи на примере рассмотрения динамики изменения акцентной структуры глаголов с приставками в британском варианте современного английского языка. В работе представлен подробный анализ практико-ориентированной методологии и процедуры проведения аудитивного, аудиторского и электроакустического анализа корпуса исследования.

The article reviews a complex interpretation of methods and techniques of phonological and phonetic experimental research in speech. The dynamics of accent structure change in English verbs with prefixes serves as the basis for the research of the language pronunciation norm and modern British pronunciation. The paper focuses on the detailed analyses of practice oriented methodology and techniques employed in running the auditive, auditorial and acoustic experiments.

Ключевые слова: фонологические школы, ударение, оппозиционно-морфемный метод, метод изолирования, метод оппозиций, дистрибутивный метод, экспериментально-инструментальные методики фонетических исследований.

Keywords: phonological schools, stress, oppositional-morphemic method, isolation method, method of oppositions, distributional method, experimental-instrumental techniques of phonological research.

Экспериментальные исследования в лингвистике – это методы, позволяющие изучать факты и явления языка в условиях, управляемых и контролируемых самим исследователем. В процессе комплексного исследования языковых явлений важнейшим способом получения данных о живом языке, включая его фонологию, морфологию, семантику, синтаксис, а также вопросы языковой нормы, языкового общения, патологий речевого развития и др., является использование экспериментальных методов. Объектом экспериментальных исследований является носитель языка, порождающий текст, воспринимающий тексты и выступающий как информант для исследователя. Последовательное применение экспериментальных методов в исследовании языка и речевых процессов сделало необходимым использование статистических методов при планировании эксперимента и обработке его результатов.

Цель настоящей статьи заключается в попытке комплексного описания и интерпретации методов экспериментальных исследований в области акцентологии, исследующей особенности акцентного оформления лексем внутри и вне лингвистического контекста.

Значительные трудности нормализаторской работы в области акцентологии связаны, во-первых, с тем, что ударение представляет собой факт звучащей речи, и в этом случае варьирование имеет сравнительно широкий диапазон. Во-вторых, трудности с усвоением ударения в современном английском языке можно объяснить с точки зрения его природы и физических особенностей: оно имеет подвижный характер и относительно свободно в пределах морфологии слова.

По высказыванию А. Мартине, первостепенное значение место ударения в семантической единице имеет для тех языков, в которых оно не является фиксированным. Это обусловливается и объясняется тем, что говорящему место ударения кажется фактически более существенным для понимания сказанного, чем соблюдение признанных фонематических различий. Как для слушателя, так и для говорящего ударение является настолько важным фактором, что те сведения, которые оно дает о слове, воспринимаются и регистрируются реципиентом в первую очередь [1].

Ввиду множества колебаний, возможных в силу исторически определившихся и сложившихся причин, а также вследствие существования в самой системе языка различных акцентологических моделей, ударение представляет собой сложную систему и является причиной порождения коммуникативных проблем между носителями языка [2]. В этом смысле ударение нуждается в многостороннем и детальном лингвистическом изучении.

Если рассматривать понятие **метода** как подхода к изучаемому материалу, его теоретическому осмыслению и систематизации [3], необходимо заметить, что методы анализа звучащей речи следует отнести к числу наиболее плодотворных и совершенных в теории и практике лингвистического анализа в целом. Современное состояние и развитие методов фонетических исследований, описание их преимуществ и недостатков оказывались в поле зрения многих зарубежных и отечественных ученых, например Дж. Брауна и его соавторов, Д. Кристала, П. Роуча, Л. Р. Рабинера, Ф. Карра, Р. В. Шафера, М. В. Панова, Л. А. Вербицкой, Г. М. Вишневской, Т. И. Шевченко, Н. И. Сосниной и др. [4] Методы экспериментальных исследований в фонетике и фонологии отличаются большим разнообразием и богатством идей, обусловленных научно-теоретическими установками и практической направленностью признанных мировых фонологических школ: 1) Московской фонологической школы (оппозиционно-морфемный метод); 2) Ленинградско-Петербургской фонологической школы (метод изолирования); 3) Пражской функциональной школы (метод оппозиций); 4) американской дескриптивистикой (дистрибутивный метод) [5].

В непосредственной взаимосвязи с понятием **метода** находится также понятие **методики**, которое определяет способ обнаружения нового материала и новых данных, т. е. совокупность приемов наблюдения, эксперимента и описания результатов [6]. Экспериментальные (инструментальные) методики фонетических исследований можно условно разделить на три группы:

1) *акустические*, исследующие физические характеристики звуков речи (осциллография, спектрография);

2) *соматические*, регистрирующие и фиксирующие движения органов речи (палатография, рентгенография, фотосъемка, видеозапись, кинорентгенография, оптико-волоконная эндоскопия, компьютерный анализ артикуляции, электропалатография, электромагнитное излучение и компьютерная томография, электромиография, компьютерное артикуляционное моделирование);

3) *перцептивные*, анализирующие восприятие определенных фонетических явлений носителями языка и предполагающие работу с испытуемыми (аудиторами, реципиентами) [7].

Перечисленные выше методики фонетических исследований находятся в тесной взаимосвязи с тремя видами анализа экспериментального материала: *акустическим* (с применением звукоанализирующих компьютерных программ для анализа акустических и соматических характеристик звучащей речи); *аудитивным* и *аудиторским* (с привлечением аудиторов и экспертов для анализа восприятия исследуемого материала) [8].

В настоящем исследовании, посвященном изучению акцентной нормы и тенденций изменения ударения в префиксальных глаголах английского языка, мы как представители идей Московской фонологической школы ставили целью определить характерные тенденции развития основного варианта в акцентной структуре глаголов с приставками и выявить причины появления дополнительного варианта или его влияние на изменение первого. При этом во внимание принималось поведение гласного в ударном слоге в основе слова, а также активные процессы, связанные с изменением качества гласного в приставке.

В целях проведения фонетического эксперимента фактический материал был сформирован в широкий, узкий и специальный корпус исследования. *Широкий корпус* составили глаголы с приставками, их основной и дополнительный акцентные варианты в акцентном вариантном ряду. Они являлись ключевым экспериментальным материалом для построения базы данных с помощью программы Microsoft Office Access 2007 в виде сплошной выборки из одиннадцати изданий Произносительного словаря Д. Джоунза (1928, 1937, 1947, 1948, 1963, 1977, 1993, 1997, 2003, 2006, 2011 гг.). Общее количество выборки составило 2494 слова.

Комплексный фонетико-лексикографический анализ *широкого корпуса* исследования с использованием приемов статистической обработки экспериментального материала позволил определить характерные *акцентные типы* префиксальных глаголов (1[-'-]; 2a[-'-]; 2б[-'-]; 3a[-'--]; 3б[-'--]; 4a[-'---]; 4б[-'---]), связанные с ними процессы действия *рецессивного фактора, опрощения акцентного типа, унификации дополнительного акцентного варианта, сокращения вариантности* и, как следствие, *общую тенденцию к аналогии и демократизации*. Следует отметить, что ввиду действия тенденции сокращения вариантности в вариантном акцентном ряду и активного процесса унификации дополнительного акцентного варианта, в Произносительном словаре 1977 г. издания выходят из употребления акцентные типы 2a[-'-], 3a[-'--] и 4a[-'---]. Таким образом, актуальными акцентными типами префиксальных глаголов в британском варианте современного английского языка являются 1[-'-]; 2[-'-]; 3[-'--] и 4[-'---] (Типология акцентной структуры, разработанная Г. П. Торсуевым [9]).

Исследование *широкого корпуса* позволило также сформулировать *свод правил* об использовании акцентных типов в глаголах с приставками и сопутствующем изменении качества гласного звука в приставке. Данный свод правил стал ключевым моментом исследования в ходе *аудитивного, аудиторского и акустического* анализа.

На основе *широкого корпуса* был сформирован *узкий корпус* исследования, представленный 102 *несвязными частотными глаголами с частотными приставками* и характерными акцентными типами. Глаголы были озвучены десятью дикторами – носителями британского варианта английского языка (общая длительность звучащего материала составила 26 минут).

В *специальный корпус* исследования вошли предложения и фразы (общее количество фраз – 71 высказывание), представляющие собой *связные словосочетания частотных глаго-*

лов узкого корпуса с зависимыми словами из монологических сообщений дикторов, корреспондентов и респондентов в новостных передачах ВВС (общий объем звучания составил 2 часа 40 минут).

Следует отметить, что в ходе поэтапной работы с узким и специальным корпусами исследования наиболее точные результаты были получены при комплексном сочетании соматических, акустических и перцептивных экспериментальных фонетических методик. В частности, нами был проведен компьютерный анализ артикуляции глаголов с приставками, взятых вне и внутри языкового контекста. Анализ проводился с помощью звукоанализирующей программы Praat (версия 5.3.39). Кроме того, программа позволила нам обратить внимание на качественные (формантные [F1, F2]) и количественные (временные [t]) характеристики гласных и с помощью осциллограмм и спектрограмм выявить ударные и безударные слоги в основе слова, чтобы проследить изменения качества гласного звука в приставке.

При определении ударного слога во внимание принимались все компоненты ударения: высота тона (*pitch*), громкость (*loudness*), долгота (*length*) и качество гласного звука (*vowel quality*). Теоретически ударный слог характеризуется большим мускульным напряжением, и потому влечет за собой повышение тона, большую громкость, большую долготу и сохранение качества гласного звука. Акустическими коррелятами просодических характеристик ударного слога являются частота основного тона (*fundamental frequency* (Гц)), интенсивность (*intensity* (дБ)) и протяженность во времени (*duration* (с)) соответственно [10] (рис. 1).

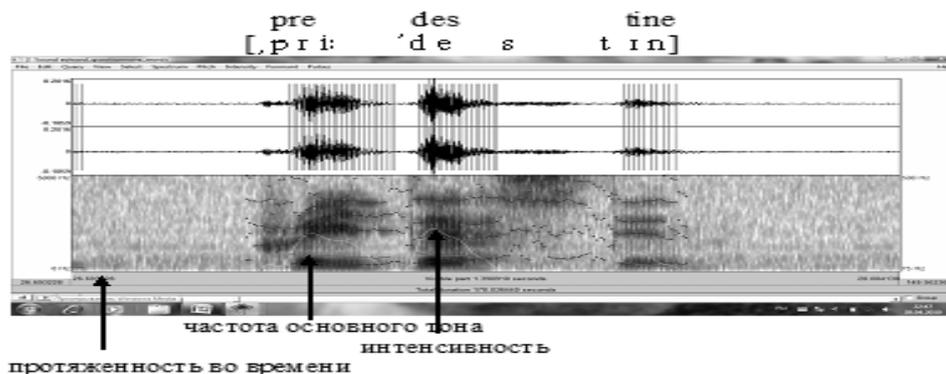

Рис. 1

Однако исследование показало, что не во всех случаях ударный слог определялся всей совокупностью указанных компонентов. В некоторых словах параметры высоты тона и громкости оказывались недостаточно объективными (рис. 2).

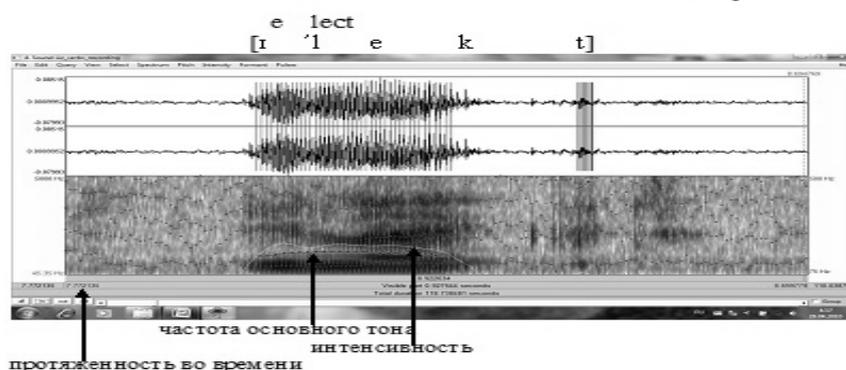

Рис. 2

Поскольку каждый звук, в первую очередь, гласный, имеет свои индивидуальные акустические особенности, он отличается от других звуков спектральными амплитудно-частотными характеристиками, которые связаны с уровнем частоты голосового тона и усиленными резонаторами (формантами) на определенном временном промежутке [11].

Для различения гласных звуков, как правило, достаточно первых двух формант: традиционно F1 соответствует степени открытости/закрытости гласного или степени подъема гласного; F2 – степени продвинутости языка (ряду). Например, низкая F1 означает, что звук является закрытым гласным верхнего подъема ([i:]); высокая F2 означает, что звук является гласным переднего ряда ([e]). С помощью формант можно *качественно* отличить один гласный звук от другого.

В данной работе за основу принимался тот факт, что при произнесении ударного слога органы речи каждого информанта должны принимать *наиболее удобную позицию* для правильной артикуляции слогаобразующего ударного гласного. Кроме того, качество артикуляции гласного зависит от времени, затрачиваемого на его произнесение [12].

В связи с этим объективными показателями для определения *ударных слогов* послужили *средние* для каждого информанта-носителя английского языка форматные (качественные) и временные (количественные) характеристики гласных, образующих данные слоги. Следовательно, отклонения от *средних* показателей формантных или временных характеристик гласных рассматривались как признаки *безударного слога* и возможной редукции безударного гласного.

Аудитивно-акустический анализ с привлечением фонетистов-экспертов и *аудиторский эксперимент* с привлечением носителей британского варианта английского языка позволили выделить следующие особенности акцентологического оформления глаголов с приставками (экспериментально апробированный базовый свод правил):

1. В глаголах с односложными приставками имеется одно главное объединяющее ударение в корне основы любой сложности (акцентный тип 1[-'-]). При этом *мотивация* словообразовательных морфем характеризуется как *нулевая*. Гласный в приставке произносится как один из возможных редуцированных звуков или полностью выпадает.

2. В глаголах с односложными приставками приставка получает второстепенное ударение, если главное ударение в корне основы любой сложности падает на первый слог (акцентный тип 2[,-'-]). *Мотивация* словообразовательных морфем в этом случае *полная*. Гласный в приставке сохраняет свое качество.

3. В глаголах с односложными приставками, где главное ударение в корне основы любой сложности падает на первый слог, предпочтение отдается акцентному типу 1[-'-]. Словообразовательная *мотивация* является *частичной*. Качество гласного в приставке, как правило, меняется в сторону редуцированного звука. Однако акцентное оформление слов по типу 2[,-'-] не исключается (дополнительный акцентный вариант).

4. В глаголах с односложными приставками приставка получает второстепенное ударение, если главное ударение в корне основы любой сложности падает на второй слог (акцентный тип 3[,-'-']). Процент опознания приставки как словообразовательного элемента высокий (словообразовательная *мотивация* *полная*). Качество гласного в приставке при этом не меняется. Дополнительные акцентные варианты исключены.

5. В глаголах с двусложными приставками приставка получает второстепенное ударение, если главное ударение в корне основы любой сложности падает на первый слог (акцентный тип 3[,-'-']) или на второй слог (акцентный тип 4[---'-']). Процент опознания приставки как словообразовательного элемента высокий (словообразовательная *мотивация* *полная*). Гласный в приставке сохраняет свое качество. Дополнительные акцентные варианты исключены.

Аудиторский эксперимент с привлечением студентов-филологов позволил сделать вывод о том, что поведение акцентных типов в условиях расширенного ритмического рисунка контекстного окружения исследуемых единиц остается неизменным, например:

а) в глаголах группы 1 используется акцентный тип 1[-'-], гласный в приставке редуцируется:

The 'air 'quality on its 'planes **ex'ceeds** 'all e'xisting inter'national 'standards.

Do 'you **con'sider** this a 'break'through?

The 'banks **pro'vide** the 'lubri'cation;

б) в глаголах группы 3 предпочтение отдается акцентному типу 1 [-'-], гласный в приставке редуцируется:

Over 'next few 'hours we'll **dis'cover** what's 'happened.

It's 'dangerous to **in'corporate** any 'sort of re'ligious 'law 'not to 'show you're 'low.

Тем не менее не исключено использование акцентного типа 2[-'-]:

[But that's not gonna stop me to redouble my efforts to show that real change is the best reas-
surance] that it 'shouldn't be 'something which 'un'settles 'people;

в) в глаголах группы 2, 4 и 5 отмечается второстепенное ударение на приставке, каче-
ство гласного сохранено (акцентные типы 2[-'-] и 3[-'-]):

'One of the 'tasks that we 'clearly 'have is to 're'build 'trust into our po'litical 'system.

[What everyone in this debate seems to agree on is that the central government needs to take
actions]. What 'people 'disa'gree on though is 'how to 'do it.

I 'think at 'that 'time I 'don't quite 'under'stand why the 'government com'mitted this
'self-buying 'program to 'hundreds of 'millions 'vaccines which 'don't have any ef'fect.

Таким образом, результаты экспериментально-фонетического исследования могут
стать основой для формирования акцентной базы английского языка XXI в. в рамках часте-
речного подхода, а также подтвердить общеязыковую тенденцию к сокращению доли под-
вижного ударения в глаголах.

Вполне очевидно, что в процессе комплексного изучения языковых явлений эти и мно-
гие другие методы и методики экспериментальных исследований в фонетике позволяют
проследить динамику развития современного языка, подвижность границ его нормы и узуса,
а также способствуют выявлению речевых ошибок носителей и пользователей языка.

Примечания

1. Мартине А. Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии. М.: КОМКНИГА, 2006. С. 203.

2. Болдырева А. А. О колебаниях ударения в одной группе глаголов современного русского ли-
тературного языка // Русская филология: сб. науч. работ молодых филологов Тарту. Тарту: Тартуский
ун-т, 1998. С. 269; Левина Т. В. Эволюционные процессы в орфоэпической норме слова современного
английского языка: учеб. пособие. Владимир: ВГПУ, 2003.

3. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: Высш. шк.,
1991. URL: http://www.classes.ru/grammar/128.Arnold-research/html/3_8.html (дата обращения:
06.05.2013).

4. Brown G., Curry K. L., Kenworthy J. Questions of Intonation. L.: Croom Helm, 1980; Carr Ph. English
Phonetics and Phonology: An Introduction. – Oxford&Maiden, MA: Blackwell Publishers, 1999; Crystal D. Pro-
sodic Systems and Intonation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 1969; Roach P. Phonetics.
Cambridge: Cambridge University Press, 2001; Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей
фонетики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1991; Вишневская Г. М. Методология и методика
экспериментально-фонетических исследований: учеб. пособие. Иваново: ИвГУ, 1990; Панов М. В. Со-
временный русский язык. Фонетика. М.: Высш. шк., 1979; Рабинер Л. Р., Шафер Р. В. Цифровая обработ-
ка речевых сигналов. М.: Радио и связь, 1981; Соснина Н. И. Вариативность акцентуации бинарного
именного терминологического словосочетания: На материале языка для специальных целей: дис. ...
канд. филол. наук. Иваново, 2006; Шевченко Т. И. Теоретическая фонетика английского языка: учебник.
М.: Высш. шк., 2006.

5. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1979.
С. 94, 127, 157, 200; Соколова М. А. Теоретическая фонетика английского языка (на английском языке):
учебник для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стереотип. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004.
С. 54–58; Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. С. 173.

6. Арнольд И. В. Указ. соч.

7. Савенкова Л. Б. Современный русский язык: фонетика, орфоэпия, графика, орфография, мор-
фемика, словообразование: метод. материалы. URL: [http://sfedu.ru/lib1/filolog/021700/
m9b_021700.htm](http://sfedu.ru/lib1/filolog/021700/m9b_021700.htm) (дата обращения: 03.05.2013).

8. Звуковая форма русской речи: учеб. пособие. 2002. URL: [http://www.speech.nw.ru/Manual/
menu.html](http://www.speech.nw.ru/Manual/menu.html) (дата обращения: 21.05.2013).

9. Торсуев Г. П. Вопросы акцентологии современного английского языка. М.; Л.: АН СССР, 1960.

10. Шевченко Т. И. Указ. соч. С. 75–76.

11. Рабинер Л. Р., Шафер Р. В. Указ. соч. С. 46.

12. Там же. С. 76.

Notes

1. Martine A. Mekhanizmy foneticheskikh izmenenij: Problemy diakhronicheskoy fonologii [Mechanisms
of phonetic change: Problems of diachronic phonology]. Moscow. KomKniga. 2006. P. 203.

2. Boldyreva A. A. O kolebaniyakh udareniya v odnoj gruppe glagolov sovremennogo russkogo literatur-
nogo yazyka [On oscillations of stress in a group of verbs of modern Russian literary language] // Russkaya

filologiya: sb. nauch. rabot molodykh filologov Tartu – Russian philology: col. scientific works of young philologists of Tartu. Tartu: Tartu University. 1998. P. 269; *Levina T. V.* EHvolyutsionnye protsessy v orfoehpicheskoj norme slova sovremennogo anglijskogo yazyka [Evolutionary processes in orthoepic norms of a word of modern English]: textbook. Vladimir. VSPU. 2003.

3. *Arnold I. V.* Osnovy nauchnykh issledovanij v lingvistike [Basic research in linguistics]: textbook. Moscow. Vysshaya shkola. 1991. Available at: http://www.classes.ru/grammar/128.Arnold-research/html/3_8.html (date accessed: 06.05.2013).

4. *Brown G., Curry KL, Kenworthy J.* Questions of Intonation. Leningrad. Croom Helm. 1980; Carr Ph. English Phonetics and Phonology: An Introduction. – Oxford & Maiden, MA: Blackwell Publishers, 1999; Crystal D. Prosodic Systems and Intonation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 1969; *Roach P.* Phonetics. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; *Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V.* Osnovy obshchej fonetiki [Fundamentals of general phonetics]: textbook. St. Petersburg. St. Petersburg, University Press. 1991; *Vishnevskaya G. M.* Metodologiya i metodika ehksperimental'no-foneticheskikh issledovanij [Methodology and methods of experimental phonetic research]: textbook. Ivanovo. Ivanovo State University. 1990; *Panov M. V.* Sovremennyy russkij yazyk. Fonetika [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow. Vysshaya shkola. 1979; *Rabiner L. R., Schafer R. V.* TSifrovaya obrabotka rechevykh signalov [Digital processing of speech signals]. Moscow. Radio and communication 1981; *Sosnina N. I.* Variativnost' aktsentuatsii binarnogo imennogo terminologicheskogo slovosochetaniya: Na materiale yazyka dlya spetsial'nykh tselej: dis. ... kand. filol. nauk [Variability of accentuation of binary nominal terminological phrases: On a material of language for specific purposes: dis... . Candidate Philology sci]. Ivanovo. 2006; *Shevchenko T. I.* Teoreticheskaya fonetika anglijskogo yazyka [Theoretical Phonetics of English]: textbook. Moscow. Vysshaya shkola. 2006.

5. *Kondrashov N. A.* Istoriya lingvisticheskikh uchenij [History of Linguistic Studies]: textbook. Moscow. Prosvesheniye, 1979. Pp. 94, 127, 157, 200; Sokolova M. A. Teoreticheskaya fonetika anglijskogo yazyka (na anglijskom yazyke) [Theoretical Phonetics of English (in English)]: textbook for students of higher educational institutions. 3rd ed. Stereotype. Moscow. Humanitar. ed. center VLADOS. 2004. Pp. 54-58; *Yudina N. V.* Russkij yazyk v XXI veke: krizis? ehvolyutsiya? progress? [Russian language in the XXI century: crisis? evolution? progress?] Moscow. Gnosis. 2010. P. 173.

6. *Arnold I. V.* Op. cit.

7. *Savenkova L. B.* Sovremennyy russkij yazyk: fonetika, orfoehpiya, grafika, orfografiya, morfemika, slovoobrazovanie [Modern Russian Language: Phonetics, orthoepy, graphics, spelling, morphemics, word formation]: the method. materials. Available at: http://sfedu.ru/lib1/filolog/021700/m9b_021700.htm (date accessed: 03.05.2013) (in Russ.).

8. Zvukovaya forma russkoj rechi: ucheb. posobie – Sound form of Russian speech: textbook. 2002. Available at: <http://www.speech.nw.ru/Manual/menu.html> (date accessed: 21.05.2013) (in Russ.).

9. *Torsuev G. P.* Voprosy aktsentologii sovremennogo anglijskogo yazyka [Questions of accentuation of modern English]. Moscow; Leningrad. USSR Academy of Sciences. 1960.

10. *Shevchenko T. I.* Op. cit. Pp. 75-76.

11. *Rabiner L. R., Schafer R. V.* Op. cit. P. 46.

12. Ibid. P. 76.

УДК 811.161.1'373.23:07

Ван Чжи

Наименования лиц обобщенной семантики в молодежной прессе (на материале кировской городской газеты «СтудEnter»)

В статье речь идет о молодежной прессе России как объекте лингвистической характеристики. В центре внимания – кировская городская газета «СтудEnter». Автор рассматривает наименования лиц обобщенной семантики, разделяя их на две группы: те, которые выражают значение множества вне контекста (*молодежь, поколение, группа* и т. п.), и те, которые приобретают обобщенное значение лишь в контексте (*человек, победитель, участник* и т. п.). Подробно анализируется слово *молодежь*. Характеризуются семантика и синтаксические позиции данного слова. Показывается, что *молодежь* на страницах газеты «СтудEnter» предстает как активный субъект и объект разных видов деятельности, осуществляющий эту деятельность под руководством Управления по делам молодежи Кировской области и Федерального агентства по работе с молодежью.

The question of the article is the youth press of Russia as an object of the linguistic characteristic. In the center of attention is Kirov city newspaper "StudEnter". The author considers the names of persons of generalized semantics, dividing them into two groups: what express the meaning of a set out of a context (*youth, generation, group, etc.*) and what get the generalized meaning only in a context (*the person, the winner, the participant, etc.*). The word *youth* is analyzed in detail. Semantics and syntactic positions of this word are characterized. It is shown that the youth on the pages of "StudEnter" newspaper appears as the active subject and object of different types of the activity, carrying out this activity under the direction of Management for youth of the Kirov region and Federal agency of work with youth.

Ключевые слов: молодежная пресса, тематическая группа, наименования лиц обобщенной семантики, доминантная единица *молодежь*, семантика, синтаксические позиции слова.

Keywords: the youth press, theme group, names of persons of generalized semantics, dominant lexeme *youth*, semantics, syntactic positions of the word.

Объектом нашей характеристики является молодежная пресса. О. Е. Бородина пишет: «Молодежь – не только наша надежда и будущее, молодежь – решающая сила нашего сегодняшнего и завтрашнего дня... Круг молодежных СМИ постепенно развивается – сейчас в каждом вузе есть газета, а в некоторых их гораздо больше. На каждом факультете нужна регулярно выходящая учебная газета – все это способствует улучшению учебного процесса. Задача молодежной журналистики – увидеть эти и другие ростки, и уже не упускать их из поля зрения. Именно сейчас, в эти самые творческие годы, нужно ставить себе цели и стремиться к их достижению» [1]. Предмет непосредственной характеристики – городская студенческая газета г. Кирова «СтудEnter», объединяющая всю студенческую молодежь города.

Материалы любой газеты могут быть охарактеризованы по целому ряду параметров. Об аспектах описания молодежных изданий см., например: Арясова 2008; Аткина 2011; Библиева 2007; Болкунов 2008; Гайдамак 2010; Жиликова 2012; Комарова 2011; Маслова 2012; Розанов 2009; Тулупов 2010 [2].

Среди возможных подходов к анализу молодежной газеты мы выбрали тот, который связан с изучением и описанием ее языка. На данном этапе работы нас интересуют нарицательные имена существительные, выступающие в качестве наименований лиц в студенческой газете «СтудEnter». Наш материал включает 3721 пример высказываний, содержащих наименования лиц. Этот материал был систематизирован нами по тематическим группам. Всего было выделено 14 групп, в каждой из которых основу анализа составили доминантные, наиболее частотные лексические единицы. На 1-м месте по количеству примеров оказалась группа под названием «Слова, являющиеся обобщенным наименованием лиц или групп лиц». Всего 1180 пример, 37 лексических единиц. Перечислим их, указывая количество словоупотреблений каждой единицы и располагая их по убывающей (от наиболее частотных к наименее частотным лексическим единицам).

Ср.: *Человек* (454), *молодежь* (149), *участник* (137), *ребята* (111), *дети* (81), *активист* (34), *победитель* (33), *группа* (25), *гости* (24), *поколение* (23), *работник* (23), *специалист* (13), *команда* (14), *посетитель* (10), *народ* (8), *коллектив* (6), *детишки* (5), *вдохновитель* (3), *деятель* (3), *труженик* (3), *дежурный* (3), *современник* (2), *разработчик* (2), *кадр* (2), *практик* (1), *резидент* (1), *персона* (1), *комиссия* (1), *наблюдатель* (1), *идеолог* (1), *десант* (1), *игрок* (1), *любимчик* (1), *возлюбленный* (1), *помощник* (1), *электро-панк-ансамбль* (1). Все перечисленные существительные можно разделить на две группы: те, для которых обобщенная семантика является основной, и те, которые приобретают обобщающее значение только в контексте.

К первой группе относятся слова *молодежь* (149), *группа* (25), *поколение* (23), *команда* (13), *коллектив* (6), *народ* (8), *комиссия* (1). Всего 225 примеров, семь лексических единиц.

Во вторую группу входят слова *человек* (454), *участник* (137), *активист* (34), *победитель* (33), *гость* (24), *работник* (23), *специалист* (13), *посетитель* (10), *вдохновитель* (3), *деятель* (3), *труженик* (3), *дежурный* (3), *современник* (2), *разработчик* (2), *кадр* (2), *практик* (1), *резидент* (1), *персона* (1), *наблюдатель* (1), *идеолог* (1), *игрок* (1), *любимчик* (1), *возлюбленный* (1), *помощник* (1). Всего 715 примеров, 24 лексические единицы.

Обратимся прежде всего к анализу тех лексических единиц, для которых обобщающая семантика является основной. Представим словарные дефиниции слов данной группы по «Толковому словарю современного русского языка» В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной [3].

Ср.: **Молодежь** – *собр. Молодое поколение. Молодые люди.*

Поколение – 1. Родственники одной степени родства по отношению к общему предку. *Семейная легенда передавалась из поколения в поколение.* 2. Одновременно живущие **люди** близкого возраста. *Наше поколение. Новое поколение ученых.*

Группа – 1. **Несколько человек**, предметов или животных, находящихся вместе, расположенных близко друг от друга. *Группа деревьев. Подошла группа школьников.* 2. **Совокупность лиц** или предметов, объединенных по какому-нибудь признаку. *Профсоюзная группа. Учебная группа.*

Команда – 7. **Группа лиц**, объединенных общностью целей, задач, составляющая чье-нибудь ближайшее окружение (разг.). *Команда президента. Подобрать команду реформаторов.*

Коллектив – **Группа лиц**, объединенных общей работой, общими интересами. *Трудовой коллектив. Коллектив учителя.*

Народ – 1. Население государства, все жители страны. *Народ России.* 2. Исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная **общность людей**. *Русский народ. Народ мира.* 3. *ед.* основная трудовая масса населения страны. *Трудовой народ.* 4. (род. -а и -у), *ед.* Люди. *Собиралось много народу.*

Комиссия – 1. **Группа лиц** со специальными полномочиями, специальный орган в государственном аппарате или в международной организации.

Анализ словарных материалов показывает, что все перечисленные выше слова семантически связаны и имеют обобщающее значение, указывая на некое множество людей, о чем свидетельствуют их толкования: все рассматриваемые слова толкуются через такие языковые единицы, как *несколько человек, люди (общность людей), лицо (группа, совокупность лиц)*. Обобщенность семантики других единиц подчеркивается именно соотносительностью с указанными конкретизаторами их семантики. Помету *собр.* имеет только одно слово – **молодежь**.

Отнесение перечисленных выше слов к лексико-грамматическим разрядам является дискуссионной проблемой. Если существительное **молодежь** с полной определенностью причисляют к собирательным существительным, то характеристика всех остальных слов из нашего списка (*поколение, группа, команда, коллектив, народ, комиссия*) является весьма неопределенной. Е. П. Калечиц, например, пишет: «Значение совокупности существительных **полк, труппа, комиссия, стая** и т. п. вполне естественно вводит их в разряд собирательных существительных» [4]. Л. В. Калинина считает собирательные существительные словами вышестоящего уровня, в отличие от конкретных. Ср.: «Собирательные существительные, в отличие от имен конкретных и вещественных, представляют в языке только категории вышестоящего уровня, ср.: *посуда, мебель, человечество, живность, растительность, техника, тематика* и др. ...Например, понятие *человечество* можно рассматривать как обобщающую категорию для таких собирательных же обозначений, как *крестьянство, студенчество, духовенство, дворянство, интеллигенция, профессура, бабье, мужичье, старичье, солдатня, детвора, малышня, молодежь* и подобных, называющих те или иные “части человечества” в зависимости от профессиональной, возрастной, половой и другой принадлежности. При этом название определенной “части человечества” может в свою очередь пересекаться с другими близкими собирательными понятиями и в каких-то ситуациях выступать для них как обобщающее... Если мы подвергнем собирательное понятие процедуре анализа, разложения на части, то в качестве таких частей будут выступать соответствующие конкретные существительные: *зверье* состоит из *зверей, листва* – из *листьев, мебель* – из *столов, стульев, шкафов* и т. д.» [5]. Учитывая сложность семантической интерпретации рассматриваемых слов с точки зрения «общее – частное», мы назвали тематическую группу в целом «Слова, являющиеся обобщенным наименованием лиц или групп лиц», включив в нее слова *молодежь, поколение, группа, комиссии* и др., с одной стороны, и слова *человек, участник, победитель* и др. – с другой. Целесообразность такого объединения слов доказывается их контекстуальным анализом. В настоящей работе мы ограничимся углубленной характеристикой самого частотного в составе 1-й подгруппы слов (слова, для которых обобщенная семантика является основной)

собирающего существительного *молодежь*, которое конкретизирует широкую обобщающую категорию *человечество*, обозначая часть целого. Целевая направленность газеты «СтудEnter» обуславливает тот факт, что собирающее существительное *молодежь* соотносится прежде всего с конкретным существительным *студент* [6], обозначающим представителей такого сообщества разнохарактерных объединений лиц, как молодежь. Слово *студенчество* в нашем материале не зафиксировано.

Существительное *молодежь* реализует свое лексическое значение в определенных синтаксических позициях. Охарактеризуем эти позиции. Наши наблюдения обобщим в таблице.

Синтаксические позиции слова *молодежь* в газете «СтудEnter»

Молодежь (всего 149 примеров)			
Определение (несогласованное)	Дополнение (прямое и косвенное)	Подлежащее	Обстоятельство
81	39	20	1

Как видно из таблицы, чаще всего слово *молодежь* (81 пример) занимает в высказывании позицию несогласованного определения. В учебном пособии Е. С. Скобликова несогласованные определения характеризуются следующим образом. Ср.: «Основной разряд несогласованных определений – определения, выраженные существительным, – одним или с зависящими от него словами... Эти определения выражают такой признак предмета, который устанавливается по соотношению его с другими предметами (разумеется, в широком – грамматическом понимании “предмета”). Различия в характере соотношения выражаются, как это всегда наблюдается при управлении, падежными и предложно-падежными формами существительных при поддержке лексических значений сочетающихся слов. Ср.: с одной стороны, *подарок сестры – подарок для сестры, кувшин с цветами – кувшин для цветов – кувшин из-под цветов – кувшин без цветов и т. д.*, с другой стороны – *радость командира – радость встречи; выступление брата – строгость брата – портфель брата; учитель Вити – учитель математики*» [7].

Продемонстрируем лексическое наполнение подчиняющего компонента синтаксического модели «главное слово + зависимая форма слова *молодежь*».

Ср.: *Федеральное агентство по делам молодежи и управление по делам молодежи* (21), *Дворец молодежи* (7), *День молодежи* (5), *Проблема молодежи* (3), *Культ молодежи* (2), *Материалы про молодежь* (2), *Совет молодежи* (2), *Поддержка молодежи* (2).

Остальные словосочетания со словом *молодежь* представлены по одному примеру. Ср.: *Миграция молодежи, группа молодежи, представители молодежи, жизнь молодежи, работа с молодежью, тяга молодежи, сотрудничество молодежи, гардероб молодежи, СМИ для молодежи, досуг молодежи, особенность молодежи, федерация молодежи, позиция молодежи, лагерь молодежи, общение молодежи, встреча молодежи, участие молодежи, активность молодежи, образ жизни молодежи, Союз молодежи, творчество молодежи, площадка для молодежи, форум молодежи, интерес молодежи, лидер молодежи, потенциал молодежи, мир для молодежи, «СтудEnter» для молодежи, страницы для молодежи, конкурс для молодежи, актив молодежи, фотография для молодежи.*

В качестве подчиняющего компонента чаще всего выступают словосочетания *Управление по делам молодежи* (Кировской области) (16 примеров) и *Федеральное агентство по делам молодежи* (5 примеров).

Ср., соответственно: а) *Организаторами лагеря выступили: Управление по делам молодежи Кировской области, Управление по делам молодежи, физической культуре и спорту администрации города Кирова, Студенческий совет вузов Кировской области* [2013. 10 окт.]. *Обратите, пожалуйста, внимание на то, что конкурс проводит Управление по делам молодежи Кировской области – а значит освещение реализации молодежной политики – тема приоритетная* [2012. Май]. *При активной поддержке Управления по делам молодежи Кировской области была сформирована делегация волонтеров, которые будут обслуживать спортивные мероприятия Универсиады в г. Казани. Также проведена встреча Эстафеты огня 27-й летней Универсиады 2013 года* [2013. Июнь]. *Сейчас финансирование*

происходит за счет средств «Фонда поддержки малого и среднего предпринимательства». Также помогают вузы, **Управление по делам молодежи Кировской области** и, конечно же, используются личные средства изобретателей [2013. 10 сент.]. **Определиться с местом работы и не затягивать с созданием успешной карьеры тебе поможет ярмарка вакансий, которая организована Управлением по делам молодежи Кировской области** [2013. 13 мая]. Самые сильные и отважные получают кубки, медали и дипломы как от **Управления по делам молодежи Кировской области**, так и от «Вятка-старт» [2013. 08 апр.]. Координация мероприятий Весенней недели добра будет осуществляться Региональным координационным комитетом (РКК), сформированным **Управлением по делам молодежи Кировской области** [2012. 15 марта]. В области также существует поддержка молодежных инициатив – грант губернатора, фонд которого составляет 5 000 000 руб. Оценку проектов проводило **Управление по делам молодежи Кировской области** [2013. 08 февр.];

б) **Федеральным агентством по делам молодежи** в рамках мероприятия международного автопробега были вручены ценные подарки (видеокамеры) активным участникам проекта «Наша общая победа» от Кировской области [2013. Июнь]. Основным событием в молодежной политике Кировской области Сергей Владимирович считает визит руководителя **Федерального агентства по делам молодежи** С. Ю. Белоконева [2013. Июнь]. Инициатор данного проекта – **Федеральное агентство по делам молодежи** [2013. 10 сент.]. В июле 2012 года назначается новый руководитель **Федерального агентства по делам молодежи** (Росмолодежь) С. Ю. Белоконев [2013. 08 февр.]. Этот проект реализуется с 2010 года **Федеральным агентством по делам молодежи** [2013. Декабрь].

Приведенные примеры свидетельствуют о положении дел в реальной действительности, а именно о том, какую работу проводят с молодежью Управление по делам молодежи Кировской области и Федеральное агентство по делам молодежи. Эти структуры выступают в качестве организаторов и координаторов различных мероприятий с молодежью: **проводят** конкурсы; **организуют** лагеря; **формируют** волонтерские группы; **оценивают** проекты, поданные на гранты; **вручают** награды; **помогают** карьерному росту молодежи; **финансируют** разного рода начинания.

Выделенные глаголы указывают на характер деятельности организаций по делам молодежи. В ряде случаев от имени Управления по делам молодежи выступает конкретное лицо – начальник управления, его заместитель или начальник отдела.

Ср.: **Начальник Управления по делам молодежи** С. В. Учаев отметил: «Атмосферу Парижа воплотить удалось, главное то, что ее создали люди, которые вдохновились этой идеей» [2013. 08 февр.]. На тему молодежной политики и ее будущего участники лагеря говорили с **начальником Управления по делам молодежи Кировской области** Сергеем Учаевым и **начальником отдела по делам молодежи Управления по делам молодежи, физической культуре и спорту администрации города Кирова** Алексеем Андреевым [2013. 10 окт.]. Первый день вводил студентов в тему молодежной политики, поэтому лагерную площадку посетили специально приглашенные гости – **начальник отдела по делам молодежи Управления по делам молодежи, физической культуры и спорта администрации города** Алексей Андреев и **заместитель начальника Управления по делам молодежи Кировской области** Жанна Зорина с лекционным занятием «Государственная молодежная политика на региональном и муниципальном уровне» [2013. 10 окт.].

Если обратимся далее к анализу других словосочетаний, в составе которых слово **молодежь** занимает позицию несогласованного определения, то можно констатировать, что эти словосочетания очень разнообразны.

Главным словом этих словосочетаний служит номинация а) характера деятельности молодежи (**сотрудничество** молодежи, **миграция** молодежи, **общение** молодежи, **встреча** молодежи, **участие** молодежи); б) разного рода объединений и отдельных представителей молодежи (**группа** молодежи, **представители** молодежи, **федерация** молодежи, **совет** молодежи, **союз** молодежи, **форум** молодежи, **руководители** молодежи, **формирование** молодежи); в) мест общения молодежи (**Дворец** молодежи, **площадка** молодежи); г) отношения молодежи к жизни, ее образа жизни, интересов, позиции, активности (**проблема** молодежи, **жизнь** молодежи, **тяга** молодежи, **досуг** молодежи, **активность** молодежи, **образ жизни** молодежи, **творчество** молодежи, **потенциал** молодежи).

Таким образом, мы охарактеризовали словосочетания, в которых слово *молодежь* выступает в качестве несогласованного определения.

Далее обратимся к анализу слова *молодежь* в позиции дополнения. «Дополнение как выразитель объектных отношений, – пишет Е. С. Скобликова, – возможно далеко не при любом существительном. Оно может употребляться только при отвлеченных существительных, которые образованы от глаголов и прилагательных и поэтому связаны с обозначением действия или качественного признака» [8].

В нашем материале в большинстве случаев слово *молодежь* выступает в качестве присубстантивного дополнения. Употребляясь в газете «СтудEnter» при отвлеченных существительных, слово *молодежь* в функции дополнения имеет объектное значение, то есть выступает как объект, на который направлены определенные действия. В функции дополнения оно выступает в следующих словосочетаниях. Ср.: *воспитание молодежи* (4), *ставка на молодежи* (3), *поддержка молодежи* (2), *вовлечение молодежи* (2), *социальная информация для молодежи* (1), *защита молодежи* (1), *исследование молодежи* (1), *опрос молодежи* (1), *привлечение молодежи* (1), *работа с молодежью* (1), *мнение о молодежи* (1), *возможность для молодежи* (1).

Реже в газете «СтудEnter» встречается слово *молодежь* и как приглагольное дополнение (прямое и косвенное). При глаголах зафиксированы следующие формы дополнений, выраженных существительным *молодежь*. Ср.: *привлечь/привлекать молодежь* (2), *объединить молодежь* (2), *узнать о молодежи* (1), *волновать молодежь* (1), *уделять внимание молодежи* (1), *вытащить молодежь* (1), *предоставить молодежи* (1), *заниматься молодежью* (1), *ориентироваться на молодежь* (1).

Е. С. Скобликова отмечает, что «существительное-дополнение всегда выражается формой косвенного падежа – без предлога или с предлогом. В большинстве случаев дополнениям свойственна обязательность строго определенного грамматического оформления и жесткая зависимость от того, какое слово употреблено в качестве главного. Для них чужда “изменяемость” способов выражения, часто характерная для определений обстоятельств» [9].

В нашем материале, как видно из приведенных выше примеров, приглагольное дополнение, выраженное существительным *молодежь*, употребляется в формах дательного, винительного, творительного и предложного падежей.

Обратимся далее к особенностям функционирования слова *молодежь* в позиции подлежащего. В этой позиции слово *молодежь* обозначает активного субъекта какого-либо вида деятельности или носителя какого-либо положительно оцениваемого качества. Об этом свидетельствуют сказуемые, выступающие при слове *молодежь* в функции подлежащего. Такие случаи представлены в нашем материале девятнадцатью примерами. В нашем материале слово *молодежь* сочетается со следующими предикатами.

Ср.: а) *Молодежь предлагала проекты; Молодежь приходит на спектакль; Молодежь хочет заниматься любимым делом; Молодежь много читает; Молодежь хочет получать деньги; Молодежь объединяется под брендами интересных проектов; Молодежь имеет схожие увлечения и проблемы; Молодежь обладает потенциалом; Молодежь принимает участие в работе; Молодежь представила свой инновационный потенциал; Молодежь живет по принципу «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня».* б) *Молодежь – участник фестиваля; Молодежь – это золотые кадры нашего века; Молодежь – наша аудитория.*

Как видим, молодежь характеризуется в газете «СтудEnter» как активный субъект, деятельность и качества которого получают положительную оценку.

Слово *молодежь* в позиции обстоятельства отмечено лишь в одном случае. Ср.: *Состоится стол «Популяризация национальных культур среди молодежи»* [2012. 05 ноября].

Таким образом, среди наименований лиц, для которых обобщающая семантика является основной, собирательное существительное *молодежь* занимает первое место по частотности употребления, что отвечает ориентации газеты именно на молодежную аудиторию. Молодежь на страницах газеты «СтудENTER» предстает как активный субъект и объект разных видов деятельности, осуществляющий эту деятельность под руководством Управления по делам молодежи Кировской области и Федерального агентства по работе с молодежью.

Характеристика наименований лиц в газете «СтудENTER» будет продолжена в наших последующих публикациях, что позволит получить представление о собирательном образе человека как субъекта и объекта молодежного издания и как жителя провинциального города [10].

Примечания

1. *Бородина О. Е.* Студенческие СМИ как способ реализации и развития внутреннего потенциала молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 355–356.
2. *Арясова А. Ю.* Информационно-политические интересы молодежи: формы и степень реализации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2008. № 3. С. 34–39; *Аткина А. М.* Молодежь белгородской области как аудитория региональных СМИ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. Т. 10. № 12. С. 192–204; *Библиева О. В.* Молодежный сленг как форма репрезентации молодежной культуры в средствах массовой информации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 62–65; *Болкунов А. Н.* Возникновение и развитие студенческой периодики в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Филология». Журналистика. 2008. Т. 8. № 2. С. 74–82; *Гайдамак Д. А.* PR-сопровождение молодежных СМИ Санкт-Петербурга: теоретико-методологические основы исследования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. № 6–2. С. 154–161; *Жулякова Н. В.* Особенности первых студенческих изданий Сибири (на примере газетно-журнальных проектов Томска начала XX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». 2012. Т. 11. № 6. С. 5–10; *Комарова Н. С.* Роль СМИ в социализации молодежи в современном обществе // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1. С. 43–53; *Маслова И. А.* СМИ как фактор политической социализации молодежи // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 1. С. 95–106; *Розанов К. А.* Молодежная пресса как составляющая студенческой жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Филология. Журналистика». 2009. Т. 9. № 2. С. 81–87; *Тулупов В. В.* Газета в вузе: и сфера журналистики, и сфера PR // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Проблемы высшего образования». 2010. № 1. С. 129–132.
3. *Лопатин В. В., Лопатина Л. Е.* Толковый словарь современного русского языка. М., 2009.
4. *Калечиц Е. П.* Переходные явления в области частей речи. Свердловск, 1977. С. 60.
5. *Калинина Л. В.* Лексико-грамматические разряды имен существительных как пересекающиеся классы слов (когнитивно-семасиологический анализ). Киров, 2009. С. 65–66.
6. *Ван Чжи.* Существительное *студент*: семантика и синтаксические позиции (на материале региональной газеты «СтудEnter») // Рациональное и эмоциональное в русском языке: междунар. сб. науч. тр. М., 2013. С. 25–27; *Ван Чжи.* Слово *студент* в синтагматическом ряду (на материале Кировской газеты «СтудEnter») // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2013. С. 109–113.
7. *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: учеб. пособие. М., 2006.
8. Там же.
9. Там же.
10. *Чернова С. В.* Концепт «жизнь города» как основа для создания собирательного образа горожанина // Интерпретация образа человека. Опыт лингвистического описания собирательного образа горожанина (образ жителей города Кирова) / науч. ред. Л. В. Калинина, С. В. Чернова. Киров, 2011. С. 8–22.

Notes

1. *Borodina O. E.* Studencheskie SMI kak sposob realizatsii i razvitiya vnutrennego potentsiala molodezhi [Student Media as a way of implementation and development of the internal potential of the youth] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual problems of the humanities and the natural sciences. 2009, № 2, pp. 355-356.
2. *Aryasova A. Y.* Informatsionno-politicheskie interesy molodezhi: formy i stepen' realizatsii [Information and political interests of young people: the form and degree of implementation] // Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kul'tura – Caspian: politics, economy, and culture. 2008, № 3, pp. 34-39; *Atkina A. M.* Molodezh' belgorodskoj oblasti kak auditoriya regional'nykh SMI [Youth of Belgorod Region as regional media audience] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific sheets of Belgorod State University. Ser. "Humanities". 2011, vol. 10, № 12, pp. 192-204; *Biblijeva O. V.* Molodezhnyj sleng kak forma reprezentatsii molodezhnoj kul'tury v sredstvakh massovoj informatsii [Youth slang as a form of representation of youth culture in the media] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Tomsk State University. 2007, № 304, pp. 62-65; *Bolkunov A. N.* Voznikovenie i razvitie studencheskoj periodiki v Rossii [Emergence and development of student periodicals in Russia] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. «Filologiya». Zhurnalistika – News of Saratov University. New series. Ser. "Philology". Journalism. 2008, vol. 8, № 2, pp. 74-82; *Gaydamak D. A.* PR-soprovozhdenie molodezhnykh SMI Sankt-Peterburga: teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya [PR-support of youth media in St. Petersburg: the theoretical and methodological bases of research] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – News of Ural Federal University. Ser. 1: Problems of Education, Sci-

ence and Culture. 2010, vol. 85, № 6-2, pp. 154-161; *Zhilyakova N. V.* Osobennosti pervykh studencheskikh izdanij Sibiri (na primere gazetno-zhurnal'nykh proektov Tomaska nachala XX veka) [Features of the first student publications Siberia (for example, newspaper and magazine projects of Tomsk in the beginning of XX century)] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istoriya, filologiya»* – Herald of the Novosibirsk State University. Ser. "History, Philology". 2012, vol. 11, № 6, pp. 5-10; *Komarova N. S.* Rol' SMI v sotsializatsii molodezhi v sovremennom obshchestve [The role of media in the socialization of young people in today's society] // *Vestnik Ural'skogo instituta ehkonomiki, upravleniya i prava* – Herald of Ural Institute of Economics, Management and Law. 2011, № 1, pp. 43-53; *Maslova I. A.* SMI kak faktor politicheskoy sotsializatsii molodezhi [Media as a factor of political socialization of youth] // *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* – Theory and Problems of Political Studies. 2012, № 1, pp. 95-106; *Rozanov K. A.* Molodezhnaya pressa kak sostavlyayushchaya studencheskoj zhizni [Youth Press as part of student life] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. «Filologiya. Zhurnalistika»*– News of Saratov University. New series. Ser. "Philology. Journalism". 2009, vol. 9, № 2, pp. 81-87; *Tulupov V. V.* Gazeta v vuze: i sfera zhurnalistiki, i sfera PR [Newspaper in high school: both the world of journalism and the world of PR] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Problemy vysshego obrazovaniya»* – Herald of the Voronezh State University. Ser. "The problems of higher education." 2010, № 1, pp. 129-132.

3. *Lopatin V. V., Lopatin L. E.* Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. [Explanatory dictionary of modern Russian]. Moscow. 2009.

4. *Kalechits E. P.* Perekhodnye yavleniya v oblasti chastej rechi [Transient phenomena in the field of parts of speech]. Sverdlovsk. 1977. P. 60.

5. *Kalinina L. V.* Leksiko-grammaticheskie razryady imen sushchestvitel'nykh kak peresekayushchiesya klassy slov (kognitivno-semasiologicheskij analiz) [Lexical-grammatical level of nouns as intersecting word classes (cognitive semasiological analysis)]. Kirov. 2009. Pp. 65-66.

6. *Wang Zhi.* Sushchestvitel'noe student: semantika i sintaksicheskie pozitsii (na materiale regional'noj gazety «StudEnter») [Noun "student": semantics and syntactic position (on the basis of the regional newspaper "StudEnter")] // *Ratsional'noe i ehmtotsional'noe v russkom yazyke: mezhdunar. sb. nauch. tr* – Rational and emotional in the Russian language: Intern. col. of scientific proc. Moscow. 2013. Pp. 25-27; *Wang Zhi.* Slovo student v sintagmaticheskom ryadu (na materiale kirovskoj gazety «StudEnter») [Word "student" in the syntagmatic series (based on the Kirov newspaper "StudEnter")] // *Semantika. Funktsionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr* – Semantics. Functioning. Text: Intercollege col. of scientific proc. Kirov. 2013. Pp. 109-113.

7. *Skoblikov E. S.* Sovremennyj russkij yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya [Modern Russian language. The syntax of the simple sentence]: textbook. Moscow. 2006.

8. Ibid.

9. Ibid.

10. *Chernova S. V.* Kontsept «zhizn' goroda» kak osnova dlya sozdaniya sobiratel'nogo obraza gorozhanina [Concept "city life" as a basis for creating a collective image of the citizen] // *Interpretatsiya obraza cheloveka. Opyt lingvisticheskogo opisaniya sobiratel'nogo obraza gorozhanina (obraz zhitelej goroda Kirova)* – Interpretation of the image of man. Experience of linguistic description of the collective image of the citizen (Image of Kirov residents) / scientific ed. L. V. Kalinina, S. V. Chernova. Kirov. 2011. Pp. 8-22.

УДК 812

С. В. Шабардина

Особенности системной организации английских терминов права судебной системы Англии

В данной статье обсуждаются особенности организации терминологической лексики современного английского языка, выражающей понятия судебной системы Англии. В опоре на существующую иерархию понятий в этой сфере предпринята попытка выявить те структурные связи судебных терминов английского права, которые, с одной стороны, обеспечивают внутреннюю организацию и устойчивость судебной терминологии, а с другой – присущи системе в целом.

The given article describes peculiarities of organization of legal terminology in the modern English language, expressing notions of the judicial system in England. On the basis of the existing hierarchy of notion-sand concepts in this sphere there is an attempt made to determine those main structural links among judicial

legal terms that provide inner organization and stability of judicial terminology on the one hand and that are typical of the system as a whole on the other hand.

Ключевые слова: английский язык, термины права, терминология права, правовая терминосистема, понятия права, судебная система.

Keywords: the English language, legal (law) terms, law terminology (legal language), system of law terms, concepts (notions) of law, judicial system.

Данное исследование посвящено выявлению таких системообразующих факторов, которые позволили бы считать термины английской судебной системы элементами целостного единства, а именно элементами подсистемы правовой терминологии, употребляющейся в судебной сфере Англии, которая является в свою очередь частью единой сложной системы права Англии. Выбор именно этой сферы права обусловлен тем, что большинство ученых относят судебную систему к одной из базовых сфер юриспруденции права Англии, и интерес к ее изучению до сих пор сохраняется [1].

В статье используются некоторые понятия терминоведения*, однако применительно к правовой терминологической лексике английского языка.

Предметом настоящего исследования являются структурные связи, обеспечивающие внутреннюю организацию судебной терминологии и определяющие ее основные интегративные свойства в английском языке. Предпринимается попытка выявить такие структурные качества правовой терминологии, которые присущи системе в целом и которые обеспечивают ее внутреннюю устойчивость, «сцепленность» всех ее элементов.

Логико-понятийным основанием системы любой отрасли знания является иерархия понятий, принятая в данной науке или теории [2]. Правовые понятия также образуют концептуальное единство, обусловленное категориями права и отвечающее требованиям системы.

Коррелятами понятий в лингвистическом аспекте являются термины. Поэтому термины, выражающие понятия юриспруденции, обладают свойствами системности. Однако правовые термины соотносятся не только с понятиями отрасли, но и с другими терминами, обладающими системными свойствами. Поэтому, как справедливо отмечали многие исследователи [3], «...термин – дважды системен: он должен как словесное обозначение понятия отвечать системе понятий данной отрасли науки или технологии и как слово – термин должен соответствовать системе языка» [4].

В ходе изучения системных характеристик терминов права также необходимо сочетать исследования языковой системности с понятийной системностью. Вопрос о системных связях терминов может быть решен на основе моделирования понятийной системы права. Для этого «...сначала на логико-понятийной основе должна быть построена полная система знания для данной науки, и лишь впоследствии ставится вопрос о том, какие единицы в плане выражения соответствуют единицам этой системы в плане содержания...» [5].

На основании вышесказанного представляется обоснованным, что с целью выявления основных принципов, тенденций и закономерностей структурной организации терминов судебной системы Англии прежде всего необходимо рассмотреть структуру указанной области или ее модель (схему) на логико-понятийном уровне. Как любую систему понятий, систему правовых понятий формально можно представить в виде схемы вертикальных и горизонтальных рядов.

**Правовой термин* понимается как слово или словосочетание, соотнесенное с определенным понятием права. Поскольку система английского права охватывает различные отрасли (уголовное право, конституционное право, деликтное право, доверительное право, контрактное право, коммерческое право, семейное право, судебную систему Англии, систему судебного производства по уголовным и гражданским делам и т. д.), то под *английской правовой терминологией* в данном исследовании понимается совокупность правовых терминов, соотнесенных с понятиями всех отраслей английского права.

Вслед за В. А. Татариновым, давшим определение терминосистемы в целом [6], понятие *правовая терминосистема* рассматривается как соотнесенный с правовой наукой, взаимосвязанный, существующий в равновесии набор правовых терминологических единиц всех существующих типов, связанных друг с другом на понятийном и языковом уровнях, где правовые термины составляют подавляющую массу (тогда как остальную часть составляют номенклатурные знаки, профессионализмы и т. д.).

Вертикальные ряды отражают дифференциацию родовых понятий на видовые и подвидовые. Горизонтальные ряды показывают дифференциацию родовых понятий внутри данного вида или подвида.

Установление родовидовых отношений предполагает выявление интегральных и дифференциальных семантических признаков. Дифференциальный признак «...можно рассматривать как модель, по которой строится видовое отличие и по которой это видовое отличие модифицируется» [7].

Степень дифференциации родовых понятий может быть различна. Дифференциация может проходить в несколько этапов, на каждом из которых интегральный признак обрастает новыми дифференциациями. Чем больше количество дифференциальных признаков у понятия, тем дальше оно отодвигается от ядра – базового понятия определенной отрасли знания.

Такую формализованную модель можно заполнить конкретными терминами. В этом случае схема будет отражать структуру терминосистемы. Поэтому английская правовая терминосистема будет иметь ту же структуру, что и система английского права, выстроенная на логико-понятийном уровне.

Поскольку отдельные сферы (отрасли) юриспруденции, такие как сфера судопроизводства по уголовным и гражданским делам, судебная система, уголовное право, деликтное право, контрактное право, таможенное право и т. д. обладают достаточной автономностью, самостоятельностью и одновременно тесно связаны друг с другом и с понятиями других отраслей, целесообразно использовать в их отношении понятие «*подсистем*» как частей единой сложной системы права. При этом данная формулировка будет использоваться нами и в отношении совокупности терминов, выражающих понятия отдельно взятой отрасли (сферы) права.

Материалом данного исследования послужила терминологическая лексика, извлеченная методом сплошной выборки в ходе анализа специальной юридической литературы (монографий, учебников и учебных пособий, парламентских актов, сборников судебных решений, специализированных словарей и под.) [8]. Всего было отобрано около 690 правовых терминов, выражающих различные понятия современной судебной системы Англии.

Итак, рассмотрим подсистему терминов, обслуживающую английскую судебную систему (administration of law: law courts and officials), исходя из концептуальной структуризации этой сферы.

Подсистема «**Применение норм права: суды и должностные лица**» (administration of law: courts and officials) является одной из наиболее сложных в английском праве. В ее рамках обнаружены микросистемы правовых терминов, которые объединены по концептуальному принципу. В микросистемах в свою очередь явно выделяются группы правовых терминов. Эти группы и микросистемы терминов характеризуются не только концептуальной соотнесенностью, т. е. взаимосвязью выражаемых ими понятий, но и семантическими и структурными корреляциями. В основе выделения микросистем, групп и подгрупп лежит родовидовой принцип организации правовых понятий.

На первой ступени дифференциация осуществляется на основе выделения трех микросистем: 1) учреждения, входящие в судебную систему Англии (law courts and institutions); 2) компетенции учреждений (jurisdiction of the law courts); 3) должностные лица (law officials).

В современном английском праве принято выделять четыре уровня судов, деятельность которых определяется рядом актов парламента, таких как Administration of Justice Act 1970, the Court Act 1971, the Supreme Court Act 1981, Constitutional Reform Act 2005 [9]:

- вышестоящие суды (Superior courts);
- нижестоящие суды (Inferior courts);
- суды специальной юрисдикции (courts of special jurisdiction);
- внесудебные учреждения (out-court institutions: tribunals and arbitrage).

Специфическая структура судебной системы Англии обусловлена, во-первых, отсутствием единой централизованной системы судов, во-вторых, тем, что большинство гражданских дел рассматривается в Англии не в судах, а в досудебных учреждениях (административных судах или трибуналах) или в альтернативных внесудебных учреждениях (арбитражах) [10].

Вышеуказанная структура судебной системы предопределяет структуру **1-й микро-системы** терминов «учреждения судебной системы (law courts and institutions)», включающей три группы терминов:

1-я группа терминов права выражает общие понятия: courts – суды, tribunals – административные суды (судебные трибуналы), arbitrages – третейские суды (арбитражи).

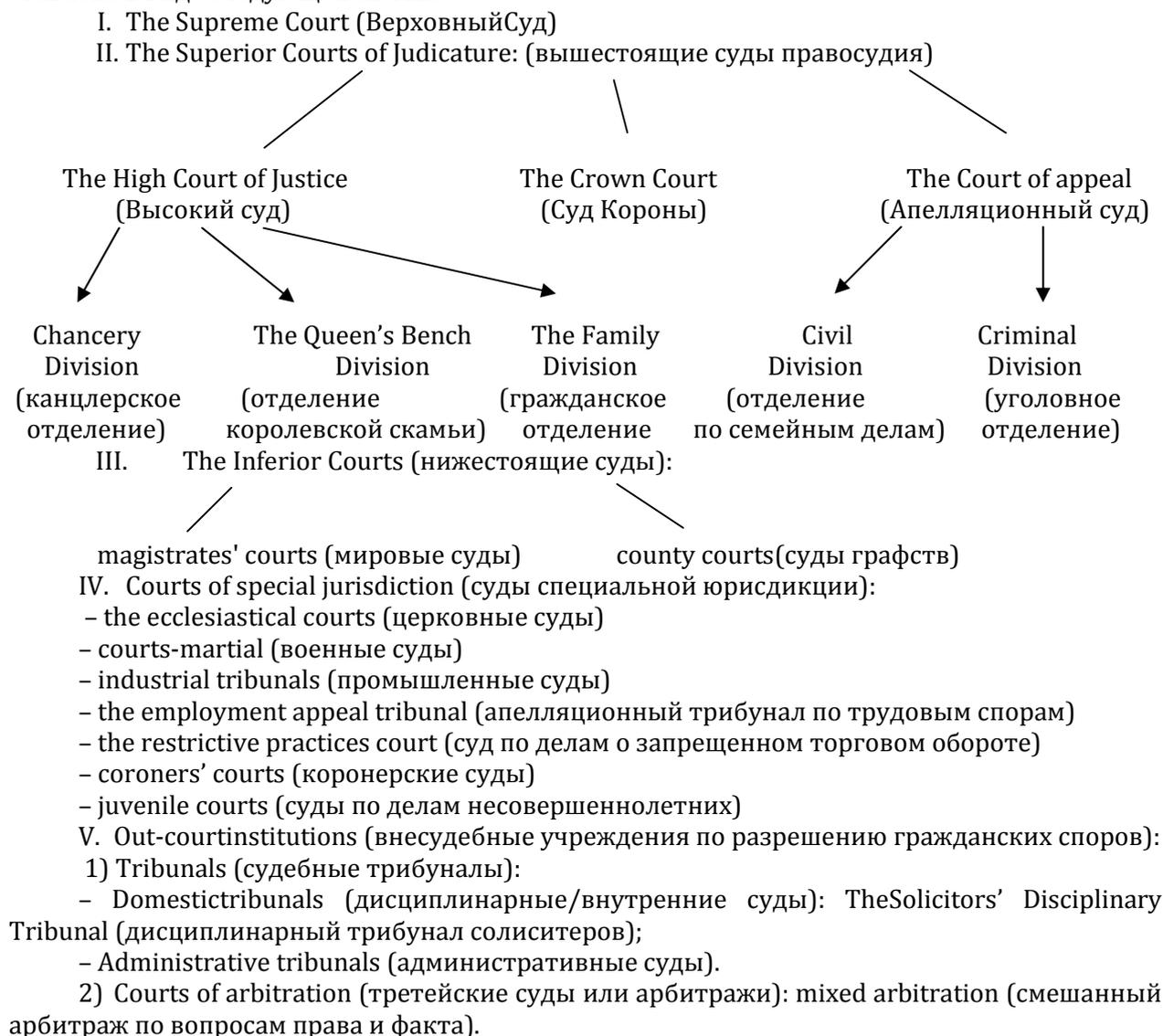
2-я группа терминов выражает частные понятия – названия судебных учреждений и внесудебных учреждений, разрешающих гражданские споры: countycourts – суды графств, magistrates' courts – мировые суды, the Crown court – суд Короны (Королевский суд), the Solicitors' Disciplinary Tribunal – дисциплинарный суд солиситоров.

3-ю группу составляют термины, обозначающие названия учреждений, не занимающихся разрешением гражданских споров и уголовных дел, но, тем не менее, входящих в судебную систему Англии: county police – полиция графства, Council of the Bar – совет барристеров, Inn of Chancery – общество солиситеров.

Если проанализировать данные группы терминов, то становится очевидным, что термины 1-й группы выражают родовые понятия и поэтому служат гиперонимами для терминов-гипонимов, которые в свою очередь выражают видовые понятия и входят во 2-ю и 3-ю группы.

Таким образом, 1-я микросистема английских правовых терминов включает три группы терминов, объединенных главным образом по принципу гиперо-гипонимических отношений, выражающих общие и частные понятия.

Например, система английских судов и внесудебных учреждений по разрешению гражданских споров на основе гиперо-гипонимических отношений терминов может быть представлена в виде следующей схемы:

В этой схеме гиперо-гипонимические отношения показаны вертикальными и горизонтальными линиями, а стрелками показаны отношения терминов по принципу «целое-часть».

Термин *the superior courts* (Вышестоящие суды) является гиперонимом по отношению к терминам-гипонимам: *the High Court of Justice* (Высокий суд правосудия), *the Crown Court* (суд короны), *the Court of appeal* (апелляционный суд); а термин *the inferior courts* (нижестоящие суды) является гиперонимом для терминов *magistrates' courts* (мировые суды) и *countycourts* (суды графств).

Термины права, выражающие общие и частные понятия, соотносятся и по принципу целое-часть: термин *the High Court of Justice* (Высокий суд) выражает обобщающее понятие по отношению к терминам *Chancery Division* (канцлерское отделение), *the Queen's Bench Division* (суд королевской скамьи), *the Family Division* (отделение по семейным делам), которые выражают конкретные понятия – названия составляющих ответвлений обобщающего понятия – названия Высокого суда.

2-я микросистема терминов, выражающих круг компетенций учреждений и должностных лиц, включает две группы терминов права.

1-я группа терминов называет общие понятия, связанные с юрисдикцией учреждений и должностных лиц: *jurisdiction (competence)* – юрисдикция, подсудность; *justice* – юстиция, правосудие.

Практически каждый такой термин выражает родовое понятие, т. е. является гиперонимом для других терминов, выражающих частные – видовые понятия. Частные понятия выражаются терминами 2-й группы, которые обозначают конкретные компетенции судебных и внесудебных учреждений, а также должностных лиц.

Приведем примеры родовидовых отношений правовых понятий, выраженных терминами 2-й микросистемы: термины 1-й группы *competence* или *jurisdiction* являются гиперонимами для ряда терминов 2-й группы: *appellate jurisdiction* – апелляционная юрисдикция; *civil jurisdiction* – гражданская юрисдикция; *supervisory jurisdiction* – надзорная юрисдикция и т. д.; термин 1-й группы *justice* (юстиция, правосудие) является гиперонимом для таких терминов-гипонимов 2-й группы, как *administrative justice* – административная юстиция, *criminal justice* – уголовная юстиция, *justice's justice* – мировая юстиция.

Таким образом, 2-я микросистема состоит из двух групп терминов, объединенных, в основном, гиперо-гипонимическими отношениями.

3-я микросистема объединяет правовые термины, выражающие лиц – участников судебной системы Англии (*legal officials*). Среди тех, кто профессионально занимается юридической деятельностью и иных участников правосудия, выделяют два уровня адвокатов – солиситоры (*solicitors*) и барристеры (*barristers*), судей (*judges, justices*), присяжных заседателей (*jury*) и иные исполнительные лица (*legalexecutives*). Каждая категория лиц выполняет свои функции в процессе, который называется отправление правосудия [11].

Дифференциация микросистемы правовых терминов «участники судебной системы» (*legal officials*) на первой ступени осуществляется на основе выделения тех же должностных лиц:

Solicitors – солиситоры / *barristers* – барристеры / *judges (justices)* – судьи / *jury* – присяжные / *legalexecutives* – иные исполнительные лица.

Термины данной микросистемы могут быть разделены на две основные группы: 1-я группа – это английские правовые термины, выражающие обобщающие понятия; 2-я группа – это термины – конкретные названия должностных лиц, непосредственно работающих в системе английских судов.

Термины 1-й группы, выражая родовые понятия, являются гиперонимами для терминов 2-й группы, выражающих видовые понятия. Например, термин *judge (justice)* – судья – является гиперонимом для терминов-гипонимов: *justice of the peace (magistrate)* – мировой судья; *high court judge* – судья Высокого суда. В свою очередь, термин *high court judge* – судья Высокого суда является гиперонимом для таких терминов, как *Justice of the Queen's Bench* – судья суда Королевской скамьи; *Justice of appeal* – судья апелляционного суда, *judge of assizes* – выездной судья Высокого суда.

3-я микросистема терминов английского права строится на основе родовидовых отношений, выражаемых терминами понятий.

Таким образом, подсистема терминов «Судебная система Англии» включает три микросистемы:

1-я микросистема «Учреждения судебной системы» состоит из двух групп:

- 1) термины, выражающие общие понятия;
- 2) термины – названия судебных учреждений.

2-я микросистема «Компетенции учреждений» включает две группы правовых терминов:

- 1) термины – общие понятия;
 - 2) термины – названия видов компетенций учреждений;
- 3-я микросистема «Должностные лица» включает две группы:
- 1) термины – общие понятия;
 - 2) термины – частные понятия, названия должностных лиц.

Рассмотренная подсистема характеризуется сложностью концептуальной структуры и представляет собой систему сложного классификационного типа, что позволяет выделить в ее составе системные единства иерархического уровня – микросистемы, группы, подгруппы терминов на основе видовых, дифференциальных признаков. Такая организация дает основание говорить об относительной автономности данной подсистемы, с одной стороны, и высказать предположение о гетерогенности системы английского права в целом – с другой. Вместе с тем целостность и взаимосвязанность составляющих подсистему микросистем и групп свидетельствует о достаточно устойчивой корреляции реалий существующего мира и картины правового знания, систематизированного на основе дифференциальных признаков, релевантных для науки английского права. Коррелятами научных понятий в лингвистическом плане являются термины.

Существует ряд факторов, которые составляют общее основание для системных отношений научных понятий и соответствующих терминов, выражающих эти понятия. Так, родовидовые отношения понятий соотносятся с гиперо-гипонимическими отношениями терминов и прослеживаются они на всех уровнях: в микросистемах, группах и подгруппах терминов. Другим общим принципом системности понятий и терминов является отношение целое/часть. Термины, выражающие общие понятия, являются обобщающими по отношению к терминам, выражающим конкретные (частные) понятия.

Примечания

1. Романов А. К. Правовая система Англии. М., 2000; Давид Р., Брилли Д. Основные правовые системы современности. М., 1999; James Ph. S. Introduction to English law. 12th ed. L., 1989; Eddey K. The English legal system. Fourth edition by K. Eddey. L., 1987.

2. Татаринов В. А. Теория терминоведения: в 3 т. Теория термина: история и современное состояние. М., 1996; Реформатский А. А. Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968. С. 122; Герд А. С. Терминологическое значение и типы терминологических значений // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1975. С. 12; Канделаки Т. Л., Сабурова Г. Г. Вопросы моделирования систем значений упорядоченных терминологий. М., 1969. С. 26; Лейчик В. М. Применение системного подхода для анализа терминосистем // Терминоведение. 1993. № 1.

3. Татаринов В. А. Указ. соч.; Реформатский А. А. Указ. соч.; Герд А. С. Указ. соч.; Лейчик В. М. Указ. соч.

4. Реформатский А. А. Указ. соч.

5. Герд А. С. Указ. соч.

6. Татаринов В. А. Указ. соч.

7. Канделаки Т. Л., Сабурова Г. Г. Указ. соч.

8. James Ph. S. Op. cit.; Eddey K. Op. cit.; Bond M. F. Guide to the Records of Parliament. L., 1971. 1442–1969; Jowit W. A. The dictionary of English law. L., 1959; Russell F., Locke Ch. English law and language. N.Y.L., 1995; Walker D. M. The Oxford Companion to Law. Ox.: 1980; The Law Online. Courts in the UK. URL: <http://www.justis.com/support/faq-courts.aspx#family>;

<http://www.judiciary.gov.uk/you-and-the-judiciary/going-to-court/going-to-court.htm> – this website explains the roles and work of judicial office-holders in the civil, criminal and family courts, and in tribunals.

9. The Law Online. Courts in the UK. URL: <http://www.justis.com/support/faq-courts.aspx#family>.

10. Романов А. К. Указ. соч.; Давид Р., Брилли Д. Указ. соч.; James Ph. S. Указ. соч.; Eddey K. Указ. соч.

11. Романов А. К. Указ. соч.; Давид Р., Брилли Д. Указ. соч.; James Ph. S. Указ. соч.; Eddey K. Указ. соч.; <http://www.judiciary.gov.uk/you-and-the-judiciary/going-to-court/going-to-court.htm> – this website explains the roles and work of judicial office-holders in the civil, criminal and family courts, and in tribunals.

Notes

1. *Romanov A. K. Pravovaya sistema Anglii [Legal system of England]. Moscow. 2000; David R., Briley D. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [The main legal systems of the present]. Moscow. 1999; James Ph. S. Introduction to English law. 12th ed. L., 1989; Eddey K. The English legal system. Fourth edition by K. Eddey. L., 1987.*
2. *Tatarinov V. A. Teoriya terminovedeniya: v 3 t. Teoriya termina: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Theory of terminology: in 3 volumes. Theory of the term: history and current status]. Moscow. 1996; Reformatsky A. A. [How to use this terminology. Principles and methods]. Moscow. 1968. P. 122; Gerd A. S. Terminologicheskoe znachenie i tipy terminologicheskikh znachenij [Terminological meaning and types of terminological values] // Problematika opredelenij terminov v slovaryakh raznykh tipov – The issue of definitions of terms in the dictionaries of different types. Leningrad. 1975. P. 12; Kandelaki T. L., Saburova G. G. Voprosy modelirovaniya sistem znachenij uporyadochennykh terminologij [Questions of systems of modeling values of ranked terminologies]. Moscow. 1969. P. 26; Leychik V. M. Primenenie sistemnogo podkhoda dlya analiza terminosistem [Application of a systematic approach for analyzing of the terminology systems] // Terminovedenie – Terminology. 1993, № 1.*
3. *Tatarinov V. A. Op. cit.; Reformatsky A. A. Op. cit.; Gerd A. S. Op. cit.; Leychik V. M. Op. cit.*
4. *Reformatsky A. A. Op. cit.*
5. *Gerd A. S. Op. cit.*
6. *Tatarinov V. A. Op. cit.*
7. *Kandelaki T. L., Saburova G. G. Op. cit.*
8. *James Ph. S. Op. cit. ; Eddey K. Op. cit. ; Bond M. F. Guide to the Records of Parliament. L., 1971. 1442-1969; Jowit W. A. The dictionary of English law. L., 1959; Russell F., Locke Ch. English law and language. N. Y. L., 1995; Walker D. M. The Oxford Companion to Law. Ox. : 1980; The Law Online. Courts in the UK. Available at: <http://www.justis.com/support/faq-courts.aspx#family>; <http://www.judiciary.gov.uk/you-and-the-judiciary/going-to-court/going-to-court.htm> – this website explains the roles and work of judicial office-holders in the civil, criminal and family courts, and in tribunals.*
9. *The Law Online. Courts in the UK. Available at: <http://www.justis.com/support/faq-courts.aspx#family>.*
10. *Romanov A. K. Op. cit.; David R., Briley D. Op. cit.; James Ph. S., Op. cit.; Eddey K. Op. cit.*
11. *Romanov A. K. Op. cit.; David R., Briley D. Op. cit.; James Ph. S. Op. cit.; Eddey K. Op. cit.; <http://www.judiciary.gov.uk/you-and-the-judiciary/going-to-court/going-to-court.htm> – this website explains the roles and work of judicial office-holders in the civil, criminal and family courts, and in tribunals.*

УДК 821.111

Н. А. Шамардина

Образы духовенства в «Сценах клерикальной жизни» Джордж Элиот

Центральное место в цикле повестей «Сцены клерикальной жизни» Джордж Элиот занимают священнослужители. В статье последовательно рассматриваются образы духовенства – Амоса Бартона («Невзгоды преподобного Амоса Бартона»), Мейнарда Джилфила («Любовная история мистера Джилфила») и Эдгара Триана («Исповедь Джанет»). Автор делает вывод о том, что писательница следует своей главной эстетической задаче – расширять область человеческого сочувствия. Элиот не сосредотачивает свое внимание на проблемах христианства, ее подход к изображению духовенства трудно назвать ортодоксальным. Читатели видят персонаж не только в его священническом облачении, но и как обычного человека: именно в сочетании «теологического» и «человеческого» аспектов состоит своеобразие изображения духовенства у Джордж Элиот.

The clergy have a central place in the Scenes of Clerical Life by George Eliot. The author of this article examines and analyses the images of the clergy – Amos Barton, Maynard Gilfil, Edgar Tryan. By analyzing the characters, the author of this article concludes about that George Eliot expresses her main aesthetic idea – to expand the area of sympathy. George Eliot does not concentrate one's attention on the problems of Christianity. Her approach to image of the clergy is not orthodox. The character is not only a clergyman, but also an ordinary man. The combination of the theological and humane aspects is the originality of English writer.

Ключевые слова: образы духовенства, провинциальная Англия, «Сцены из жизни духовенства», Джордж Элиот.

Keywords: image of clergy, provincial England, "Scenes of Clerical Life", George Eliot.

Среди социальных слоев в Англии духовенство всегда занимало центральное положение, поэтому нередко в литературе так или иначе освещалась тема религии. Изображение духовенства можно найти в творчестве таких авторов, как Генри Филдинг, Оливер Голдсмит, Джейн Остен, Шарлотта Бронте, Энтони Троллоп и др. В отличие от романов Филдинга и Остен, где на основном фоне разрабатывается приключенческий или любовный сюжет и образы викариев хоть и присутствуют, но не несут никакой смысловой религиозной нагрузки, роман Голдсмита «Векфильдский священник» наиболее близок по духу произведениям Джордж Элиот. В нем пастор Примроз является олицетворением подлинной человечности, доброты, трудолюбия и бескорыстия. Он показан как благородный человек, имеющий твердые моральные принципы, хотя в то же время герой оказывается беспомощным при столкновении с обманом и злом.

Уже в первых произведениях Джордж Элиот – цикле повестей «Сцены клерикальной жизни» (1856) – центральное место занимают священнослужители. Главный герой повести «Невзгоды преподобного Амоса Бартона», действие которой разворачивается в конце XVIII в., – бедный священник из Шеппертона, обладающий «скучными серыми глазами» и «вполне обычным голосом» [1]. Амос получил университетское образование, но при этом путает слова и имеет трудности с синтаксисом и пунктуацией. Персонаж ничем не выделяется среди других: «Мистер Бартон вовсе не был аскетом; он мог, отдыхая, немного посплетничать. <...> Но, в конце концов, преподобный Амос никогда не приближался к границам порока. Его недостатки были посредственными. Он не был в чем-либо талантливым, если только в том, чтобы быть в высшей степени заурядным, быть квинтэссенцией экстракта посредственности» [2].

Большинство жителей прихода не уважает Амоса Бартона. Священник не может отнестись ни к нонконформистам, ни к приверженцам Англиканской церкви. Поддавшись новомодным веяниям, Амос смешивает евангелические доктрины с доктринами трактарианства: «Он проповедовал доктрины Низкой церкви, но при этом считал Высокую церковь утверждением церковной силы» [3]. Пастор не может добиться признания у своих прихожан: его постоянные рассуждения о грехе и спасении вызывают только отторжение.

При этом Амос Бартон неутомим в своем призвании: утром он прочитывает по две проповеди, а потом ходит читать молитвы в так называемый «Колледж» – на большую каменную площадь, где собираются ткачи, в среде которых бытуют радикализм и диссидентство. Но излишний энтузиазм пастора в исполнении своих обязанностей приводит к трагедии: изнемогая под тяжестью непосильных бытовых забот, умирает его жена Милли, оставляя шестерых детей без материнской заботы. Только лишь горе сближает пастора с жителями Шеппертона, которые уже не отпускают шуточки в его адрес, а смотрят на него с сочувствием.

Начиная с первой повести, автор не идеализирует своих героев, описывает не только их достоинства, но и недостатки. В начале V главы писательница делает акцент на том, что избранный ею центральный персонаж вовсе не является героем в прямом смысле этого слова, она подчеркивает, что он был «ощутимо и безошибочно обыкновенен», большинство читателей могут назвать его «абсолютно неинтересным характером» [4]. Однако, по мнению Джордж Элиот, именно изображение заурядного, повседневного существования героев способно вызвать в читателях сочувствие.

С большим мастерством автор изображает и других представителей духовенства в повести. Замечательна в этом отношении глава VI, где происходит клерикальное собрание. Элиот описывает священников с юмором, упоминая, что «вопрос послания Иуды был не совсем прояснен, так как наступил обед, во время которого мистер Фэллоус взял инициативу в разговоре, рассуждая про свеклу и урожай в этом году» [5].

Несмотря на то что сюжет второй повести цикла «Любовная история мистера Джилфила» мало связан с религиозной тематикой, повествование начинается именно с портрета пастора Мейнарда Джилфила, предшественника Амоса Бартона, и описания его духовных обязанностей. Читатели видят героя уже в возрасте, это достаточно симпатичный человек, у которого в карманах всегда припасены сливы и пряники для маленьких ребятшек. Викарий

«не блистал в исполнении своих духовных обязанностей <...> он старался выполнять их как можно более быстро» [6]. Каждое воскресенье он беспристрастно выбирает из своей стопки две короткие проповеди, одну читает в Шеппертоне, другую – в Нибли. После этого Джилфил отправляется обедать (а также курить трубку и шутить) к своим прихожанам, которые любят его и считают за честь пригласить к себе.

«Хорошая проповедь была сегодня утром» [7] – такое замечание можно встретить чаще всего среди прихожан, несмотря на то что они слышали ее в двадцатый раз. Проповеди Джилфила были «не очень-то доктринальными и тем более полемическими» [8]. Это были слова «против лжи, клеветы, гнева, лени, слова о честности, правде, милосердии – о тех вещах, которые лежат на поверхности жизни и имеют мало общего с глубоким духовным учением» [9], – замечает автор. Занятый мирскими интересами, не поддающийся методистским и трактарианским течениям, пастор имеет успех у своей консервативной паствы.

Исследователь Лиддел считает, что сентиментальная история любви с Катериной никак не характеризует Мейнарда Джилфила, что эти события «могли произойти с любым другим человеком, и никоим образом не могут формировать характер» [10]. Но стоит заметить, что именно в разговоре с Катериной, а не в исполнении своих ежедневных обязанностей, Джилфил проявляет свое духовное призвание. Только он способен увидеть душу героини, и только ему может открыться Катерина, признаваясь, что взяла кинжал для того, чтобы убить Энтони. Когда Тина говорит о том, что была полна злых мыслей, ненависти, дурных страстей, Джилфил не осуждает ее, а наоборот успокаивает, говоря с ней на равных и приводя в пример себя: «Да, Тина, многие из нас могут быть благочестивыми, и в то же время грешными. Я тоже иногда склонен делать неправильные вещи, но мое тело сильнее вашего, поэтому я могу скрывать свои злые мысли и лучше им противостоять. Вы не знали, что вы делали» [11].

В отличие от Амоса Бартона, Мейнард Джилфил никогда не горел охотой исполнять свои священнические обязанности, однако он помогает Катерине и прихожанам прийти к Богу, причем делает это не с помощью проповедования каких-либо церковных доктрин, а с помощью простых и искренних слов о доброте, сострадании и любви.

«Исповедь Джанет» является наиболее интересной повестью в цикле. Новый пастор в церковной часовне Паддифордской общины Эдгар Триан не сомневается в своем призвании: он методист. Про него ходят слухи, что он «придерживается особенных убеждений и его проповеди привлекают диссидентов» [12].

Не случайно первая глава начинается со сцены в кофейне «Красный лев», где адвокат Демпстер организует коалицию против методистов в Паддифордской общине, продумывая план очередной «демонстрации». Адвокат и его товарищи превратно понимают слова методистов о спасении верой: «Он проповедует против добрых дел: говорит, что добрые дела не необходимы для спасения, – учение сектантское, анабаптистское. Скажите человеку, что он не спасется через свои дела, и вы тем откроете свободный доступ всякому беззаконию» [13].

Из слов миссис Петтифер читатели узнают, что Триан живет в маленькой квартирке, среди грязных лачужек, для того только, чтобы быть ближе к простым людям. Пастор не дает себе отдыха, читая по три проповеди в воскресенье, занимаясь вечерней школой во вторник, посещением коттеджей – в четверг, беседами с учащимися – и все это вместе с исполнением пасторских дел.

К счастью, Триан все же побеждает в борьбе с Демпстером, несмотря на все провокации последнего. Все больше людей проникаются идеями евангелизма, приходя послушать слова пастора о доброте, любви и долге.

Жена адвоката Джанет сначала поддерживает мужа, говоря про Триана следующее: «Он толкует людям о вере и милосердии таким образом, что люди начинают воображать, будто они лучше других, будто Бог их больше любит, чем весь человеческий род» [14]. Однако после трагедии, когда сильно выпивший Демпстер ночью выгоняет свою жену из дома и она находит приют у своей приятельницы, поклонницы нового пастора, именно Триан помогает Джанет обрести веру в Бога и в себя.

Из слов пастора мы узнаем, что почти всю свою жизнь он был светским человеком, занятым мирскими интересами. В студенчестве он соблазнил молодую девушку, которая была ниже его по положению. Однажды он узнает, что Люси, после долгих скитаний по злачным местам, погибает. Только сознание своего греха и беспомощности приводит Эдгара к Богу:

«Когда мы покоряемся Его воле, когда мы желаем единения с ним, желаем достигнуть духовной чистоты и благочестия, тогда как будто падает в глазах наших стена, отделявшая нас от Бога; мы начинаем питаться Его духом, который придает нам свежих сил» [15]. Так Триан становится священником, для того чтобы «при помощи Божией удержать от падения другие слабые, колеблющиеся души» [16].

Благодаря Триану Джанет не уступает соблазну и отказывается от алкоголя, к которому так часто прибегала раньше для утешения своего горя. Теперь «в холодную и мрачную темницу отчаяния, в которой заключена была Джанет, отворилась дверь, и золотой утренний свет стал пропускать туда свои успокоительные лучи. Для нее заблестело теперь солнце на небе; она осознала существование божественной любви о ней пекущейся, сообщившей ей залог избавления, готовившей ей успокоение в ту именно минуту, когда она считала себя совершенно заброшенной» [17].

Однако пастор Триан слаб здоровьем и совсем не щадит себя, добираясь пешком на проповеди в отдаленные уголки Милби. Вскоре он погибает от чахотки. В финале романа Джордж Элиот называет Джанет Демпстер живым памятником Эдгару Триану, намного более ценным, чем надгробная плита.

Если о герое первой повести можно сказать, что он посредственен и ничем не примечателен, то пастор Триан, человек, принесший евангелизм в общину, уже кажется героической фигурой. Но и он является обыкновенным человеком, со своими недостатками: «Одной из слабых сторон его натуры была излишняя восприимчивость ко всякому резкому повороту во мнениях, робость перед нахмуренным лицом человека самого ограниченного, раздражительность за несправедливость таких людей, в которых нет необходимых элементов для того, чтобы судить о нем правильно, и, при всей чувствительности к упреку, значительная зависимость от симпатии» [18]. Оставаясь наедине с собой, Триан «проливает слезы, потому что жертва тяжела, потому что ему недостает сил и терпения говорить трудные речи и совершать трудные дела» [19].

Можно проследить некую эволюцию образов в изображении духовенства в «Сценах клерикальной жизни». Начиная с сомневающегося в своих религиозных убеждениях священника Амоса Бартона, автор приходит к созданию образа доброго, чуткого пастора Триана, который самоотверженно трудится на благо своей паствы. Линия духовенства будет продолжена в романе «Адам Бид», где методистка Дина Моррис является, пожалуй, самой положительной героиней во всем творчестве романистки.

Подход Элиот к изображению духовенства сложно назвать ортодоксальным. Критик Джордж Генри Льюис писал по поводу «Сцен» издателю Джону Блеквуду следующее: «Они будут состоять из рассказов и очерков, показывающих реальную жизнь нашего духовенства около четверти века назад, но только в его человеческом, а вовсе не в теологическом аспекте; это тема, которая еще не была затронута в нашей литературе; мы имели много религиозных, содержащих доктрины историй, но начиная с “Викария” Джейн Остен не было произведений, представляющих духовенство, как и другие социальные слои, с комизмом, и в то же время показывающих беды и горести священников» [20]. В своем повествовании Элиот не сосредотачивает внимание на проблемах сущности христианства, еще будучи верующей, она писала: «Религиозные романы ненавистнее мне, чем просто мирские. Орудия Христианской войны никогда бы не могли быть выточены в художественной мастерской» [21].

С самых первых своих произведений писательница следует своей главной эстетической задаче – расширять область человеческого сочувствия [22]. У ее персонажей «есть невысказанные печали и священные радости», а потому надо видеть свой пафос «даже в незначительности», не забывая о том, что такие персонажи «наделены теми же блестящими возможностями, что и любая человеческая натура» [23]. Развивая сюжет, автор не просто сообщает о действиях своих героев, но также «исследует их состояние души, чтобы их поступки были психологически обоснованы» [24]. Именно в сочетании «теологического» и «человеческого» аспектов и состоит заслуга Джордж Элиот: читатели видят персонажа не только в его священническом облачении, но и как обычного человека – в этом своеобразии английской романистки, ее отличие от других писателей, изображающих духовенство.

Примечания

1. *Eliot G.* Scenes of Clerical Life. L., 2007. P. 37.
2. *Ibid.* P. 40.
3. *Ibid.* P. 13.
4. *Ibid.* P. 80.
5. *Ibid.* P. 46.
6. *Ibid.* P. 71.
7. *Ibid.* P. 74.
8. *Ibid.* P. 75.
9. *Ibid.*
10. *Liddel R.* The Novels of George Eliot. L., 1977. P. 26.
11. *Eliot G.* Op. cit. P. 166.
12. *Элиот Дж.* Исповедь Джэнет. СПб., 1860. С. 18.
13. Там же. С. 7.
14. Там же. С. 84.
15. Там же. С. 116.
16. Там же.
17. Там же. С. 125.
18. Там же. С. 64.
19. Там же. С. 67.
20. *Eliot G.* The Letters: in 9 vol. L., 1955. Vol. II. P. 269.
21. *Liddel R.* Op. cit. P. 24.
22. *George Eliot's Life as Related in her Letters and Journals / ed. by J. W. Cross.* Edinburgh; L., 1887. P. 231.
23. *Eliot G.* Op. cit. P. 81.
24. *Noble Thomas A.* George Eliot's Scenes of Clerical Life. New Haven, 1965. P. 41.

Notes

1. *Eliot G.* Scenes of Clerical Life. L., 2007. P. 37.
2. *Ibid.* P. 40.
3. *Ibid.* P. 13.
4. *Ibid.* P. 80.
5. *Ibid.* P. 46.
6. *Ibid.* P. 71.
7. *Ibid.* P. 74.
8. *Ibid.* P. 75.
9. *Ibid.*
10. *Liddel R.* The Novels of George Eliot. L., 1977. P. 26.
11. *Eliot G.* Op. cit. P. 166.
12. *Elliot J.* Ispoved' Dzhehnet [Confession of Janet]. St. Petersburg. 1860. P. 18.
13. *Ibid.* P. 7.
14. *Ibid.* P. 84.
15. *Ibid.* P. 116.
16. *Ibid.*
17. *Ibid.* P. 125.
18. *Ibid.* P. 64.
19. *Ibid.* P. 67.
20. *Eliot G.* The Letters: in 9 vol. L., 1955. Vol. II. P. 269.
21. *Liddel R.* Op. cit. P. 24.
22. *George Eliot's Life as Related in her Letters and Journals / ed. by J. W. Cross.* Edinburgh; L., 1887. P. 231.
23. *Eliot G.* Op. cit. P. 81.
24. *Noble Thomas A.* George Eliot's Scenes of Clerical Life. New Haven. 1965. P. 41.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.016:811.1/2

М. Н. Татарина

К вопросу о компонентном составе содержания иноязычного образования

В статье затронута проблема содержания иноязычного образования. Уточняются понятия «содержание образования» и «содержание иноязычного образования». Сопоставлены общепедагогическая трактовка категории «содержание образования» и подходы ведущих методистов в области иноязычного образования. Проанализированы результаты сопоставительного анализа обозначенных подходов.

The article touches upon the problem of foreign language education content. The concepts of “content of education” and “content of foreign language education” are clarified. The results of the comparative analysis of these approaches are considered.

Ключевые слова: содержание образования, содержание иноязычного образования, социокультурная теория содержания образования, компонентный состав содержания общего и иноязычного образования, сопоставление подходов к определению компонентного состава содержания образования.

Keywords: content of education, content of foreign language education, sociocultural theory of education content, component content of education and foreign language education, comparison of approaches to content of education.

Проблема содержания образования (СО) является ключевой в методике обучения любому школьному предмету, в том числе и иностранному языку (ИЯ), который, как справедливо отмечает Е. И. Пассов, уникален по своим образовательным возможностям. Это не «учебный предмет», а «образовательная дисциплина», обладающая огромным потенциалом, способным внести весомый вклад в развитие человека как индивидуальности. В данной статье мы обратились к проблеме компонентного состава содержания иноязычного образования. Перед нами стоят следующие задачи:

- уточнить понятие СО и содержание иноязычного образования;
- сопоставить общепедагогическую трактовку категории СО с подходами ведущих специалистов области иноязычного образования;
- рассмотреть результаты сопоставительного анализа обозначенных подходов.

Итак, наиболее признанной в современной отечественной дидактике является социокультурная теория СО (И. Л. Бим, В. В. Краевский, И. Я. Лернер, Е. И. Пассов, М. Н. Скаткин и др.), в контексте которой оно рассматривается как педагогически адаптированный социальный опыт человечества, тождественный по своей структуре самой человеческой культуре:

- «Нет ничего, что бы вошло в содержание образования, помимо культуры» (И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин) [1].

– «Содержанием образования является культура... Содержание иноязычного образования – соответственно иноязычная культура. Это та часть общей культуры человечества, которую ученик усваивает в процессе коммуникативного иноязычного образования» [2].

- «Главное... в общем среднем образовании – приобщение подрастающего поколения к культурному наследию, выработанному человечеством, к его культурному опыту...» [3]

Более того, в законе «Об образовании» говорится: «...общеобразовательные программы направлены на решение задач формирования общей культуры личности» [4]. Главное с этих позиций в общем среднем образовании – приобщение подрастающего поколения к культурному наследию, выработанному человечеством, к его культурному опыту в целях его даль-

нейшего развития. Таким образом, ключевыми понятиями при рассмотрении проблем современного содержания общего среднего образования являются понятия «культура», «культурный опыт человечества» [5].

Следовательно, иноязычное образование предусматривает овладение не только самим ИЯ, но и ознакомление с литературой, историей и в целом с культурой страны изучаемого языка, формирование их ценностной ориентации и развитие культуры самой личности, её интеллектуальной деятельности и социального взаимодействия человека с другими людьми. В этом смысле ИЯ выступает как средство познания картины мира, приобщения к ценностям, созданным другими народами. Одновременно язык – это ключ для открытия уникальности и своеобразия собственной народной самобытности и исторических достижений представителей мировых культур.

Однако, придя к выводу о том, что обобщенно-схематического представления иноязычной культуры как содержания иноязычного образования и средства достижения его цели недостаточно, мы осознали необходимость выделения более «мелких» квантов, компонентов СО, которые и станут, в первую очередь, объектами овладения учащимися. Созвучные идеи мы находим в трудах Е. И. Пассова, который утверждает: «На каждом уроке, постепенно и системно, шаг за шагом происходит овладение именно теми квантами, которые целесообразны с методических позиций, с точки зрения технологии. Если это будет сделано авторами учебных пособий, то объекты овладения в рамках указанных аспектов не останутся отданными на откуп учителю, не останутся лишь благими пожеланиями, а будут усвоены учениками» [6].

Наиболее распространённая среди методистов (И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, Е. И. Пассов и др.) точка зрения на содержание иноязычного образования базируется на их убеждённости в том, что в него должно быть включено не только то, что можно увидеть или услышать на уроке, что эксплицитно выражено или наглядно представлено субъектами учебного процесса, но и их чувства и эмоции, а также те психические процессы, которые протекают в их сознании в процессе познания чужой лингвокультуры [7]. Речь в данном случае идёт о некоем экстралингвистическом факторе, об «экстралингвистической информации». Это мысли, духовные ценности, культура, невербальные средства общения.

В таблице мы сопоставили общепедагогическую трактовку категории СО (И. Я. Лернер) с подходами ведущих методистов в области иноязычного образования.

Компонентный состав содержания общего и иноязычного образования

<i>Компоненты СО (И. Я. Лернер)</i>	<i>Компоненты содержания иноязычного образования (И. Л. Бим)</i>	<i>Аспект овладения иноязычной культурой (Е. И. Пассов)</i>
Знания о природе, обществе, технике, человеке, способах деятельности	Единицы языка и речи: от звука и буквы до целостного текста	Познавательный / культуроведческий: факты культуры народа, включая язык как неотъемлемый компонент этой культуры в её диалоге с родной культурой
Опыт осуществления известных способов деятельности	То, о чём мы говорим, читаем, слушаем, пишем: темы, проблемы, предметы речи (идеальный аспект СО)	Учебный / социальный: умение общаться посредством всех видов иноязычной речевой деятельности: говорения, чтения, аудирования и письма
Опыт творческой деятельности	Речевые действия с указанными выше единицами в целях решения учебно-познавательных и коммуникативных задач (процессуально-деятельностный аспект СО)	Развивающий / психологический: умение использовать развитые способности разного характера (способности осуществлять речевую деятельность, общение, учебную деятельность и др.)
Опыт эмоционально-ценностного отношения к миру, к людям, к себе	Чувства и эмоции, вызываемые взаимодействием выделенных компонентов СО и создающие благоприятную обучающую и воспитывающую среду (мотивационный и ценностно-ориентационный аспект)	Воспитательный / педагогический: нравственность, патриотизм, интернационализм, гуманизм, этическая культура, экологическая культура и др.

Сопоставление подходов к определению компонентного состава СО показало лишь частичное их соответствие. Рассмотрим выявленные сходства и различия.

1. Первый компонент во всех трёх подходах – «знаниевый». В концепции И. Я. Лернера – это знания, имеющие наиболее общий характер: о природе, обществе, способах деятельности, что не вполне отражает специфику иноязычного образования. У И. Л. Бим эта специфика прослеживается: она выделяет знания языкового и речевого материала. В концепции же Е. И. Пассова усилена культуроведческая направленность содержания иноязычного образования.

2. Второй компонент – опыт осуществления известных способов деятельности – в общепедагогическом подходе носит деятельностный характер. Это расходится с позицией И. Л. Бим, в концепции которой это компонент идеальный, статичный по характеру и включает темы, проблемы, предметы речи. Они соотносятся, на наш взгляд, одновременно с первым, третьим и четвёртым компонентом СО в концепции И. Я. Лернера:

- с первым (знаниевым) компонентом следует, по всей вероятности, соотнести темы и предметы речи;

- с третьим компонентом (опытом творческой деятельности) соотносятся проблемы. Это важная составляющая так называемого проблемного обучения (Т. В. Кудрявцев, Д. В. Вилькеев, Ю. К. Бабанский, М. И. Махмутов и И. Я. Лернер и др.). Его процессуально-технологический аспект включает активную «исследовательскую» деятельность ученика, благодаря успешному осуществлению которой он становится инициативной, самостоятельной творческой личностью;

- наконец, проблема как противоречие между должным и желаемым соотносится и с четвёртым компонентом – опытом эмоционально-ценностных отношений. Она является основой формирования нравственных ценностей, на осознание и внедрение которых в содержание собственной жизни «работает» эмоциональный «заряд» проблемы [8]. Понятно, что при этом проблема сама становится ценностью как для учителя, так и для учащихся.

Общепедагогическому подходу в большей степени соответствует концепция Е. И. Пассова: его второй – учебный (социальный) – аспект владения иноязычной культурой тоже носит деятельностный, а не статичный характер и включает умение общаться посредством всех видов иноязычной речевой деятельности.

3. Третий компонент у И. Я. Лернера предполагает овладение способами творческой деятельности, что не вполне соотносится с концепцией И. Л. Бим, ибо её процессуально-деятельностный аспект СО включает речевые действия в целях решения учебно-познавательных и коммуникативных задач, которые могут иметь и репродуктивный, и творческий характер. При этом отслеживается большая степень соответствия между опытом формирования репродуктивных элементов иноязычной речевой деятельности (часть третьего компонента у И. Л. Бим) со вторым компонентом СО в общепедагогической трактовке.

Весьма своеобразно трактует третий компонент и Е. И. Пассов, включая в него развитые способности разного характера. Среди них наверняка присутствуют

- те, которые нацелены на познание;
- направленные на осуществление репродуктивных речевых действий;
- ориентированные на реализацию деятельности творческого характера.

Это лишь частично соответствует и подходу И. Я. Лернера, ещё в меньшей степени – точке зрения на третий компонент И. Л. Бим.

4. Четвёртый компонент во всех концепциях носит эмоционально-ценностный характер и свидетельствует о признании исследователей необходимости эмоционально насыщенного образования, формирующего опыт ценностного отношения к объектам действительности.

Итак, результаты сопоставительного анализа подходов выявили спорность многих вопросов, связанных с компонентным составом иноязычного образования. Однако во всех из них прослеживается ключевая для данного исследования идея: помимо знаний, навыков и умений в состав содержания иноязычного образования входит также опыт эмоционально-ценностных отношений учащихся. Объяснить это можно тем, что

- в структуре предмета ИЯ он окрашивает содержание речевого материала личностным смыслом, что делает иноязычные навыки и умения значимыми для учащихся и помогает процессу их формирования, совершенствования и развития. Так происходит выстраива-

ние личностной системы ценностей учащихся, осваивающих ИЯ, и развитие не только их интеллектуальной сферы, но и ценностной и эмоционально-чувственной;

– включение данного компонента в содержание иноязычного образования не только определяет степень соответствия учебно-воспитательного учреждения запросам и требованиям современной жизни, но и обеспечивает преемственность поколений в различных сферах деятельности, играет немаловажную роль в формировании личности, её мировоззрения, нравственного отношения к миру и самому себе;

– в конечном итоге именно опыт эмоционально-ценностных отношений определяет то, какой личностью войдёт выпускник школы в самостоятельную жизнь; носителем каких ценностных ориентаций он будет; насколько созидательны будут его помыслы и идеи; какую жизненную позицию займёт личность в обществе, в отношениях с людьми.

Примечания

1. Дидактика средней школы / под ред. М. Н. Скаткина, И. Я. Лернера. М., 1975. С. 63.
2. *Пассов Е. И.* Методика как теория и технология иноязычного образования. Кн. 1. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. С. 171.
3. *Бим И. Л.* Что означает личностная ориентация образования применительно к деятельности учителя // Иностранные языки в школе. 2009. № 3. С. 4.
4. Закон РФ «Об образовании». М., 2002. С. 7.
5. *Бим И. Л.* Указ. соч. С. 4.
6. *Пассов Е. И.* Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. «Развитие индивидуальности в диалоге культур». М.: Просвещение, 2000. С. 38.
7. *Гальскова Н. Д., Гез Н. И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2004. С. 123.
8. *Яновская М. Г.* Эмоциональный фактор в процессе формирования интеллигентности будущего специалиста. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. С. 8.

Notes

1. Didaktika – srednej shkoly Didactics of high school / ed. M. N. Skatkin, I. J. Lerner. Moscow. 1975. P. 63.
2. *Passov E. I.* Metodika kak teoriya i tekhnologiya inoyazychnogo obrazovaniya [Methodology as the theory and technology of foreign language education]. Book 1. Elec. ESU of Ivan Bunin. 2010. P. 171.
3. *Bim I. L.* Chto oznachayet lichnostnaya orientatsiya obrazovaniya primenitel'no k deyatel'nosti uchitel'ya [What is the personal orientation of education in relation to the activities of the teacher] // Foreign languages in school. 2009, № 3, p. 4.
4. RF Law "On education". Moscow. 2002. P. 7 (in Russ.).
5. *Bim I. L.* Op. cit. P. 4.
6. *Passov E. I.* Programma-kontseptsiya kommunikativnogo inoyazychnogo obrazovaniya. «Razvitie individual'nosti v dialoge kul'tur» [Program-concept of communicative foreign language education. "The development of individuality in the dialogue of cultures. "] Moscow. Prosvesheniye. 2000. P. 38.
7. *Galskova N. D., Gez N. I.* Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika [Theory of teaching of foreign languages: didactics and methodology]: textbook for stud. of ling. universities and faculties of foreign lang. of higher educational institutions. Moscow. Publ. center "Academia". 2004. P. 123.
8. *Yanovska M. G.* Emotsional'nyj faktor v protsesse formirovaniya intelligentnosti budushchego spetsialista [Emotional factor in shaping the future of intelligence specialist]. Kirov. VyatSGU Publ. 2008. P. 8.

Использование деятельностного подхода в обучении как одно из условий совершенствования методической компетенции педагога в условиях реализации стандартов второго поколения

В статье рассматривается методическая компетенция педагога как способность и готовность к целенаправленному планомерному образу действия учителя при выполнении профессиональных заданий и решении проблем. В статье анализируется роль учителя при реализации Федеральных образовательных стандартов как первого, так и второго поколения. Авторы делают акцент о необходимости самоизменения профессиональной деятельности учителя, причем однозначно в сторону использования деятельностного подхода в обучении.

The article considers methodical competence of the teacher as the ability and willingness to purposeful steady image of the teacher's actions when performing professional tasks and solving problems. The article analyzes the role of the teacher with the implementation of Federal educational standards of both the first and second generation. The authors put emphasis on the necessity of self-transformation professional activity of a teacher, and unequivocally towards the use of the activity method in school training.

Ключевые слова: методическая компетенция, Федеральные государственные образовательные стандарты, деятельностный подход.

Keywords: methodical competence, Federal state educational standards, the activity method.

Необходимым критерием грамотной работы педагога служит умение адекватно подбирать приемы и методы работы в рамках одного занятия или цикла занятий. Компетентный педагог умеет гибко адаптировать технологии преподавания (воспитания) к возрастным особенностям обучающихся (воспитанников), уровню их подготовленности, их интересам, меняет выбор методов с учетом конкретных условий. В работе использует методы, побуждающие детей рассуждать. Важным элементом преподавания (воспитания) являются используемые педагогом методические материалы и дополнительные источники. Каждый прием, используемый педагогом, способствует достижению целей всего занятия.

Классификаций компетенций предложено много, но, как правило, их делят на две большие группы:

- универсальные (необходимые каждому образованному человеку при освоении любой профессии);
- профессиональные (специализированные, используемые в определённых профессиях).

«Методическая компетенция обозначает способность и готовность к целенаправленному, планомерному образу действия при выполнении профессиональных заданий и решении проблем (например, при планировании рабочих шагов). При этом самостоятельно выбираются, применяются, а при необходимости совершенствуются изученные методы мышления и способы работы или стратегии решения для преодоления рабочих заданий и проблем. Методическая работа охватывает самостоятельную организацию и оценку; это требует собственной инициативы и творчества» [1].

Говоря о методической компетенции педагога, мы выделяем две ее составляющие:

- 1) умение педагога осуществлять традиционную педагогическую деятельность;
- 2) умение проектировать и конструировать педагогические инновации, то есть профессионально отбирать содержание инновации, проектировать реализацию этого содержания через применение современных педагогических технологий; прогнозировать ожидаемый результат, который может быть получен в ходе реализации инновации, описывать критерии оценивания эффективности спроектированной инновации.

В экспертном листе учителя данный показатель оценивается по следующим показателям:

- своевременно вносит коррективы в методы преподавания в зависимости от сложившейся ситуации;
- применяемые методы соответствуют целям и задачам обучения, содержанию изучаемой темы;
- применяемые методы соответствуют имеющимся условиям и времени, отведенному на изучение темы;
- владеет современными методами преподавания;
- обоснованно использует на уроках современные информационно-коммуникативные технологии.

Федеральные государственные образовательные стандарты начального, основного, среднего общего образования (далее – ФГОС) предъявляют существенные требования как к результатам освоения образовательных стандартов, так и к условиям реализации ФГОС.

В основе ФГОС лежит деятельностный подход, концептуально базирующийся на обеспечении соответствия учебной деятельности обучающихся их возрасту и индивидуальным особенностям [2].

Внедрение федерального государственного образовательного стандарта общего образования может обостриться противоречием, требующим своего разрешения: это противоречие между современными требованиями к высокому уровню методической компетенции педагогов и недостаточным уровнем их готовности к профессиональной деятельности в соответствии с ФГОС второго поколения.

Успешность «материализации» ФГОС зависит в первую очередь от методического мастерства педагогов, их реализующих.

Какова роль учителя в традиционной системе обучения? Он – воспитатель, руководитель, контролер, образец. Что меняется в работе учителя в рамках современной парадигмы образования? Учитель – помощник, организатор, товарищ, стимулятор.

Н. А. Морева отмечает, что в процессе каждодневной деятельности перед преподавателем постоянно встает вопрос «Как учить?», поэтому он задумывается об обновлении и улучшении учебно-методического обеспечения реального учебного процесса. Его наработки постепенно обретают форму авторской технологии, основу которой составляет обобщенный индивидуальный опыт педагога. При этом отбирается только то, что целесообразно дополняет, расширяет, обогащает методический инструментарий деятельности преподавателя и приносит ощутимый результат [3].

Использование в педагогической деятельности современных образовательных технологий позволяет преподавателям повысить мотивацию обучающихся, расширить учебный процесс и, не отрываясь от проблем обучения и воспитания, развить личностные качества обучающихся и составить основу эффективности результатов обучения.

Распространение опыта инновационного обучения в образовании вызвано необходимостью подготовки обучающихся к жизни в изменяющемся мире, когда особое значение приобретает умение быстро ориентироваться в обстановке, найти необходимые данные и принять правильное решение.

В рамках современной образовательной парадигмы цель образования – развитие личности, раскрытие и развитие её задатков и способностей, сущностных сил и призвания.

Достижению этой цели способствуют деятельностный, личностно-ориентированный, компетентностный подходы.

Поэтому, на наш взгляд, прав А. С. Смирнов, который пишет: «Человек, обеспечивающий образование, – не математик, не историк, и даже не учитель, а методолог, социотехник, коммуникатор» [4]. Как пишет В. Е. Степанова, методолог – умеющий организовать и соорганизовать деятельность субъектов, социотехник – умеющий развивать и расширять связи, коммуникатор – умеющий строить отношения на основе диалога, в целом специалист «умеющий адекватно употреблять самого себя в условиях постоянно меняющейся деятельности. Это специалист, развивающий новые формы Мышления и Деятельности» [5].

Принцип активности ребенка в процессе обучения был и остается одним из основных в дидактике. Под этим понятием подразумевается такое качество деятельности, которое характеризуется высоким уровнем мотивации, осознанной потребностью в усвоении знаний и умений, результативностью и соответствием социальным нормам.

Деятельностный подход предполагает наличие у детей познавательного мотива (желания узнать, открыть, научиться) и конкретной учебной цели (понимания того, что именно нужно выяснить, освоить); выполнение учениками определённых действий для приобретения недостающих знаний; выявление и освоение учащимися способа действия, позволяющего осознанно применять приобретённые знания; формирование у школьников умения контролировать свои действия – как после их завершения, так и по ходу; включение содержания обучения в контекст решения значимых жизненных задач [6].

Каковы цели образования для стандартов первого поколения? Усвоение знаний, умений, навыков. Цели стандартов второго поколения – развитие личности, способной к самореализации и быстрой адаптации к изменяющимся условиям жизни в новых реалиях открытого общества. Таким образом, знания, умения и навыки из категории целей перешли в категорию средств.

Ключевые изменения Федеральных государственных образовательных стандартов начального и основного общего образования можно сформулировать следующими положениями:

- 1) ориентация на результаты образования;
- 2) объектами контроля и аттестационных процедур (учителя, школы, региона) являются теперь личностные, метапредметные и предметные результаты.

Поскольку любая система деятельности работает на цели, которые контролируются, то новый стандарт создает условия для реального перехода к школе саморазвития и самореализации личности.

Что должно поменяться в системе образования для успешной реализации ФГОС?

Л. Любимов отмечает, что «в стереотипе советского учительского мышления только мы знаем (предмет, т. е. информацию), и только мы можем передать знание ребенку. Поэтому “передача знаний” (на современном этапе) во многом просто потеряла значимость»... Изменилось и соотношение предметных часов в учебных планах. Тот же Л. Любимов отмечает, что «...надо помнить, что это могут быть часы, принадлежащие учительской “говорящей голове” (сегодня они во многом бесполезны. – *Прим. авт.*); часы, когда на уроке ребенок сам ищет информацию, осмысливает ее, адаптирует под свои задачи, наделяет собственными смыслами и конструирует из нее собственное знание (т. е. УЧИТСЯ, а не его УЧАТ)» [7].

Таким образом, напрашивается вывод о том, что необходимым условием реализации ФГОС является самоизменение учителя, причем однозначно в сторону использования технологии деятельностного метода преподавания.

Именно технология деятельностного метода обучения (ТДМ) помогает учителю на каждом уроке независимо от предметного содержания включить учащихся в активную учебно-познавательную деятельность.

Технология деятельностного метода построена на основе методологических законов общей теории деятельности (Г. П. Щедровицкий, О. С. Анисимов и др.) [8].

Идея простая: в универсуме деятельности выделить те ее виды, которыми должен овладеть выпускник школы, и построить структуру урока и дидактические условия его реализации, при которых обеспечивается системное формирование способностей детей к осуществлению выявленных видов деятельности во всей полноте.

В результате построены структуры уроков разных типов и для разных этапов обучения (ДОУ – школа – вуз), обеспечивающих непрерывность образовательного процесса как по вертикали, так и по горизонтали. В ходе этих уроков учитель имеет возможность организовывать самостоятельную учебно-познавательную деятельность обучающихся, целенаправленно и системно формируя у них весь спектр деятельностных способностей.

Исходя из методологических законов формирования целостного представления о мире, в дидактической системе «Школа 2000...» уроки деятельностной направленности по целеполаганию распределены в четыре группы [9]:

1. Урок открытия нового знания

Деятельностная цель: формирование у учащихся способностей к самостоятельному построению новых способов действия на основе метода рефлексивной самоорганизации.

Образовательная цель: расширение понятийной базы по учебному предмету за счет включения в нее новых элементов.

2. Урок рефлексии

Деятельностная цель: формирование у учащихся способностей к самостоятельному выявлению и исправлению своих ошибок на основе рефлексии коррекционно-контрольного типа.

Образовательная цель: коррекция и тренинг изученных способов действий – понятий, алгоритмов и т. д.

3. Урок обобщения и систематизации знаний направленности

Деятельностная цель: формирование у учащихся способностей к структурированию и систематизации изучаемого предметного содержания.

Образовательная цель: систематизация учебного материала и выявление логики развития содержательно-методических линий курсов.

4. Урок развивающего контроля

Деятельностная цель: формирование у учащихся способностей к осуществлению контрольной функции.

Образовательная цель: контроль и самоконтроль изученных понятий и алгоритмов.

Принципиальным отличием технологии деятельностного метода от традиционной технологии демонстрационно-наглядного метода обучения является, во-первых, то, что предложенная структура описывает деятельность не учителя, а учащихся. Кроме того, при прохождении учащимися описанных шагов технологии деятельностного метода обеспечивается системный тренинг полного перечня деятельностных способностей, выделенных на основе анализа «Онто-схемы мира деятельности».

Технология деятельностного метода опирается на реализацию следующих дидактических принципов:

- принцип деятельности – заключается в том, что ученик получает знания не в готовом виде, а добывает их сам;
- принцип непрерывности – означает преемственность между всеми ступенями и этапами обучения на уровне технологии;
- принцип целостности – предполагает формирование учащимися обобщенного системного представления о мире;
- принцип минимакса – заключается в следующем: школа должна предложить ученику возможность освоения содержания образования на максимальном для него уровне и обеспечить при этом его усвоение на уровне социально безопасного минимума;
- принцип психологической комфортности – предполагает снятие всех стрессообразующих факторов учебного процесса;
- принцип вариативности – предполагает формирование учащимися способностей к систематическому перебору вариантов и адекватному принятию решений в ситуациях выбора;
- принцип творчества – означает максимальную ориентацию на творческое начало в образовательном процессе, приобретение учащимся собственного опыта творческой деятельности.

Предложенная технология носит интегративный характер: в ней синтезированы не конфликтующие между собой идеи из концепций развивающего образования ведущих российских педагогов и психологов с позиций преемственности с традиционной школой. Таким образом, методологическая версия теории деятельности позволила построить последовательность деятельностных шагов, которая может использоваться в современной сфере образования в качестве синтезирующего предиката.

Для того чтобы знания учащихся были результатом их собственных поисков, необходимо организовать эти поиски, управлять учащимися, развивать их познавательную деятельность – в этом функция учителя.

Технология деятельностного метода обучения позволяет поставить ученика в новую роль – «исследователей», под «скрытым» руководством учителя они открывают для себя новые знания, сделать процесс учения поисковым и творческим, предоставить учащимся выбор, альтернативу, возможность путем размышления самим выбрать образец правильного алгоритма учебного действия.

Технология деятельностного метода обучения может применяться при изучении любого предмета, создает благоприятные условия для разноуровневого обучения и практиче-

ской реализации всех дидактических принципов деятельностного подхода. Она позволяет повысить мотивацию учащихся, учить детей творчеству, воспитывать в каждом ребенке самостоятельную личность, осуществлять поиск нужной информации, вступать в дискуссию.

Каждый учитель должен стать новатором, найти свою методику, отвечающую его личным качествам. Поэтому наряду с традиционным вопросом «Чему учить?» учитель должен понимать «Как учить?» или, точнее, «Как учить так, чтобы инициировать у детей собственные вопросы: “Чему мне нужно научиться?” и “Как мне этому научиться?”» Чтобы быть готовым к этому, учителю следует осмыслить и принять идею деятельностного подхода как основы стандартов второго поколения, владеть инновационными методиками и технологиями и эффективно применять их, быть профессионально компетентным во всех его аспектах.

Примечания

1. Уматалиева К. Т. Развитие профессиональных и методических компетенций преподавателя колледжа в процессе повышения квалификации с применением современных технологий обучения // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 419–423.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 06.10.2009 г. № 373.
3. Морева Н. А. Технологии профессионального образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Изд. дом «Академия», 2008. С. 178.
4. Смирнов А. С. Философия. Культура. Образование. Новосибирск, 1990. С. 38.
5. Степанова В. Е. В пространстве Мышления и Деятельности (Саморазвитие педагогического коллектива). – Якутск: Изд-во ИПКРО, 2007. –С. 9.
6. Смирнов А. С. Указ. соч.
7. Любимов Л. Л. Эффективный инструмент создания новой школы // Вопр. образования. 2011. № 2. С. 193–203.
8. Петерсон Л. Г. и др. Система и структура учебной деятельности в контексте современной методологии. М., 2006.
9. Петерсон Л. Г. Деятельностный метод обучения: образовательная система «Школа 2000...» // Построение непрерывной сферы образования. М., 2007.

Notes

1. Umatalieva K. T. Razvitie professional'nykh i metodicheskikh kompetentsij prepodavatelya kolledzha v protsesse povysheniya kvalifikatsii s primeneniem sovremennykh tekhnologij obucheniya [Development of professional and methodological competence of the college teacher in the process of training with the use of modern learning technologies] // Molodoj uchenyj – Young scientist. 2012, № 3, pp. 419-423.
2. Federal State Educational Standard of primary education. Approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 06. 10. 2009 № 373 (in Russ.).
3. Moreva N. A. Tekhnologii professional'nogo obrazovaniya [Technology of professional education studies]: textbook for stud. of higher educational institutions. 3rd ed., stereotype. Moscow. Publ. house "Academia". 2008. P. 178.
4. Smirnov A. S. Filosofiya. Kul'tura. Obrazovanie [Philosophy. Culture. Education]. Novosibirsk. 1990. P. 38.
5. Stepanova V. E. V prostranstve Myshleniya i Deyatel'nosti (Samorazvitie pedagogicheskogo kolektiva) [In the space of thought and action (Self-development of the teaching staff)] Yakutsk. IPKRO Publ. 2007. P. 9.
6. Smirnov A. S. Op. cit.
7. Lyubimov L. L. EHffektivnyj instrument sozdaniya novoj shkoly [Effective tool for creating a new school] // Vopr. obrazovaniya – Problems of education. 2011, № 2, pp. 193-203.
8. Peterson L. G. et al. Sistema i struktura uchebnoj deyatel'nosti v kontekste sovremennoj metodologii [System and structure of learning activities in the context of modern methodology]. Moscow. 2006.
9. Peterson L. G. Deyatel'nostnyj metod obucheniya: obrazovatel'naya sistema «SHkola 2000...» [Activity method of teaching: the educational system "School 2000 ... "] // Postroenie nepreryvnoj sfery obrazovaniya – Construction of continuous education. Moscow. 2007.

Использование интерактивных методов обучения на занятиях по иностранному языку в техническом вузе (на примере технологии «командообразования»)

Статья посвящена вопросу использования интерактивных методов обучения иностранному языку инженеров. Авторы рассматривают различные трактовки понятия «интерактивные методы обучения», анализируют эффективность их разновидностей и разрабатывают собственную систему обучения иностранному языку, которая предполагает активное речевое взаимодействие участников учебного процесса. Содержательный элемент системы представлен психодраматическим и фреймовым подходами. Основу содержательного элемента составляет дисциплина «Иностранный язык». Организационно-деятельностный элемент системы представлен технологией «командообразования», состоящей из комплекса игр на иностранном языке.

The article is devoted to implementation of interactive methods for the English language teaching of engineers. The authors consider various interpretations of the concept “interactive methods”, analyse their effectiveness and develop their own system of foreign language teaching, that is focused on the participation of all students in the speech process. The foundation of the content element is the English language – a discipline of federal component. “Team-building” technology of the system concludes the organizational-pragmatic element. This technology includes the complex of games in English.

Ключевые слова: инженер, система обучения, иностранный язык, психодраматический подход, интерактивные методы, фреймовый подход, технология «командообразования», игры на иностранном языке.

Keywords: engineer, teaching system, foreign language, psychodramatic approach, frame approach, “team-building” technology, games in English.

В связи с политическими, экономическими и социальными изменениями, происходящими в России, значительно выросли её культурные и деловые связи с другими странами, что повлияло на характер развития инженерного дела и его коммерциализацию. В настоящее время во многих бизнес-организациях, концернах, совместных предприятиях существует потребность в высокотехнологичных инженерных разработках, имеющих коммерческую ценность и соответствующих всем требованиям предприятий-заказчиков из зарубежных стран. Изучение российских и международных требований к подготовке квалифицированного специалиста-инженера показывает, что профессиональная компетентность инженеров в настоящее время определяется не только высоким уровнем профессиональных знаний, но и развитием таких общих (личностных, межпредметных) компетенций, как понимание сущности профессии инженера, обязанности служить обществу, профессии и осознание ответственности за инженерные решения, в том числе в социальном и экологическом контексте; способность эффективно работать индивидуально и как член команды [1]. Следовательно, меняются требования к подготовке инженерных кадров, востребованных в сфере инженерного бизнеса, что диктует модернизацию системы высшего образования. Большую роль в этом играет иностранный язык, который обеспечивает конкурентоспособность выпускников технического вуза в мире.

Возникает необходимость в модернизации системы подготовки инженеров, что предполагает дальнейшую теоретическую разработку проблемы их профессиональной подготовки в сфере инженерного бизнеса с учётом результатов, полученных отечественными учёными (И. Д. Белоновская, В. И. Горбунов, М. Е. Добрусин, Б. В. Илькевич, Е. В. Колесов, Г. Б. Кочетков, Н. В. Чигиринская и др.). На страницах научно-педагогических журналов («Высшее образование в России», «Менеджмент в России и за рубежом», «Высшее образование сегодня») обсуждаются вопросы повышения качества образования специалистов для сферы инженерного бизнеса, что подтверждает актуальность проблемы исследования, которая представлена в педагогике различными аспектами: рассмотрены тенденции подготовки инженеров-менеджеров (Ю. П. Ветров, И. Г. Дёжина, А. Г. Ивашкин, А. И. Чучалин и др.); определены

стратегии образования инженеров (М. Н. Вражнова, В. Д. Журавский, З. А. Сазонова, И. Б. Фёдоров и др.); выявлены методы обучения инженеров (Ю. П. Похолков, В. Н. Тарасова и др.). Анализ исследований подтверждает, что обучение в современном техническом вузе становится интерактивным и инновационным.

Целью данной статьи является раскрытие основных характеристик интерактивного обучения и эффективности использования данного обучения на занятиях по иностранному языку в техническом вузе.

Дисциплина «иностраный язык» в техническом вузе обладает мощным личностно- и профессионально формирующим потенциалом. В процессе подготовки происходит активизация интегративного мышления инженера, образуется большое количество новых связей, развитие речи сопряжено с развитием интеллектуальных способностей. Погружаясь в ситуацию профессионального общения на иностранном языке, студенты не просто осваивают знания по предмету «иностраный язык», но и «знакомятся» с примерами из деятельности специалистов инженерного бизнеса за рубежом. Именно атмосфера и коммуникативная направленность данной дисциплины позволяет использовать интерактивные методы. По мнению Е. Г. Кашиной, «урок иностранного языка характеризует, прежде всего, атмосфера общения... становление творческой личности, обучение общению на иностранном языке невозможно в бездуховной атмосфере» [2]. Во многом сам урок зависит от мастерства преподавателя, его чувства атмосферы.

Интерактивные методы обучения пришли на смену коммуникативному методу обучения как высокоэффективные в связи с тем что повышают мотивацию студентов, целенаправленность и позволяют организовывать занятия таким образом, чтобы все студенты были вовлечены в деятельность, в активную языковую практику. Организация занятий с помощью интерактивных методов обучения способствует формированию речевой культуры студентов, которая необходима им для осуществления успешной профессиональной деятельности. Начало истории развития и использования интерактивных методов обучения приходится на 20-е гг. XX в. В 60-е г. разработку интерактивных методов можно найти в трудах В. А. Сухомлинского. 70–80-е гг. отмечены творческими поисками в этой области Ш. А. Амонашвили, В. Ф. Шаталова, Е. Н. Ильина и др.

Раскроем сущность понятия «интерактивность». В. О. Никишина рассматривает интерактивность на занятиях по иностранному языку как «речевое взаимодействие двух или более людей в процессе общения» [3]. Особенности этого взаимодействия состоят в следующем: пребывание субъектов образования в одном смысловом пространстве; совместное погружение в проблемное поле решаемой задачи, т. е. включение в единое творческое пространство; согласованность в выборе средств и методов реализации решения задачи; совместное вхождение в близкое эмоциональное состояние, переживание созвучных чувств, сопутствующих принятию и осуществлению решения задач.

А. В. Обсков трактует данное понятие как «усиленное действие между кем-либо» [4]. Ключевым понятием, по мнению А. Р. Рамазановой, определяющим смысл интерактивных методов, является «взаимодействие». Взаимодействие понимается как непосредственная межличностная коммуникация, важнейшей особенностью которой признается способность человека «принимать роль другого», представлять, как его воспринимает партнер по общению или группа, и соответственно интерпретировать ситуацию и конструировать собственные действия [5].

В самом широком смысле интерактивные методы соотносятся с гуманитарными технологиями, которые интерпретируют как «средства организации социальной деятельности и социального взаимодействия человека с окружающим миром, позволяющие выразить свое личностное отношение к окружающему миру и самому регулировать характер своих отношений с миром, будь это взаимодействие человека с природой, техникой, информацией, людьми, самим собой» (Т. А. Карпова).

Задачей разработчиков учебных программ является включение ряда интерактивных методов в описание плана практических занятий. Приведём ряд интерактивных методов обучения, часто используемых на занятиях по иностранному языку в техническом вузе:

1. Инсерт.
2. Парная мозговая атака.
3. Групповая мозговая атака.

4. Вопросы Блума.
5. Чтение с остановками.
6. Кластеры.
7. Синквейн.
8. «Продвинутая лекция»
9. Ключевые термины.
10. Взаимоопрос.

Очевидно, что современная лингводидактика и педагогика предлагают большое разнообразие интерактивных методов обучения. Однако не все вышеперечисленные отвечают требованиям подготовки современных инженеров. Их применение должно быть продумано, мотивировано и тщательно подготовлено.

На кафедре лингвистики, межкультурной коммуникации и социально-культурного сервиса активно применяется такая разновидность интерактивных методов обучения, как технология «командообразования», в особенности среди студентов инженерно-экономического факультета. Прежде чем выбрать данную технологию, был проведён анализ научной литературы, который позволил выявить специфику профессиональной деятельности инженеров-экономистов и в сфере инженерного бизнеса: это интегративность функций (экономиста и инженера). Инженерный бизнес – сфера деятельности инженеров-экономистов – обеспечивает создание коммерческого продукта, что определяет её особенность: ведущим видом деятельности является управленческая деятельность, которая реализуется поэтапно (планирование, осуществление, контроль, управление воздействием) в ходе коммуникативного взаимодействия. Структура деятельности инженера-экономиста была определена через выявление его профессиональных ролей, которые специалист осуществляет в процессе управленческой деятельности.

Пилотажное исследование, проведённое среди студентов инженерно-экономического факультета Самарского государственного архитектурно-строительного университета, выявило низкий уровень знания иностранного языка, что потребовало поиска новых средств обучения.

Разработанная нами образовательная система включает содержательный элемент, основанный на фреймовом подходе и представленный дисциплиной «Иностранный язык», и организационно-деятельностный элемент, базирующийся на методологических позициях психодраматического и контекстного подходов.

Основу содержательного элемента представляла дисциплина «Иностранный язык», содержание которой направлено на обучение иностранному языку с фреймовым подходом, который ориентирует будущего специалиста на использование определённой лексики, на создание целостного образа управленческой деятельности. В системе выделяем различные фреймы для отбора содержания обучения иностранному языку, которые представляются нам шире, чем просто лексико-семантическое единство, так как лексические единицы, входящие в состав фрейма, вписываются в определённый контекст деятельности, таким образом, становятся частью поведения, образом действий будущего специалиста.

Организационно-деятельностный элемент системы обучения представляет совокупность игр на иностранном языке, отобранных в соответствии с принципами психодраматического и контекстного подходов, что способствует развитию навыков иноязычной коммуникации. С помощью игр имитируются действия представителя профессии, формируется ролевой репертуар, воссоздаётся профессиональная реальность за счёт обеспечения контекста, близкого по содержанию каждому этапу управления коллективом.

Технология «командообразования» была основана на ситуациях реального общения в контексте управленческой деятельности инженеров-экономистов, которые способствуют выработке модели поведения в различных профессиональных ситуациях и свойственного этим ситуациям профессионального языка, взаимодействию, овладению управленческими стратегиями и формированию таких профессионально значимых свойств, как умение убеждать и переубеждать, мотивировать и поддерживать участников команды.

По результатам формирующего эксперимента убедились, что обучение студентов посредством выбранной технологии как разновидности интерактивного обучения способствует быстрому и эффективному усвоению иностранного языка.

Использование в работе данной технологии интерактивного обучения дает студенту развитие личностной рефлексии; осознание включенности в общую работу; становление активной субъектной позиции в учебной деятельности; развитие навыков общения; принятие нравственности норм и правил совместной деятельности; повышение познавательной активности.

Примечания

1. Проектирование государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения: метод. рек. для рук. УМО вузов РФ: проект / авт.-сост. В. И. Байденко, Е. Б. Белов [и др.]. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2005.
2. *Кашина Е. Г.* Коммуникативно-театральный метод обучения иностранному языку: развитие множественных типов интеллекта у студентов. Самара: Изд-во «Самар. ун-т», 2012. С. 67.
3. *Никушина В. О.* Интерактивные методы обучения иностранному языку // www.pglu.ru/lib/publications/University.../II/uch_2012_II_00022.pdf. С. 56.
4. *Обсков А. В.* К проблеме организации интерактивного обучения иностранному языку в вузе // Вестник ТГПУ. Сер. «Педагогика». 2012. № 11 (126). С. 120–124.
5. *Рамазанова А. Р.* Преимущества интерактивных методов обучения иностранным языкам // Материалы статей V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». 2013. С. 132.

Notes

1. *Proektirovanie gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya novogo pokoleniya* – Design of the state educational standards of higher education of a new generation: method. recommendations for heads of UMO universities of Russia: project / auth. -comp. V. I. Baydenko, E. B. Belov [et al.]. Moscow. Research center of the quality of training. 2005.
2. *Kashina E. G.* Kommunikativno-teatral'nyj metod obucheniya inostrannomu yazyku: razvitie mnozhestvennykh tipov intellekta u studentov [Communicative theatrical method of teaching a foreign language: the development of multiple types of intelligence in students]. Samara. "Samara University" Publ. 2012. P. 67.
3. *Nikishina V. O.* Interaktivnye metody obucheniya inostrannomu yazyku [Interactive methods of teaching foreign language] // www.pglu.ru/lib/publications/University.../II/uch_2012_II_00022.pdf. P. 56.
4. *Obskaya A. V.* K probleme organizatsii interaktivnogo obucheniya inostrannomu yazyku v vuze [On the problem of the organization of interactive learning of a foreign language in high school] // Vestnik TGPU – Herald of TSPU. Ser. "Pedagogy". 2012, № 11 (126), pp. 120-124.
5. *Ramazanova A. R.* Preimushchestva interaktivnykh metodov obucheniya inostrannym yazykam [Advantages of interactive methods of teaching foreign languages] // Materialy statej V Mezhdunarodnoj studencheskoj ehlektronnoj nauchnoj konferentsii «Studencheskij nauchnyj forum» – Materials of articles of the V International Student e-Conference "Student Research Forum." 2013. P. 132.

УДК 37.022

Е. М. Ковязина

Роль курса дискретной математики в процессе обучения экономиста-аналитика

В статье рассматриваются примеры использования основных разделов дискретной математики (комбинаторика, метод математической индукции, множества и отношения, логика, теория графов) при построении математических моделей в экономике.

The article is devoted to construction of mathematical models in economy. Examples of the applying of main sections of Discrete Mathematics (Combinatorics, Mathematical Induction, Sets and Relations, Logic, Graph Theory) are considered.

Ключевые слова: система предпочтения, множества, логика, бинарные отношения.

Keywords: system of preferences, sets, logic, binary relations.

Курс дискретной математики для бакалавров направлений подготовки бизнес-информатика, прикладная информатика в экономике, математические методы и инструментариум в экономике читается во втором семестре первого курса. Основные разделы курса – комбинаторика, метод математической индукции, множества и отношения, логика, теория графов и сетей. Рассмотрим некоторые применения основных разделов курса при изучении студентами других дисциплин.

Под термином «комбинаторика» будем понимать так называемую перечислительную комбинаторику – науку, которая занимается перечислением и подсчетом количества различных конфигураций (перестановок, сочетаний, размещений), образуемых элементами конечных множеств, на которые накладываются некоторые ограничения (различимы или неразличимы элементы, возможность повторения элементов). Неоспоримо, знание основ комбинаторики при изучении теории вероятностей, которая в дальнейшем используется при построении вероятностных моделей в курсах исследования операций в экономике, математическое моделирование экономических процессов, финансовые вычисления. Бином Ньютона используется при доказательстве некоторых теорем математического анализа. Однако комбинаторные задачи возникают в чистом виде при построении экономических моделей.

Задача [1]. Сколько существует различных систем предпочтения на множестве, состоящем из а) двух; б) трех, в) четырех альтернатив?

Решение. а) Для двух альтернатив возможны три системы предпочтений, а именно:

- 1) альтернатива y предпочтительнее x ($x \prec y$);
- 2) альтернатива x предпочтительнее y ($y \prec x$);
- 3) альтернативы равноценны ($x \cong y$).

б) Для трех альтернатив рассмотрим случаи:

1) Нет равноценных альтернатив. Таких систем столько, сколько перестановок из трех элементов: $P_3 = 3! = 6$.

2) Одна пара равноценных альтернатив. Пару из трех элементов можно выбрать $C_3^2 = 3$ способами, и после каждого такого выбора переставить эту пару с оставшимся элементом можно $P_2 = 2$ способами. То есть таких систем $C_3^2 \cdot P_2 = 3 \cdot 2 = 6$.

3) И существует одна система предпочтений, когда все альтернативы равнозначны.

Таким образом, всего 13 систем предпочтения, если имеется три альтернативы.

в) Для четырех альтернатив имеем следующие случаи:

1) Нет равноценных альтернатив. Таких систем столько, сколько перестановок из четырех элементов: $P_4 = 4! = 24$.

2) Систем, в которых одна пара равноценных альтернатив, имеем $C_4^2 \cdot P_3 = 36$.

3) Систем, в которой две пары равноценных элементов в каждой паре, но элементы из разных пар не равноценны, имеется $C_4^2 \cdot P_2 = 12$.

4) Систем, в которых три равноценные альтернативы, – $C_4^3 \cdot P_2 = 8$.

5) И существует одна система предпочтений, когда все альтернативы равнозначны.

Таким образом, всего существует 81 система предпочтения, если имеется четыре альтернативы.

Метод математической индукции – распространенный метод доказательства в дискретной математике. С помощью него, например, доказываются ряд теорем и задач теории графов. Приведем пример доказательства методом математической индукции утверждения из курса финансовых вычислений.

Рассмотрим вопрос кредитных расчетов [2]. Существует ряд различных видов погашения кредита – погашение основного долга одним платежом в конце срока займа, выплаты основного долга равными годовыми выплатами или так называемые аннуитетные платежи, когда каждый год выплачивается одинаковая сумма, которая гасит часть основного долга и процентные деньги. Покажем методом математической индукции по количеству выплат, что все схемы выплат денежно эквивалентны погашению займа одним платежом в конце срока.

Пусть займ в размере D выдан на n лет под годовой процент i , который начисляется по схеме сложных процентов на непогашенный остаток. В конце каждого года возвращается

сумма R_k , которая делится на две части: выплаты по основному долгу – D_k , и выплаты по процентам за пользование деньгами (процентные деньги) – I_k .

Покажем, что приведенная на конец n -го года сумма выплат совпадает с суммой, которую надо заплатить по кредиту в конце срока, то есть с суммой, равной $D \cdot (1+i)^n$.

Если выплата одна, то она гасит основной долг и процент за год и будет равна $D \cdot (1+i)$. Таким образом, база индукции верна. Предположим, что если выплат $n-1$, то наше утверждение верно, и рассмотрим случай, когда выплат n . Выделим в потоке погашающих платежей две части. Первая – завершающий платеж по основному долгу D_n и процентные выплаты по нему, вторая – выплаты, которые гасят оставшийся долг в размере $D - D_n$.

На часть долга D_n первые $n-1$ год будет начисляться процент i , выплаты будут равны $i \cdot D_n$. И в последний год будут выплачены очередные процентные деньги и остаток долга. Приведа эти выплаты к концу n -го года, получим следующую сумму:

$$i \cdot D_n \cdot (1+i)^{n-1} + i \cdot D_n \cdot (1+i)^{n-2} + \dots + i \cdot D_n + D_n = i \cdot D_n \cdot \frac{(1+i)^n - 1}{i} + D_n = D_n \cdot (1+i)$$

Для второй части, то есть для последовательности долговых выплат $D_k, k=1, \dots, n-1$, в силу индуктивного предположения, эквивалентная ей на конец $(n-1)$ -го года наращенная сумма равна $(D - D_n) \cdot (1+i)^{n-1}$, и к концу n -го года нарастет до величины $(D - D_n) \cdot (1+i)^n$. Складывая обе полученные суммы, имеем $(D - D_n) \cdot (1+i)^n + D_n \cdot (1+i)^n = D \cdot (1+i)^n$, что совпадает с наращенной величиной займа.

Рассмотрим теперь теорию потребителя [3] и покажем применение бинарных отношений. Обозначим выбор потребителя через X , где $X = (x_1, x_2, \dots, x_n)$ – n -мерный вектор, каждая компонента которого обозначает количество i -го товара в наборе. Множество всевозможных неотрицательных векторов образует пространство товаров. На этом множестве введем бинарное отношение безразличия для данного потребителя. Будем говорить, что набор $X = (x_1, x_2, \dots, x_n)$ безразличен набору $Y = (y_1, y_2, \dots, y_n)$, если потребителю безразлично, какой набор выбрать. Обозначим это отношение \cong . Предполагается, что это отношение рефлексивно, симметрично и транзитивно. Рефлексивность означает, что $(x_1, x_2, \dots, x_n) \cong (x_1, x_2, \dots, x_n)$, симметричность – если $(x_1, x_2, \dots, x_n) \cong (y_1, y_2, \dots, y_n)$, то и $(y_1, y_2, \dots, y_n) \cong (x_1, x_2, \dots, x_n)$, транзитивность – если $(x_1, x_2, \dots, x_n) \cong (y_1, y_2, \dots, y_n)$ и $(y_1, y_2, \dots, y_n) \cong (z_1, z_2, \dots, z_n)$, то $(x_1, x_2, \dots, x_n) \cong (z_1, z_2, \dots, z_n)$. Эти свойства отношения безразличия согласуются с логикой предпочтения. Если имеется два одинаковых набора, то потребителю должно быть все равно, какой из них выбрать. И если потребителю все равно, выбрать первый набор или второй, а второй не хуже и не лучше третьего, то должно быть все равно, выбрать первый или третий набор. Таким образом, отношение безразличия на множестве наборов товаров является отношением эквивалентности, а значит все множество разбивается на классы эквивалентности, которые непустые, не пересекаются и в объединении дают все множество наборов товаров.

На пространстве товаров введем еще одно отношение – отношение слабого предпочтения. Запись $(x_1, x_2, \dots, x_n) \prec (y_1, y_2, \dots, y_n)$ означает, что набор Y не хуже набора X для данного потребителя. Считается, что для любых двух наборов потребитель в состоянии ответить, что $X \prec Y$ или $Y \prec X$. При этом, если $X \prec Y$ и одновременно $Y \prec X$, то $X \cong Y$. А также это отношение рефлексивно и транзитивно. Любой набор не хуже самого себя, и если первый не хуже второго, а второй не хуже третьего, то первый не хуже третьего.

На основе отношения слабого предпочтения на пространстве товаров можно построить отношение слабого предпочтения на множестве классов эквивалентности по отношению безразличия. Обозначим $\bar{X} = \{(y_1, \dots, y_n) | (y_1, \dots, y_n) \cong (x_1, \dots, x_n)\}$ – класс эквивалентности набора X .

Определение. $\bar{X} \prec \bar{Y} \Leftrightarrow (x_1, \dots, x_n) \prec (y_1, \dots, y_n)$.

Легко видеть, что это отношение не зависит от выбора представителя класса эквивалентности. Действительно, если $Z \in \bar{X}, U \in \bar{Y}$, то $Z \prec X, X \prec Y, Y \prec U$, и, в силу транзитивности, $Z \prec U$.

Введенное отношение слабого предпочтения классов эквивалентности будет рефлексивным, антисимметричным и транзитивным, то есть будет являться отношением порядка. Кроме того, любые два класса \bar{X} и \bar{Y} сравнимы между собой, либо $\bar{X} \prec \bar{Y}$, либо $\bar{Y} \prec \bar{X}$. Таким образом, фактор-множество классов эквивалентности с введенным отношением слабого безразличия является линейно упорядоченным множеством (цепью). Далее теория потребителя строится на основе методов математического анализа.

Роль классической логики в образовании трудно переоценить. Способность рассуждать логически, анализировать информацию и делать собственные умозаключения – важное умение при обучении, да и в жизни. Логика образует математическую основу информатики, на ее законах базируются принципы алгоритмизации. Исчисление высказываний и исчисление предикатов лежат в основе языков программирования. Логические методы применяются при построении баз данных, в кибернетических и интеллектуальных системах.

Понятие графа возникает в курсе информатики и в теории экономических информационных систем [4]. Графы легко можно задать в виде компьютерной информации, например матрицами смежности или инцидентности, что позволяет использовать вычислительные машины для обработки информации, заданной графом. В настоящее время существует множество различных алгоритмов на графах, поэтому теория графов широко используется при решении различных задач на вычислительной технике: алгоритм нахождения кратчайшего пути в графе, сетевое планирование работ по какому-нибудь проекту. Находит свое применение теория графов в курсе теории игр, когда рассматриваются многошаговые игры, реализуемые на древовидном графе. Там же рассматривается «дерево принятия решений», в случае выбора альтернатив в условиях неопределенности. Можно привести пример применения графов при построении математических моделей в социальной сфере. Например, мажоритарные графы используются при разработке и исследовании процедур голосования и обработке результатов голосования.

Это не полный перечень применения дискретной математики, но уже он дает возможность сделать вывод, что курс дискретной математики является важной составляющей в процессе обучения экономиста-аналитика.

Примечания

1. *Малыхин В. И.* Социально-экономическая структура общества: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. *Малыхин В. И.* Финансовая математика: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
3. *Вэриан Х. Р.* Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход: учебник для вузов / пер. с англ.; под ред. Н. Л. Фроловой. М.: ЮНИТИ, 1997.
4. *Ковязина Е. М.* Курс теории графов в системе образования экономиста-математика // Вестник университетов и педвузов Приволжского региона. Вып. 8. Киров: Изд-во ВятГУ, 2006.

Notes

1. *Malihin V. I.* Sotsial'no-ehkonomicheskaya struktura obshchestva [Socio-economic structure of society]: textbook for high schools. Moscow. UNITY-DANA. 2003.
2. *Malihin V. I.* Finansovaya matematika [Financial Mathematics]: textbook for high schools. Moscow. UNITY-DANA. 2003.
3. *Varian H. R.* Mikroehkonomika. Promezhutochnyj uroven'. Sovremennyy podkhod [Microeconomics. Intermediate level. The modern approach]: textbook for high schools / Translated from English., ed. N. L. Frolova. Moscow. UNITY. 1997.
4. *Kovyazina E. M.* Kurs teorii grafov v sisteme obrazovaniya ehkonomista-matematika [Course of graph theory in system of education of an economist-mathematician] // Vestnik universitetov i pedvuzov Privolzhskogo regiona – Herald of universities and pedagogical institutes of the Volga region. Is. 8. Kirov. VyatSHU Publ. 2006.

Обучение иноязычной письменной речи студентов технического вуза

Статья посвящена актуальной проблеме обучения студентов технических вузов иноязычной письменной речи. Определяются цели и задачи формирования письменной коммуникативной компетенции. Определяются конечные требования к обучению студентов иноязычной письменной речи. Рассматриваются различные виды письменных текстов, которые входят в курс обучения студентов. Предлагается разделить обучение письменной речи на этапы, в течение которых, студенты выполняют различные виды заданий по формированию навыков иноязычной речи. В статье приводятся некоторые виды упражнений, которые можно использовать на аудиторных занятиях и в процессе самостоятельной работы студентов. Рассматривается проблема обучения стилистическим особенностям академической письменной речи, в частности особенностям научно-технического стиля английского языка. Предлагается уделить внимание иноязычным лексико-грамматическим и синтаксическим средствам в процессе обучения иноязычной письменной речи.

The article deals with the problem of developing writing skills within the process of foreign language teaching at higher technical school. The objectives and tasks of developing communicative competence are defined. The requirements for developing foreign language writing skills in the process of studying at higher school are defined as well. The author gives a review of different types of written texts which are included into the curriculum. It is suggested that the process of developing writing skills has to be divided into several stages. Stylistic devices, grammar and vocabulary are important issues in the process of developing writing skills. Different examples of those phenomena are given in the article.

Ключевые слова: профильно-ориентированное обучение; письменная речь; письменная коммуникативная компетенция; грамматическая оформленность; упражнения на подстановку; упражнения на трансформацию; упражнения на комбинирование; деловые игры; устойчивые словосочетания; лексико-грамматические средства; синтаксические средства.

Keywords: professional training; written speech; communicative competence; exercises on gap filling; exercises on transformation; exercises on combining; business play; collocations; stylistic devices; grammar; vocabulary.

В течение многих лет письменная речь была почти полностью устранена из процесса обучения иностранным языкам как в средней, так и в высшей школе. Только в последние годы роль обучения письменной речи заметно повысилась. Это обусловлено в первую очередь интеграцией России в мировое сообщество, научно-техническим прогрессом, экономическим развитием, связанным с ними сотрудничеством российских ученых и инженеров с иностранными компаниями и организациями, их участием в международных научно-практических конференциях, а также возможностью их обучения и стажировки за рубежом.

Целью обучения письменной речи является формирование у студентов письменной коммуникативной компетенции, которая включает владение письменными знаками, содержанием и формой письменного произведения речи.

Задачи, решаемые при обучении письменной речи, связаны с созданием условий для овладения содержанием обучения письменной речи. Эти задачи включают формирование у студентов необходимых речемыслительных навыков и умений формулировать мысль в соответствии с письменным стилем, расширение знаний и кругозора, овладение культурой и интеллектуальной готовностью создавать содержание письменного произведения речи, формирование аутентичных представлений о предметном содержании, речевом стиле и графической форме письменного текста.

Проблема формирования навыков письменной речи становится еще более актуальной не только для языковых, но и для неязыковых вузов.

Письменная речь является наиболее сложным видом речевой деятельности даже для носителей языка, так как она осуществляется в условиях отсутствия адресата речи, невозможности использования пишущим ни интонационных, ни невербальных, ни каких-либо иных средств. Поэтому к ней предъявляются особые требования, касающиеся её качества и

совершенства. Это относится как к структурно-композиционной организации письменного высказывания, так и к его полноте, логичности, ясности, грамматической оформленности.

Очевидно, что обучение написанию некоторых видов текстов, таких как различные виды писем, записки, описания с опорой на наглядность, начинается на начальном этапе и идет по линии расширения тематики, увеличения объема, усложнения необходимых умений до конца обучения, включая обучение в вузе. В процессе обучения студентов в рамках учебной дисциплины «Деловой иностранный язык» студенты учатся писать деловые письма, заполнять анкеты, писать резюме и заявления о приеме на работу.

На первом этапе обучения студенты читают готовые письма, анкеты, резюме, знакомясь с лексическими, грамматическими и синтаксическими особенностями этих письменных текстов. На втором этапе студентам предлагаются упражнения на подстановку, трансформацию, комбинирование, которые были бы включены в ситуативный контекст. Упражнения на подстановку являются самыми простыми для выполнения, поэтому их следует предлагать в первую очередь. Студенты подставляют данные лексические единицы в соответствующие пропуски, сверяясь с предварительно предложенным готовым деловым письмом. Упражнения на трансформацию являются более сложными, их выполнение требует определенных сформированных грамматических навыков. Например, поставить глаголы в нужную временную и залоговую форму в контексте делового письма. Далее студентам предлагается самим сформулировать соответствующие данной ситуации предложения, используя уже полученные лексические и грамматические умения и навыки. На последнем этапе обучения студентам предлагается самим написать деловое письмо, заполнить анкету или написать резюме.

Очень эффективным способом обучения такому виду деятельности являются деловые игры, для проведения которых студентам необходимо подготовить те или иные письменные тексты. Например, для проведения деловой игры "Applying for a Job" каждый соискатель пишет заявление о приеме на работу (the letter of application), резюме (CV), сопроводительное письмо (covering letter), а представители работодателя пишут рекламное объявление и ответное письмо заявителю [1].

В связи с тем что в настоящее время вводится такая форма работы, как защита диплома на иностранном языке, актуальным становится написание доклада для защиты своей дипломной работы на иностранном языке. В Самарском государственном университете путей сообщения такие защиты проводились в 2012 и 2013 гг.

Обучение созданию таких видов письменных текстов, как сочинение/эссе, доклад, реферат, аннотация, тезисы, в силу их большей сложности и специфики может стать целью обучения не раньше чем на продвинутом этапе, когда уже накоплен достаточный языковой опыт, в значительной степени сформирован лингвистический компонент коммуникативной компетенции, и где работа должна быть направлена на дальнейшее развитие прагматического и социолингвистического компонентов. Работу над этими видами текстов рекомендуется проводить на этапе профильно-ориентированного обучения в рамках планируемой специальности и в контексте будущей профессиональной деятельности, способствуя, таким образом, развитию иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции.

Письменная речь не является простым переводом устной речи в письменные знаки, поскольку в процессе создания текста автор письменного речевого высказывания должен не просто проанализировать свою собственную мысль и отделить одну мысль от другой, но и особым образом оформить связи между ними. Например, при формировании навыков написания тезисов, докладов, статей, научных работ следует уделить большее внимание союзам, вводным словам и сложным предложениям, которые не свойственны устной речи (особенно в условиях неформальной коммуникации), но которые широко употребляются в письменных высказываниях. Например, при написании статьи или доклада необходимо приводить примеры, для чего используются соответствующие предлоги и вводные слова или фразы.

Many plants and animals are threatened by global warming. In southern Britain, for example, the beech tree may become extinct within 30 years.

В научной работе для приведения примеров необходимо использовать такие лексемы, как *for instance, for example, such as, e.g., particularly, especially* и т. д.

Many departments, *for instance / for example* engineering, now offer foundation courses.

A few courses, *such as/e.g.* MBA, require work experience.

Many universities, *particularly/especially* UK ones, ask overseas students for IELTS scores [2].

Письменная речь имеет совершенно иной синтаксис по сравнению с устной речью: автор здесь должен уметь отделять свою мысль от всех остальных и находить наиболее адекватные способы и формы ее выражения. Письменной речи (особенно в научном и публицистическом стилях) свойственны длинные простые и сложные предложения со сложносочиненной и сложноподчиненной связью.

Большое значение имеет обучение стилистическим особенностям академической письменной речи, в частности особенностей научно-технического стиля английского языка. При создании письменного высказывания необходимо использовать соответствующие его жанру лексико-грамматические и синтаксические средства. Студенту при написании реферата или доклада необходимо использовать стандартную лексику, а также помнить о том, каким образом лексемы комбинируются друг с другом в тех или иных словосочетаниях, а также использовать лексемы, которые соответствуют данному контексту.

Например:

1. Expert Systems can *help out* the user in the diagnosis of problems.

В данном предложении используется фразовый глагол *help out* (*выручить*), который применяется в разговорной речи. В письменной речи необходимо использовать глагол *assist* (*содействовать*), который соответствует данному стилю.

2. The local *money* is the Swiss franc.

В данном предложении применяется существительное *money* (*деньги*), но в данном контексте необходимо использовать существительное *currency* (*валюта*).

3. Scientists and technologists are pushing back *the frontiers of knowledge* every day.

В данном предложении используется сочетание слов *the frontiers of knowledge* (*границы знаний*), в котором в качестве элемента употребляется существительное *frontiers* (*границы*), а не его синонимы (*boundary, border, confine, bound*), так как только это существительное может использоваться в данном устойчивом словосочетании (*collocation*) [3].

При изложении результатов научного исследования большое значение имеет адекватное использование числительных и наречий, которые с ними комбинируются. В научной работе недопустимо использование наречия *about*, которое употребляется в устной речи, при необходимости следует использовать более формальный синоним *approximately*.

Approximately 1,800 children between the ages of 5 and 12 years were randomly selected . . .

Числительные в научной работе используются в статистических результатах проведенного исследования. Необходимо обучить студентов не только грамматическим правилам, но и пунктуации, которая не совпадает с пунктуацией в русском языке.

Овладение письменной речью в качестве собственного значения, т. е. письменного текста с определенными коммуникативными интенциями и жанровыми характеристиками, происходит в учебном процессе достаточно поздно. На завершающих этапах обучения осуществляется и формирование навыков и умений смыслового анализа текста, его сжатия, целевого извлечения информации, комбинирования и построения письменного высказывания.

Примечания

1. Абдрахманова Л. В. Формирование иноязычных коммуникативных умений у студентов технического вуза в процессе реализации профессионально-дискуссионной игровой технологии. Самара: СамГУПС, 2010. С. 74.

2. Абдрахманова Л. В. Английский язык: метод. указ. по развитию навыков письменной речи. Самара: СамГУПС, 2012. С. 18.

3. Там же. С. 25.

Notes

1. *Abdrakhmanova L. V. Formirovanie inoyazychnykh kommunikativnykh umenij u studentov tekhnicheskogo vuza v protsesse realizatsii professional'no-diskussionnoj igrovoj tekhnologii* [Formation of foreign language communication skills of the students of a technical college in the implementation of professional discussion gaming technology]. Samara. SamGUPS. 2010. P. 74.

2. *Abdrakhmanova L. V. Anglijskij yazyk: metod. ukaz. po razvitiyu navykov pis'mennoj rechi* [English: method. guidance. on the development of writing skills]. Samara. SamGUPS. 2012. P. 18.

3. *Ibid.* P. 25.

Умения учебно-речевого взаимодействия как цель формирования на начальной ступени обучения иностранному языку

В статье раскрывается понятие умения учебного-речевого взаимодействия. В ней также описывается значимость овладения данными умениями школьниками при обучении их иностранному языку в начальной школе.

The article defines the notion of learning speech interaction skills. It also shows the role of getting them by elementary school students at foreign language lessons.

Ключевые слова: учебные взаимодействия, умения учебно-речевого взаимодействия, совместная деятельность, совместная учебная деятельность, младший школьный возраст.

Keywords: students' interactions, learning speech interaction skills, cooperative education, cooperative learning, elementary school age.

В соответствии с новыми образовательными стандартами (2009), а также Примерной программой по иностранному языку (2011) интегративной целью обучения иностранному языку в начальных классах является формирование элементарной коммуникативной компетенции, обеспечивающей «способность и готовность младшего школьника осуществлять межличностное и межкультурное общение с носителями изучаемого иностранного языка в устной и письменной формах в ограниченном круге типичных ситуаций и сфер общения, доступных для младшего школьника» [1].

Следует отметить, что иноязычная коммуникативная компетенция в единстве всех ее функций предполагает наличие у школьников не только практических умений непосредственного и опосредованного общения, но и определенных качеств личности: общительности, раскованности, желания вступать в контакт, **умения взаимодействовать** в процессе совместной деятельности и др. В этом контексте формирование умений учебно-речевого взаимодействия на уроках иностранного языка является приоритетным, поскольку степень сформированности данных умений влияет не только на результативность обучения детей, но и на процесс их социализации, а также на развитие личности в целом.

В связи с этим в настоящей статье мы поставили перед собой две задачи: 1) рассмотреть учебно-речевое взаимодействие и особенности его организации в учебном процессе по иностранному языку в начальной школе; 2) выделить умения учебно-речевого взаимодействия, которыми должны овладеть младшие школьники, чтобы стать активными участниками иноязычного общения.

Для решения первой задачи обратимся к понятию взаимодействия. По мнению А. А. Леонтьева, «жизнь есть процесс особого взаимодействия особым образом организованных тел». Поэтому чем совершеннее уровень развития «тел», соответственно, выше уровень взаимодействия по сложности. Такой уровень характерен для совместной деятельности субъектов, направленной на достижение общих целей и результатов в процессе выполнения важных задач и разрешения проблемы [2].

Продолжая эту мысль, социологи (Л. А. Журавлев, Б.Ф. Ломов и др.) рассматривают взаимодействие как «единицу» совместной деятельности, пронизывающую все ее этапы. Здесь взаимодействие предстает как «система действий, при которой действия одного человека или группы лиц обуславливают определенные действия других» [3]. В психолого-педагогических дисциплинах, говоря о взаимодействии, ученые ведут речь об учебном взаимодействии (В. В. Рубцов и его ученики), об учебном сотрудничестве (И. А. Зимняя, Г. А. Цукерман и др.), о совместной учебной деятельности (В. Я. Ляудис, А. К. Маркова, Т. А. Матис и др.), о групповой работе (Х. И. Лийметс, И. Б. Первин и др.).

В центре нашего внимания будет **учебное взаимодействие** как взаимосвязанная совместная деятельность субъектов образовательного процесса, в ходе которого выстраива-

ются и изменяются формы сотрудничества и общения, а также происходит личностное развитие его участников. Средством достижения целей совместной деятельности выступают **система форм учебного взаимодействия** учителя и учеников, а также учащих между собой. Эти формы учебного взаимодействия разворачиваются в определенной последовательности: от максимальной помощи учителя школьникам к последовательному нарастанию собственной активности обучающихся вплоть до полной самостоятельности (В. Я. Ляудис). В связи с данным положением мы будем вести речь о двух формах учебного взаимодействия: 1) учитель как «умелый и опытный взрослый» и обучающиеся; 2) обучающиеся друг с другом как «равнонесовершенные партнеры».

Фундаментом названных форм учебного взаимодействия, пишет Г. А. Цукерман, является «однопредметность как единство содержания и формы взаимодействия» [4]. Однако в совместной деятельности с учителем можно говорить лишь о частичной однопредметности учебного взаимодействия, так как его субъекты имеют разные представления и о содержании совместной деятельности, и об ожиданиях партнеров. Полная однопредметность имеет место в условиях учебного взаимодействия со сверстниками, поскольку налицо общее содержание учебной деятельности, общая задача и система взаимоотношений [5]. Именно для обозначения такой формы учебного взаимодействия мы будем использовать термин *совместная учебная деятельность (СУД)* в нашем исследовании. Что же касается учебного взаимодействия школьников с учителем, то здесь мы будем вести речь об их *совместной деятельности (СД)*.

Данные формы совместной деятельности значимы для начальной ступени обучения иностранному языку, так как именно они являются исходными формами полноценной индивидуальной учебной деятельности школьников. По мнению Л. С. Выготского, «коллективные формы сотрудничества предшествуют индивидуальным формам поведения, вырастающим на их основе, и являются их прямыми родоначальниками и источниками их возникновения» [6]. Более того, они обе необходимы, поскольку, как доказала Г. А. Цукерман, равноправное взаимодействие со сверстниками является необходимым условием усвоения таких рефлексивных действий, как целеполагание, планирование и оценка, без которых невозможна продуктивная учебная деятельность [7].

Поскольку взаимодействие, являясь единицей совместной деятельности, реализуется в самой этой деятельности, принимая адекватные ей формы, то, как пишет Б. В. Ломов, содержание взаимодействия определяется его местом в функциональной структуре той или иной формы деятельности [8]. В результате все компоненты совместной деятельности участников учебного процесса оказываются «пронизанными» взаимодействием: общая цель, общий мотив, совместные действия, совокупный продукт и общий результат.

Исходя из этого С. С. Куклина ведет речь о таких видах взаимодействия, как: а) планирования; б) распределения индивидуальных действий, их согласования и организации; в) выбора способов и средств выполнения действий; г) реализации плана с помощью отобранных способов и средств; д) передачи действий, объяснения способа их выполнения и слежения за точностью выполнения первых операций; е) текущего контроля за правильностью выполняемых действий; ж) контроля итогового результата и оценки [9].

Наличие или отсутствие того или иного взаимодействия в совместной деятельности зависит от ее вида (совместно-индивидуальная, совместно-последовательная и совместно-взаимодействующая) [10]. Если имеет место совместно-индивидуальная деятельность, то школьники вступают во взаимодействия только во время ее планирования и контроля полученного продукта. В совместно-последовательной взаимодействии имеет место по ходу реализации плана, когда учащиеся объясняют способ выполнения действий, помогают друг другу их осуществить, если в этом есть необходимость. И, наконец, в совместно-взаимодействующей деятельности субъекты учебного процесса работают в тесной связи на всех ее фазах. В итоге полученный продукт представляет собой совокупность вкладов всех его участников.

В связи с тем что мы имеем дело с младшими школьниками, учебная деятельность которых находится в стадии становления, в некоторых учебных взаимодействиях одним из участников будет учитель. Более того, на какое-то время он может взять на себя фазы планирования, или контроля, или обе вместе, так как эти рефлексивные компоненты учебной деятельности вызывают особые затруднения у школьников (Т. А. Матис, Г. А. Цукерман), а затем, по мере овладения операциями и действиями, постепенно передать их школьникам [11].

Вводить и отрабатывать операции и действия надо постепенно, начиная с наиболее понятных, например, с действия контроля и оценки, выполнение которых на достаточно вы-

соком уровне посылно уже учащимся начальной школы. Так, при учебном взаимодействии в паре обучающиеся могут осуществить текущий контроль результатов своей деятельности, а при появлении третьего лица появляется новое качество учебной деятельности – рефлексивность, а значит, взаимодействуя в триаде, школьники осуществляют итоговый контроль и оценку.

Следовательно, успех овладения устной формой общения в значительной степени зависит и от того, умеют ли школьники принимать участие во всех перечисленных видах взаимодействий, т. е. овладели ли они совокупностью умений учебного взаимодействия, лежащих в основе **интерактивного компонента** иноязычного общения.

Поскольку умения определяются в методической науке как «способность осознанно совершать действие, опираясь на сформированные навыки и приобретенные знания» [12], то интерактивный компонент учебного взаимодействия включает следующую совокупность умений:

- умение планировать учебное взаимодействие со сверстниками и учителем на иностранном языке (определение цели, функций участников, а также способов их взаимодействия);
- умение реализации плана деятельности вместе с другими участниками учебного процесса с помощью отобранных способов и средств;
- умение управлять поведением партнера по иноязычному общению: взаимоконтроль его речевых действий и их самооценка.

Следует отметить, что общение связано не только с выполнением совместной деятельности, но и представляет собой обмен информацией (коммуникация), а также личностное восприятие собеседников как речевых партнеров (перцепция) [13]. Это означает, что школьники смогут осуществить иноязычное общение, если они овладеют также и **речевыми умениями учебного взаимодействия**, а именно

1) *коммуникативными умениями:*

- умение точно выражать свои мысли на иностранном языке в соответствии с задачами и условиями общения в монологической и диалогической формах;
- умение задавать вопросы разного рода:
 - в процессе освоения языковых средств общения (фонетических, лексических, грамматических);
 - в процессе аудирования, говорения, чтения и письма;
 - в процессе инициативного сотрудничества в ходе поиска и сбора необходимой информации;

2) *перцептивными умениями:*

- умение правильно понимать речь собеседника и осознавать его коммуникативное намерение;
- умение установить эмоциональный контакт, оказывать взаимопомощь, проявлять доброжелательность, эмпатию.

Исходя из вышеизложенного, содержание исследуемых учебно-речевых умений можно представить как совокупность всех перечисленных компонентов на рисунке:

Совокупность умений учебно-речевого взаимодействия

Таким образом, учебно-речевое взаимодействие рассматривается нами как спланированная, организованная совместная деятельность учителя и учащихся, а также обучающихся между собой, в результате которой школьники приобретают совокупность умений учеб-

но-речевого взаимодействия, необходимых для успешного овладения иноязычным общением. Одновременно с этим выделенные умения учебно-речевого взаимодействия являются условием развития личности учащихся как субъектов иноязычного общения и учебной деятельности по овладению им.

Примечания

1. Примерные программы по учебным предметам. Начальная школа: в 2 ч. Ч. 1. 5-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2011. С. 104.
2. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, 1997.
3. Совместная деятельность: методология, теория, практика. М.: Наука, 1988. С. 19–36.
4. Цукерман Г. А. Предметность совместной учебной деятельности // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 41–49.
5. Цукерман Г. А. Виды общения в обучении. Томск: Пеленг, 1993. С. 42.
6. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 124.
7. Цукерман Г. А. Виды общения...
8. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999.
9. Куклина С. С. Коллективная учебная деятельность как организационная форма овладения иноязычным общением. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. С. 21.
10. Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1980. С. 131.
11. Куклина С. С. Указ. соч. С. 57.
12. Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Словарь методических терминов. СПб.: Златоуст, 1999. С. 372.
13. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник. М.: МГУ, 1988. С. 129–131.

Notes

1. Primernye programmy po uchebnym predmetam. Nachal'naya shkola – Sample program for academic subjects. Elementary School: in 2 pts., part 1, 5th ed., rev. Moscow. Prosvesheniye. 2011. P. 104.
2. Leontiev A. A. Psikhologiya obshcheniya [Psychology of communication]. Moscow. Smysl. 1997.
3. Sovmestnaya deyatel'nost': metodologiya, teoriya, praktika – Joint ventures: methodology, theory and practice. Moscow. Nauka. 1988. Pp. 19-36.
4. Zuckerman G. A. Predmetnost' sovместnoj uchebnoj deyatel'nosti [Objectivity co-curricular activities] // Voprosy psikhologii – Questions of psychology. 1990, № 1, pp. 41-49.
5. Zuckerman G. A. Vidy obshcheniya v obuchenii [Types of communication in teaching]. Tomsk. Peleng. 1993. P. 42.
6. Vygotsky L. S. Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsij [The development of higher mental functions]. Moscow. 1960. P. 124.
7. Zuckerman G. A. Vidy obshcheniya... [Types of communication ...]
8. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow. Nauka. 1999.
9. Kuklina S. S. Kollektivnaya uchebnaya deyatel'nost' kak organizatsionnaya forma ovladeniya inoyazychnym obshcheniem [Collective learning activity as the organizational form of mastering of foreign language communication]. Kirov. VyatSHU Publ. 2007. P. 21.
10. Umansky L. I. Psikhologiya organizatorskoj deyatel'nosti shkol'nikov [Psychology of organizational activity of students]: textbook for stud. of ped. univ. Moscow. Prosvesheniye. 1980. P. 131.
11. Kuklina S. S. Op. cit. P. 57.
12. Asimov E. G., Shchukin A. N. Slovar' metodicheskikh terminov [Dictionary of methodological terms]. St. Petersburg. : Zlatoust. 1999. P. 372.
13. Andreeva G. M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]: textbook. Moscow. MSU. 1988. Pp. 129-131.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДРАХМАНОВА Любовь Вениаминовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного университета путей сообщения. 443066, г. Самара, Первый Безымянный пер., 18.

E-mail: lubven.a@rambler.ru

БАРМИНА Ольга Николаевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: truhina_olya@mail.ru

БРОВЦИН Александр Викторович – главный специалист отдела использования архивных документов Кировского областного государственного казенного учреждения «Государственный архив Кировской области». 610027, г. Киров, ул. Карла Маркса, д. 142.

E-mail: khlyn@yandex.ru

БУРДЕЛЬНАЯ Анна Валентиновна – аспирант кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета. 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55. E-mail: kir2177@yandex.ru

ВАН Чжи – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: zhi.wang@mail.ru

ГАШЕВА Наталия Николаевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Пермской академии искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18.

E-mail: dekanatcult@psiac.ru

ГРЕЧКО Петр Кондратьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: p.grechko@rudn.ru

ЕВСТРОПОВА Нина Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики, межкультурной коммуникации и социально-культурного сервиса Самарского государственного архитектурно-строительного университета. 443099, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 194.

E-mail: nsshvaikina@gmail.com

КОВЯЗИНА Елена Михайловна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического моделирования в экономике Вятского государственного университета, магистрант кафедры фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: koviazina-lena@rambler.ru

КРАВЧЕНКО Юлия Владимировна – выпускница факультета социологии и политологии Южного федерального университета, аспирант факультета социальной работы НГМА (Новочеркасской государственной мелиоративной академии). 344056, г. Ростов-на-Дону, пер. Обский, 29.

E-mail: Varvara240486@rambler.ru

КУДРЯШОВА Анастасия Андреевна – аспирант кафедры английского и немецкого языков и методики обучения иностранному языку ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Kudryashova6@yandex.ru

КУСТОВА Елена Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЛОЖКИНА Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

МИТЯГИНА Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая научной социологической лабораторией Вятского государственного гуманитарного университета, докторант кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: mityagina2004@yandex.ru

НАСЫРОВА Эльмира Фанилевна – доктор педагогических наук, заведующая кафедрой теории и методики профессионального образования Сургутского государственного университета. 628400, г. Сургут, Тюменская обл., ХМАО – Югра, пр-т Ленина, д. 1.

Email: elm.n@mail.ru

НАУМОВА Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87.

E-mail: natasha_nau@list.ru

ОПАРИНА Ксения Сергеевна – кандидат филологических наук, начальник отдела международного сотрудничества Самарского государственного архитектурно-строительного университета. 443099, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

E-mail: ks.oparina@rambler.ru

ПОДЛЕВСКИХ Леонтий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26, 405.

E-mail: lgpod@yandex.ru, lg_pod@mail.ru

САМОХИНА Галина Алексеевна – ассистент кафедры всеобщей истории Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. 399770, г. Елец, Липецкая обл., ул. Коммунаров, д. 28.

E-mail: Samokhina.g@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович – юрисконсульт Федерального бюджетного учреждения «Государственный региональный центр стандартизации, метрологии и испытаний в Кировской области». 610035, г. Киров, ул. Попова, д. 9.

E-mail: alex.st@list.ru

СТЫКАЛИН Александр Сергеевич – ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, зам. главного редактора журнала РАН «Славяноведение» Институт славяноведения РАН. 119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

E-mail: zhurslav@gmail.com

ТАТАРИНОВА Майя Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: tatarinova.mayya@mail.ru

УСОЛЬЦЕВА Ирина Владимировна – аспирант Сургутского государственного университета, директор Муниципального общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 24». 628400, г. Сургут, Тюменская обл., ХМАО – Югра, пр-т Ленина, д. 35/2.

Email: iuslceva@rambler.ru

УШАКОВА Марина Александровна – студентка IV курса юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

ЧЕРНОВА Светлана Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: svetl.ch2011@yandex.ru

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы ФГБОУ ВПО ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: russkihnatalia@mail.ru

ШАБАРДИНА Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедр общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 99.

E-mail: shabardina.sv@yandex.ru

ШАМАРДИНА Наталья Анатольевна – аспирант кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета. 119991, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

E-mail: n.shamardina@gmail.com

ШАРИН Евгений Александрович – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: 23ss98@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ABDRAKHMANOVA Lubov Veniaminovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor on the Department of Foreign Languages of Samara State University of Railways. 443066, Samara, 18 Pervy Bezimyanny Alley.
E-mail: lubven.a@rambler.ru

BARMINA Olga Nikolaevna – Graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.
E-mail: truhina_olya@mail.ru

BROVTSIN Alexander Victorovich – Chief Specialist of the department of use of archival documents of the Kirov regional state fiscal establishment "State Archives of the Kirov region." 610027, Kirov, 142 Karl Marx St.
E-mail: khlyn@yandex.ru

BURDELNAYA Anna Valentinovna – Graduate student of the Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology of Syktyvkar State University. 167001, Syktyvkar, 55 October Ave.
E-mail: kir2177@yandex.ru

Wang Zhi – Graduate student on the Department of Russian Language of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.
E-mail: zhi.wang@mail.ru

GASHEVA Natalia Nikolaevna – Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Cultural Studies of Perm Academy of Art and Culture. 614000, Perm, 18 Gazeta Zvezda St.
E-mail: dekanatcult@psiac.ru

GRECHKO Peter Kondratievich – Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of social philosophy of the Russian University of Peoples' Friendship. 117198, Moscow, 6 Mikluho Maclay St.
E-mail: p.grechko@rudn.ru

EVSTROPOVA Nina Sergeevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor on the Department of linguistics, intercultural communication and socio-cultural service of the Samara State Architecture and Construction University. 443099, Samara, 194 Molodogvardeiskaya St.
E-mail: nsshvaikina@gmail.com

KOVYAZINA Elena Mikhailovna – Candidate of Physics and Mathematical Sciences, Associate Professor on the Department of mathematical modeling in economics of Vyatka State University, undergraduate of the Department of fundamental and computer mathematics of Vyatka State University of Humanities. 610000, Kirov, 36 Moskovskaya St.
E-mail: koviiazina-lena@rambler.ru

KRAVCHENKO Yuliya Vladimirovna – Graduate of faculty of sociology and political science of the Southern federal university, graduate student of faculty of social work of NGMA (Novocherkassk state meliorative academy) Tel. 89094372304, 89889907574. 344056, Rostov-na-Donu, 29 Obskoy alley.
E-mail: Varvara240486@rambler.ru

KUDRYASHOVA Anastasia Andreevna – Graduate student on the Department of English and German languages and methods of foreign language teaching of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.

E-mail: kudryashova6@yandex.ru

KUSTOVA Elena Vitalievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, doctoral student on the Department of Domestic history of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

LOZHKINA Tatiana Evgenievna – senior lecturer on the Department of Public and Legal Disciplines of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

MITYAGINA Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of scientific sociological laboratory of Vyatka State University of Humanities, doctoral student of the Department of General sociology and social work at Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.

E-mail: mityagina2004@yandex.ru

NASIROVA Elmira Fanilevna – Doctor of Pedagogical Studies, Head of the Department of theory and methodology of professional education of Surgut State University. 628400, Surgut, Tyumen region, Khanty-Mansiysk, Yugra, 1 Lenin Prosp.

E-mail: elm.n@mail.ru

NAUMOVA Natalya Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor on the Department of English of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nicholas Grigorievich Stoletovs. 600000, Vladimir, 87 Gorky St.

E-mail: natasha_nau@list.ru

OPARINA Ksenia Sergeevna – Candidate of Philology, Head of International Cooperation Department of Samara State Architecture and Construction University. 443099, Samara, 194 Molodogvardeiskaya St.

E-mail: ks.oparina@rambler.ru

PODLEVSKIKH Leonti Gennadievich – Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St, 405.

E-mail: lgpod@yandex.ru, lg_pod@mail.ru

SAMOKHINA Galina Alekseevna – Assistant of the Department of General History of Elets State University of Ivan Bunin. 399770, Elets, Lipetsk region, 28 Community St.

E-mail: Samokhina.g@mail.ru

STEPANOV Alexey Vladimirovich – Counsel of the Federal Budget Institution "State Regional Center of Standardization, Metrology and Testing in the Kirov region." 610035, Kirov, 9 Popov St.

E-mail: alex.st@list.ru

STYKALIN Alexander Sergeevich – Senior Research officer, Candidate of History Sciences, Deputy of Chief Editor of the RAS journal "Slavic studies" of Institute of Slavic Studies of RAS. 119991, Moscow, 32a Leninsky Prosp.

E-mail: zhurslav@gmail.com

TATARINOVA Maya Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor on the Department of English and German languages and methods of teaching foreign languages of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.

E-mail: tatarinova.mayya@mail.ru

USOLTSEVA Irina Vladimirovna – Graduate student of Surgut State University, director of the municipal educational institution «Secondary school № 24." 628400, Surgut, Tyumen region, Khanty-Mansiysk, Yugra, 35/2 Lenin Prosp.

E-mail: iuslceva@rambler.ru

USHAKOVA Marina Aleksandrovna – IV year student of the Faculty of Law of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

CHERNOVA Svetlana Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.

E-mail: svetl.ch2011@yandex.ru

CHERNYSHEVA Natalia Victorovna – Candidate of History Sciences, Associate Professor of Social Work of Federal State Budget Educational Establishment of Higher Professional Education Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.

E-mail: russkihnatalia@mail.ru

SHABARDINA Svetlana Victorovna – Candidate of Philological Sciences, associate professor on the Departments of Humanities and Social-economic disciplines of Volga-Vyatka Institute (branch) of University named after O.E. Kutafin (MSLA). 610002, Kirov, 99 Lenin St. 99.

E-mail: shabardina.sv@yandex.ru

SHAMARDINA Natalia Anatolyevna – Graduate student on the Department of World Literature at Moscow State Pedagogical University. 119991, Moscow, 1 M. Pirogovskaya St.

E-mail: n.shamardina@gmail.com

SHARIN Evgeny Aleksandrovich – graduate student on the Department of Domestic history of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya St.

E-mail: 23ss98@mail.ru

**Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 6(2014)**

Подписано в печать 25.05.2014 г.
Формат 60x84 ¹/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,5. Тираж 1000. Заказ № 114.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674